

Ольга Ярошинская

ЖЕНА ДЛЯ ЗВЕЗДНОГО ВАРВАРА

ПРОЛОГ

Миссия провалена.

Капитан исследовательского космолета «Арго» понимал это вполне отчетливо и то и дело промокал лысину белоснежным платком, представляя итог своего открытия во всех красках. Найденная им планета, затерянная в одном из далеких уголков Вселенной, заселена шиагами. Когда о ней станет известно, перевес голосов на Совете будет не в пользу людей. И ответственность за это — на нем.

Крах! Катастрофа! Фиаско!

Он участвовал во всех десяти высадках на планету. Голубой шарик, мягко светящийся за иллюминатором, при ближайшем рассмотрении отличался хрупкой, но хищной красотой: цветы источали галлюциногены, три луны вызывали сильнейшие приливы, одним из которых всю команду чуть не смыло при первой же высадке, а по ночам на сушу выбирались земноводные твари размером с автобус и с нежными голосами сирен. Все это не пугало, а скорее завораживало.

Но везде — и на ветвях деревьев, и на скалистых уступах, и на плавучих островках болот — были следы шиагов: обрывки паутины, отпечатки четырехпалых лап с глубокими лунками когтей, мертвые звери с раздутыми животами.

Капитан тихо выругался, но облегчения не почувствовал. Сейчас он пойдет в свою каюту, откроет холодильник и съест последнее ведерко клубничного мороженого. Целиком. Он берег его на свой день рождения, но ему срочно надо перебить горечь поражения.

Лишь одна светлая деталь выбивалась из общей мрачной картины. Крупная такая деталь, с розовыми треугольниками ушей, печальными глазами и свалывшейся шерстью на боках.

Овца. Она жалась к стенке карантинного отсека, отделенная от наблюдателей толстым стеклом, на морде застыло удивление. Лопушки ушей дрогнули, когда овца переступила с ноги на ногу.

Капитан в очередной раз промокнул взопревшую лысину. Браслет на левой руке вспыхнул россыпью синих огней, и рядом материализовалась Фернанда.

— Я могу впрыснуть тебе антидепрессанты, — предложила она с ходу. — От них ты, по крайней мере, не потолстеешь, как от мороженого.

Капитан поджал губы, игнорируя наглую голограмму.

— Думал, я не знала? — не отставала она.

— Слушай, уйди, а? — попросил он. — И без тебя тошно.

— Анализы готовы, — сообщила Фернанда, повернувшись к овце. — ДНК меринуса. Длинношерстная порода.

— Шерсть — это хорошо, — пробормотал капитан. — Вот только не могла эта овца появиться на краю Вселенной.

— Но она здесь. — Фернанда невозмутимо пожала прозрачными плечами.

Овца вздохнула. Свалывшиеся бока поднялись и опали.

Капитан спрятал носовой платок в карман белых брюк. Хватит с него и овец, и экспедиций, и космоса, где даже на самом комфортном корабле начинаешь с ума от стерильного воздуха, белых стен и шепота звезд. Пора домой. Жена уже заждалась. А дочка родила. Он видел внука на записях, доставляемых из Центра. На него похож: громкий, толстый и лысый.

— Отправь данные в Центр, — приказал капитан. — Срочно.

— Уже, — ответила Фернанда и растаяла.

ГЛАВА 1

Ядохнула на иллюминатор и протерла липкие отпечатки пальцев.

Бледный шар, окутанный дымкой атмосферы, жемчужно сиял в темноте, и одна из его лун казалась мушкой на припудренной щеке кокетки. Вот в него, в шар, все и тыкали. А вытирать мне. Ну, или другой «мышке». Нас, обслуживающий персонал «Арго», все так называли. Пилоты и космонавты носили синие костюмы с серебристыми погонами, медики — голубые халаты с нашивками на локтях, работники биоотсека — зеленые. Лабораторные умники щеголяли желтой униформой, техники — оранжевой, а капитан ходил весь в белом. Мы же, «мышки» «Арго», были обречены на практичные серые комбинезоны и незаметность. Но благодаря нашей работе машина звездолета безупречно функционировала уже целый год, что длилась экспедиция.

Тонкие зеленые полоски на моих рукавах означали, что я прикреплена к биоотсеку. Мне не доверяли брать пробы с образцов, доставленных с планеты. Я не проводила эксперименты. Не ставила опытов. Зато отлично мыла пробирки и вот иллюминаторы. Сразу после окончания колледжа я не могла рассчитывать на что-то получше. Зато когда мы вернемся, у меня будет два года стажа работы в биоотсеке космического корабля.

— Ева, — позвал меня Кайл, и я обернулась. — Ты подумала над моим предложением?

Кайл был одним из лаборантов. Кудрявая щетка темных волос, карие глаза, нос картошкой. Когда Кайл смеялся, то начинал подхрюкивать, как поросенок. На первых фалангах его коротких пальцев росли кустики жестких черных волос.

— Подумала, — ответила я, досадуя на него за это дурацкое предложение. Все было так хорошо: мы стали друзьями, и он мне нравился, действительно нравился, но совершенно не привлекал в физическом плане. — Кайл, думаю, нам не стоит усложнять...

— Ты меня не хочешь, — улыбнулся он добродушно. — Ева, но ведь Фернанда это исправит! Небольшая гормональная корректировка — и ты будешь от меня без ума.

— Я и так без ума от тебя, Кайл, — ответила я. — Но это как-то неправильно.

На «Арго», как и в любой долгосрочной экспедиции, действовала программа гормонального контроля. Через браслеты поступали препараты, которые исключали перепады настроения, уменьшали агрессию и подавляли либидо. Однако многие члены экипажа создавали временные пары. Для этого даже не надо было чувствовать влечения друг к другу. В установленное для секса время в кровь поступала доза гормонов, гарантирующих возбуждение. Я смотрела на Кайла, на его просящее выражение лица, изогнутые бровки домиком и не могла представить, что буду стонать от страсти в его короткопалых объятиях.

— А еще нам дадут дополнительный выходной, — подмигнул он.

— Это, конечно, все меняет, — улыбнулась я. — Кайл, спроси Эйвер. Я слышала, она ищет пару.

Кайл недовольно покосился на толстушку, которая поливала хвостики моркови, пушистыми рядами торчащие из контейнеров.

— У нее нет такой эротичной родинки над губой, как у тебя, — сказал он.

— Ева! — Фернанда материализовалась так внезапно, что я подпрыгнула от неожиданности. — Тебя срочно вызывают в рубку.

— Меня? — переспросила я. — Ты уверена?

Фернанда закатила глаза.

— Конечно, уверена! Шевелись!

— Зачем я им понадобилась? — спросила я, откладывая пылесборник и направляясь к выходу.

— Может, кто-нибудь из пилотов хочет предложить тебе создать пару до конца экспедиции, — еле слышимым и подозрительно громким голосом предположила Фернанда еще до того, как за нами закрылась дверь биоотсека.

— Ты сказала это, чтобы поддразнить Кайла, — поняла я.

— Ага, — не стала отпираться Фернанда, плывя рядом со мной по белым коридорам «Арго». — Мне понадобится слишком большая доза препаратов, чтобы вызвать в тебе влечение к нему. Это нерациональное использование ресурсов.

— Может, стоит заключить с ним пару, только чтобы позлить тебя?

— Ева, о чем ты? — невинно спросила Фернанда. — Я компьютерная программа и не могу испытывать эмоции.

Я с подозрением на нее покосилась. Иногда в это верилось с трудом.

— Но все-таки, что от меня надо капитану? Я не думала, что он вообще знает о моем существовании.

— А он и не знает, — подтвердила Фернанда. — Это я сказала, что ты идеально подходишь для миссии на новой планете.

Она растаяла, и я поперхнулась очередным вопросом. Я судорожно нажала кнопку вызова на браслете, но чертова программа меня проигнорировала.

После первой высадки на обнаруженную нами планету говорили всякое: что всех членов экипажа разжалуют из космофлота, что нам запретят возвращаться, что всем сотрут память, чтобы не было ни малейшего шанса разболтать о планете, угрожающей человечеству одним своим существованием.

Война с шиагами завершилась по принуждению Космосоюза. Планеты между людьми и мерзкими паучьими тварями были поделены по принципу преваляющей расы. Моя родная Обитель-три на ближайшем заседании Совета могла отойти шиагам, успевшим полностью истребить оставшихся на ней людей, и от этой несправедливости хотелось кричать.

Целью масштабной экспедиции, в которую отправили больше тридцати кораблей, в том числе и «Арго», был поиск планет, населенных гуманоидами либо пригодных для быстрой колонизации людьми, чтобы получить перевес над шиагами на Совете. Двадцать восемь наших планет, включая Колыбель, Обители и колонии, давали сорок девять голосов. По три за Обители, пять — за Колыбель, колонии шли за единицу. У шиагов было столько же. До того как мы нашли эту планету.

Как по мне, самым разумным слухом, витающим по узким белым коридорам корабля, был якобы полученный приказ уничтожить планету. Конечно, у «Арго», исследовательского космолета, не хватит мощности ее взорвать. И, может, именно поэтому к нам сегодня пришвартовалась шлюпка из Центра?

Но что может понадобиться от меня, «мышки» из биоотсека? Вдохнув поглубже и разгладив складки на сером комбинезоне, я нажала кнопку, и белые двери разъехались, пропуская меня внутрь.

Рубка была обшита досками — прихоть капитана. В кадке под иллюминатором росло лимонное деревце, на узких полках под гравитационными куполами пылилась коллекция камней, взятых с разных планет. В воздухе светился галюэкрэн, на котором я заметила карту: единственный континент планеты замыкался в почти правильный круг. Внутри него голубая кайма мелководья сменялась черной дырой глубокой впадины, которая была жерлом гигантского вулкана. Когда-то синюю планету, висящую сейчас за иллюминатором, едва не разорвало от извержения.

За круглым столом сидели трое, и в первые секунды я забыла, как дышать. Кровь ударила в голову, сердце застучало, как колокол. Запястье зачесалось, и я поняла, что Фернанда дала мне что-то успокоительное. Выдохнув, сделала несколько шагов вперед, приближаясь к людям, ждущим меня за переговорным столом. Капитан — широкоплечий лысый мужчина с Обители-один, известной высокой гравитацией и внезапными ураганами. Незнакомый офицер с яркими оранжевыми волосами. И Влад Увейро.

Сердце пропустило удар.

«Да успокойся ты уже, я тебе и так лошадиную дозу седативных ввела, — раздался в голове досадливый голос Фернанды. — Да, это он. Герой войны. Владелец двух золотых звезд. Самый молодой офицер космофлота. Хм... Судя по твоей реакции, если бы он предложил тебе создать пару, мне бы даже не пришлось вмешиваться...»

— Ева, присаживайся, — сказал капитан, указав мне рукой на свободный стул возле Влада.

Я медленно опустилась на сиденье.

— Здравствуйте, — прошептала я.

Влад улыбнулся, и на его щеках появились ямочки. Влад Увейро мне улыбнулся! Мне!

«Слу-у-ушай, — снова раздался в голове голос Фернанды. — А это не его смазливая физиономия на

заставке твоего планшета?»

Странно, что она его узнала: он выглядит куда старше, чем на фото, виски совсем серебряные от седины, хотя ему всего тридцать, к тому же сейчас он одет...

— Ева, — капитан кашлянул, прочищая горло, — есть одно задание, для которого Фернанда рекомендовала тебя, как оптимальную кандидатуру. Оно необычное. И точно не входит в твои обязанности. И даже опасное.

— Ева, — сказал Влад и, протянув руку, накрыл ею мою ладонь. Его горячие пальцы слегка погладили мою кисть. — Нам очень нужна твоя помощь.

Пока я в тупом онемении взирала на Влада, которому так невероятно шла синяя форма, второй офицер с огненными волосами гибко поднялся и подошел к галюэкрону.

— Позвольте, я введу вас в курс дела, — сказал он, потряхнув головой и отбросив со лба длинную рыжую челку.

Я молча кивнула. Рука Влада так и лежала на моей.

— Как вы, вероятно, знаете, на обнаруженной планете есть цивилизация шиагов. Это очень плохо.

Я снова кивнула.

— Однако найденный организм...

— Овца, — расшифровал Влад, чуть сжав мои пальцы.

— ...подтолкнул нас к одной невероятной теории.

— Овцы-мериносы входили в стандартный ресурсный фонд Ковчегов, — пояснил Влад.

— Ты подрядился работать переводчиком? — возмутился рыжий.

Он подошел к экрану и легким движением пальцев развернул его ко мне. Рельефы гор, равнины, темные ущелья расползлись по голографической поверхности, а озера заблестели, отражая солнечный свет. Внутри единственного архипелага планеты, как в чаше, заплескалась вода.

— Мы обнаружили останки Ковчеха номер девять вот здесь, — сказал рыжий, когда на карте внутри кольца зажегся красный крестик. — Это было легко. Много олимпиума, он засекается радаром на раз.

— Но Ковчегов было восемь, — возразила я, поправляя воротник формы, ставший вдруг слишком тугим.

— Когда Солнце над Колыбелью стало гаснуть, люди построили восемь Ковчегов и отправились на восемь планет, пригодных для жизни, — произнес капитан фразу, известную всем еще со школы, и откинулся на спинку стула.

— Не все хотели покинуть Колыбель, — продолжил рыжий. — Некоторые верили, что Солнце удастся зажечь снова, некоторые хотели дожить свои дни дома, а кто-то сомневался в успехе миссии ковчегов. Но теперь мы можем сказать с уверенностью — перед самой гибелью Колыбели с ее поверхности стартовал Ковчег номер девять.

— Но почему о нем до сих пор не знали? — нахмурилась я. Наверное, седативные препараты Фернанды подействовали, и я вернула способность мыслить здраво, несмотря на близость моего кумира. — Почему он залетел так далеко? Пригодные для жизни планеты были в куда более близких галактиках.

— Возможно, из-за взрыва Солнца после неудачной попытки его оживления навигационные приборы и связь Ковчеха вышли из строя, — предположил Влад, отпуская мою ладонь. — Но не это сейчас нас должно волновать.

— Куда делись люди, — кивнул капитан и, промокнув лысину, недовольно посмотрел на влажный носовой платок в своей руке.

— Именно, — подтвердил рыжий. Он переключил изображение, и на экране появился график: синяя линия, сначала обрывающаяся резкими ступеньками, а потом медленно растущая вверх. — Информация, полученная с помощью сети временных дронов. Численность людей на планете. Как мы видим, она быстро сокращается в три этапа. Похоже, сначала авария при посадке, а потом — еще две волны смертей. Но вскоре численность начинает расти. Люди могли здесь выжить — и это неудивительно. Планета похожа на Колыбель настолько, насколько это вообще возможно.

Атмосфера идеальна. Состав воды в океане максимально приближен. Гравитация чуть ниже, но некритично.

— А это шиаги, — процедил сквозь зубы Влад, когда на экране появилась ядовито-зеленая линия, уверенно ползущая вверх. Какое-то время две линии шли рядом, переплетаясь, но потом зеленая резко взлетела, а синяя упала и вскоре оборвалась.

— Шиаги появились на планете уже после Ковчега, — сказал капитан. — По-видимому, они заселили ее яйцами случайно, мы до сих пор иногда находим капсулы с яйцами шиагов, которые они успели рассеять по всему космосу, пока Союз им не запретил. Планеты нет в реестре. Пауки о ней не знают.

— Вот здесь, — рыжий аккуратно ткнул ногтем в экран, — триста лет назад шиаги напали на поселение людей и полностью его уничтожили, а потом распространились по всему континенту как плесень. Через пятьдесят лет после первой атаки пауков человечество на этой планете полностью исчезло.

— Ева, — сказал Влад, нетерпеливо постукивая пяткой о пол. — Мы отправимся в прошлое — туда, где ход истории человечества на планете можно изменить, и сделаем так, что люди выживут, а пауки сдохнут. Вот наша миссия.

Я молчала, пытаюсь осмыслить сказанное. Похоже, я поспешила с выводами, и способность соображать все же покинула меня. Что он сказал? В прошлое?

— Если позволишь, Влад, — встрял рыжий, — я бы хотел раскрыть суть миссии более подробно. И не так примитивно. Возможно, вы слышали о технологии «Игла»?

Капитан пробурчал в ответ:

— Даже я не слышал до сегодняшнего дня.

— Потому что она очень секретная, — снисходительно пояснил рыжий. — До сих пор она использовалась лишь на К-22.

— На ней ведь нет жизни, — нахмурился капитан.

— Раньше была. Колония людей, погибшая от белой смерти, — сказал Влад. — Я внедрялся туда раз двадцать. Временной десант. Или, как мы сами себя называем, попаданцы.

— Вы пытались предотвратить заражение? — спросила я.

— Нет. Нельзя менять будущее планеты, которая стоит на торговых путях всего Союза, — сказал Влад. — Это может вызвать временной коллапс. Мы отработывали на К-22 различные социальные теории. Однако здесь, на планете, которую до сих пор не видел никто, кроме нас, мы можем все. «Арго» уже встал на необходимом расстоянии, чтобы не попасть во временную петлю. Изменится лишь прошлое планеты.

— У вас есть разрешение Союза? — уточнил капитан.

— Нет, — пробуравил его взглядом Влад.

— С использованием «Иглы» мы можем внедрить сознание в человека, который вскоре и так умрет. За двенадцать часов до смерти, — сказал рыжий. — Это обусловлено как моральными догмами, так и законом переноса энергии. Смерть должна быть насильственной и такая, которую можно легко предотвратить. Не хотелось бы отправлять героя войны помирать от дизентерии. И это, как вы понимаете, значительно сужает круг возможных доноров. К тому же у нас мало времени — сюда уже летит корабль шиагов.

— Если они узнают о планете, то все пропало! — ахнула я.

— Именно. Поэтому надо действовать быстро, — подтвердил рыжий. — Вилка вероятности, построенная «Иглой», очень узкая. На данный момент у нас всего один подходящий вариант. Я могу отправить сознание попаданца за тридцать дней до первой атаки шиагов, в поселение людей, которое будет уничтожено.

— Мы отобьем атаку пауков, внушим людям необходимость их полного уничтожения — и хоп, планетка наша, — сказал Влад. — Для меня подобран идеальный донор: он молод, сын вождя, имеет влияние на умы.

— Когда вы успели все это узнать? — опешила я. — Вы пришвартовались меньше часа назад!

— Временные дроны. Одна секунда на «Арго» — целые сутки на планете. Нам вполне хватило

получаса, чтобы собрать всю необходимую информацию, — ответил рыжий.

— И от чего умрет идеальный донор? — спросила я.

— Его убьет собственная невеста, — ответил Влад, — а потом покончит с собой. После первой брачной ночи. Конечно, есть шанс, что после ночи со мной она бы передумала... — Он ухмыльнулся. — Но мы не знаем, из-за чего у них конфликт.

— Ты мог бы просто ее ликвидировать, — вздохнул рыжий.

— Повторяю: я не стану убивать человека! — Влад сжал зубы и зло посмотрел на него. Похоже, этот вопрос поднимался неоднократно.

— Тебе надо сосредоточиться на миссии! — рявкнул рыжий. — Ты не можешь тратить время на незнакомую женщину, которая хочет тебя убить. Целый месяц спать в одной постели с врагом и подвергать все человечество риску?

— Я предлагал, чтобы в невесту отправили меня, — чуть смущенно признался капитан. А что? Я люблю свадьбы, я и сам имею право их проводить.

Кажется, я начинала понимать, что от меня хотят...

— Попаданец должен соответствовать донору по простейшим параметрам: пол и возраст, — сказал рыжий. — Невесте всего девятнадцать. Расхождение не может быть больше пяти лет. Тебе двадцать три. И самое главное — коэффициент бога должен быть не ниже ноль семьдесят пять. Фернанда сказала, у тебя выше?

— Ноль семьдесят шесть, — подтвердила я. — Мне измеряли его перед тем, как принять на «Арго». В такие длительные экспедиции даже обслуживающий персонал набирают с высоким коэффициентом, чтобы крыша не поехала: замкнутое пространство, шепот звезд и все такое...

— Ева... — Влад снова взял меня за руку. — Ты станешь моей женой?

— Подождите, — сказал капитан и пристально посмотрел на меня. — Ева, прежде чем ты ответишь, тебе стоит узнать еще кое-что. Есть риск...

— Мизерный, — поморщился Влад, погладив мои пальцы.

— ...что твоё сознание не сможет вытеснить донора, — продолжил капитан. — Останется тот, чей коэффициент бога выше. Это упрощенное название совокупности показателей: способности к концентрации, силы воли, умения действовать в критических ситуациях, жизнелюбия, чувства юмора...

— Знаю, — перебила я. — Учила в колледже.

— Мы не можем измерить коэффициент бога у доноров, — сказал Влад. — Но, по статистике, лишь у одного из десяти тысяч коэффициент выше ноль семьдесят пять. Фактически на всем «Арго» сейчас лишь четверо таких людей: ты, я, капитан и еще какая-то тетка...

— Марсия из техотсека, — уточнил капитан. — Но ей уже за пятьдесят, так что невестой ей тоже не бывать.

— Я могу умереть? — спросила я.

Рыжий отбросил челку, набрал воздуха в грудь, но капитан ответил первым:

— Да, — коротко сказал он.

Все трое мужчин молчали, ожидая решения. Капитан угрюмо смотрел прямо мне в глаза, рыжий отвернулся, но на его виске быстро билась голубая венка. Его волосы у корней были черными. Крашенный. Я так и знала. Рыжие стремительно вымирали. Рука Влада, сжимающая мою ладонь, повлажнела от пота. Он снова принялся стучать пяткой по полу, и это слегка бесило. Атмосфера в рубке стала такой напряженной, что, казалось, иллюминаторы сейчас запотеют.

— Если мы изменим прошлое, на планете будут жить люди, — сказала я, пытаюсь систематизировать обрушившуюся на меня информацию. — Это даст нам дополнительный голос на Совете. Три голоса, если мы утвердим за ней статус Обителю! И тогда моя родная планета, за которую сейчас идут споры, достанется людям. Человечество получит перевес в Космосоюзе. Это предотвратит новую агрессию со стороны шиагов, и, значит, не будет новой войны.

Капитан тяжело вздохнул, подтверждая мою правоту.

— Пообещайте позаботиться о моем брате, если что вдруг, — попросила я.

Капитан прижал кулак к груди и кивнул.

— Вероятность неудачи при подселении — одна сотая процента, — успокоил меня рыжий. — К тому же у будущей самоубийцы жизнелюбие наверняка на нуле.

— Я согласна, — сказала я.

Все выдохнули, заговорили разом, а я посмотрела в иллюминатор, за которым светилась синяя планета с континентом в виде бублика. Невероятно! Я отправлюсь в прошлое. На неизвестную планету. С Владом Увейро!

Он поймал мой взгляд и улыбнулся.

Когда я дала свое согласие на участие в миссии, все закрутилось с бешеной скоростью, как при проверке вестибулярного аппарата. Меня отвели в медотсек, полностью раздели, провели через обеззараживающий блок, где щедро облили антисептическими средствами, и уложили на кушетку. Овца в карантине, отделенная прозрачной перегородкой, пялилась на меня, не мигая, и изредка разевала рот, беззвучно бляя.

Мою голову обмазали чем-то вонючим, так что короткие волосы слиплись, затвердели и растопырились ежиными иголками. От уколов зудело плечо, а самым большим испытанием оказалась постоянная близость Влада, которого точно так же, как меня, раздели и уложили на соседнюю кушетку. Я не стеснялась наготы, это было бы странно после армии и целого года на корабле с общими душевыми, но Влад смотрел на меня с жадным интересом. Похоже, он не подвергался гормональному контролю. Иначе с чего бы его взгляду задерживаться на моей груди и животе, и еще ниже...

— Ты ведь с Обители-три? — спросил он. — Я был там во время последней эвакуации.

— Знаю, — ответила я и сглотнула ком, застрявший в горле. — При отступлении вы задержались у нашего дома и приказали солдатам вытащить моего брата из-под завалов. Ему тогда было десять. Он поступил в кадетское училище. Хочет стать пилотом.

В перерывах между процедурами Фернанда показала мне письмо от брата, доставленное вместе с остальной почтой на шлюпке из Центра. Кир довольно скалился в экран, демонстрировал свежесбрившуюся макушку и редкие усики и хвастался, что если опять начнется война, то их курс будет участвовать. У них уже были тренировки с фрактерами, и он попал в четыре мишени из пяти. Мне захотелось самой его убить. Придушить своими собственными руками. Кир хотел отомстить и жаждал войны. Но я отдала бы все, лишь бы она не началась снова.

Влад смотрел на меня изучающе, и лицо его потемнело.

— Ты ведь делаешь это не из благодарности?

— Нет, конечно, — возмутилась я. — Думаете, я не понимаю, как много значит эта миссия?

— Хорошо. — Влад отвернулся, глядя в потолок. — Хотя я бы все равно не стал тебя отговаривать. Мы отправимся в прошлое, на чужую планету. Проведем в чужих телах тридцать дней, за которые нам надо подготовить поселение к атаке и внушить людям необходимость полного уничтожения шиагов. Это действительно важно. Важнее тебя и меня. И давай на «ты». Мы теперь партнеры.

— Мы ведь можем просто сказать им, — пожалала я плечами, — что мы попаданцы из будущего. Предупредить об опасности.

— Все не так просто, — усмехнулся Влад. — У них нет таких технологий, и они к ним не готовы. У каждого Ковчега после высадки происходил серьезный откат в развитии, когда приходилось заниматься вопросами выживания, а не наукой. Но этих поселенцев что-то слишком откатило... Может, потому что они оказались отрезаны от остального человечества, либо по другой причине — нам предстоит это выяснить. Придется действовать тоньше. Не хочется провести этот месяц в психушке, знаешь ли.

— Странно, что люди сами не смогли победить, — задумалась я. — Ведь шиаги тут вообще на примитивном уровне.

— Скорее всего, сработал фактор неожиданности, — ответил Влад. — Но со мной они будут готовы.

Дверь отъехала в сторону, и в медотсек вошел рыжий.

— Итак, мои попаданчики, — сказал он, присев на мою кушетку и фамильярно похлопав меня по голой коленке. — Тебя, Владик, я отправлю в жениха, а тебя, рыбонька, — почему у тебя такие

холодные колени? — в невесту. И пообещай, что не станешь убивать ни его, ни себя.

— Честное слово, — пробормотала я.

— У нас завтра свадьба, — улыбнулся Влад и, протянув руку через проход, погладил меня по щеке. — Никогда не был женат.

— Не с твоим образом жизни, родной, — вздохнул рыжий. — И, боюсь, свадьба уже сегодня. Корабль шиагов пересек пределы галактики.

— Что? — воскликнула я.

— Да-да, начало миссии — через полчаса. — Рыжий поднялся, провел ладонью по волосам. — Черт, это безумие. Еще ничего толком не готово, и ладно ты, стреляный воробей, но девочка... В первый раз... — Он сокрушенно покачал головой.

Я потеряла запястье. С меня сняли браслет, и связи с Фернандой очень не хватало. Ее подколки всегда помогали мне собраться.

— Слушай меня внимательно, — сказал рыжий. — Когда попадешь в донора, вспомни самое яркое событие в твоей жизни. Лучше плохое. Плохие эмоции, как правило, сильнее: страх, ужас, горе... Проживай это воспоминание в деталях. Соедини пальцы вот так... — Он поднял ладони к груди и поочередно стал соединять пальцы, вдавливая подушечки друг в друга: мизинец с мизинцем, безымянный с безымянным. — И повторяй: я здесь, я сейчас, я существую. Голова будет болеть, вероятно временная потеря зрения и слуха, возможны проблемы с речью и координацией, особенно на первых порах, пока не произойдет полное овладение телом.

— Лучший способ полностью овладеть возможностями тела — подраться. Или заняться сексом, — хмыкнул с соседней кушетки Влад. — А нас как раз поженят.

— Ладно, — промямлила я, отчаянно покраснев.

— Ты серьезно? — Он рассмеялся, повернувшись ко мне.

— Если это для спасения человечества...

— Ну да, — серьезно согласился он и снова рассмеялся. — Девчонка — прелесть, — сказал он рыжему и повернулся ко мне. — Слушай, когда все закончится, переходи в мою команду. Я сделаю так, что твои заслуги не забудут. Медаль не обещаю, все же миссия секретная. О ней даже в высшем эшелоне знает лишь пара человек. Но с твоими исходными данными я сделаю из тебя элитную попаданку.

— Я подумаю, — ответила я, поджав губы, но сердце мое так и подскочило. Работать с Владом Увейро? Да я за такое готова на галеры отправиться, не то что в прошлое! На меня накинули простынку, потолок над головой дрогнул и поехал. Рыжий быстро покатил мою кушетку по медотсеку. — А назад?! Как я попаду назад?

— Через тридцать дней тебя втянет обратно, аккуратно перед нападением шиагов, — ответил рыжий. Я смотрела на него снизу-вверх и видела темную щетину на выступающем квадратном подбородке и широкие ноздри. Он шмыгнул носом. — Это произойдет автоматически. Ты почувствуешь резкую головную боль, в глазах потемнеет, тебе надо будет просто не мешать и попытаться расслабиться. Руки не сцеплять — это важно! Мысли по возможности отключить.

— Возвращение еще ни разу не давало сбоев, — успокоил меня Влад, который встал и теперь шел впереди, на ходу отклеивая датчики с голой груди и бросая их прямо на пол.

Он повязал вокруг бедер голубой медицинский халат, по-видимому, не сумев натянуть его на широченную спину. Он был коренастым, как наш капитан и как любой житель Обители-один. На правом боку виднелся старый шрам с выступающими багровыми лепестками, я уже видела такие — метки паучьих лап. А вот смуглые плечи украшали свежие полосы параллельных царапин, и я невольно смутилась, поняв, как он их получил.

Из коридора появилась одна из «мышек», которую наверняка прислала Фернанда, и подняла с пола датчик. Пусть впереди — миссия по спасению человечества, а уборку никто не отменял.

— «Игла» уже разогревается, — сказал рыжий, толкая мою кушетку, и тоскливо добавил: — Если бы у меня была хотя бы неделя, я бы выдал тебе десятки вариантов для подселения...

— Успеем до прибытия пауков? — мрачно спросил Влад. — Похоже на утечку информации. Уж больно вовремя они появились.

— Должны успеть. В нашем времени миссия займет всего тридцать секунд. Откладывать нельзя.

Если шиаги что-то пронюхают, нас ждет трибунал и новая война. Возьми планшет, повтори информацию с дрона.

— Я запомнил, — ответил тот, но все же взял у рыжего планшет. — Нападение произойдет через тридцать дней. Людское поселение будет полностью уничтожено. Так... Информация о религии, общественном устройстве... Как интересно...

— Не забудь хорошенько промыть им мозги насчет пауков, — напомнил рыжий. — Люди должны вспылать к ним ненавистью.

Я вцепилась пальцами в кушетку. Похоже, я отправляюсь на войну.

— Не волнуйся, Ева, — сказал Влад, будто подслушав мои мысли. — От тебя многого не требуется. Защитой поселения и пропагандой займусь я. И уж я там развернусь! Никаких ограничений сверху! Полная свобода действий! — Он вытянул руки над головой, сцепив пальцы в замок, потянулся, будто разминаясь, и быстро подхватил сползший с бедер халат. — А ты просто живи. Думаю, тебе даже понравится. Это очень интересно — окунуться в иной мир, побыть кем-то другим... На К-22 я был правителем, религиозным лидером, предводителем повстанцев... Я прожил десятки жизней, и иногда мне даже не хотелось возвращаться... Надеюсь, у моего донора не будет вшей, — мрачно добавил он, повернувшись к рыжему. — А то во время последней миссии я чуть с ума не сошел от зуда.

— Не могу ничего обещать, — ответил тот.

Он вкатил кушетку в лабораторию, поставил ее рядом с «Иглой» — острым металлическим шестом с множеством плавно вращающихся вокруг него колец, на одном из которых горели две красные точки. Снизу выдвинулся широкий серый лепесток, и рыжий помог мне на него улечься. Металл обжег холодом спину, я зябко поджала пальцы на ногах.

— Я здесь, я сейчас, я существую, — бормотала я, чувствуя, как подкатывает паника. — Я здесь, я сейчас...

Капитан появился в дверях, закрыв весь проем плечами, и теперь смотрел на меня со страдальческим видом.

— Ева, я буду с тобой, — сказал Влад, устраиваясь на соседнем лепестке.

К вискам подключили новые датчики, которые укололи кожу разрядом.

— Вообще-то не сразу, — поправил его рыжий. — Вы встретитесь через несколько часов. Невесту везут к жениху.

— А если забросить нас чуть позже? — спросил Влад.

— Сейчас оба объекта в одиночестве. Идеальный момент. Слушай, Ева. — Рыжий склонился надо мной. — Веди себя тихо. Не бушуй. Никуда не лезь. А лучше вообще молчи. Тебя везут выдавать замуж. Но судя по тому, что после брачной ночи невеста покончит с собой, это политический союз и она не хочет свадьбы. Так что вполне логичным будет молчать и не отвечать. Если невеста погрузится в печаль и задумчивость, никто ничего не заподозрит. На вопросы лучше не отвечай, сразу плачь. Тебе будет сложнее, — повернулся он к Владу. — Твой донор — сын местного правителя. Его все знают. Все его действия на виду. Первые дни можешь делать вид, что пьяный. Это тоже будет вполне естественным. После свадьбы-то.

— Отличный план, — ухмыльнулся Влад. — Запускай вертушку.

Установка загудела, лепесток, на котором я лежала, завибрировал.

— Подождите, — всхлипнула я. — Я не могу. Это слишком быстро. У меня не получится!

Виски прошло болью, но я дернулась, пытаюсь встать. Обхватила голое запястье второй рукой, рефлекторно пытаюсь нажать кнопку вызова на браслете. С запозданием вспомнила, что его сняли, но рядом материализовалась Фернанда.

— Спокойно! — сердито сказала она.

Между темных бровей голограммы появились вполне правдоподобные морщины. Считалось, что Фернанду сделали по унифицированному фенотипу, чтобы каждый видел в ней что-то родное, свое. Карие глаза, темные волосы, смуглая кожа — стандарт. Тысячи лет назад на Ковчеге отбирали людей всех рас, но в итоге они смешались, доминирующие гены проявились во всей красе, и теперь на «Арго» было всего пять блондинов, а рыжий вон один, и то — приезжий и крашенный.

— Ева, — позвала меня Фернанда, — соберись. Будь умницей. От тебя многое зависит.

— Почему ты не отговариваешь меня? — с подозрением спросила я. — Ты ведь должна оберегать жизнь каждого члена экипажа, а я сейчас явно рискую.

Фернанда села рядом, вздохнула и положила руку мне на лоб. Я не почувствовала ее прикосновения, а она на самом деле не вздыхала. Это всего лишь голографическая аватарка компьютерной программы — службы контроля за жизнедеятельностью «Арго», получившая карие глаза, как у моей мамы, и слегка приплюснутый нос, как у отца, а голос был совсем молодым, как у моей сестры, которая погибла, едва дожив до восемнадцати.

— Я спою тебе песню. Хочешь?

— Не хочу, — пробурчала я. — Уйди, не позорь меня.

Конечно, она все равно запела:

В тихом бархате ночном порезвились мыши.

Все изъели, шалуны, кот их не услышал.

Сотни дырок, вот беда, небеса в прорехах.

Не спешит их зашивать месяц-неумеха.

Голос Фернанды звучал нежно и тихо, и сердце мое успокоилось, забилось ровнее. Эту песню пела мне мама так давно, кажется, еще в прошлой жизни.

Стану я сквозь них смотреть на тебя украдкой, а ты вспомнишь обо мне... Спи, малышка, сладко...

— Отсчет вот-вот пойдет, встретимся через тридцать секунд, — произнес рыжий, и я вдруг поняла, что даже не удосужилась узнать его имя. — Приготовились, внимание, старт!

ГЛАВА 2

Молния прошла голову от виска до виска, голоса и звуки исчезли, глаза заволокло непроницаемым мраком, в котором вдруг вспыхнули мириады звезд, так что я зажмурилась изо всех сил, чтобы не ослепнуть. Потом меня качнуло, кушетку словно выдернуло из-под распластанного тела, все закрутилось, как на карусели, когда мы всей семьей отправились на ярмарку и меня потом тошнило шоколадным мороженым...

Звезды в голове постепенно погасли, осталась лишь узкая щелочка света, и вскоре я поняла, что смотрю на свет сквозь неплотно сомкнутые ресницы. Я распахнула глаза, и тошнота подкатила к горлу. Быстро оглядев помещение, в котором я оказалась — крохотное, даже не встать в полный рост, к тому же покачивающееся и скрипящее так, будто вот-вот развалится, — схватила шляпку, лежащую рядом на сиденье, и содержимое моего желудка вырвалось наружу. Положив шляпку назад, я отерла губы рукавом. Перед глазами плыло, ноги, будто набитые ватой, кололо. Чужие обрывки мыслей вдруг зазвучали в моей голове, закружились, как конфетти.

«Что происходит?.. Кто здесь?.. Грязная кровь... Отец отказался... не хочу, не хочу, не хочу... Мне никто не поможет... Должна убить... Смерть...»

— Я здесь! Я сейчас! Я существую! — закричала я непривычно высоким голосом, соединяя деревянные пальцы, которые никак не хотели слушаться.

Комнатушка качалась, в глазах щипало то ли от слез, то ли от катящегося по лбу пота. Мне удалось свести вместе мизинцы — чужие, тонкие, с длинными овалами ногтей.

Воспоминание! Надо воспоминание!

Мы идем с ярмарки, я держу за руку маму, у меня болит живот, голова все еще кружится, а в горле стоит привкус рвоты и шоколада. Папа впереди, брат рядом с ним. У них одинаковые вихры на затылках. Рита чуть в стороне, как всегда, пялится в экран телефона. У нее появился парень, но это большой секрет. Рита боится, вдруг родителям не понравится, что он гораздо старше ее и солдат. В последнее время на Обитель-три стягиваются военные, и папу это беспокоит. Он каждый вечер смотрит новости и все больше мрачнеет, а недавно я подслушала, как они с мамой обсуждали переезд на Обитель-семь.

Небо вдруг накрывает черным колпаком, который проливается красными лучами, — словно кровь заструилась через дуршлаг. Рита падает, я вижу на экране ее телефона надпись: «Любимый».

Моя сестра Рита погибла при первой атаке шиагов.

Я здесь. Я сейчас. Я существую.

Чужой голос в голове перешел на шепот, а потом и вовсе затих. Я посидела какое-то время, бормоча себе под нос мантру, подсказанную рыжим, и соединяя пальцы. Сердце потихоньку успокоилось, дыхание выровнялось, и вдруг я услышала глухое рычание. Из корзинки, стоящей на противоположном сиденье, на меня смотрели два глаза, отливающих в полумраке зеленью. Рычание сменилось горловым клекотом, потом перешло в тихий свист, белые лохматые уши встопорщились, и все животное как-то нехорошо подобралось.

— Фу, — выдавила я. — Плохая собачка, или кто ты там...

Животное приподняло морду, щелкнуло утиным клювом, а потом резко бросилось на меня тугим ядром шерсти. Взвизгнув, я рефлексивно отшвырнула его прочь, но оно снова прыгнуло на меня, больно прищемило клювом пальцы. Я отпихивала его, футболила коленями, пинала ногами. Чудовище шипело, как разъяренный гусь, царапалось перепончатыми лапами и кидалось на меня вновь и вновь. Когда оно напало в очередной раз, мне удалось отбросить его прямо в окно, и под мои радостные вопли злобная тварь улетела вдаль вместе с бахромчатой занавеской. Все же не зря меня считали лучшей подающей в нашей армейской волейбольной команде! Секунду подумав, я выбросила в окошко и испорченную шляпку.

Комнатушка накренилась и замедлила ход. Я быстро устроилась на сиденье, пригладила волосы — и вовремя: в окошко заглянул мужчина. Его голова была выбрита до блеска, бронзовая макушка сияла в лучах солнца, словно намазанная жирным кремом. Гладкие щеки мужчины лоснились, красные губы блестели, и даже глаза казались маслянистыми. Он пристально смотрел на меня, а я — на него. Он слегка покачивался в резонанс с комнатой, и я догадалась, что нахожусь в каком-то транспорте, наверное, на воздушной подушке.

Ветер подул в окно, и я дернулась, как от удара наотмашь. Воздух в этом мире был влажным, теплым, густым от запахов. Голова закружилась словно от крепкого вина, и я жадно вдохнула еще, вытянув шею и разглядывая вид, открывшийся в окне: корма лодки и глубокая синь до самого

горизонта, над которым пылает чужое красное солнце. Бронзовые блики сверкали на воде так, что стало больно глазам. До моих щек долетели брызги от ударившей волны. Мы не летим, а плывем!

— Все в порядке? — спросил мужчина.

Я кивнула.

В порядке. Похоже, первый этап миссии я прошла.

— Твоя муфля сбежала, — сказал мужчина. — Мне очень жаль, но мы не можем тратить время на ее поиски.

Мужчина говорил на языке, похожем на всеобщий, и я его прекрасно понимала.

Я снова кивнула. Муфля, значит. Скатертью дорога.

Лодка покачивалась, набирая ход, но меня больше не тошнило. Выглянув в окно, я чуть не разинула рот от восторга. Мы плыли вдоль скалистого берега, подставляющего волнам изъеденный белый бок, накрытый шапкой зелени. Огромные папоротники трогали воду кончиками разлапистых кистей, синие пальмы, увешанные красными плодами, любовались своим отражением. Там, где берег поднимался выше, темнели елки, и я обрадовалась им, как друзьям. Ели входили в ресурсный фонд Ковчегов. Они прижились на чужой планете, вот и люди смогут здесь выжить.

Приободрившись, я высунулась из окна едва не по пояс, посмотрела вперед и ахнула. Лодку тянули три белых лошади. Изгибались грациозные шеи, напрягались мышцы на крепких лощеных спинах. Вот только вместо грив топорщились красные гребни, доходящие до лопаток, а по бокам колыхались плавники.

Я посмотрела назад, где, сидя верхом на водяных лошадях, ехали двое мужчин. Вид у них был суровый: окладистые бороды, бритые головы, покрытые татуировками, блестящие чешуей рубахи, на кожаных перевезях — мечи... Голые волосатые ляжки крепко сжимали лошадиные бока.

— Что-то хотели, госпожа? — спросил вихрастый мальчишка, свесившийся с крыши каюты, и я, ойкнув от неожиданности, спряталась внутрь.

Зрение, словно решив, что довольно с меня впечатлений, отключилось. Призвав на помощь все самообладание, я напомнила себе, что рыжий предупреждал о таком. В темноте к тому же лучше думается.

Здрав длинные юбки до талии, я стала крутить воображаемые педали велосипеда. Левая нога постоянно замирала на половине движения, а правая иногда резко выпрямлялась. Платье было жутко неудобным: длинным, тесным в груди, душным. Поначалу я решила, что это дань свадебным традициям. Но мы плывем на лодке, которую тянут животные. На ней нет ни силовых полей, ни даже двигателя. И самое дикое — мужчины, сопровождающие меня, вооружены мечами! Я знала, что поселенцы откатились назад в развитии, но даже не представляла насколько!

Зрение вдруг включилось, словно с глаз сняли шоры, но руки задрожали и вспотели.

Что там говорил Влад Увейро, знаменитый герой войны и путешественник во времени? Чтобы полностью овладеть чужим телом, хорошо бы подраться или заняться сексом. Подраться я уже успела, с муфлей. Толку — чуть.

Дверца скрипнула, я быстро одернула юбки, и ко мне вошел уже знакомый лысый мужчина. Он был одет в длинное коричневое платье, серебряная девятка на толстой цепи болталась на его животе. Теперь я знала, что это мэйн Кастор, священник, который сопровождает меня и готовит к церемонии бракосочетания. Выудила информацию из чужой памяти.

— Эврика, дитя мое, — скорбно произнес он, садясь напротив, и я пошарила в чужой памяти. Эврика? Да, точно, так меня зовут. — Не хочешь ли ты исповедаться?

Я отрицательно покачала головой, зрение тут же расфокусировалось, и я отвернулась к окошку, пока мэйн Кастор не заметил, что его подопечная окосела.

— Тебе выпала скорбная доля, — вздохнул он.

Из того, что я знала, Эврику везут выдавать замуж за сына правителя. Не такая уж тяжкая судьба.

— Твоя душа и девственное тело принадлежат богине, — продолжал вещать мэйн Кастор. — Но ты должна возложить их на алтарь похоти чужака.

Душа, богиня, алтарь... Что за мракобесие? Я еще и девственница? Покопавшись в памяти Эврики, я не нашла опровержений. По большей части она проводила время за шитьем, чтением и молитвами.

— Даже смерть лучше такой участи, — вздохнул священник и уставился на меня колючим взглядом, который я чувствовала кожей.

Вот идиот. Этой Эврике всего девятнадцать. Вся жизнь впереди. Я поперхнулась собственными мыслями, осознав, что никакой жизни у Эврики больше нет. Я ее фактически убила. Когда моя миссия будет завершена, я вернусь на «Арго», а здесь останется лишь мертвая оболочка. Если бы не я, она прожила бы двенадцать часов, а потом зарезала бы своего мужа и покончила с собой. Я забрала ее время, когда она могла бы плыть в лодке, запряженной тройкой водяных лошадей, любоваться видом из окошка и гладить муфлю, которая, похоже, почувствовала, что хозяйке угрожают, и пыталась ее защитить. Грудь сдавило от вины, и я хрипло втянула воздух, пытаюсь вернуть себе возможность дышать.

— Бедное дитя, — зловеще продолжил мэйн Кастор, приняв мои хрипы за рыдания. — Твой удел — скорбь и страдания. Но ты можешь их прекратить.

В мою правую ладонь легла теплая рукоять, и пальцы сами обхватили ее. Я покосилась на изящный ножик, лезвие которого было спрятано в кожаный чехол, украшенный завитушками.

— Когда поймешь, что грязь не смыть молитвами, отпусти свою душу. И пусть она вознесется к богине, — предложил добрый священник. — А перед этим — отомсти за поруганную честь.

Вспомнив советы рыжего — в разговоры не пускаться, сразу плакать, — я прикрыла глаза свободной рукой и принялась тихонько всхлипывать.

Мэйн Кастор вздохнул, и вскоре дверка каюты стукнула, закрывшись. Глянув через растопыренные пальцы и убедившись, что священник ушел, я покрутила кинжал, рассматривая завитушки на рукоятке, странно напоминающие математические символы. Спрятав оружие в обнаруженный на юбке карман, размяла пальцы рук. По-видимому, я сразу наткнулась на один из факторов, приведших Эврику к самоубийству, — негативное влияние священника, который отчего-то настроен против ее брака и будущего мужа, в которого, впрочем, уже вселился Влад. Мне осталось лишь встретиться с ним и не путаться под ногами. Тридцать дней, а потом я вернусь на «Арго».

Вина, сдавившая грудь, отступила, и я снова вдохнула ароматы чужой планеты. Пахло водорослями, цветами и чем-то аппетитным, отчего мой рот наполнился слюной: кружками — подсказала мне чужая память. Принюхавшись, я нашла возле корзинки кулек, набитый липкими пахучими кругляшами. Покрутив один из них в пальцах, я попыталась найти информацию в памяти Эврики, которая все больше отдалялась от меня. Я будто листала книгу, страницы которой склеивались или вовсе рассыпались в моих руках. Съедобно — все, что я поняла, но и этого было довольно.

Устроившись на сиденье поудобнее, я закинула в рот кружку и захрустела, жмурясь от наслаждения. Великолепно! Ежедневный паек на «Арго» с соблюдением баланса жиров, белков и углеводов и наличием всех витаминов и микроэлементов был практически безвкусным. По-видимому, Фернанда считала кревоугодие пороком, а потакание порокам не входило в прошивку ее электронных мозгов.

Съев еще несколько шариков, я облизала ставшие сладкими чужие пальцы.

В окошко, свесившись с крыши, заглянул уже знакомый мальчишка. Черные вихры, яркие карие глаза — он напомнил мне брата, каким тот был лет в тринадцать. Если бы Киру в этом возрасте доверили управлять водяными лошадьми, он бы пищал от восторга. Я протянула мальчишке кулек, но он быстро помотал головой и скрылся из виду.

Да, я забрала у Эврики двенадцать часов, но это спасет людей на всей планете. Должно снасти!

Примирившись с совестью, я ослабила шнурки, туго стягивающие грудь Эврики, поступившую в мое временное пользование. Достав из кармана кинжал, подаренный священником, и вытянув его из ножен, попыталась рассмотреть свое отражение в блестящем лезвии.

В первый момент я едва сдержала вздох разочарования. Мы с Эврикой оказались похожи как сестры: те же карие глаза, тонкие брови вразлет, темные волосы и смуглая кожа. Даже грудь размером как у меня — ничего особенного. А я бы не отказалась побыть месяц блондинкой или вовсе рыжей. Глупо, конечно. Это все гормоны, наверняка. Чужое тело, несознательные реакции. Я здесь, чтобы предотвратить вымирание человечества на планете, которая должна получить название Обитель номер девять. А волосы можно и перекрасить, когда вернусь.

Я снова всмотрелась в чужое лицо. Белки карих, чуть раскосых глаз, покраснели, будто Эврика долго плакала накануне. Пухлые губы обиженно изгибались. У меня над правым уголком губ была родинка, в отражении ее, конечно, не нашлось. Лицо казалось наивным и каким-то несчастным. Я

попробовала улыбнуться своему отражению в кинжале, и на щеках Эврики появились ямочки. Так-то лучше.

Мы пристали к берегу примерно через час, и я мысленно поблагодарила рыжего за удачно подобранное время подселения: я успела вжиться в чужое тело и даже преисполниться оптимизмом насчет исхода нашей миссии. Поэтому, когда кони неуклюже выбрались на пологий берег, загребая песок лапами, я не стала дожидаться, пока мэйн Кастор откроет мне дверь, и вышла сама. Обойдя сундуки с приданным Эврики, я спрыгнула на песок, бело-розовый и рыхлый, как ряженка. Очень хотелось разуться и погрузить в него пальцы ног, вспотевшие и затекшие в неудобных тесных туфлях, но, судя по лицу мэйна Кастора, который перевалился через борт лодки и уже спешил ко мне, я и так нарушила местный протокол.

— Эва, веди себя прилично, — зашипел он. — Где твоя шляпка?

Он бубнил что-то еще, но я запрокинула лицо к небу и зажмурилась, наслаждаясь теплом. А потом несколько раз подпрыгнула на месте, взмахнула руками, привыкая к чужому телу и низкой гравитации.

Кони фыркали, лежа на песке. Такие грациозные в воде, на суше они превратились в неповоротливых тюленей. Белые шкуры лоснились на солнце, влажно блестели красные гребни и плавники. Мальчишка-возничий нырнул с лодки, войдя в воду без брызг, и вскоре появился на поверхности. Тряхнув головой, отбросил прилипшие к лицу темные волосы. Мой Кир в этом возрасте сделался совершенно невыносимым и бунтовал против моей опеки с отчаянной яростью. Может, потому, что я так и не сумела заменить собой всю нашу семью. А может, я слишком его ограничивала. Этому мальчику доверили везти невесту и управлять лодкой. Наверное, и Кир требовал признания его взрослым.

Загребая одной рукой и отфыркиваясь, мальчик вышел на берег, таща за собой сетку, блестящую серебристыми рыбьими боками, которая, по-видимому, все это время висела где-то под лодкой. Мальчик ослабил узел на сетке, вынул рыбешку и бросил одной из лошадей. Неожиданно широкая пасть распахнулась и поймала рыбку на лету.

— А можно я? — попросила я, не удержавшись.

Мальчик широко улыбнулся и швырнул рыбину мне. Я ойкнула, поймала ее, но скользкое тельце выскочило из моих непривычно узких ладоней и отлетело прямо в физиономию священника.

— Эва! — возмутился он, потирая щеку, к которой прилипла чешуйка.

— Я нечаянно, — пробормотала я, но от своего желания — покормить инопланетного коня — не отказалась. Подобрал юбки, подошла к мальчику, вынула рыбину за жабры и поднесла к лошадиной морде.

— Не бойтесь, — сказал мальчик. — Они не кусаются.

А я и не боялась. Глаза у лошадей были удивительного лилового оттенка и смотрели на меня внимательно и спокойно. Лошадь аккуратно взяла рыбину из моих рук, шевельнув розовыми губами. Потом быстро подбросила ее и, поймав, заглотила целиком.

— Эва! — громким шепотом произнес священник. — Ты ведешь себя неподобающе.

Будто в подтверждение его слов один из коней — тот, которому рыбы пока что не досталось, — ударил красным хвостом по воде, обдав нас брызгами с головы до ног.

Я взвизгнула от неожиданности и рассмеялась. Вода оказалась теплой и немного солоноватой, и душ получился освежающе приятным, особенно после поездки в тесной каюте.

— Я глубоко разочарован твоим поведением, — сказал священник, вытирая лицо рукавом рясы. Он с подозрением прищурил маслянистые глазки. — Если ты надеешься, что твой жених откажется от свадьбы, то зря. Младший сын капитана Рутгера тоже не жаждет жениться, но ваш брак — залог мира между экипажами.

— Он женится на мне в любом случае, — сказала я и погладила коня, который довольно фыркнул и ткнулся мне в ладонь мордой, пощекотав кожу мягкими розоватыми усиками.

— По-видимому, у тебя нервное перенапряжение, — вздохнул мэйн Кастор.

— Да, — кивнула я.

До одури хотелось раздеться и окунуться в воду целиком, но такое на стресс не спишешь. К тому же

по дощатому настилу к нам уже спешили встречающие.

Первое, что бросалось в глаза, — это плохие зубы. Люди улыбались, глядя на меня с приветливым любопытством, переговаривались, а я видела кариес, неправильный прикус, а иногда и темные провалы на месте отсутствующих зубов. Второе — одежда. Оказалось, что все женщины на этой планете носили длинные юбки, едва не волочащиеся по песку. Третье — прически. Мэйн Кастор и двое моих сопровождающих блестели лысынами, а местное население предпочитало косы, причем как женщины, так и мужчины.

Я прикинула — сколько должно было пройти поколений, чтобы все великое наследие человеческой культуры и науки кануло в бездну. Мужчины, скалящие плохие зубы, женщины, с любопытством меня рассматривающие, выглядели землепашцами, рыбаками и воинами, которых я видела на картинках на уроках истории. Но никак не покорителями космоса. Максимум, кого они могли покорить, — это водяную кобылу.

Отжав промокшие от внезапного душа волосы, я оправила юбку и шагнула на помост навстречу двум женщинам, идущим впереди всех.

Одна из них могла бы быть царицей, верховной жрицей или даже офицером космолета. Она несла себя с таким достоинством, будто под ногами были не кривые доски наспех собранного настила, а как минимум красная дорожка к трону. Черная коса с серебряными нитями седины была закручена на макушке в высокую башню, отчего женщина, и без того не обделенная ростом, казалась еще выше. Темные глаза под арками черных бровей смотрели внимательно и серьезно, от ноздрей тонкого носа к уголкам поджатых губ расходились складки морщин. Простое платье глубокого синего цвета обвивало при ходьбе ее длинные ноги.

Ее спутница была полной противоположностью: круглолицая, пухленькая, с двумя пушистыми светлыми косами, перекинутыми на грудь, подчеркнутую вырезом ярко-голубого платья. Кружевные оборки окаймляли и рукава, и вырез, и подол, и даже на носках туфельек, быстро семенящих по настилу, красовались кружевные цветы. Чтобы поспевать за первой дамой, женщине приходилось едва ли не бежать. Щеки ее покраснелись, на лбу выступили бисеринки пота, но она не сдавалась.

Следом за ними шел мрачный мужчина с коротко стриженной черной бородой и узкой косицей, разделяющей бритую голову пополам. Левая рука его, слишком короткая и туго затянутая тканью, была примотана к груди. Выглядел мужчина бледным и угрюмым, а вот женщина, гордо вышагивающая рядом с ним, могла похвастаться цветущим видом: румяная, с толстой пшеничной косой, перекинутой через плечо, с высокой полной грудью, покачивающейся при каждом шаге над тугим беременным животом. Платье ее было густо расшито серебром, и серые глаза блестели как монеты.

У конца помоста топтались люди, с любопытством разглядывающие и меня, и священника, и наш скудный обоз.

— Ваш отец, достопочтенный капитан Алистер, не прибыл? — спросила пухленькая женщина, не дойдя до нас.

Ноздри высокой едва заметно дернулись, будто толстушка нарушила какое-то правило.

— Заботы и здоровье не позволили покинуть ему крепость перед сезоном приливов, — лебезящим тоном произнес священник, согнувшись в низком поклоне. — Он обязал меня, своего покорного слугу мэйна Кастора, доставить любимую дочь и проследить за проведением брачной церемонии. Он также передал письмо.

Бумажный конверт перешел в руки высокой дамы и спрятался в складках синего платья.

— Не беспокойтесь, — сухо сказала она. — Союз наших детей будет заключен по всем правилам как залог мира между нашими экипажами.

Священник благостно улыбнулся, но после кинжала и напутствия Эве его рожа, гладкая и блестящая, как омытая волнами галька, казалась мне мерзкой и лживой.

— Церемония будет проведена по старому обряду, — добавила высокая дама, одернув юбку синего платья, на которую то ли случайно, то ли намеренно наступила толстушка.

— Но... — Священник встрепенулся, нахмурился, бросив на меня быстрый взгляд. — Тем лучше, — кивнул он. — Пусть будет крепким их союз.

Вторая женщина тем временем подкатилась ко мне, семеня ножками, и взяла за руку.

— Я так рада, дитя мое, — всхлипнула она. — Всегда мечтала о дочке.

Она потащила меня по деревянному помосту, невзначай отпихнув бедром высокую даму в синем.

— Тебя зовут Эврика? Чудесное древнее имя, — щебетала она. — Зови меня Энни. Гляди-ка, наши имена начинаются на одну букву. Это добрый знак, как считаешь?

— Энтропия! — Голос высокой дамы прогремел позади раскатом грома. — Ты нарушаешь церемонию приветствия!

— Все, все, встретили и пошли, — не смутилась Энни. — Чего комаров кормить. До свадьбы всего ничего. Это Эврика, младшая дочь капитана Алистера. Ты ждала кого-то другого, Финечка?

— Попрошу тебя не сокращать мое имя. — Шаги дамы, чеканные, как у солдата, гремели по помосту следом за нами. — Инфинита! Не так сложно запомнить.

— Да-да, — согласилась Энни. — Так вот, о чем это я... Это Лора, — кивнула она в сторону беременной красавицы, — и ее муж Ампер. Ну, с ним-то ты знакома. Ведь сначала тебя хотели за него выдать.

— Он ведь женат, — нахмурилась я, приноравливаясь к быстрой походке женщины.

— Так он потом женился, когда твой отец, капитан Алистер, заявил, что не отдаст свою дочь за калеку. Жениться — дело нехитрое. Ну да скоро сама все поймешь.

Инфинита стала по другую руку от меня, и так, зажата между женщинами, я двинулась по помосту. Следом сперва зазвучали легкие, будто крадущиеся шаги священника, а чуть позже по доскам загромыхали ступни сопровождающих меня воинов.

Лора и Ампер посторонились, пропуская нас вперед, и мрачный однорукий мужик окатил меня таким взглядом, будто я должна ему денег. Его жена, напротив, расплылась блаженной улыбкой.

— Где мой жених? — спросила я.

— Он будет ждать тебя в храме, — ответила Энни. — По традициям старого обряда вы не должны видаться до церемонии.

Я кивнула. Ладно, увижу Влада чуть позже. В конце концов, пока все идет неплохо.

Полоска розового песка закончилась, и помост уткнулся в дорогу, выложенную белыми камнями. Люди, столпившиеся на ней, приветствовали нас криками. Лора лениво сыпанула в траву горсть серебряных монет, и все тут же бросились их подбирать, освободив нам путь и мигом забыв про невесту, то бишь про меня. Отличный отвлекающий маневр, надо запомнить.

Бросив прощальный взгляд на сверкающий бликами синий простор, окаймленный розовой лентой пляжа, я посмотрела вперед. Белая дорога вилась вверх, огибая валуны, покрытые мхом, и рощи. На изумрудной траве рассыпались овечьи стада. Хрупкие дома со стенами из гладких желтых стволов, накрытых широкими пальмовыми листьями, выростали то тут то там без всякой системы, и я уж было подумала, что человечество откатилось в развитии еще дальше. А потом увидела замок.

Пятиступенчатая пирамида, стены которой были сложены из белого камня, обтесанного до зеркальной гладкости, сияла в солнечных лучах на вершине холма. Каждый уровень чуть уже предыдущего, ровные ряды узких прямоугольных окон. На правом нижнем углу выбита большая девятка. Не хватало лишь парусов силовых полей, вместо них на ветру трепетали натянутые полотнища, украшенные гербами.

Замок оказался уменьшенной копией Ковчега. Его строили люди, стоящие в развитии куда выше нынешнего населения планеты. Вершина пирамиды была украшена сверкающим кристаллом, рассыпающим в закатных лучах алые блики. Вот бы покопаться в записях и узнать, как эти люди докатились до жизни такой...

— Как тебе замок? — спросила Энни с затаенной гордостью.

— Он великолепен, — не покривила я душой.

— Его строили с помощью богини, — сказала она. — Последнее ее благословение.

— Она незримо присутствует с нами и сейчас, — возразила Инфинита.

— А тогда что, присутствовала зримо? — удивилась я. Обе женщины посмотрели на меня с недоумением, и я поняла, что ляпнула что-то не то.

— Конечно, — ответила Инфинита как о чем-то само собой разумеющемся.

— Монастырь, в котором тебя держали, совсем в глуши, что ли? — спросила Энни.

— Я принесу тебе записи об истории нашего экипажа, ознакомишься, — миролюбиво предложила Инфинита, — если хочешь.

— Очень хочу! — с жаром сказала я, и Инфинита улыбнулась. Суровые черты ее лица смягчились, и она стала настоящей красавицей.

— Она сегодня выходит замуж. Не до судебных журналов ей будет. Пусть сначала с мужем познакомится как следует. — Энни многозначительно подвигала бровями.

Я опустила ресницы, возвращаясь в образ застенчивой невесты, и решила молчать. Стоило мне открыть рот — и сказала какую-то глупость. Интересно, как в книгах будет интерпретироваться явление богини: какой-то природный феномен, массовые галлюцинации, затмение солнца... И как это могло помочь со строительством замка?

— Только вот старый обряд... — шмыгнула носом Энни. — Я пыталась уговорить Финечку, но она ни в какую...

— Это решение моего мужа, капитана Рутгера, — отчеканила Инфинита. — Не мое.

— Старый обряд на то и старый... — не сдавалась Энни.

— Доказательство серьезности их союза, — поджала губы Инфинита.

— Но традиции все же... — Энни замолчала, будто пытаясь подобрать слова, и я насторожилась. До этого она трещала без запинок.

— Древние, — подсказала ей Инфинита.

— Оскорбительные! — выпалила Энни. — Мне кажется, именно это является целью Рутгера — унижить старого Алистера!

— Тот тоже его унизил, отдав свою нелюбимую дочь и не явившись на свадьбу, — не сдавалась Инфинита, на острых скулах которой загорелся румянец.

Я проглотила новость о нелюбимой дочери и попыталась выудить из памяти Эврики что-нибудь про старые обряды, но вместо этого наткнулась на воспоминание о помолвке — словно кадры из старого кино. Амнер, с обеими руками, но все такой же хмурый, надевает ей на запястье узкий ободок. Прикосновение сухих губ, колкая борода царапает кожу, воняет чем-то кислым...

— А что там за обряд? — спросила я, не сдержав любопытства и понадеявшись, что мое неведение не будет подозрительным.

— Да ерунда, в общем, — отмахнулась Энни, пряча глаза.

— Ничего сложного, — подтвердила Инфинита, вдруг заинтересовавшись своими ногтями.

Я пожала плечами. Какой бы обряд они ни придумали, он приведет меня к Владу Увейро.

Мы поднялись на вершину холма, и я цыкнула от досады. Нижний ярус пирамиды, скрытый до этого буйной растительностью, оказался украшен продольными анфиладами с рядами гладких массивных колонн. Ощущение было такое, будто вся громадина замка зависла в воздухе и вот-вот поплывет, как огромное бело-розовое облако. Красиво. И одновременно ужасно, если подумать о том, что совсем скоро эту хрупкую красоту придется защищать от полчищ шиагов.

Надеюсь, у Влада уже есть соображения на этот счет.

По белой лестнице, украшенной кадками с розами, мы поднялись на второй уровень. Сюда свет проникал через узкие оконца, и коридор, по которому мы шли, казался разрезанным на полосы света и тени. Глянув в одно из окон, я успела ухватить красный край солнечного диска, прячущегося за горизонт, и замок погрузился в прохладу сумерек.

Совсем скоро я встречу с Владом. Мне не терпелось обсудить с ним мир, в который мы попали, услышать его соображения о защите замка, а главное — просто почувствовать, что я здесь не одна.

ГЛАВА 3

— Это неслыханный позор, — стонал мэйн Кастор, расхаживая по комнатухе, где меня оставили с ним наедине якобы для молитвы. — Тебе придется пройти голой! Голой! Полностью обнаженной перед похотливыми взглядами этих варваров! Ни клочка одежды!

— Да я поняла уже, — проворчала я.

Священник уставился на меня недоверчиво, и я поняла, что Эврика вела бы себя по-другому. Спohватившись, я спрятала лицо в ладонях и сделала вид, что плачу. Предстоящий променад голышом по храму меня не пугал. Во-первых, нагота — это не то, чего стоит стыдиться. Во-вторых, чужое тело пока воспринималось мною скорее как одежда. В-третьих, выбора у меня все равно нет.

Разумом я понимала, что попала в отсталую цивилизацию. Обряды — под стать всеобщему запустению. Чего еще ожидать от людей, разъезжающих на упряжках водяных коней и размахивающих мечами? Но иррациональная злость все равно накатывала горячими удушливыми волнами. Все во мне сопротивлялось унижительному принуждению. Больше всего я злилась из-за Эврики. Ладно я, прошла эвакуацию с Обители-три, армию космофлота и тесные условия проживания на «Арго», где степень уединения была весьма относительной, особенно учитывая всевидящее око Фернанды. Но для невинной девушки из монастыря проход по храму голышом мог стать смертельным ударом. Он им и стал.

Влажная ладонь священника опустилась мне на макушку, поползла по волосам, тронула плечо. Горячие кончики пальцев легонько коснулись обнаженной кожи у ворота платья.

— Тебе непросто будет это сделать, — вкрадчиво произнес он. — Ты скромная девушка, которой прочили судьбу чистой дочери богини. Не знаю, как ты переживешь это унижение... Давай попробуем, что ли...

Я отняла лицо от ладоней и посмотрела на священника. Он быстро облизал свои и без того мокрые губы, потянул шнурок на моем платье...

— Обойдемся без тренировок, — отрезала я.

— Ты стала другой, — заметил мэйн Кастор, его темные глаза лихорадочно заблестели. — Меня-то не стоит бояться.

— Уйдите, я буду молиться, — сказала я.

— Давай помолимся вместе, — кивнул он. — Пусть отведет от тебя богиня этот несмываемый позор.

— Пора! — Дверь распахнулась, и на пороге появились уже знакомые мне Энни и Инфинита. Высокая дама молча разворачивала тяжелый синий плащ, а толстуха принялась споро развязывать шнурки на моем платье.

— Тебе нечего стесняться, — сказала она, стягивая верхнее платье к моим ногам. — Ты молодая, красивая... Хотя, конечно, неприятно вот так...

Инфинита мрачно посмотрела на мэйна Кастора, забившегося в уголок, и, прихватив его за капюшон рысы, как щенка за загривок, выставила за дверь.

— Я должен проследить! — выкрикнул он из коридора.

— Идите в храм, — посоветовала ему Инфинита. — Там уже все собрались.

Захлопнув дверь, она подошла ко мне и стала аккуратно вытягивать шпильки, распуская мою прическу, сложность которой я смогла оценить только сейчас — по горе заколок, растущей на полу. Волосы оказались густыми, длинными и укутали меня почти до пояса. Нижнее платье тоже соскользнуло к ногам, и по коже от холода побежали мурашки. Инфинита повернула меня к круглому зеркалу в толстой металлической оправе, висящему на стене. Наверное, на моем лице отразилось удивление, но она неправильно его истолковала.

— Ты красивая, твой муж будет рад, — сухо констатировала Инфинита.

Я видела хрупкие плечи и небольшие круглые грудки с розовыми сосками, выступающие ключицы и мягкий живот с аккуратной ямкой пупка. Конечности и шея слегка удлиненные, по-видимому, из-за меньшей, чем на Колыбели, гравитации. Удивляться нечему. А вот зеркало было старым иллюминатором, покрытым с изнанки слоем серебра. Отражение в нем получилось растянутым, но я все равно стояла и смотрела, и не могла поверить, что это происходит со мной. Я — в прошлом, на незнакомой планете, смотрю на чужое отражение в иллюминаторе Ковчега номер девять...

— Вот сутулая какая, — пробормотала я, расправляя плечи.

Инфинита быстро укутала меня в теплый тяжелый плащ.

— Я оболью тебя водой в знак очищения, Эврика, и ты пройдешь к алтарю, где тебя уже ждет твой будущий муж.

Вот и славно. Передо мной открыли дверь, повели по узким белым коридорам, напомнившим «Арго». Мэйн Кастор плелся следом, и я вдруг поняла, что нож, подаренный им, остался в кармане платья, теперь валяющегося на полу. Пусть так. Мне не нужно оружие рядом с Владом.

Двустворчатые деревянные двери распахнулись, открывая небольшое квадратное помещение без окон, и ко мне повернулся высокий старик в белоснежной мантии. Он поморщился, будто от плохого запаха, окинул меня тяжелым взглядом с головы до ног. Я невольно подобралась, выпрямилась, глядя поверх его плеча, точно на построении. После армии я могла отличить командира с первого взгляда — по осанке, манере держаться, невидимой ауре власти, и сейчас все кричало, что передо мной стоит капитан.

— Дочка Алистера, — проскрежетал он так хрипло, будто его горло забилося песком. — Как тебя зовут, напомни?

— Эврика, — ответила я.

Может, надо присесть в реверансе, а не вытягиваться в струнку, как на плацу? Я почувствовала, что краснею. Что делать? Поклониться? Что-то сказать? Передать привет от папы?

Он развел полы моего плаща, тяжелая бархатная ткань соскользнула с плеч, стекла к ногам. Старик взял с подставки канделябр с тремя свечами, обошел меня, разглядывая в свете трепещущих язычков пламени со всех сторон, как товар на рынке, и я стиснула зубы. Делать реверансы перехотелось. Когда он снова оказался напротив, я посмотрела прямо ему в глаза. Его волосы, белые, как молоко, были разделены пробором и заплетены в две тощие косицы. Седая борода окрасилась в бурый цвет то ли от вина, то ли от крови. Капитан Рутгер — а я не сомневалась, что это он, — был очень стар. Серый, высохший, словно вся вода, что была в его теле, собралась в глазах — невероятно ярких и синих.

Мы сверлили друг друга взглядом, и он хмыкнул. А потом вдруг сгреб мои волосы и, подняв их, посмотрел на мою шею сзади.

— Точно она. Я уж было подумал, другую подсунули, — прохрипел он. — На помолвке ты рухнула в обморок, стоило Амперу тебя поцеловать. Что ж теперь такая храбрая?

— Морской воздух, — огрызнулась я. — Здоровое питание.

— Капитан Алистер передал письмо, — поспешно сказала Инфинита, протягивая старику конверт.

— Я прочитаю, позже, — кивнул он и взял с низкого столика белый кувшин.

Иссохшие руки капитана задрожали, и он едва не выронил кувшин. Инфинита быстро пришла на помощь, и вдвоем они занесли его над моей головой. Энни распахнула вторые двери, открывая вход в храм.

— Принимаю тебя в свой экипаж, Эврика, дочь Алистера, — проскрипел старик.

Холодная вода плеснула мне на затылок.

Чужие взгляды обожгли мою обнаженную кожу, а прохладные ручейки воды побежали по спине, груди, животу, собираясь в лужицу под ногами.

— Худосочная какая, — прозвучал справа громкий шепот. Я повернула голову и увидела дородную тетку с косами, уложенными бубликами за ушами. — Взяться не за что.

Мои ногти до боли впились в ладони.

— Хорошенькая, — возразила ее соседка-бабулька, близоруко щурясь. — Смугляночка, румяная, как булочка.

Пацан с левого ряда рассматривал меня так жадно, словно раньше голых женщин не видел. Может, так оно и было.

— Ух, я бы... — начал он.

Щелчок — и звуки в моей голове исчезли. Я растерялась от внезапной глухоты, замерла, пытаюсь

услышать хотя бы свое дыхание. Последний привет от Эврики? Кто-то слегка подтолкнул меня в спину, заставляя идти. Я пошла по проходу между рядами лавок, чувствуя босыми ступнями холодный каменный пол. Незнакомые лица поворачивались ко мне, жадные взгляды прилипали к самым укромным частям моего тела. В ушах была гулкая тишина, но, возможно, и к лучшему. Я не слышала всех сальностей, что отпускали на мой счет, а смотрела лишь вперед и шла, расправив плечи.

Стены храма были лаконично белыми, продолговатые прорезы в потолке, пропускающие солнечный свет, походили на прямоугольные лампы в лаборатории. И меня осенило: капитан Рутгер сказал, что принял меня в свой экипаж! Раздевание, омовение — я будто прошла антисептический блок перед посадкой на корабль!

Традиции с Ковчега номер девять остались, пусть и утратив исходный смысл.

Алтарем же в храме была старая медицинская капсула. Стекланный купол от нее куда-то подевался, но я узнала и кнопку вызова персонала, идеально лежащую под указательный палец, и торчащий клапан подачи кислорода. Безнадёжно устаревший образец, на «Арго» куда более современные модели: за полчаса можно вылечить зубы, сделать эпиляцию, очистить кровь и заодно поспать.

У алтаря ждал мужчина. Со слегка удлинёнными конечностями, как и у всех жителей этой планеты, с широкими, как у пловца, плечами, обтянутыми синей рубашкой, похожей на форму офицера космолота. Мой жених. Влад Увейро. Он увидел меня, и синие глаза, яркие, как у старикана, сверкнули яростью. Он повернулся к священнику, вырвал из его рук какую-то белую хламиду, и поспешил ко мне.

А я шла к нему, словно на свет маяка, и впитывала его новую внешность: густые светлые волосы, невообразимо синие глаза, верхняя губа перечеркнута тонкой полоской старого шрама. Влад быстро накинуд мне на плечи белое одеяние, напоминающее халат, заботливо укутал им, помог попасть в рукава и закрепил ворот золотой звездой. Он что-то рявкнул в сторону, оскалившись, как хищный зверь, и все люди, будто по команде, повернулись вперед, перестав глазеть на меня. Зубы у его донора, кстати, оказались отличные.

Влад обхватил мое запястье, погладил руку, и я поняла, что до сих пор сжимаю кулаки. Выдохнув, я разжала пальцы, хотя меня все еще слегка потряхивало от произошедшего. Влад неуверенно улыбнулся, но в его глазах явственно читалась тревога. Я взяла его за руку, пожала пальцы и улыбнулась в ответ. Все нормально. Теперь, когда он рядом, все будет хорошо.

Влад подвел меня к алтарю, возле которого уже стоял местный священник в коричневой рясе, сверкающей золотом по подолу. Гладкая физиономия мэйна Кастора мелькнула за его спиной и исчезла. Церемония началась, но я по-прежнему не слышала ни звука. Сбоку на стене обнаружилась фреска, привлекающая мое внимание: люди в круглых шлемах космоходцев, пятиступенчатая пирамида, летящая через россыпь звезд из белого металла с характерным бирюзовым отливом. Олимпиам! Они вырезали звезды из стен Ковчега!

А с иконы за алтарем улыбалась богиня с лицом Фернанды.

Я вздрогнула от неожиданности. Очередной глюк из-за адаптации в чужом теле? Изображение не менялось, как я в него ни всматривалась: темные глаза, плавные дуги бровей, едва заметная улыбка на губах. Разве что нос чуть тоньше. Может, просто похожа?

Я попыталась найти в обрывках памяти Эврики что-то об их религии, но, похоже, хозяйка тела, не пережив публичного позора, покинула меня навсегда. Ни картинки, ни строчки, ни кадра. Осталась лишь я.

Влад в чужом теле выглядел вполне уверенным, хоть и слегка уставшим. Под синими глазами пролегли круги, на скуле виднелась свежая ссадина. Успел подрасться с кем-то, чтобы обжить тело донора? Мелькнувшая мысль о том, что он мог и заняться сексом, неприятно уколола. Интересно, как на этой планете с внебрачными связями? На «Арго» все просто. Если двое хотят заниматься сексом друг с другом, они сообщают об этом Фернанде, и после анализа совместимости ежедневно получают через браслет необходимую дозу гормонов, от которых повышается либидо и партнер становится очень привлекательным физически. Но сейчас я чувствовала, как кровь бежит быстрее, даже без всякого вмешательства Фернанды в мой организм. Пальцы Влада поглаживали мою ладонь, в его взгляде сквозил тот же мужской интерес, что и тогда, в лаборатории, и он волновал меня, вызывая ответное влечение.

Влад протянул наши сплетенные ладони вперед. Священник, ничуть не похожий на мэйна Кастора, с исчерканным морщинами лицом и молодыми глазами, уколол острием ножа сначала его запястье, а потом и мое. Красные капли упали в подставленную чашу. Священник опустил в нее палец, смешал нашу кровь и обвел ею губы Фернанды на иконе. Влад надел на мое запястье широкий

серебряный браслет с подложкой из какого-то мягкого материала, а я, взяв с алтаря такой же, надела ему.

Здесь они, конечно, переборщили с пафосом. На космолете после анализа Фернанда материализуется, чтобы озвучить срок договора и нюансы вроде времени совместного пребывания и дополнительного выходного. Хотела бы я посмотреть на выражение ее лица, если бы я предложила ей лизнуть крови...

Влад повернулся к священнику и что-то сказал. Потом посмотрел на меня, и во взгляде читался вопрос. Оглянувшись, я увидела то же напряженное внимание на лице Энни, которая вцепилась в локоть невозмутимой Инфиниты, и крупные капли пота на лбу мэйна Кастора, который перебрался на первый ряд и примостился на краешке лавки. Капитан Рутгер, сидящий на возвышении, уставился на меня с негодованием, раздувая ноздри.

От меня чего-то хотели.

— Да, — ответила я, надеясь, что от невесты во всех мирах ждут одного — согласия.

Влад улыбнулся и склонился ко мне. Замер на мгновение, рассматривая мое новое лицо.

Сейчас мы были на миссии, от которой зависело будущее человечества, и я понимала, что Влад отыгрывает роль, но он поцеловал меня по-настоящему. Он притянул меня к себе, положив одну руку на талию, а другой зарывшись в волосы на затылке, так что я не смогла бы увернуться, даже если бы захотела.

Я привстала на цыпочки и потянулась к нему.

Теплые требовательные губы приникли к моим губам, горячий язык скользнул в рот, и я ответила на поцелуй, чувствуя его еще острее из-за того, что в голове моей по-прежнему висела звенящая тишина.

Пусть Влад не похож на себя: его глаза синие, а в волосах будто запуталось солнце, и на его поцелуй отзывается тело другой женщины. Наверное, более пылкой, потому что я никогда раньше не теряла почву под ногами от поцелуя. Но все равно сейчас мы были настоящие, в этом храме, построенном из обломков космического корабля, перед лицом компьютерной программы, намалеванной на куске холста.

Когда Влад подхватил меня на руки и понес из храма, я улыбалась, как настоящая новобрачная. Дети осыпали нас красными лепестками, женщины — зерном. Чья-то меткая рука швырнула мне колючую горсть прямо в лицо, так что какое-то время я отплевывалась зернышками, и это меня слегка отрезвило. Влад пронес меня по белым коридорам замка и поставил на ноги лишь для того, чтобы усадить за один из столов, накрытых в просторном квадратном зале, украшенном цветочными гирляндами. Возможно, мой новоиспеченный муж опасался, что я могу грохнуться при всем честном народе, не справившись с чужим телом, но я чувствовала себя отлично. Только все еще не привыкла к своим новым пропорциям и случайно столкнула бокал. Когда он разлетелся на осколки, зал взорвался радостными криками, а тишина в моей голове внезапно сменилась раскатами людских голосов, от которых захотелось заткнуть уши.

Я сидела, потупив глаза, исподволь разглядывая собравшихся людей и прислушиваясь к разговорам, а еще целовалась с Владом каждый раз, когда кто-то из гостей поднимал тост. Его губы становились все жарче, руки — наглее, а язык успел исследовать весь мой рот.

Надо признать, новое обличье шло ему даже больше, чем настоящее. Он двигался так уверенно, словно был рожден в этом теле — с длинными ногами, широкими плечами и выгоревшей под чужим солнцем шевелюрой. А улыбка по-прежнему была самой обаятельной во всем Космосоюзе. Он шутил с мужчинами, сидевшими рядом, безошибочно называя каждого по имени, и я восхищалась его профессионализмом и самообладанием. Здесь, в ином мире, он чувствовал себя как дома и, кажется, даже слишком расслабился.

ГЛАВА 4

Валд, младший сын капитана Рутгера, не хотел жениться. Он и не должен был. Невеста предназначалась старшему брату. Союз между экипажами упрочил бы зыбкий мир, и оба капитана — Рутгер и Алистер — после длительных переговоров одобрили будущий брак. Однако Ампер потерял руку на охоте, и Алистер заявил, что не отдаст свою дочь за калеку. Старый козел хотел войны. Валд чуял ее предвестников как приближение грозы, когда все затихает, но горизонт уже подсвечивается далекими росчерками молний. Тогда отец предложил своего младшего сына, укомплектованного всеми конечностями, и Алистер не смог отказать.

Валд был в ярости. Его сосватали, как какую-то девку, даже не спросив. Но, поразмыслив, согласился. Не мог не согласиться. Войны он тоже не хотел. А теперь, сидя рядом с молодой женой, такой милой, нежной, пылко отзывающейся на его ласки, думал, что все, в общем-то, неплохо. Эврика оказалась симпатичной и совсем не такой забитой, какой ее описывал брат.

К тому же головная боль, от которой он пару часов назад чуть не сдох и бился словно в агонии, отступила. Чужой голос затих, и руки-ноги снова повиновались ему, как положено. Как и остальные части тела. Он не стал никому рассказывать о непонятном приступе и списал все на нервное напряжение перед свадьбой, которой, оказывается, не стоило бояться.

Валд положил руку на колено Эврики и провел вверх по бедру. Полы свадебного одеяния разошлись, и его пальцы коснулись горячей шелковистой кожи. Кроме церемониального халата, сколотого одной лишь брошью-звездой, на девушке больше ничего не было, и это будоражило. Хотелось отстегнуть звезду, развернуть свою жену, как дорогой подарок, и рассмотреть все ее тело, которое он так внезапно увидел в храме, в деталях. А заодно потрогать, поцеловать, попробовать на вкус...

Он сдвинул ладонь еще выше.

— Влад. — Эва одернула его руку и посмотрела строго, как учительница.

— Ты напряжена, — придвинувшись, промурлыкал он ей на ухо и слегка прикусил маленькую розовую мочку.

— Конечно! — возмущенно прошептала она. — У нас впереди важная миссия!

— Миссия? — Валд едва не расхохотался, но сумел сдержаться и состроил серьезное лицо. — Поверь, я отношусь к ней со всей ответственностью, — заверил он и поцеловал нежную кожу за ухом.

— Ты точно знаешь, что делать дальше? — спросила Эврика.

Он отвернулся, пряча улыбку. Девочку воспитывали в монастыре, известном строгими правилами. Даже в сопровождающие ей выделили священника. Понятно, что она волнуется из-за предстоящей брачной ночи.

— Знаю, — твердо сказал он и положил на ее тарелку ароматную котлетку. — Поешь, силы тебе понадобятся.

Эврика благодарно кивнула и, отломив вилкой кусок, с опаской понюхала его и отправила в рот. Прожевав, застонала от удовольствия и мигом умяла котлету целиком. Валд подвинул к ней блюдо с закусками, подал бокал вина, и она осушила его до дна.

— Это лучшее, что я когда-либо пробовала, — пробормотала она. — Значит, у тебя уже есть план?

— План? Нет, я предпочитаю импровизировать, — улыбнулся он и, заправив прядь волос ей за ухо, погладил длинную шею.

— Ладно, — серьезно кивнула Эврика и, посмотрев на него доверчивыми глазами олененка, облизнула пухлые губки, красные от вина. — Скажешь, что мне делать. Я полностью в твоём распоряжении.

Валд выдохнул и, поерзав, незаметно поправил ставшие тесными брюки. Брак — это великолепно!

В зале, только недавно полнившемся смехом и криками, повисла тишина.

Отец тяжело поднялся со своего места, опираясь на плечи матери и тети Энни, посмотрел на невесту, потом на него. Все притихли, ожидая слов капитана. Валд до сих пор был в ярости из-за выходки отца: он опозорил его будущую жену, чтобы задеть Алистера. Но сейчас, когда Валд посмотрел на отца, злость притупилась, уступив место острой горечи. За последние месяцы капитан Рутгер совсем постарел: две косы побелели и истончились, кожа стала серой и морщинистой, как

кора камнелома.

Валд встал, потянул за руку молодую жену, помогая ей подняться. Отец пристально смотрел на него, и Валд понимал все без слов. От их союза зависел мир между экипажами, и он был намерен стать образцовым мужем. Кажется, это будет не так и сложно.

— Будьте счастливы, — выдохнул отец и осушил поданный ему кубок. Капли красного вина стекли по седой бороде. — Хватит лапать невесту, младший. Жена, отведи ее в спальню, пока мой сын не разложил ее прямо на свадебном столе.

Дружный хохот прокатился по залу, тетя Энни и мама помогли отцу сесть и увели Эврику. Валд представил, как они зажигают свечи по всей спальне, усаживают девушку на большую кровать, расчесывают длинные густые волосы, которые можно намотать на кулак... Он едва выждал несколько минут и тоже поднялся.

— За невесту, — провозгласил он тост, подняв кубок, — которую я собираюсь сделать своей женой немедленно.

— Девка что надо, — сказал Магнус, опрокинув кубок. Он вытер губы рукавом, развязно улыбнулся. Покачнулся слегка, как будто уже успел напиться, но глаза, такие же яркие, как у Валда, оставались трезвыми. Двоюродный брат, а похож на него больше, чем родной: светлые волосы, синие глаза. Разве что ростом Магнус пониже, в тетку Энни, и характером гаже — это уж непонятно в кого. — Чистенькая, тоненькая, сисечки тугие, как яблочки, — продолжил Магнус. — Если понадобится помощь — зови.

— Справлюсь, — ответил Валд и поймал суровый взгляд Ампера, который, кажется, единственный не одобрял эту свадьбу. Странно. После помолвки брат ходил, как в воду опущенный и теперь, по идее, должен радоваться...

— А может, пусть Ампер будет первым, — предложил Магнус, хихикнув. — Сначала ведь он был ее женихом. Кварги только руку ему откусили или кое-что еще? А, Лора? Если что — только скажи, и я...

Ампер резко вскочил с места и попытался вмазать Магнусу по роже здоровой рукой, но тот легко уклонился, и удар по инерции пришелся в плечо толстого Буя. Тот облился вином и несколько мгновений осмысливал произошедшее. За это время самые сообразительные успели сорваться с мест и удрать подальше. А потом Буй встал, опрокинул стол и, зарывчав, повернулся к Амперу.

Валд вышел из зала, где, судя по доносившимся крикам и грохоту, стремительно разгоралась драка, и поднялся по лестнице, перепрыгивая ступеньки. Он столкнулся с тетей Энни и матерью у дверей спальни.

— Давай покажи, кто здесь настоящий мужчина, — напутствовала тетка.

— Не спеши, — посоветовала мать, пригладив ему растрепавшиеся волосы. — Будь поласковее. Эва — хорошая девочка, вы сможете быть счастливы, если постараетесь найти подход друг к другу...

— Разберусь, — отрезал он и, протиснувшись между ними, вошел в спальню.

— Вынесешь потом простыню! — выкрикнула ему вслед тетка, и Валд, захлопнув дверь, прислонился к ней спиной.

Его жена сидела на краешке кровати, глядя на него с ижежной улыбкой. Темные волосы шелком струились по белой ткани свадебного одеяния, щеки разрумянились то ли от вина, то ли от того, что должно было произойти, глаза сияли.

— Наконец-то мы одни, — выдохнула она.

— О да, — согласился Валд и подошел к ней ближе.

Только когда дверь за Владом закрылась, отрезая нас от остальных, я поняла, какое испытывала напряжение. Чужой мир изнурил впечатлениями, и мне требовалась передышка. В спальне, которой предстояло стать моей комнатой на ближайший месяц, оказалось куда уютнее, чем в каюте «Арго»: обтянутые узорчатой тканью стены, свечи с мягкими язычками огня, ароматы цветов, проникающие через приоткрытые окна, шум моря — я будто попала в сказку.

А больше всего меня поразила ванна — огромная, чугунная, стоящая на толстых перепончатых лапах у дальней стены комнаты и источающая пар. На «Арго» для «мышек» предусматривались общие душевые с нормой расхода воды четыре литра на человека. Водой из этой ванны мог бы

помыться весь обслуживающий персонал звездолета.

Влад же смотрел только на меня. Наверное, пытался привыкнуть к моей внешности. А его донор был упоительно хорош. Слегка грубоватые, но правильные черты лица, густые темные брови, контрастирующие с выгоревшими волосами, и какие-то космические глаза. Да и остальное выглядело неплохо.

— Тебе досталось хорошее тело, — сказала я, разглядывая его.

Он слегка удивленно приподнял бровь. Подошел к маленькому столику у камина, который не стали разжигать, взял кувшин и разлил по бокалам вино. Влад двигался с ленивой фацией хищника, и я снова поразилась тому, как быстро он сумел обжиться.

— Спасибо, — ответил он. — Тебе тоже. За нас?

Я взяла из его рук бокал, отпила и покатала жидкость во рту, наслаждаясь терпким вкусом на небе.

— И за успех миссии, — добавил он, как-то странно улыбнувшись.

Я кивнула и выпила до дна. Он забрал мой бокал, поставил его назад на столик.

— Влад, ты не против, если я приму ванну? — спросила я. — День был сумасшедший. Меня везли сюда в тесной лодке, и я вспотела, как собака.

— Конечно, — ответил он. — Давай я тебе помогу.

Я с легким сожалением встала с кровати. Она была такой широкой, мягкой, с нависающим над ней балдахином. Я приму ванну — самую шикарную в мире, а потом упаду в эту кровать и просплю до самого утра.

Если, конечно, Влад не предложит что-то еще. А судя по его рукам, обнявшим меня, потемневшему взгляду, губам, которые коснулись моего виска, оставив пылающую метку, у него есть и другие планы, кроме сна.

Глупо отрицать, что я чувствовала возбуждение. Он касался меня так нежно — расчесал пальцами волосы, слегка помассировал затылок, потом осторожно поцеловал в уголок губ, будто и вовсе не он засовывал язык мне в рот на глазах у всех этих варваров с девятого Ковчега. И все действительно было по-другому. Там мы были обязаны вести себя в соответствии с выпавшими ролями.

А сейчас остались одни.

Я мечтала о Владе Увейро долгие годы, но он обо мне узнал лишь сегодня. На его плечах в нашем времени остались отметины ногтей другой женщины. А кто я для него? Тренажер, чтобы обжить тело донора? Когда его губы стали настойчивее, я отстранилась, слегка оттолкнула его, положив руку на грудь.

— Ванна, — кивнул он, глядя на мои губы. — Понял.

Золотая брошь в форме звезды упала на пол. Влад медленно раздвинул полы моего халата, будто наслаждаясь мгновением. Белая ткань зашуршала, падая к ногам. Я переступила через нее и пошла к ванне, спиной чувствуя горячий взгляд, провожающий меня. Забравшись в ванну по маленькой лесенке, я с наслаждением откинула голову, свесив волосы через край. Заморачиваться с их мытьем сегодня не хотелось. Лучше всего было бы обрезать их до приемлемой длины, но, боюсь, это не по правилам местного общества. Насколько я успела заметить, замужние женщины здесь носили длинные косы.

— Я присоединюсь? — вкрадчиво спросил Влад.

Не став дожидаться ответа, он начал расстегивать рубашку, а я поняла, что не откажу ему этой ночью. Пусть я для Влада всего лишь случайная партнерша по заданию и нужна ему только для получения полного физического контроля над телом донора — плевать. Если я откажусь, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Передо мной сейчас раздевался самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела: широкие плечи, крепкие руки, торс, по которому можно изучать анатомию мышц. И в этом теле был Влад. Мой герой, спаситель и кумир.

Он снял рубашку и бросил прочь. Я слегка поморщилась. Терпеть не могла нерях, разбрасывающих свое грязное шмотье. Но рубашка спланировала точно на лавку, стоящую в углу. Интересно, как это Влад успел ее заметить. И бросок был таким точным...

Я поджала колени к груди, глядя на мужчину, приближающегося ко мне.

Он, однако, не торопился забираться в воду. Вместо этого подошел сзади, положил руки мне на

плечи, слегка помассировал, потом его ладони медленно спустились ниже, обхватили груди, а пальцы обвели соски и легонько сжали.

— Влад... — прошептала я, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами — смесью иррационального страха и острого желания. — Ты уверен, что нам стоит это делать? Мы совсем не знаем друг друга.

— У нас вся жизнь впереди для того, чтобы познакомиться, — ответил он тихо. Бархатистые интонации его голоса и дразнящие ласки пьянили не хуже вина.

Выходит, это не разовая интрижка для него? Не только физическое упражнение для попаданца?

Его руки скользили по моему телу, тающему от прикосновений. И я поняла, о чем он говорил еще в лаборатории, предлагая заняться сексом, — теперь я воспринимала тело действительно своим. Это моя голова запрокинулась, мой рот приоткрылся, впуская его язык. Повернувшись к Владу, я гладила его колючие щеки и зарывалась пальцами в густую шевелюру, легонько царапала широченные плечи, целовала, ласкала, кусала его губы, такие нежные и требовательные, и лизнула короткий шрам, прячущийся в их уголке.

— Уф... — Влад дернул шнурок на штанах, но тот запутался. — Какая горячая у меня жена. Подожди...

Я улыбнулась и снова погрузилась по шею в воду, глядя, как Влад идет к лавке, сражаясь со штанами.

— Кстати, раз уж мы заговорили о знакомстве, — сказал он, развязав наконец шнурок, — ты не совсем верно произносишь мое имя. Не Влад. Валд.

— Валд? — недоуменно повторила я.

Он кивнул и, стащив штаны, бросил их на ту же лавку. Но почему Валд? Я знала его имя едва ли не лучше, чем свое. Я изучила всю его биографию. Никакой ошибки не было. Сердце забилося быстрее, паника затопила тело, сметая и вожделение, и негу. Я облизнула губы и спросила:

— А полное имя?

— Разве ты не знала, за кого выходишь замуж? Не слышала имя в храме? — улыбнулся мужчина, снимая трусы.

Да уж, он точно хочет продолжить... Я невольно отвела взгляд, вжалась в ванну и прикрыла грудь руками.

— Валидол, — нахмурился он. — Мое полное имя.

Валидол. Я нервно рассмеялась, но глаза мои защипало, и все поплыло, будто я опять потеряла контроль над телом. Я сморгнула, слезы быстро скатились по щекам, и картинка снова стала четкой.

Осознание произошедшего набатом стучалось в голове, но я просто отказывалась это принять.

Он шутил с гостями, двигался грациозно, как хищный кот, и вел себя естественно, потому что все это время был собой. Но не Владом Увейро, а незнакомым мужиком, который сейчас медленно приближался ко мне.

Этого не может быть! Не может! Я одна. На чужой планете. В чужом теле. И рядом со мной дикарь, который собирается заняться со мной сексом!

— Что за имя — Валидол? — спросила я, подбравшись и мысленно надавав себе оплеух. Собраться! Не раскисать!

— Старинное имя, — пожал он плечами. — Означает «услада для сердца». Мать выбрала его для меня. Она умерла при родах, но отец исполнил ее желание.

Боже, это все не шутка! Это происходит на самом деле!

— Я думала, твоя мать — Инфинита, — сказала я.

— Она моя мачеха, — ответил он коротко, явно не желая сейчас вдаваться в подробности, и потянулся ко мне.

Я метнулась к другому краю ванны, вода выплеснулась через бортик.

— Эврика, ты говорила, что будешь делать, что я скажу. Что ты полностью в моем распоряжении. Сейчас я хочу, чтобы ты перестала от меня бегать, — сердито приказал он.

Я прикусила губу, пытаюсь сдержать рвущийся наружу истерический смех. Так вот как он это понял. Я говорила о миссии по спасению человечества, а он — о брачной ночи. А ведь по законам этого общества он, как супруг, наверняка имеет власть надо мной. И может сделать все, что взбредет ему в голову. Эврика, в чьем теле я сейчас заперта, после брачной ночи убила его, а потом покончила с собой.

И из-за него погиб Влад Увейро!

По-видимому, мой новоприобретенный муж что-то понял по выражению моего лица, потому что он остановился, поднял ладони и попятился на несколько шагов.

— Отвернись, — сухо сказала я.

Он вздохнул, повернулся ко мне спиной и, отойдя к стене и присев, стал разжигать огонь в камине.

— Я не понимаю, — сказал он, пока я выбиралась из ванны и быстро заворачивалась в свадебный халат. Кто придумал эту одежду? На ней даже нет пуговиц! И брошка, как назло, куда-то подевалась. — Все было хорошо. Ты так нежно целовала меня и отвечала на ласки. Что случилось?

Огонек заплясал на бревнах, и мужчина, выпрямившись, повернулся ко мне. В синих глазах читалась решимость, которая мне совсем не понравилась.

— Ты, видимо, боишься, — вкрадчиво произнес он и шагнул вперед. Я быстро попятилась, так что теперь нас разделяла кровать. — Первый раз... Ты страшишься неизвестности и боли. Но поверь, тебе понравится.

Я криво усмехнулась. Уверенности ему не занимать.

— Просто доверься мне, — сказал он, придвигаясь еще на шаг. — Тебе ведь нравились мои поцелуи. И когда я ласкал твою шею и грудь...

Я запахла полы халата, огляделась, ища, чем бы подпоясаться, и вдруг Валд оказался рядом со мной. Я пикнуть не успела, как мои запястья попали в тиски его ладоней, а крепкий горячий торс прижался к моему телу. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но добилась лишь того, что халат распахнулся и сполз с плеч.

— Шш, — прошипел он мне на ухо, перехватил оба запястья за спиной одной рукой, а второй пригладил мне волосы, как какой-то кобыле гриву. — Ты ведь хотела узнать друг друга лучше, так давай начнем... Я уже знаю, какие у тебя сладкие губы и мягкие волосы, — прошептал он, — и как твердеют твои соски, когда я их ласкаю. Я хочу узнать, какая ты горячая внутри и как стонешь от наслаждения...

Я резко согнула ногу в колене, и дикарь громко застонал от боли, согнувшись и выпустив мои запястья. Я быстро перебралась через кровать и встала, чуть пригнувшись и выставив руки вперед. Не собираюсь заниматься сексом с мужиком, которого вижу впервые. Я хотела сделать это с Владом Увейро, с мужчиной, которого боготворила с юности, с тем, кто спас меня и брата с планеты, оккупированной шиагами, с героем войны... Не могу поверить, что он умер! Этого просто не может быть!

Валд выдохнул, опираясь на колени, посмотрел исподлобья и вдруг одним махом перепрыгнул через кровать. Я метнулась прочь, схватила кувшин, в котором еще оставалось вино, замахнулась.

Удар пришелся мимо. Валд ловко увернулся, а меня по инерции крутануло, и я попала в объятия дикаря, который обхватил меня сзади. Он вынул кувшин из моих пальцев — слишком слабых и тонких, аккуратно поставил его на стол.

— Эва. Я сильнее. Ты только делаешь хуже. Удел женщины — покоряться и слушаться.

Я лягнула его пяткой по колену, дернулась. Он сделал шаг назад, поскользнулся то ли на воде, вылившейся из ванны, то ли на вине, и грохнулся на пол, утягивая меня за собой. Я упала на него сверху, ощутимо приложившись затылком о его зубы. Варвар выругался, а я, вывернувшись, поползла к кровати. Халат опутал ноги длинными полами, а варвар схватил меня за щиколотку и дернул на себя. Я зашипела, стукнувшись подбородком об пол, и Валд отпустил меня. Обрадовавшись, я бросилась к кровати, но он, похоже, того и ждал. Я обо что-то зацепилась, наверняка о ногу подлого варвара, и рухнула лицом вниз на перину, а Валд тут же прижал меня сверху.

— Видит богиня, ты вынуждаешь меня, женщина, — рявкнул он. — Я этого не хотел.

Я двинула локтем назад, но Валд был начеку. Перехватив мои руки, он стащил рукава халата, и скомканное свадебное одеяние улетело на пол.

— Пусти меня, сволочь, — прошипела я, но он прижал мне ладонью затылок, так что я уткнулась носом в перину. Вторая рука смачно опустилась мне на ягодицу.

— Отличная попа, — одобрил он. — В общем, давай так. Я делаю все быстро. Ты осознаешь, что это не так и страшно. И во второй раз все будет как положено.

Второй раз?! Я забилась, как рыба, выброшенная на берег, пытаюсь сбросить с себя этого мужика, но он уселся сверху, придавив бедра и заведя мои руки за спину, и теперь, я была уверена, пялился на мой зад. Страшное осознание окатило меня удушливой волной: я буду его женой целый месяц!

Валд тем временем провел ладонью по моим волосам и, собрав их в кулак, намотал себе на руку и слегка потянул.

— Откуда у тебя эти шрамы на шее? — спросил он.

— Не помню, не соврала я. — Послушай, Валидол, — боже, ну и имечко, — ты прав, я действительно боюсь. — Я всхлипнула, подпустила в голос страха и печали. — Может, поговорим сначала? Выпьем еще вина?..

— Нет, — отрезал он. — Потом снова тебя ловить по всей спальне? Ты и так выпила достаточно. Мне не нужна пьяная женщина в постели.

— А та, которая не хочет, нужна? — возмутилась я.

— Может, в процессе ты захочешь, — не стушевался он. — К тому же у нас нет выбора. Без окровавленной простыни я из этой комнаты не уйду.

Валд коленом раздвинул мои ноги, и я охнула от веса варвара.

— Подожди! — взмолилась я. — Я хочу видеть твои глаза. Я никогда еще не видела таких синих глаз!

Валд помедлил, а я, затаив дыхание, ждала ответа. По-видимому, каким-то звериным чутьем он понял, что я отчасти говорю правду, поэтому, приподнявшись и отпустив мои волосы, рывком перевернул меня на спину, но тут же снова взгромоздился сверху, крепко зажав мои руки над головой.

— А мне нравятся твои глаза, — сказал он. — Как у олененка. И губы.

— Тоже как у олененка? — уточнила я.

Валд хмыкнул, рассматривая меня. Его густые брови разгладились.

— Ты забавная, — сказал он. — И хорошенькая.

— Влад, — робко позвала я, с отчаянной надеждой всматриваясь в глубину синих глаз. Вдруг еще не все потеряно, и Влад Увейро все же сумеет занять тело варвара? — Влад, ты там? Ты внутри?

— Валд, — исправил меня варвар. — Когда я буду внутри, ты почувствуешь, поверь.

Он склонился, чтобы поцеловать меня, и я резко впечатала ему лбом в нос. Мой коронный удар. Никогда не подводил.

— Чтоб тебя! — завопил он и отпустил мои запястья, прижав ладонь к своему лицу.

Столкнув его, я скатилась на пол и встала у края кровати, готовясь защищаться снова.

Валд вытер разбитый нос ладонью, посмотрел на кровь, оттер руку о простыню и мрачно уставился на меня.

— Ты хотел окровавленную простыню? Так вот она, — нагло сказала я, пожав плечами и внутренне холодея от ужаса.

Варвар был куда сильнее даже меня настоящей, прошедшей армию и сложенной крепче хрупкой Эврики. До сих пор он пытался мне не навредить — не считать же ударом шлепок по попе. И сейчас я понимала, что, возможно, сделала лишь хуже.

Я схватила с низкого столика канделябр и подняла вверх, намереваясь обрушить его на голову варвара, как только он ко мне полезет. Канделябр оказался тяжелым, и тонкая ручка Эврики

предательски задрожала.

Варвар встал, сгреб простыню с пятном крови, подхватил с лавки штаны и вышел из комнаты. Дверь с грохотом захлопнулась.

Я постояла еще какое-то время, ожидая подвоха, но звук его шагов постепенно затихал. Едва не выронив канделябр, я поставила его назад на столик. Выдохнула, пытаюсь унять колотящееся сердце.

Влад Увейро погиб, не сумев занять тело донора. Что-то пошло не так. Может, какой-то технический сбой, ошибка рыжего. Потому что Влад не мог оказаться слабее дикаря, доставшегося мне в мужа, просто не мог!

Что мне теперь делать?!

Я приподняла с пола свадебный халат, посмотрела на пятна вина и воды и швырнула его в угол. Халат туда не долетел, шлепнувшись грязным комом на пол. Слабые руки, я вся слабая, я не смогу выполнить миссию сама! Да я без понятия, что делать!

Я подошла к ванне, окунула в остывшую воду голову и подержала ее так, пока хватило воздуха. Вынырнув, отряхнулась, пытаюсь вернуть самообладание.

Я должна собраться.

Корабль шиагов в нашем времени уже приближается к планете. Второй попытки отправить попаданцев в прошлое не будет. Если я не сумею выполнить миссию, люди на этой планете погибнут, истребленные пауками. И в будущем шиаги получат дополнительный голос на Совете. Моя родная Обитель-гри перейдет мерзким тварям, убившим моих родителей и сестру. И вскоре, пользуясь преимуществом, они смогут развязать очередную войну, на которую уже собрался Кир!

Я снова окунула голову в воду, чтобы справиться с подступающей паникой. Отфыркавшись, зашагала туда-сюда по комнате, пытаюсь трезво оценить ситуацию.

Я знаю лишь то, что через тридцать дней шиаги нападут на этот замок. Мое сознание вернется назад, втянутое «Иглоу», а люди, которые сегодня веселились за свадебным столом, погибнут все до единого.

Я должна рассказать им о приближающейся опасности. Предупредить.

Меня скорее всего сочтут за сумасшедшую и не примут всерьез. Но даже если мне поверят и замок удастся отстоять, мне надо как-то убедить их уничтожить шиагов полностью.

И что делать с Валидолом?

Дверь скрипнула, и я рефлекторно метнулась за кровать.

Но в комнату вошел не варвар, как я того опасалась, а Энни и Инфинита. Они окинули взглядами комнату, которая казалась настоящим побоищем: лужи вина и воды, развороченная постель, по балдахину резво бежит дорожка огня. Наверное, я подпалила его, когда размахивала канделябром. Потом женщины одинаково расширившимися глазами посмотрели на меня, и я поняла, что выгляжу не лучше, — голая, мокрая, с всклокоченными волосами. Надеюсь, хоть отпечаток ладони варвара сошел с моей задницы.

— Эва, деточка, — робко сказала Инфинита. — Ты... э... в порядке?

Мои губы задрожали, и я, не сдержавшись, разрыдалась. Женщины тут же окружили меня заботой: одели в какой-то синий балахон, расчесали волосы, напоили горячим чаем, от которого по телу разлилось приятное тепло. Они бормотали что-то успокаивающее и обнимали меня, как маленькую. Расторопные служанки в серых платьях быстро сдернули горящий балдахин, потушили его, а потом убрали спальню и перестелили постель. На столике появились тарелки с едой и новый кувшин.

— Подкрепись и ложись спать, — сказала Инфинита. — А уж я с ним поговорю.

— И я, — зловеще пообещала Энни.

Я благодарно им улыбнулась и злорадно подумала, что варвару не поздоровится, когда обе женщины выступят против него единым фронтом. Они вышли, аккуратно прикрыв дверь, а я устроилась в кресле перед камином. Спать я точно не собиралась. Во-первых, мне надо было наметить хотя бы примерный план действий. Во-вторых, от тарелок с едой пахло одуряюще вкусно, а после драки с Валидолом у меня проснулся зверский аппетит. И в-третьих, я хотела быть начеку, когда варвар вернется.

ГЛАВА 5

Валд сидел на стуле, укутанный в белую накидку, слишком туго затянутую на шее, и старался не шевелиться, потому что Инфинита, орудующая бритвой, была в бешенстве. Лезвие быстро прошло по его голове, едва не зацепив ухо, и Валд шикнул.

— Мам, можно поаккуратнее? — попросил он.

— Вот и я об этом думаю, — сказала она, скребя лезвием бритвы так сильно, будто намереваясь снять с Валда скальп. — Аккуратнее, медленнее, нежнее. Ты ведь знаешь все эти слова?

Валд угрюмо уставился на праздничные столы, за которыми пили самые крепкие гости. Остальные валялись под лавками, кто-то тискал девку прямо в углу, кажется, Магнус. Отец ушел. Он стал быстро уставать.

За столом рядом с ними никого не было. Мать специально отвела его в дальний конец зала, якобы для того, чтобы при церемониальной стрижке волосы не попали в еду, а на самом деле — пропесочить ему мозги.

— Я ведь просила тебя быть ласковее. — Инфинита дернула его за оставшиеся волосы.

— Я пытался!

— Пытался? Пытался?! — Инфинита, быстро оглядевшись, отвесила ему подзатыльник. — Девочка в истерике!

— Да я ее и пальцем не тронул! — возмутился Валд. — Вернее, только пальцами и потрогал, — добавил он тише.

— В смысле? — встряла Энтропия, которая заметала остриженные волосы. — А кровь откуда?

Простыню, которой Влад по дороге в зал вытер нос досуха, расстелили на один из столов. Женщины успели поохать и пожалеть новобрачную, а самые проникательные — предсказать по форме пятен троих детей и счастье в доме. Теперь за этим столом пили Ампер и толстый Буй, физиономии которых были расцвечены свежими синяками.

— Это моя кровь, — признался Валд и ослабил пальцем завязку накидки, впившуюся в шею.

Инфинита охнула и быстро сказала:

— Об этом никто не должен знать. Энтропия, тебя это особенно касается. Держи язык за зубами.

Энни кивнула, но глаза ее загорелись от любопытства.

— Так что произошло-то?

— Сам не понимаю. Она была такая горячая, открытая, — сказал Валд. — А потом ее как переключило, отбиваться начала. Ну я и не стал...

— Ты все правильно сделал, — сказала Инфинита и, ласково погладив Валда по голове, чмокнула в бритый висок. — Прости, я погорячилась. Но когда я увидела ее, такую несчастную, взъерошенную, всю в слезах...

— Она плачет? — уныло спросил он.

Инфинита вздохнула, аккуратно заплетая ему косу.

— Ты пойдешь к ней, поговори. Убеди, что не желаешь зла.

— Ладно, — проворчал Валд.

— Девочка так стойко прошла старый обряд. Наверное, держалась до последнего, а потом вот сорвалась. Дай ей время.

Валд молча кивнул. Инфинита улыбнулась и погладила его по плечу, стряхнув стриженные волосы.

— Священник, что с ней прибыл, передал письмо. Твой отец уже прочел его.

Она вынула из кармана платья мятый конверт и отдала Валду. Потом затянула косу синим шнурком и, легонько за нее дернув, промокнула бритые виски полотенцем и сняла с сына накидку. Энтропия быстро замела волосы на совок, просеменила к камину и смахнула их в огонь.

— Сын, ты теперь несешь ответственность за Эврику, — сказала Инфинита, наблюдая за действиями Энни. — И за мир между экипажами.

— Я понимаю. Вообще-то она мне даже понравилась. — Он ухмыльнулся и потрогал свой слегка опухший нос.

— Вот и славно! — обрадовалась Инфинита. — Я займусь гостями, а ты не задерживайся, иди к ней.

Когда мать и тетка оставили его в покое, Валд открыл конверт и достал письмо. Быстро пробежавшись глазами по длинным приветственным оборотам, он тихо, но с выражением прочел:

— Вручаю вам драгоценный дар — мою дочь Эврику. Ее нежная прелесть успокаивает сердце, в милых очах — смирение и покорность, а ласковые руки созданы для утешения детей. Кроткая голубка выпорхнула из отчего гнезда, так пусть ваша обитель станет ее новым домом... — фыркнув, он потрогал языком слегка шатающийся зуб. — Кроткая голубка... Смирение и покорность... Алистер, сволочь, врет как дышит!

На лавке по другую сторону стола с кряхтением выпрямился Баг. Поморщившись, осторожно потрогал багровый синяк, наливающийся на скуле, пригладил растрепанную рыжую косу, сбившуюся набок.

— Ты пропустил хорошую драку, — прохрипел он. — Хотя у тебя, похоже, была своя...

— Ты все слышал, — сказал Валд, пряча письмо в карман штанов. — Ты был здесь все это время.

— Ага, — кивнул тот. Он стряхнул с длинных усов крошки, оперся локтями на стол. Мутноватые зеленые глаза сфокусировались на Валде. — Как твой лучший друг, я обязан помочь. Давай разбираться по порядку. Что конкретно произошло?

— Ты никому?.. — вздохнул Валд.

— Обижаешь. — Баг стукнул себя кулаком в грудь.

Валд, колеблясь, смотрел на него. Багу он доверял. К тому же мозги у того всегда отлично работали. Он создавал удивительные штуковины, и даже отец говорил, что его направляет богиня. Желтую рубашку ученого ему выдали еще три года назад, когда Багу только-только исполнилось двадцать четыре. Они тогда знатно надрались... Сейчас на желтой ткани расплывались подозрительные пятна то ли вина, то ли крови.

А еще Баг женат и вроде счастлив. Значит, действительно может подсказать, что пошло не так.

— Ладно, — решил Валд. — В общем, сначала все было просто отлично.

— Не упускай детали, — сказал Баг. — С женщинами это важно. Ты вошел в комнату...

— Эврика сидела на кровати. Она улыбнулась мне, сказала, мол, наконец-то мы одни и что у меня хорошее тело.

— Обнадеживающе, — одобрительно кивнул Баг.

— Потом мы выпили вина, и она захотела принять ванну. Я помог ей раздеться, поцеловал. Она была слегка зажата.

— Это нормально, — сказал друг, сосредоточенно глядя куда-то в пространство и будто представляя себе всю картину.

— Она легла в ванну, — продолжил Валд. — Я снял рубашку, опять стал целовать Эврику, она распалилась и активно отвечала на ласки. Она явно хотела!

— Верю. Что еще?

— Мы немного разговаривали, — добавил Валд. — Она вроде как сомневалась — мы совсем не знаем друг друга, да стоит ли это делать...

— Ломалась, короче.

— Да. А потом я снял штаны, разделся, пошел к ней — и бах! Покраснела, на глазах слезы, давай отбиваться. А она такая хрупкая! Я боялся, как бы не сломать чего ненароком. Ручки тоненькие, дрожат... Обнять и плакать. В общем, какой уж тут секс.

— Я понял! — просиял Баг и поднял палец вверх.

— Что?

— Ты снял штаны. С этого все началось.

— И? — не понял Валд. — Как я должен был трахаться? В штанах?

— Подумай сам, — усмехнулся Баг и пригладил усы. — Эврика росла в монастыре. Среди баб. Она и одетого-то мужика вряд ли часто видела. — Друг выдержал многозначительную паузу и, склонившись над столом, шепотом пояснил: — Она испугалась твоего Валидола-младшего.

Валд провел пятерней по голове, с непривычки запутался пальцами в косе.

— Я вообще-то так и подумал, что она испугалась, — признался он. — И что теперь?

— Пусть привыкнет к тебе и к нему заодно, — пожал плечами Баг. — Женщины — они любопытные. Просто ходи голым рядом с ней, ей самой захочется рассмотреть, потрогать... А ты опиши сначала процесс на словах. Может, в монастыре ей даже основ не рассказали. Или наоборот — переврали, нагнав ужасов. Священник, что с ней приехал, — скользкий тип.

— Где он, кстати? — поинтересовался Валд, осматриваясь.

— А кто его знает, — ответил Баг, озираясь по сторонам. — Ошивался тут, лез везде со своей потной рожей, да только все молчком. И два бугая, что с невестой приехали, не пили. А это очень подозрительно!

— Ладно. Спасибо. — Валд поднялся с лавки, провел ладонями по выбритым вискам. Голову непривычно холодило, а конец короткой косицы щекотал шею.

— Ты это... Не затягивай, — нахмурился Баг. — Если не consumiруешь брак в течение месяца, старый козлина Алистер может потребовать его расторгнуть.

Я взяла тонкий розовый ломтик мяса из разложенной веером нарезки, накрыла кусочком сыра и отправила в рот. Прожевав, пригубила вина.

Без балдахина в комнате стало просторнее. Уходя, женщины потушили почти все свечи, наверное, чтобы я снова ничего не подожгла, и теперь свет шел лишь от тлеющих углей в камине да от канделябра, отставленного от кровати к окну.

Перво-наперво я должна все разведать. Может, потомки экипажа девятого Ковчега не такие отсталые, какими кажутся на первый взгляд. Речь у них вполне развита, пусть некоторые слова они используют и не по назначению, как, к примеру, имена.

Эврика, жена Валидола. Я хмыкнула и сделала себе еще один бутерброд.

Замок, построенный по образцу Ковчега, оказался вполне пригодным для жизни. Электрического света в нем не было, зато горячая вода в ванну лилась прямо из крана, а неприметная дверь в углу вела в закуток с унитазом. Вторая дверь, обтянутая той же тканью, что и стены, не поддавалась, как я ее ни дергала.

Встав, я подошла к окну и, распахнув его, выглянула наружу. Уже давно стемнело, и черная, тихо вздыхающая масса воды отражала дорожки трех лун, разбросанных по звездному небу разноцветными шариками. Красный, желтый и синий. На «Арго» мы придумывали спутниками планеты разные имена, в основном в честь популярных актеров и героев древних легенд. Но экипаж, соскучившийся на пайке Фернанды по обычным продуктам, быстро остановился на самых простых: Помидор, Яблоко, Слива. Странно, но имя планете никто так и не придумал. Предлагали разные варианты, но ни один из них не прижился. Интересно было бы узнать, как называют ее сами варвары.

Звезды на небе, рассыпанные густо, как манка, мерцали. Волны шипели, накатывая на берег. Свежий ветер погладил мои щеки, задул за ворот синего балахона. Похоже, как жена Валидола, я теперь обязана носить одежду синего цвета, который здесь полагался людям высокого ранга. В белом щеголял лишь капитан Рутгер, коричневые рясы носили священники, а за праздничным столом я приметилла еще зеленые и желтые одежды. Слуги ходили в сером, прямо как «мышки» на «Арго».

Основная часть экипажа жила в замке. Насколько я поняла, чем выше этажом — тем круче статус. Меня отвели на четвертый, предпоследний. Третий этаж, более широкий, был прямо под нами: можно выпрыгнуть из окна и прогуляться по крыше, как по балкону. Судя по перилам, многие так и делали. Я бы, пожалуй, могла так сбежать — прыгая с этажа на этаж до самого низа пирамиды. А

значит, почти так же легко можно забраться и наверх. Особенно если у тебя есть восемь цепких лап и липкая паутина, крепкая, как веревки.

Поежившись и прикрыв окно — не хватало еще простудить нежную Эврику, — я провела ладонью по задней поверхности шеи и нащупала шрамы, о которых говорил Валд. Три продольные выступающие полосы. Как будто когда-то девушке пытались отпилить голову. Память Эврики молчала, и я снова посмотрела на океан. Три лунные дорожки были совсем близко друг от друга, точно шрамы на моей шее.

Отпив еще вина, я посмотрела на свадебный браслет, надетый на мое запястье Валидолом. Металл тускло блестел, отражая свет трех лун, и украшение, несмотря на свою простоту, а может, именно поэтому показалось очень старым. Я провела кончиками пальцев по поверхности браслета и нащупала выступающую вязь. Поднесла руку ближе к глазам, щурясь и пытаюсь разобрать полустертую надпись, и дверь скрипнула.

Мэйн Кастор остановился у порога, пропуская хмурых бородачей, которые внесли сундук с приданым, исчезли на какое-то время и появились вновь с еще одним. Священник безмолвствовал, лишь смотрел на меня, брезгливо оттопырив нижнюю губу. Дождавшись, когда бородачи уйдут, он плотно прикрыл за ними дверь и подошел ко мне.

Я одним махом допила вино и поставила пустой бокал на подоконник. Почему они все просто не могут оставить меня в покое?

— Как он это сделал? — спросил мэйн Кастор свистящим шепотом. Я непонимающе на него посмотрела. — Он распластал тебя на этой кровати, чтобы видеть страдание и слезы на твоём лице, или взял сзади, как животное? — Блестящие глазки Кастора обшарили меня, прилипли к вырезу балахона, под которым больше ничего не было.

Нет, я расквасила мужу нос, а потом он ушел.

Поразмыслив над ситуацией, я осознала, что Валд не так уж плох. Его можно понять: я цеплялась за него, как за опору, думая, что рядом со мной Влад Увейро. Я целовала его и даже была готова на большее, пока не поняла, что рядом со мной незнакомец. И он не виноват в том, что миссия провалилась. Это ошибка рыжего. А Валидолу повезло: он получил шанс на долгую и счастливую жизнь, раз уж невеста теперь его не убьет.

— Расскажи, что он заставлял тебя делать? Какие непотребства? — спросил мэйн Кастор, шагнув так близко, что я почувствовала кислый запах его пота.

— Пожалуй, воздержусь, — ответила я. — Это личное. Я устала и хочу спать.

Надеюсь, намеки он понимает.

— Устала, — задумчиво повторил мэйн Кастор, а потом вдруг влепил мне пощечину, так что голова моя мотнулась, а щеку запекло, будто от огня. — Шлюха! — взвизгнул он. — Ты забыла, что твоя душа и тело принадлежат богине? Ты дала себя опорочить, обесчестить, а теперь собираешься спокойно спать?

Он схватил меня за волосы и резко дернул вниз. Я рухнула, ударившись коленями о каменный пол, вскрикнула от боли, на глаза навернулись слезы.

— Молись, потаскуха, — прошипел он, а сам отошел и положил на прикроватный столик уже знакомый мне кинжал, вынув его из чехла.

Я отдышалась, встала. В голове гудело, рот наполнялся кровью. Эта паскуда разбила мне губу!

— Посмотри на себя, — продолжил он, глядя на меня с отвращением. — Грязная, опороченная девка. В твоём испоганенном чреве семя чужака. Он попользовал тебя и пошел хвастаться твоей девственной кровью.

— Он теперь мой муж, — возразила я. И кровь — его, а не моя. Но об этом я решила умолчать.

— Ты должна смыть свой позор, — приказал Кастор, уперев руки в бока. — Убьешь Валда и себя, и тогда, быть может, богиня простит тебя. А иначе... ты знаешь, что тебя ждет. Думаешь, здесь ты скроешься от меня и от всевидящего ока богини?

Глазки мэйна Кастора заблестели, и он быстро облизнул губы, красные, как два раздавленных червя. Что он делал с Эврикой? Как он ее наказывал? Бедная девочка предпочла расстаться с жизнью, чем и дальше терпеть измывательства.

— Откуда вы знаете, чего хочет богиня? — спросила я, придвигаясь ближе к канделябру, который

мне однажды уже пригодился. — Наш союз важен для мира между экипажами. Вы и сами говорили это жене капитана Рутгера. Вы рассыпались в любезностях перед ними, а теперь хотите уничтожить этот брак. Идите прочь и никогда больше здесь не появляйтесь. Иначе я всем расскажу ваши истинные намерения.

Мэйн Кастор шагнул ко мне и вдруг ударил кулаком в живот. Я согнулась от резкой боли, охнула, хватая воздух, а священник вцепился мне в волосы и, подтащив к кровати, толкнул на нее.

— Я всегда знал, что ты — похотливая тварь. Разок перепихнулась — и забыла все, чему я тебя учил. А ведь я так надеялся, что тебе хватит духу убить Валидола. — Он вздохнул. — Придется ограничиться одной тобой. Надеюсь, Алистеру этого хватит.

Я быстро перевернулась на спину, оттолкнула священника ногой, моя сорочка поднялась, обнажив колени, и я с ужасом увидела, что взгляд Кастора стал еще более масляным.

— Правильно, — сказал он, задирая рясу. — Раздвигай ноги. Тебе ведь уже все равно. Напоследок можно...

Я набрала в грудь воздуха, чтобы завопить, но Кастор навалился на меня всей тушей и зажал рот липкой пятерней. Вторая рука полезла мне между ног. Я вцепилась ногтями ему в щеку, он зашипел и ударил меня по лицу еще раз.

— Помогите! — выкрикнула я, пока он отпустил мой рот.

Кастор сжал мне шею, и мой вопль перешел в хрип.

— Не брыкайся, тварь, — сказал он, ерзая на мне. — Под муженьком тоже так извивалась?

В глазах темнело, я не могла вдохнуть. Почти теряя сознание, пошарила рукой по прикроватному столику, нащупала рукоять и с размаху вонзила кинжал в жирную спину.

Кастор дернулся, вытаращил глаза и посмотрел на меня будто впервые. Его хватка на моем горле ослабла.

— Кто ты такая?.. — прохрипел он.

Тонкая струйка крови стекла по его губе на подбородок, горячая капля упала мне на щеку. Я оттолкнула Кастора, и он с грохотом свалился на пол.

Быстро откатившись подальше, я вытерла щеку, одернула задранную сорочку. Отдышавшись и подождав немного, осторожно подползла к краю кровати и посмотрела вниз. Священник лежал на животе, голова повернута набок. Глаза застыли, уставившись на ножку столика, по которой деловито полз маленький паучок, а кровь, вытекающая изо рта, собралась в гляцевую лужицу. Вокруг кинжала, который я вогнала по самую рукоять, ткань намокла и потемнела.

Кастор мертв. Я убила его.

Что делать?

В Космосоюзе за убийство дают пожизненный срок. Конечно, если сканеры воспоминаний не покажут, что это было самозащитой, да еще и при попытке изнасилования. Но надеяться на то, что у варваров есть такие сканеры, я никак не могла. И провести этот месяц в тюрьме — тем более. А что, если у них убийства караются смертной казнью? Что, если меня повесят, или отрубят голову, или казнят как-то по-другому? Я всхлинула, обхватила себя руками. Потом слезла с кровати и осторожно толкнула Кастора ногой. Не шевелится, не дышит.

Может, вытолкнуть его из окна и сказать, что он сам? Ага, и случайно напоролся на ножик. А если достать кинжал, то Кастор все равно не разбился бы насмерть — высота небольшая, внизу — крыша третьего яруса пирамиды.

А если сказать, что он покончил с собой, не пережив потери девственности своей подопечной? Для варваров это, похоже, важно. Расцарапал рожу от горя и воткнул кинжал себе в спину. Я закрыла рот рукой, давя всхлипы, рвущиеся наружу.

Надо спрятать тело. Нет тела — нет проблем.

Я быстро стащила с кровати одеяло, расстелила его на полу. Выдохнув, выдернула из спины кинжал, обтерла его о рясу и положила на столик. Перекатила тучное тело на одеяло. Кастор уставился в потолок невидящим взором, и я поскорее накрыла его лицо, чтобы не видеть окровавленные губы и остекленевшие глаза. Похлопав себя по щекам и поморщившись — похоже, он сильно мне вlepил, левая щека болела даже от легкого прикосновения, — я обшарила взглядом комнату и схватила толстый шнур, которым были подвязаны шторы. Мне надо хорошенько обмотать

труп, а потом вытолкнуть из окна. Спрыгну следом и так спущусь до самой земли. Сейчас ночь, все пьяные после свадьбы, может, мне удастся дотащить его до каких-нибудь кустов.

В коридоре раздался шум, крики, звуки ударов, а потом дверь распахнулась и в комнату вошел Валд. Он так и не надел рубашку и был в одних штанах, но выглядел немного иначе. Лишь через мгновение я поняла, что у него теперь другая прическа. По обе стороны головы волосы сбрили, а оставшиеся заплели в косу. Над ухом алел свежий порез.

Валд окинул меня быстрым взглядом, а потом посмотрел куда-то ниже, глаза его расширились, и он быстро закрыл за собой дверь.

— Кто это? — спросил он.

Я обернулась и чуть не застонала. Ноги Кастора торчали из-за кровати.

— Священник, который меня сопровождал, — честно ответила я. — Он пытался меня изнасиловать. А потом хотел убить, но обставить так, будто я покончила с собой. По-видимому, это приказ капитана Алистера. Вроде он отдал вам свою дочь, а она, не выдержав издевательств, самоубилась.

Валд подошел ближе, присев, откинул одеяло и посмотрел на Кастора.

— Я, выходит, еще легко отделался, — фыркнул он.

— Валд, я защищалась! — с отчаянием воскликнула я. — Я не хотела его убивать!

Он выпрямился и, взяв меня за подбородок, повернул лицо к тусклому свету от канделябра, поморщился. Потом осторожно потрогал мою шею, где наверняка тоже остались следы.

— Он... не навредил тебе? — спросил он, и голос его прозвучал глухо.

— Только побил немного, — шмыгнула я носом. — Я честно не хотела...

Я спрятала лицо в ладони и заплакала. Вот и все. Конец миссии. Всему конец. И вдруг почувствовала теплые объятия Валда.

— Тихо, — прошептал он и, прижав меня к себе, поцеловал в макушку. — Все хорошо.

— Что хорошего? — всхлипнула я. — У меня труп в спальне!

— Ну, труп-то не твой и не мой, — ответил он и, отпустив меня, шагнул к столику. — Ты убила его этим? — Он взял кинжал и провел большим пальцем по рукояти. — Я потерял его пару месяцев назад!

— Мне дал его священник.

— Чтобы ты воткнула кинжал ему в спину? — недоверчиво уточнил Валд. — Как-то неважно.

— Вообще-то по первоначальному плану я должна была убить тебя за то, что ты лишил меня девственности, а потом, не выдержав позора брачной ночи, покончить с собой.

— И у Алистера был бы повод начать войну, а наш экипаж лишился бы офицера, — кивнул он, задумавшись. Подбросив кинжал, ловко поймал его и, спрятав в чехол, который лежал тут же, сунул за пояс штанов. — А ты, выходит, не захотела действовать по их плану. Оно и понятно. Сиди тут и ничего не трогай. Я сейчас.

Я посмотрела на дверь, закрывшуюся за ним. Куда он пошел? За полицией? У них вообще есть полиция? Вряд ли. Может, попытаться сбежать? И как тогда я выполню миссию?

Валд вернулся буквально через несколько минут — один, с мотком веревки на локте. Он закрутил тело Кастора в одеяло, хорошенько обмотал. Я помогала ему с одеялом и придерживала узел, пока он его затягивал.

За окном раздался тихий свист, и Валд, подтащив тело Кастора, перевалил его через подоконник и толкнул. Раздался мягкий удар.

— Я скоро вернусь, — пообещал Валд и, забравшись на подоконник, спрыгнул в ночь.

Я высунулась в окно и разглядела желтую рубашку на долговязой фигуре мужчины, который помогал Валду тащить тук с трупом. Они скинули его на следующий уровень пирамиды и спрыгнули, растаяв во мраке.

Прикрыв окно, я порылась в сундуках с приданым, нашла красную шаль и тщательно вымыла пол,

не оставив на нем и следа крови. Прополоскав шаль в ванне, спустила воду, окрасившуюся в розовый цвет.

Когда я развешивала шаль на краю ванны, вернулся Валд: толкнул окно, подтянулся на одной руке и поставил на подоконник маленькое жестяное ведро. Я быстро его забрала, и варвар вскарабкался наверх так ловко, будто делал это далеко не в первый раз. Его штаны, мокрые по колено, облепили ноги. Светлые волоски на руках и груди стояли дыбом. Он взял оставшееся одеяло и, накинув на плечи, сел на кровать.

— Бросил его в море, — сказал он. — Сейчас будет отлив, утащит течением. Не говори никому о том, что произошло. Он был поверенным Алистера, а мир между нашими экипажами такой хрупкий, что достаточно лишь искры для начала войны. Скажем — куда-то уехал. В паломничество.

— Попутного ветра.

Я выдохнула и присела на кровать рядом с варваром, обнимая ведро. Валд зачерпнул из него какую-то зеленую слизь и приложил к моей щеке. Ее тут же обдало холодом, и ноющая боль ослабла.

— Что это? — спросила я.

— Коагуль, — ответил Валд, вынимая из ведра еще горсть плотной слизи и укладывая ее ожерельем на мою шею. — Но мы обычно называем его просто — морская сопля. То ли слизень, то ли водоросль, отлично рассасывает свежие синяки и заживляет порезы.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Не хочу, чтобы думали, будто я тебя избиваю. — Он замолчал, аккуратно размазывая слизь по моей шее. Его прикосновения были осторожными и несли облегчение и прохладу.

— За все спасибо. — Я тоже вынула из ведра густую зеленую соплю и уложила ее на переносицу Валда, где расплывался свежий синяк. Коагуль мгновенно присосался к коже, изогнувшись как дужка очков. Я взяла еще одного и подвесила Валду над ухом на свежий порез.

— Это мама, — пояснил он. — Так размахивала бритвой, что я боялся — уши мне отрежет.

— Прости, — попросила я. — Это из-за меня она...

— Ты тоже прости. Я не должен был настаивать, раз уж ты не хотела... Ну, в общем, я не желаю тебе зла.

Я кивнула. Мы молча смотрели друг на друга. Свет трех лун отражался в синих глазах Валда, и они затягивали меня, будто два колодца. Я перевела взгляд на его губы. Красивые. И целуют так, что крышу сносит. Выходит, я хотела его? Или все же Влада Увейро?

— Твоя новая прическа что-то значит? — спросила я.

— Конечно, — пожал он плечами. — В вашем экипаже разве другие традиции? Одна коса означает, что теперь у меня одна женщина. Ты.

— А это откуда? — спросила я, осторожно прикоснувшись к уже поджившей ссадине на его скуле. Провела кончиками пальцев по отросшей щетине.

— Это... — Валд замялся, но все же ответил: — С утра у меня было что-то вроде приступа. Голова раскалывалась. Какие-то чужие воспоминания, голос... «Я здесь, я сейчас, я существую». Странно, да? Я врезал сам себе, чтобы прийти в чувство.

— Помогло? — криво улыбнулась я, убрав руку от его лица.

— Да, я в порядке. — Он отклеил коагуля от моей щеки и положил его назад в ведро. Взял меня двумя пальцами за подбородок и повернул лицо в сторону, придирчиво его рассматривая. — Эва, пообещай мне кое-что.

— Что? — напряглась я.

— Что не будешь меня убивать, — улыбнулся Валд, отдирая подсохшую слизь от моей шеи. — Тем более твоя девственность все еще при тебе.

— Не буду, — искренне пообещала я, улыбнувшись в ответ.

— Тогда давай спать, — сказал он, скovyрнув морскую соплю и со своей головы, — день выдался насыщенный.

Я послушно забралась в кровать, натянула одеяло чуть не до носа. А варвар задул свечи и принялся стаскивать мокрые штаны, прилипшие к ногам.

— Ты будешь спать здесь? Со мной? — пискнула я.

Валд тяжело вздохнул, помолчал, будто бы подбирая слова.

— Эврика, — сказал он, — ты моя жена. И я буду заботиться о тебе и прятать трупы, если надо. Но и я твой муж. Постарайся свыкнуться с этой мыслью как можно скорее. К тому же кинжал, который дал тебе священник, был украден у меня. В то время здесь не было никаких послгов от Алистера, значит, у него есть сообщники в нашем экипаже. И пока мы не выясним, кто это, тебе лучше держаться ко мне поближе.

Он разделся, лег со мной рядом. Кровать скрипнула и прогнулась под его весом.

— А где те бородатые мужики, что ходили со священником? — вспомнила я.

— Они стояли на входе, когда я пришел в первый раз. Пришлось объяснить им, что я имею право заходить в спальню своей жены, когда захочу.

Он придвинулся ко мне, обнял за талию и прижал к себе. Я вздрогнула, инстинктивно попыталась отодвинуться, но Валд держал меня крепко.

— Не бойся, — прошептал он и хмыкнул. — Сегодня в этой комнате и так пролилось слишком много крови. Спи.

Легко сказать. Я попала в совершенно иной мир и время, вышла замуж за незнакомого мужчину, меня чуть не изнасиловали. Дважды! Побили — один раз. А еще я убила человека, а потом замывала следы преступления. И Влад Увейро погиб...

Крепкая рука на моем животе была горячей, мерное дыхание согревало шею.

Я повернулась к варвару и встретилась с ним взглядом. Он смотрел на меня, не отрываясь, и тепло от его руки будто проникло сквозь кожу, собираясь жаром внизу живота.

— Спокойной ночи, — прошептала я.

— Спокойной, — ответил Валд и, быстро убрав руку, повернулся ко мне спиной.

Я лежала и прислушивалась к его ровному дыханию в темноте, а потом сама не заметила, как уснула.

ГЛАВА 6

Проснулась я в одиночестве и какое-то время рассматривала белый потолок, восстанавливая безумные события прошлого дня. В углу над кроватью деловито плел свои сети мелкий паучок, и я, откинув одеяло, встала. Нет времени отдыхать, пора действовать!

Оказалось, что я спала как сурок. Потому что пока я дрыхла, в комнате появилась длинная вешалка с синими платьями, на столике перед камином — вазочка с фруктами, а рядом с кроватью — там, где вчера лежало бездыханное тело мерзкого Кастора, — миленький розовый коврик. Я все равно свесила ноги с другой стороны, чтобы не ступать на то самое место.

Канделябр переместили на каминную полку, а вместо него я обнаружила на столе небольшое зеркальце и корзинку со всякими женскими принадлежностями: там были расчески, ленты, заколки и крохотные баночки с кремами, пахнущими так аппетитно, что один я даже попробовала на вкус.

Серебряный браслет на запястье сидел как влитой и совсем не ощущался на руке. Я снова присмотрелась к полустертой надписи. Буквы когда-то были выпуклыми, но теперь от них остались лишь отдельные черточки и завитушки. Я провела по ним подушечкой пальца. Линии чуть в отдалении от остальных складывались в девятку. Браслет с Ковчега номер девять? Да ему же сотни лет! Я сняла его, повернула руку запястьем вверх. От пореза не осталось и следа. Присмотрелась к подкладке. Похожа на материал, который был на браслетах Арго. Та же плотная мелкоячеистая структура, мягкий, но упругий на ощупь. Я надела браслет снова, почувствовала на руке приятную тяжесть — и она тут же пропала, как будто украшение стало частью меня.

Я сходила в туалет, наскоро помылась в ванне, жалея об отсутствии душа и поглядывая на дверь, и вытерлась полотенцем, найденным в сундуке. Оттуда же взяла и нижнее белье. Натянув первое попавшееся синее платье, зашнуровала его на груди, не слишком затягиваясь, а потом заплела волосы. Коса получилась кривоватая, но, если учесть, что с семнадцати лет я хожу со стрижкой, у меня просто талант. Рассмотрев отражение Эврики — левая щека немного розовее, чем правая, на шее пятен и вовсе нет, я вдруг заметила, что дверь, которая не поддавалась мне вчера, приоткрыта.

Заглянув за нее, я обнаружила еще одну комнату, зеркально отражающую мою. Но здесь преобладали синие и коричневые цвета, на спинке стула висели штаны Валидола, а на стене — огромная карта. Я подошла ближе, рассматривая тщательно прорисованный бублик континента, который казался таким крохотным из космоса. На карте были отмечены города и даже деревушки, синий внутренний кружок весь исчеркан непонятными знаками, среди которых, приглядевшись, я разобрала голову коня, рыбок и коров. Если здесь есть водяные кони, то почему бы и коровам не быть. В центре бублика, где синий цвет менялся на густую черноту, был накорябан какой-то осьминог.

Вспомнив карту, увиденную на галюэкрane в капитанской рубке «Арго», я ткнула пальцем у побережья. Вот здесь был красный крестик, означающий найденные останки Ковчега номер девять. На карте же варвара вместо крестика обнаружилось какое-то кривоватое яйцо. Неподалеку, на берегу внутреннего кольца, я нашла белую пирамиду. Насчитала еще четыре крепости, разбросанные примерно на одном расстоянии друг от друга.

Дверь в углу комнаты вдруг распахнулась, и оттуда вышел Валд. Мокрый, побрившийся, с растрепанными на макушке волосами, и абсолютно голый, если не считать обручальный браслет на запястье. Широкие плечи, рельефный торс и все остальное такое... впечатляющее. Осознав, что пялюсь на него, я быстро опустила ресницы.

— Привет. — Он широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами, подошел сзади и, по-хозяйски обняв меня, чмокнул в висок. — Ты, наверное, не видела карт до этого? Вот, смотри, это вся наша Колыбель. Мы тут. — Он ткнул пальцем в белую пирамиду, а сам потерся носом о мою щеку.

Колыбель? Значит, так они называют свою планету. Забыли, что улетели на девятом Ковчеге в поисках новой Обители?

— А где крепость Алистера? — спросила я.

Он указал на серую башню, расположенную ближе остальных.

— Твой монастырь где-то здесь. — Палец уперся в горную гряду неподалеку от башни. — Я отмечаю на карте места, где побывал, а там как-то не довелось.

От него пахло мылом и яблоками, широкие ладони сместились вверх, обхватили и легонько сжали мою грудь, он развернул меня к себе и поцеловал. Это было так внезапно — его горячее тело, прижимающееся ко мне, ласковые губы, уверенный напор, — что я совсем потеряла способность соображать. Он мягко подтолкнул меня к стенке, запустил руку в волосы, одним махом уничтожив все мои парикмахерские потуги, потянул. Я запрокинула голову, подставляя губы для поцелуя,

земля поплыла под ногами, и я обняла широкие плечи, чтобы не упасть. Кожа под моими ладонями была гладкой, теплой, чуть влажной после ванны. Я провела пальцами вверх по крепкой шее, вцепилась в мокрые волосы, притягивая его к себе. Очнулась, лишь когда его руки задрали мне юбки, а ладони обхватили ягодицы, прижимая к себе еще теснее.

— Валд! — воскликнула я, отстраняясь.

— Эва, — выдохнул он, уткнувшись в мои волосы. Вынув руки из-под юбок, уперся в стену по обе стороны от моего лица. Поцеловал снова, теперь медленным тягучим поцелуем, таким сладким, что я едва не застонала от жалости, когда он прервался. Валд отступил от меня на два шага, раскинул руки в стороны. — Ты не видела голого мужчину раньше, но во мне нет ничего страшного, — заявил он. — Посмотри сама.

Ох, Валидол, услада ты для глаз... Я и смотрела. И видела мужскую красоту во всем ее великолепии: широкие плечи, узкие бедра, литые, гармонично развитые мышцы...

— Да, мое тело другое, не такое нежное и мягкое, как твое, — продолжил он, опустив руки. — Наверное, оно кажется тебе грубым. Жестким.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться. Я должна сосредоточиться на миссии!

— Ты красивый, — все же возразила я.

Валд пытливо рассматривал мое лицо, будто желая прочесть на нем истинные мысли.

— Я буду ласков с тобой, — мягко пообещал он.

Я молчала, раздираемая противоречивыми желаниями. Я знаю этого мужчину всего день. Поначалу я думала, что меня тянет к Владу Увейро, очутившемуся в ином облике. Но вот я знаю, что Влада нет, а мое тело все так же плавится от прикосновений варвара. Это все из-за Эврики! — осенило меня. Именно она так реагирует на этого мужчину! В самом деле, я — попаданка из будущего. Передо мной цель — спасти человеческую цивилизацию на этой планете. Не могу же я терять разум из-за поцелуев с чужаком. А у Эврики гормоны. Неудовлетворенность. Что там еще...

— Знаешь, я думал обо всем, что произошло, — признался Валд, снова шагнув ко мне и погладив щеку, на которой не осталось синяков. — Наверное, тебе хорошенько промыли мозги, раз уж ты должна была убить меня после брачной ночи. Но уверяю тебя, в близости мужчины и женщины нет ничего грязного или постыдного. Если, конечно, все происходит по обоюдному согласию.

Как говорит... заслушаешься!

— Мне надо время, — обтекаемо ответила я. Если я дам слабину, то, чуя, проведу этот месяц в постели, вместо того чтобы организовывать защиту от шиагов.

— Я дам тебе его, — кивнул Валд, нахмутив темные брови.

Я вздохнула с облегчением, чувствуя при этом легкое разочарование.

— Тебе не надо бояться близости, — продолжил увещевать меня Валд. — Я же вижу, как ты реагируешь на мои ласки, у нас все будет отлично. — Он слегка запнулся. — Может, ты хочешь рассмотреть что-то подробнее? Потрогать?

Я кивнула, протянув руку вниз. Валд сглотнул. А я обвела пальцем шрам у него на бедре. Вчера, при свечах, я его не заметила. Багровый цветок с четырьмя лепестками, нижний немного отдален от остальных. Я видела такой.

— Откуда у тебя это? — спросила я, уже зная ответ.

— Шиаги, — ответил Валд, напряженно следя за движениями моих пальцев. — Мерзкие твари. Не беспокойся, сюда они не доберутся.

— Где ты получил этот шрам? — не отставала я. — Покажи на карте.

Валд слегка удивленно посмотрел на меня, но все же указал место. Синий овал озера, зеленый лесок, темное плато скалы. Знать бы еще масштаб, чтобы прикинуть расстояние до замка. Нахмурившись, я рассматривала карту, а Валд обнял меня сзади и, сдвинув растрепанную косу, поцеловал в шею.

— Надеюсь, ты не заставишь меня долго ждать, — прошептал он.

После того как они оба привели себя в порядок, Валд проводил Эврику в обеденный зал, перепоручил там заботам тетки, а сам отправился к отцу. Капитан должен знать о событиях, произошедших этой ночью. О том, что консулации брака не было, Валд решил умолчать, а вот о нападении и планах Алистера хотел сообщить.

Валд стукнул в дверь единственных покоев на пятом уровне пирамиды и вошел.

— Тише, — прошептала мать, сидящая у изголовья кровати, на которой спал отец.

Валд, аккуратно прикрыв за собой дверь, подошел ближе.

— Очередной приступ? — спросил он, садясь в ногах.

Инфинита кивнула, переворачивая компресс на лбу отца.

Тот выглядел таким исхудавшим, маленьким на просторной кровати. Рука, лежащая поверх белой простыни, казалась серой и хрупкой, как высохшая лапка мертвой птицы. Отец скоро умрет. Эта мысль давно теснилась где-то в голове, но Валд прятал ее глубже, а теперь она звучала громко и отчетливо.

— Ты что-то хотел? — спросила Инфинита. Она выглядела измотанной, под темными глазами пролегли круги, а коса, закрученная в узел, сбилась набок.

— Давай я тебя расчешу, — предложил он, и Инфинита, устало улыбнувшись, села на пуфик напротив круглого зеркала в белой раме.

Валд ловко вынул шпильки, положив их на столик у зеркала, разобрал косу, взял расческу и аккуратно провел по волосам, упавшим волной до самого пола.

Мать прикрыла глаза, и по щекам ее быстро пробежали влажные дорожки слез.

— Не плачь, — нахмурился он. — Чего ты, мама?

— Я иногда думаю, что не заслуживаю тебя, — призналась она. — Знаешь, я ведь ненавидела твою родную мать. Когда Рутгер сказал, что у него есть другая женщина, что она носит его ребенка, я была в ярости. Я любила его и не хотела делить ни с кем.

Валд вздохнул, расчесывая ее волосы. Он разделил их на три части и принялся плести косу.

— Она была красивая, — печально улынулась Инфинита. — И любила Рутгера не меньше моего. Ты бы тоже любил ее. И я все думаю, что она, верно, была бы тебе лучшей матерью.

— Ты моя мать, я не знаю другой и не желаю, — ответил Валд.

— И когда она умерла, даря тебе жизнь... Мне стыдно, но я испытала радость.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил он.

— Я боюсь, что Рутгер совершил ошибку, заставив тебя жениться на Эврике. Наш брак был политически выгоден, я принесла ему мир и богатую торговлю с Торвальдом — моим отцом. Но не сделала счастливым. И теперь история повторяется. Твой брак выгоден экипажам, но в нем нет страсти...

— Ты ошибаешься дважды, мама, — ухмыльнулся Валд, и она шикнула, когда он слишком сильно дернул ее волосы. — Эврика оказалась совсем не такой, как я ожидал. Она смелая, красивая, горячая... Я хочу ее.

— О. — Инфинита, чуть смутившись, улынулась. — Это прекрасно. Вы еще не...

— Нет пока, — ответил Валд. — Но ты ошибаешься и во второй части своего предположения. Алистер отдал Эврику не для мира, а для войны.

Он переложил наполовину заплетенную косу через плечо Инфиниты и, пока она заканчивала, наблюдая за ним в отражении зеркала, вынул из-за пояса кинжал.

— Это мой кинжал, который я потерял пару месяцев назад. Этой ночью священник Алистера пытался убить им Эврику и обставить все так, будто она, опозоренная и изнасилованная мною, покончила с собой.

— Что ты говоришь! — воскликнула Инфинита. Капитан Рутгер на кровати заворочался и тихо застонал. — Эврика в порядке? — шепотом спросила она.

— Она убила его, защищаясь, — ответил Валд, убирая кинжал.

Инфинита ахнула.

— Ты спрятал тело? — прошептала она.

— Да, Баг мне помог. Тело не найдут. Эврика сказала, что, по плану Алистера, она должна была убить меня, а потом покончить с собой. По-видимому, ее знатно запугали в том монастыре.

— Старый козел, — процедила Инфинита сквозь зубы. — Валд! Ты не должен оставлять Эву без присмотра. Среди нас есть предатель. Он украл твой кинжал и передал его Алистеру, который может попытаться довести свой план до конца и убить Эву! А потом обвинить в этом нас. Кто бы мог подумать, что собственное дитя для него все равно что разменная монета? Где она сейчас?

— Оставил ее с тетей Энни. Знаешь, мама, меня терзают какие-то странные сомнения. Что-то не сходится, — задумчиво произнес он. — Я ожидал, что моя жена будет скромной монашкой, и она яростно блюдет свою честь. Но в остальном... Как она ходит, как смотрит на меня, как говорит... Она вонзила кинжал в спину священнику, избившему ее, и собиралась прятать тело сама. Она замыла пол от крови и потом спокойно уснула. Эта девушка не могла потерять сознание от поцелуя с Ампером!

— У твоего брата отвратительные зубы, — вздохнула Инфинита. — И он боится их лечить, словно ребенок. Но ты прав. Видел, как Эва держалась в храме? Расправила плечи, сжала кулаки и пошла.

— Как воин в стане врага.

— Именно, — подтвердила мать.

— В ней сильный дух, и меня удивляет, что старый Алистер мог так ошибиться. Я знаю ее всего день и вижу, что она дралась бы до последнего, но не стала бы кончать жизнь самоубийством.

— Возможно, Алистер вовсе не знал ее, — пожала плечами Инфинита. — Он удалил ее от себя по каким-то причинам. Потом поверил словам священника, что девочку запугали до смерти и она готова... А может, он и не рассчитывал, что этот план сработает, поэтому отправил с ней убийцу. Я не знаю, сын. Я не видела ее раньше, как и ты. Рутгер ездил на помолвку без меня, но он абсолютно уверен, что это дочь Алистера.

Валд посмотрел на отца и тихо сказал:

— Наш экипаж скоро останется без капитана.

— У нас будет новый капитан, — возразила Инфинита. Закрепив косу на голове, она накрыла рукой ладонь Валда на своем плече и, поймав его взгляд в отражении, кивнула.

— Ампер старше, — возразил Валд, нахмурившись.

— Ты знаешь своего брата, — вздохнула Инфинита. — Он моя плоть и кровь, и я люблю его. Но Рутгер будет последним дураком, если назовет его преемником. Ты должен стать капитаном, Валд.

Он вышел от матери в смешанных чувствах, сбежал по лестнице на несколько ступеней и наткнулся на лысых бородатых мужиков, с которыми вчера познакомился ближе, чем тем бы хотелось: у одного фингал был под левым глазом, у другого — под правым. При виде Валда оба поморщились и остановились.

— Капитан занят, — отрезал он, перегораживая им проход.

— Мэйн Кастор исчез, — прохрипел один из мужиков.

— В последний раз мы видели священника, когда он заходил к дочери Алистера, — прошепелявил второй и потрогал языком зияющую дыру на месте передних зубов.

— К моей жене? — безмятежно уточнил Валд, спускаясь еще на одну ступеньку. — Я его не видел. Хотя провел с ней всю ночь.

— Где Кастор? — прямо спросил первый.

— Откуда мне знать, — повел плечами Валд, и оба отступили, вернувшись на пролет между этажами. — Может, он в храме, или молится где-нибудь, или отправился в паломничество к святым местам. Чем там еще должны заниматься священники, — произнес он с легким нажимом.

— Алистер этого так не оставит, — хмуро пообещал второй.

— Священник сделал то, что должен был, — сказал Валд. Мужики быстро переглянулись. — Он доставил Эврику, дочь капитана Алистера, к нам и увидел, что брачный союз был заключен по всем правилам. Потом он уехал. Или он должен был сделать что-то еще?

Угроза в его голосе стала такой явной, что даже бородатые дуболомы уловили ее и, развернувшись, пошли вниз.

— Мир вашему экипажу, — выкрикнул Валд им в спины, обтянутые чешуйчатыми кольчугами. — И передавайте привет моему тестю, — пробормотал себе под нос.

— Уже уезжаете? — Баг прижался к стене, пропуская хмурых бородачей. Те покосились на его желтую рубаху и яркие бусины в рыжей косице и ничего не ответили. — Да пребудет с вами богиня, — пожелал он. Поджидая, пока Валд спустится к нему, Баг спросил, хитро ухмыляясь: — Как продвигается?.. Ну, ты понял, о чем я.

Валд сбежал по лестнице, и они с Багом легонько стукнулись плечами, приветствуя друг друга.

— Все отлично, — ухмыльнулся он. — С утра вот настолько был близок к победе. — Он свел два пальца вместе.

— Чуть-чуть не считается, — поддел его Баг.

— Все, как ты и говорил, друг, — кивнул Валд. — Все, как и говорил. Женское любопытство в действии. Она уже хотела его потрогать, даже руку протянула, а в последний момент застеснялась и сделала вид, что заинтересовалась моим шрамом.

— Это тем, который тебе шиаги оставили? — помрачнел Баг.

— Точно. И давай потом тему переводить — стала расспрашивать, где я получил шрам, даже на карте попросила показать.

— Ты ведь знаешь, что я перед тобой в вечном долгу за это? — спросил Баг. — Если бы ты не пошел со мной, шиаги прикончили бы и меня, и Зельду...

Баг взял его за плечо, заглянул в глаза.

— Да брось, — ответил Валд. — И не смотри на меня так, а то я боюсь, что ты меня сейчас поцелуешь. А в твоих усах застряла какая-то трава, да и в целом ты не в моем вкусе.

— А Эврика, выходит, в твоём?

— А то, — ухмыльнулся Валд. — Я вот думаю, может, все же зажать ее так нежненько и все сделать? Она моя жена, и я вправе получить, что хочу. Это заводит! К тому же она тоже хочет меня, просто пока не осознает этого.

— Ты идиот? — спросил Баг, глядя на него с изумлением.

— Чего это? — возмутился Валд. — Ей понравится, я уверен!

— Послушай, друг, — он вздохнул, — брак — все равно что охота на хайра. Один раз промахнешься — и получишь пучки ядовитых иголок во все места. И даже когда их достанешь, зудеть будет еще очень, очень долго.

— Что общего у моей жены и ядовитой игольчатой твари?

— Они обе умеют причинять боль, — ответил Баг. — Ты хочешь, чтобы все последующие годы твоей жизни тебе снова и снова напоминали, какой ты похотливый козел? Грубый насильник? Бесчувственный баран?

— Она не станет... — неуверенно возразил Валд, и Баг саркастично хохотнул.

— Женщины, — многозначительно произнес он, пригладив усы. — Они запоминают каждую твою оплошность, чтобы потом размахивать ею в спорах, как флагом.

— И что делать?

— Не косячить, — коротко ответил Баг. — Не давай ей это страшное оружие, друг. Не ошибайся. Да еще так мощно.

Валд тяжело вздохнул.

— Ты ведь так уверен, что она тебя хочет, — напомнил Баг. — Пусть сама созреет. Подари ей что-

нибудь. Подпой немного. Соблазни. — Он вдруг покраснел, стремительно и жарко, и добавил: — Зельде нравится, когда я для нее танцую.

Валд недоверчиво посмотрел на долговязого нескладного Бага, а потом, не сдержавшись, расхохотался.

— Ох, дружище, — простонал он, вытерев подступившие слезы. — Ты поосторожнее с танцами, а то как бы она от смеха не родила раньше срока.

— Ничего смешного! — обиделся Баг. — Зато у меня регулярный секс.

— Даже сейчас? — недоверчиво уточнил Валд. — Ей же вот-вот рожать!

— Нет, сейчас нет. — Он вздохнул. — У нее такой огромный живот, что ей даже лежать тяжело. Там точно мальчик. Здоровый крепкий пацан. Научу его всему. Рыбачить, строить лодки...

— ...танцевать, — подхватил Валд, улыбнувшись.

— И танцевать, — с вызовом согласился Баг. — А на твоём месте я бы получше следил за своей женой и не позволял ей разгуливать с Магнусом!

— Что? — нахмурился Валд. — Я оставил ее с теткой!

— Ну а я видел ее вместе с Магнусом во внутреннем саду, — сказал Баг. — Твой двоюродный братец как раз тоже блондин. Смазливый, синеглазый и не слишком-то щепетильный по отношению к замужним женщинам.

— Ладно, я пошел, — кивнул Валд. — Спасибо. И за вчерашнее.

— Без проблем, — ответил Баг, вынимая застрявшую в усах петрушку. — Зачем еще нужны друзья.

ГЛАВА 7

Магнус, сын Энтропии, которому она перепоручила меня после завтрака, вел себя весьма любезно: подавал руку, придерживал за талию на лестницах, склонялся ближе, когда я задавала вопросы, говорил комплименты — все более и более пылкие, и вскоре это внимание и якобы случайные прикосновения стали надоедать. Однако источником информации он оказался бесценным. Я разузнала про защиту замка — заслоны, спрятанные под травой, которые поднимаются цепями, решетки, опускающиеся на входах, и горючие шары — их запускают катапультами с третьего уровня. Уже что-то. У шиагов чувствительные глаза и низкая температура тела. Они не переносят огня и не любят яркий свет. И пусть заслоны и решетки их не остановят — восьмилапые твари легко заберутся на верхний уровень пирамиды за считанные минуты, огонь их хотя бы задержит. Можно прорыть ров вокруг всего замка, заполнить его смолой и при атаке поджечь.

Жаль, огнестрельного оружия нет. Только луки, копья и мечи. А в ближний бой с шиагами лучше не вступать. Узнать бы, сколько их и на каком они сейчас уровне развития. Но Магнус о шиагах не знал ничего.

— Не люблю шататься по лесам, — признался он, ведя меня по дорожке между пышных цветущих кустов, и виновато улыбнулся.

На его щеках появились ямочки, совсем как у Валидола. Глаза тоже были синими, но из-за светлых ресниц и бровей казались не такими яркими, как у моего мужа. Волосы, выгоревшие на концах до белизны, он носил распущенными, и они слегка завивались. Красивый. Молодой. Пожалуй, более утонченный, чем Валд: мягкая линия губ, пухлых и нежных, как у девушки, приятная открытая улыбка, гибкое, стройное тело — ростом он был лишь немногим выше меня, но бицепсы под синей, в цвет глаз, рубашкой заметно бугрились.

Мы гуляли по внутреннему дворику пирамиды, среди буйной зелени, где по аккуратным дорожкам важно ходили яркие птицы, названия которых я не знала, а на скамейках в тени отдыхали беременные женщины. Их почему-то в замке было очень много. А может, мне так казалось после строгих квот на деторождение, принятых на Обители-три. Наша семья с тремя детьми была скорее исключением. За рождение брата родителям пришлось уплатить налог, который покрыл бы стоимость новой машины. Когда-то, еще до начала войны, я тоже мечтала о семье. Вернее, оно само как-то думалось, что так и будет. Муж, дети, спокойное счастье. Кто-то близкий рядом. Тот, о ком можно заботиться. Те, кому нужна моя любовь. После смерти Риты и родителей Кир превратился в ежика, сворачивающегося в колючий клубок, как только протянешь к нему руку. Брат оттаял лишь когда поступил в военное училище. Наверное, там он нашел для себя какое-то подобие семьи. Кир приезжал ко мне на каникулы — в квартиру, которую нам, как беженцам, выделил Космосоюз, и иногда нам было весело вместе. Но тени погибших родных всегда стояли рядом.

Я пыталась встречаться с парнями и пару раз даже была в отношениях, но как-то не сложилось. Может, из-за моей наивной влюбленности во Влада Увейро, а может, мне просто было некогда — я училась и работала, чтобы обеспечить себя и Кира. В Космосоюзе грянул кризис, цены взлетели, и экспедиция на «Арго» подвернулась очень кстати — там давали аванс восемьдесят процентов от двухлетнего заработка. Хватило, чтобы обеспечить брата на время моего отсутствия и отложить про запас на все его обучение.

Магнус прошептал что-то мне на ухо, и я вздрогнула, возвращаясь в реальность.

— Что? — переспросила я.

— Со мной тебе было бы лучше, — повторил он и провел пальцем по внутренней стороне моей ладони. — В твоих прекрасных глазах горечь и печаль, Валд не сделал тебя счастливой. Он не способен понять, какая особенная девушка ему досталась. А я бы обращался с тобой как с редким сокровищем.

— Спрятал бы в сундук и никому не показывал? — уточнила я.

Магнус на мгновение смешался, а я прикусила язык. Пылкий романтичный юноша, незачем его шпынять.

— Я бы не позволил гнать свою будущую жену голой через храм, — резко сказал он.

Вряд ли Валидол знал, что церемония будет такой. Он явно был зол тогда.

— А что наверху башни? — спросила я, щурясь и глядя в небо.

— Шар богини, — ответил Магнус. — Хочешь посмотреть на него вблизи? Туда никого не пускают, но я могу тебя провести.

Шар походил на огромный бриллиант и сейчас сверкал так, что глазам было больно. Он держался на вершине пирамиды на блестящих белых опорах, и на них я бы тоже взглянула. Снова олимпиада? Интересно, где останки настоящего Ковчега? Судя по карте, которую я успела увидеть на «Арго», Ковчег упал во внутреннее море неподалеку от места, куда меня забросили. Должно было что-то остаться или же варвары растащили его по кускам?

Магнус глянул поверх моего плеча и, взяв меня за локоть, быстро потянул по дорожке, сворачивающей за кусты.

— Пойдем прямо сейчас, — сказал он, уводя меня к лестнице.

— Ладно, — согласилась я, идя за ним и путаясь в длинной юбке.

Его поспешность выглядела немного странной, будто мы от кого-то убегаем. Магнус взял меня за руку и повел вверх по белым ступеням.

— Куда мы так спешим? — все же спросила я.

— Сейчас все заняты работой, — ответил Магнус, — наверху никого нет. Вообще-то туда нельзя. Но для тебя — все что угодно, милая Эва.

Он вдруг остановился, и я налетела на него. Он обхватил меня за талию, удержав от падения, и не дал отстраниться.

— Валд не хотел на тебе жениться, ты знала? — спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Вот как? — Я тем более не хотела.

— Его вынудили.

— Ну ничего, — сказала я. — Стерпится — слюбится.

Магнус посмотрел на меня с легким удивлением и, отстранившись, предложил руку, но я пошла, держась другого края лестницы. Так, вместе, но поодаль, мы поднялись на четвертый уровень пирамиды.

— Сюда, — позвал Магнус, открывая одну из дверей ключом.

— Это комната? — спросила я. — Нам ведь наверх, к шару.

— Туда можно попасть только из покоев капитана, — ответил Магнус, отодвигаясь в сторону и освобождая мне проход, — либо через балкон и оттуда по стене. Есть одно место, где сможет забраться даже женщина.

Я задержалась на пороге. Стол, кресло, широкая смятая постель. На столе — два бокала с недопитым вином, на полу — скомканные вещи.

— Это твоя спальня? — спросила я.

— Да, — кивнул Магнус. — Проходи. Выйдем на балкон и поднимемся к шару. Ты же хотела посмотреть на него.

— Хотела, — подтвердила я, но все же не спешила переступить порог.

В синих глазах Магнуса промелькнуло раздражение, но он тут же кротко улыбнулся.

— Мы теперь родственники. Ты — жена моего брата. И в твоём визите нет ничего неприличного. Из моей спальни — удобный выход на балкон. Я часто пользуюсь окном вместо двери, чтобы не сталкиваться на лестницах с матушкой, когда возвращаюсь поздно...

Кивнув, я переступила порог. Дверь за мной захлопнулась, и ключ повернулся в замке.

Покосившись на Магнуса, я сразу направилась к окну, которое действительно было большим — до самого пола, как стеклянная дверь. Переступив скомканные вещи, где мелькнуло что-то явно женское, отодвинула щеколду и дернула ручку, но дверь не поддавалась. Я обернулась, вопросительно посмотрела на Магнуса, который не спеша разливал вино по бокалам.

— Хочешь? — спросил он.

— Из них уже пили, — заметила я.

Магнус кивнул, посмотрел на меня с усмешкой, искривившей губы.

— Я тоже предпочитаю пить из чистых бокалов, — произнес он. — Пользоваться новыми вещами, которые до меня никто не брал.

Он подошел ближе с бокалом в руке, сделал глоток. Синие глаза смотрели цепко и твердо, куда только девалась его робость?

— Давай еще немного поболтаем, милая Эва. Я разглядел тебя в храме и не нашел изъянов. Ты молода и хороша собой. Скажи, как вышло, что Валд тебя не трахнул?

— Дай ключ, — потребовала я, чувствуя, как сердце заколотилось быстрее. Откуда он знает? Может, Валд сказал ему, как брату?

— Возьми сама. — Магнус похабно улыбнулся. Как я могла решить, что он похож на Валда? Ничего общего! Он шагнул ближе, почти прижавшись ко мне. — Ключ у меня в кармане штанов.

Вот паскудство. С Магнуса словно сдернули маску, и вместо безобидного улыбчивого паренька появился мужчина, помыслы которого точно не были чистыми.

— Мы же теперь родственники. Ты брат моего мужа, — напомнила я без особой надежды.

— Двоюродный. Мы не особо дружны, по правде сказать. Валд, он... — Магнус пощелкал пальцами, пытаясь подобрать слово. — Не такой, как я.

— Не такой говнюк? — спросила я. — Открой дверь, Магнус, или я буду кричать.

— И конец твоей репутации. А заодно — и репутации Валда. Надо же, один день женаты, а его жену уже застукали в спальне с другим мужчиной. На что ты готова пойти, чтобы это осталось нашим секретом? — Он поддел пальцем ткань на горловине моего платья, слегка оттянул и заглянул в декольте.

— Ни на что. — Я ударила его по руке.

— Я мог бы научить тебя таким любовным изыскам, которые только порадовали бы Валда.

— Какая трогательная забота о брате, — прониклась я. — Я всем скажу, что ты обманом меня сюда заманил.

— А я скажу, что ты сама пришла.

— Зачем это мне?

— Ну а зачем ко мне постоянно приходят разные девки, — пожал он плечами. — Я красивый и умею с ними обращаться. Уж поверь, если бы ты провела брачную ночь со мной, на твоем теле не осталось бы ни одной девственной дырочки.

— А может, мне передать это Валду? — спросила я. — И тогда у тебя девственных дырочек не останется?

Я решительно сунула руку ему в карман, но ключа там не оказалось. Во втором — тоже.

— Там ничего нет!

— Так уж и ничего, — ухмыльнулся Магнус. — Поищи еще. Там есть кое-что твердое для тебя.

— Ничего выдающегося я не нащупала. Считаю до трех и начинаю орать. Посмотрим, кому поверит Валд. Раз...

— Дерзкая какая, — неодобрительно сказал Магнус и отступил. — Была бы моей, я бы из тебя эту дурь мигом выбил.

— Слишком много если бы да кабы, — ответила я. — Два...

Он подошел к столу, выдвинул полку и вынул оттуда маленький ключик.

— А как же карманы?

Магнус усмехнулся и, повозившись немного с замком, открыл дверь на балкон. Выход из его комнаты был действительно удобным — с лестницей и жестяными перилами.

Он пропустил меня вперед, а сам остался стоять в дверях.

— А дальше? — спросила я.

— Сама найдешь, — ответил он. — Следуй за птичьим дерьмом.

Фыркнув, я двинулась по часовой стрелке по балкону, опоясывающему всю пирамиду. Перила едва достигали моей талии, но свалиться я не боялась — внизу был следующий уровень. Я прошла вдоль первой грани и завернула за угол. По правую руку шла белая стена, по левую — свежий воздух и простор. Земли вокруг замка открывались, как на ладони, и я, определив по солнцу, что смотрю на север, взгляделась в даль. За холмами начинался лес, перечеркнутый на карте Валда синей ниточкой речушки, которая впадала в озеро. Где-то там Валд встретился с шиагами, получив шрам.

Я пошла дальше, поглядывая по сторонам. Еще одна грань пирамиды заканчивалась, и балкон сворачивал за угол. Оттуда вдруг вылетели белые птицы, захлопали крыльями, едва не ударив мне в лицо, я отшатнулась и вцепилась в перила. Отдышавшись от внезапного испуга, повернула за угол и наткнулась на место, о котором говорил Магнус: здесь стена была выщерблена то ли ветрами, то ли временем и испачкана птичьим пометом особенно густо. Посмотрев вверх, зажмурилась от вспышки света. Облака набежали на солнце, и я открыла глаза. Это был не бриллиант, конечно. Грани в форме правильных пятиугольников сияли, отражая солнечные лучи, как зеркала. Я поморгала, присмотрелась, прищурившись. Кристалл держался на четырех блестящих опорах, тянущихся к центру от каждой грани пирамиды.

Цепляясь за неровности стены, я медленно полезла наверх. В то, что кристалл поставили на крышу для красоты, верилось слабо. Пирамида являла собой продуманную и удобную для жизни постройку без каких-либо украшательств. Все строго и лаконично. Четыре лестницы на каждой грани, квадратный колодец, пронизывающий пирамиду по центру, и даже анфилады с колоннами имели практический смысл — быстрый доступ к любой части замка, дополнительное освещение, а что до колонн, то, как я выяснила, во время «большого прилива» вода могла достигать стен. Однако выше колонн не поднималась никогда. Все было просчитано и выверено. И вдруг — блестящий камешек на вершине. Словно стразик на космическом корабле. Нелепо.

Размышляя таким образом, я забралась на балкон пятого этажа. Не огороженный перилами, узкий, он был похож, скорее, на карниз. Я обошла пятый уровень по периметру, пригибаясь под окнами — не хватало, чтобы капитан Рутгер меня здесь увидел, — и остановилась возле того же места, облюбованного птицами. Стена в оспинках неровностей была отвесной. Я попрыгала на месте, примеряясь к ней. Если оттолкнуться посильнее и лезть быстро, на инерции, то должно получиться. Гравитация низкая, тело легкое...

Я подпрыгнула, вскарабкалась почти до самого верха, цепляясь пальцами за трещинки в кладке между плит. Но одна рука соскользнула, я повисла на второй...

— Держись, — кто-то поставил опору под мою ступню, я подтянулась и вытолкнула тело наверх.

Лежа плашмя на животе и тяжело дыша, я пообещала себе с завтрашнего же дня начать делать зарядку. Пусть я пробуду в этом теле всего месяц, но это ведь никуда не годится! На крышу забрался Магнус и сел рядом со мной.

— Упертая, да? — заметил он, брезгливо стряхивая птичий помет с рукава. — Ну и на кой тебе это было нужно?

Я подползла к белой опоре на четвереньках. Встать в полный рост было страшно. Здесь, на крыше пирамиды, гулял ветер: рвал волосы, вылетая из квадратного колодца, где внизу зеленел дворик, забирался за шиворот и холодил вспотевшую спину. Юбка трепыхалась, и я впервые порадовалась местной моде. По крайней мере, даже в такой позе моя попа была прикрыта тканью. Я приложила руку к белому столбу, поддерживающему шар богини, — металл. Под горячим солнцем чужой планеты он должен был нагреться за день, но поверхность оказалась прохладной. Олимпиум. Не подвержен коррозии, обладает минимальной электропроводностью и прочнее остальных известных металлов. На солнце набежало облако, и я разглядела внутри кристалла тонкие венки проводов и маленькое ядро.

Так и знала.

Похоже на солнечную батарею или какой-то более сложный накопитель энергии. Через столбы, поддерживающие его, наверняка тянутся жгуты проводов. К каждой грани пирамиды — отдельный.

— Красиво, да? — спросил Магнус, стоя рядом со мной. Он взял рукой за столб, наклонился и плюнул вниз, во внутренний дворик. — Жаль, ветер, а так бы попал в твоего мужа. Смотри, как бегаёт. Ищет тебя, наверное. Волнуется.

— Скажи, Магнус, когда был построен этот замок?

— Давно, — ответил он, садясь на крышу. — Великое сооружение. Говорят, его строила сама богиня, и иногда я в это даже верю.

Поставив в уме заметку — узнать подробнее об их религии, — я села рядом с Магнусом, глядя на солнце, плывущее по небу.

— Пирамида ориентирована по сторонам света?

— Я живу в грани падающего солнца, — сказал Магнус, повернувшись ко мне и щурясь от света. Его ресницы казались золотыми. — Если что, ты знаешь, где моя комната. Вторая от лестницы.

— Я не приду, — ответила я.

Он пожал плечами и улыбнулся широко и открыто, превратившись снова в милого парня.

— Кто знает. Давай убираться отсюда, — сказал он и, поднявшись, подал мне руку. — Или ты предпочитаешь ползать на четвереньках? Одобряю. Тебе идет эта поза.

Я глянула на него исподлобья и, опершись на предложенную ладонь, встала.

— Эва! — донесся голос Валда, и мое имя, отраженное стенами пирамиды, многократно повторилось эхом. — Стой там!

— Заметил, — нахмурился Магнус и потянул меня от края. — Теперь из-за твоей блажи влетит мне.

— Иди, я не скажу, что ты был со мной, — пообещала я.

Не из-за его красивых глаз, конечно, просто сейчас мне меньше всего нужны внутренние разборки в экипаже. Они должны сплотиться перед нападением шиагов. А если Валд узнает о том, как вел себя двоюродный братец, это вынудит его принимать меры — ссориться с ним, теткой, выяснять правду... К тому же все действительно могут предпочесть поверить Магнусу, а не Эврике. А я сама виновата — ведь чувствовала, что не надо заходить в его спальню. Дикая люди, дикая нравы!

Магнус глянул на меня и вдруг быстро поцеловал в щеку.

— Еще увидимся, крошка Эва! — выкрикнул он, спрыгивая на узкий балкон.

— Угу, — пробурчала я и осторожно подошла за ним следом к краю стены. Спрыгивать не хотелось. Высота — в два моих роста. Они тут на редкость прыгучие, но я пока толком не знала своих возможностей. Сползать тоже не было сил. Руки дрожали, и мышцы спины ощутимо гудели. Завтра будут болеть.

Валд появился буквально через минуту — вышел из яруса капитана — и в первое мгновение я даже испугалась: оказывается, до этого я не видела его в ярости.

— Ты! — выдохнул он. — А ну, слезай!

— Да я с радостью, — пробормотала я, села на край, повернулась спиной и начала сползать, цепляясь за выступы. На полпути все же сорвалась и попала в руки Валда.

Он поставил меня на ноги, тряхнул за плечи, я приготовилась к гневной тираде, но Валд молчал — и это было еще хуже. Он схватил меня за руку и потащил за собой. Мы вошли в комнату, оказавшуюся спальней, и я даже не поняла сразу, что изможденный старик на кровати — капитан Рутгер.

— Эврика, — слабо позвал он, и Валд задержался.

— Отец, я объясню все потом, — сказал он. Но капитан смотрел только на меня, и я даже не была уверена, что он расслышал Валда.

— Я знаю твой секрет, дочка Алистера, — прошептал капитан и улыбнулся. Зубы его были в крови, и оскал вышел жутким.

Валд настойчиво потянул меня за собой, мы вышли в коридор, и я услышала, как хлопнула другая дверь в покоях капитана. Следом раздался ласковый женский голос, бормочущий что-то успокаивающее. Наверное, Инфинита.

Мы спускались по лестнице, и мне приходилось бежать, чтобы поспевать за Валдом. Я споткнулась и чуть не упала, но он подхватил меня и, недолго думая, закинул себе на плечо. Он сгрузил меня на пол только в спальне, захлопнул дверь, прислонился к ней, сложив руки на груди, и уставился на меня с таким видом, что мне захотелось забиться куда-нибудь в уголок.

ГЛАВА 8

— Эврика! — рыкнул Валд.

Он сейчас выглядел совсем диким: глаза только что молнии не мечут, темные брови сошлись в одну линию, рубашка вот-вот треснет от напряженных мышц.

— Прости, пожалуйста, — быстро сказала я.

— Что тебе там вообще понадобилось? — воскликнул он. — Ты могла сорваться и упасть! Ты бы разбилась насмерть! Где Магнус? Почему тетка отправила тебя с ним, вместо того чтобы показать замок самой?

— Не знаю, — ответила я на последний вопрос.

— Тебя чуть не убили только вчера, Эва! Твоя смерть начнет войну между экипажами! И ты лезешь на крышу пирамиды, как будто сама ищешь смерти. Ты что, — он вдруг посмотрел на меня испуганно, — хотела покончить с собой?

— Не хотела, — твердо ответила я. — Буду изо всех сил стараться не умереть. Ради мира во всем мире.

Валд помолчал, посмотрел на меня как-то неуверенно.

— Я должен тебя наказать, — то ли сказал, то ли спросил он.

— Не надо, — торопливо попросила я. — Я больше не буду.

Не знаю, какие у них тут в ходу наказания, и никакого желания узнавать.

— Я все еще жду ответов. Что тебе понадобилось на крыше?

— Я хотела посмотреть на шар богини.

— И? Это все? — воскликнул он и вцепился рукой себе в косу. — Ты захотела посмотреть на шар богини? Его видно отовсюду! Все любят им издали! А тебе вот втемяшилось забраться на крышу, на капитанский уровень!

— Да, — кивнула я. Правило, которое я четко усвоила в армии, — отвечай быстро и кратко. С командиром не спорь. А сейчас, похоже, Валд тут главный.

— Куда подевался Магнус?

— Я его прогнала. Мне он не нравится, — резюмировала я все наше насыщенное общение в двух предложениях.

— Это хорошо, — улыбнулся вдруг Валд. Странно. Он тоже недолюбливает Магнуса? Зачем тогда рассказал ему о нашем незавершенном брачном деле? Валд нахмурил брови, будто вспомнив о роли сурового мужа. — Ты должна была сказать мне о своем желании.

— Ты бы провел меня на крышу?

— Почему бы и нет, — пожал он плечами. — Со мной ты была бы в безопасности. Я сам туда забирался. Вид потрясающий, особенно ночью. Кругом звезды, и шар тоже светится, но не так, как днем, глазам не больно. Иногда в нем вспыхивают молнии и кажется, что внутри открывается глаз богини.

Вот это поворот! Выходит, накопитель, или что бы там ни было, работает?

— Я бы очень хотела на это посмотреть.

— Слушай, ты, наверное, просто ничего не видела в своем монастыре, да? — предположил Валд уже спокойнее.

— Да, — охотно подтвердила я. Я и монастыря-то не видела.

— И теперь тебе все любопытно, — додумал он сам. — Я бы, наверное, с ума сошел, если бы меня заперли в четырех стенах. Хочешь, погуляем? Я покажу тебе окрестности.

— Очень хочу, — улыбнулась я.

— Ладно. — Валд улыбнулся в ответ, но, спохватившись, снова напустил на себя суровый вид. —

Чтоб больше никаких выходов!

— Постараюсь, — пообещала я. Хотя вряд ли у меня это получится.

Он испытующе посмотрел на меня.

— А о чем говорил отец? Что за секреты?

— Понятия не имею.

Сильно сомневаюсь, что капитан знает мою тайну, и меня саму царапнула его фраза. Но что он имел в виду? Мои шрамы? На них он смотрел перед церемонией в храме. Я задумчиво прикоснулась кончиками пальцев к трем выпуклым полосам на задней поверхности шеи.

— Он, должно быть, бредил, — помрачнел Валд. — В последнее время приступы все сильнее.

Он сунул руку в карман и достал оттуда тонкое серебряное ожерелье с красным камнем.

— Вот, чуть не забыл. — Валд развернул меня спиной к себе и попросил: — Подержи косу.

Я подняла волосы, а он, повозившись с замочком, застегнул украшение. Камень опустился точно в ложбинку между грудей.

— Зачем это? — Я немного растерялась.

— Традиция, — проворчал он, будто все еще сердясь. — Подарок после брачной ночи.

— Спасибо, — поблагодарила я, погладив прохладное ожерелье, которое быстро нагревалось от моей кожи. Так странно и приятно. Раньше мне никогда не дарили украшений. Я повернулась к Валду. — Может, я тоже должна тебе что-нибудь подарить на память?

— Не надо, — ухмыльнулся он. — Я эту ночь и так никогда не забуду. Поцелуй меня. В качестве благодарности.

Поцеловать? Сердце вдруг застучало быстрее. Странно, я только что вполне хладнокровно обшаривала штаны Магнуса, а теперь волнуюсь перед обычным поцелуем. Будто я и вправду девственная монашка.

Валд ждал, прислонившись спиной к двери, и я шагнула к нему, положила руки ему на грудь. Он молча смотрел на меня пронзительной синевой, я облизнула губы, и сердце под моей ладонью забилось быстрее. Привстав на цыпочки, прикоснулась губами к его губам. Валд не шевелился, не отвечал на мои ласки, и это почему-то раззадорило меня. Я прикусила его нижнюю губу, слегка ее втянула, скользнула языком в его рот. Погладила руками широкие плечи и обняла Валда за шею.

Он положил ладони на мою талию, привлекая к себе, и я осознала, что дрожу, от волнения или от желания — не понять. Отстранившись, Валд прервал поцелуй, посмотрел на меня изучающе. Медленно очертил пальцем овал моего лица, погладил нижнюю губу.

— Ты очень необычная девушка, Эврика, — пробормотал он и склонился ко мне.

Мягкое прикосновение губ, такое осторожное, словно боялся спугнуть. Короткий вздох, когда наши языки соприкоснулись. Горячие ладони на спине, вдавливающие меня в крепкое мужское тело, так что я почувствовала его желание даже через одежду. Я прильнула к нему теснее, запрокинула голову. Еще ближе, еще жарче...

Он ласкал мои губы, слегка покусывал их, облизывал. Перехватив инициативу, развернул меня спиной к двери, ворвался языком в мой рот. Обнял за талию, прижимая к твердому торсу, второй рукой обхватил шею, приподнял большим пальцем подбородок. Ахнув, я схватила воздух ртом, когда Валд оставил горящую дорожку жадных поцелуев на моей шее. А он дернул завязки на моем платье, ослабил шнуровку и, приспустив ткань, высвободил груди. Накрыв их ладонями, он перекатывал затвердевшие соски между пальцами, ловя мои стоны ртом. А я совсем потерялась в его ласках, тая от горячей волны, что подхватила меня и теперь уносила куда-то вверх. Валд задрал мою юбку, рывком приподнял меня под бедра, прижав к двери, и обвила ногами его торс. Я чувствовала его возбуждение, слышала учащенное дыхание и целовала в ответ, обнимая крепкую шею.

Стук в дверь, громкий и настойчивый, прозвучал как будто у меня в голове, отдаваясь ударами в затылок. Я вскрикнула от неожиданности и сползла по двери, быстро оправляя юбки и пряча бесстыдно оголенную грудь.

— Тебе очень идет это ожерелье, — хрипло заметил Валд. — Кто? — выкрикнул он в дверь.

— Валидол, это тетя Энни. Эвочка с тобой? — раздался высокий голос.

— Да. — Он снова привлек меня к себе, наглая рука нырнула в не до конца зашнурованное декольте и сжала грудь.

— У вас все в порядке?

— Более чем, — ответил Валд. — Мы заняты.

— Мне сказали, ее видели на крыше, — не отставала она. — Зачем она туда залезла? Валд, может, ей нужна помощь? Она, должно быть, чувствует себя одиноко. Если ей надо поговорить, получить мудрый женский совет...

— Тебе нужен мудрый женский совет? — спросил он меня, и я покачала головой.

В висках стучала кровь, а голова была звеняще пустой после поцелуев с Валдом, но я не собиралась засорять ее словесным мусором Энтропии. К тому же она всучила меня своему сынку. Впрочем, она может и не знать, какого засранца вырастила.

— Пойдем, — сказала я, завязав шнурок на платье и заправив выбившуюся прядь за ухо. — Ты обещал мне прогулку.

— Я уже сто раз пожалел об этом, — ухмыльнулся он, но все же открыл передо мной дверь, от которой тут же шарахнулась Энни. Подслушивала?

— Эвочка, Магнус сказал, что потерял тебя, — чуть виновато улыбнулась она, теребя кончик светлой косы, как девочка. — Пойдем, я покажу тебе все...

— Я сам покажу, — перебил Валд и, приобняв меня за талию, вывел из спальни. — Пока, тетя.

С каждым шагом прочь от спальни чувство острого сожаления во мне росло. Внизу живота слегка тянуло. Я пересилю с ним сегодня же. Буду считать это частью миссии. В конце концов, это даже не мое тело. Я должна быть Эврикой, женой Валидола, вот и буду ею, чтобы не провоцировать ненужные конфликты. Так я, наверное, получу большее влияние на Валда. Он спрятал труп для меня и, может, не откажет своей жене и в маленькой прихоти — выкопать вокруг замка ров со смолой, а лучше — три. А то, что я теряю контроль от его прикосновений, и перед глазами до сих пор все плывет, и сердце колотится как бешеное, когда он целует меня, так нежно и одновременно горячо, — приятный бонус.

Эврика шла рядом, держа его под руку, крутила головой по сторонам и сыпала вопросами, как ребенок. Ее интересовало буквально все: сколько человек живет в замке, есть ли обязательный призыв на воинскую службу, что за птица с красным хвостом не пожелала уступать им дорогу и неодобрительно клекотала вслед, почему дома возле полей такие хлипкие.

— Потому что их все равно смоем большим приливом, — ответил Валд, невольно любясь своей женой. — Их каждый раз возводят заново на скорую руку для пастухов и земледельцев.

Эва забралась на сторожевую башню и попыталась бы выстрелить из катапульты, если бы он ее не остановил. Она напряженно наблюдала за стрижкой овец, нюхала цветы, а когда женщина, утомившаяся от ее пристального внимания, предложила ей подоить козу вместо нее, с восторгом согласилась. Он еле увел ее из загона, выманив обещанием отвести к морю.

Когда они сошли с дороги, она тут же сняла туфли и пошла босиком, погружая ноги в песок и растопыривая пальцы.

— Какой же кайф, — с придыханием сказала она.

— Что?

— Ну, приятно очень, — ответила Эва, улыбаясь ему.

Ветер совсем растрепал ее волосы, которые она и так заплетала не туго, и ему это нравилось. Правилась ее улыбка, сияющие глаза, румянец на щеках. А еще — след от его поцелуя, розовеющий на ее шее.

По песку пробежала стайка крабиков, таких мелких и тонконогих, что, казалось, их несет ветер. Эва взвизгнула, испугавшись, а потом побежала за ними следом. Она вошла в воду по щиколотку, приподняв юбку, и белая пена омыла ее ноги.

Валд отошел чуть в сторону, наблюдая за девушкой, — к лодке, покачивающейся у берега. Два бородатых мужика, с которыми у него совсем не сложились дружеские отношения, ходили по палубе, хмурясь. Мальчик с лохматой шапкой темных волос стоял на берегу и растерянно гладил

коня по белой шее чуть выше розовых жабр.

— Это ведь ты привез Эврику? — спросил Валд, подойдя к нему.

— Да, — ответил мальчик. Глаза у него были темные и смысленные, но покрасневшие, будто от недавних слез. — Поздравляю с женитьбой. Пусть богиня благословит ваш брак.

— Спасибо, — ответил Валд. — Скажи, ты знаешь Эву?

— Ну, я возил ее пару раз — к отцу, обратно, сюда вох. Капитан Алистер не позволял ей близко общаться с мужчинами, кроме священника. А я еще молод.

— Но достаточно мужчина, чтобы доверить тебе его дочь, — польстил ему Валд. — Расскажи, как вы добрались сюда? Она легко перенесла дорогу?

— Сначала плакала все время, — вздохнул мальчик. — Но, думаю, зря. Здесь ей будет лучше.

— Я постараюсь, чтобы так и было, — заверил его Валд. — Значит, сначала плакала, а потом успокоилась?

— Да, — подтвердил мальчик. — Но вы с ней поаккуратнее. Наверное, она переволновалась, потому что вела себя уж очень странно.

— Правда? — спросил Валд, глядя на Эву.

Она приподняла юбку и теперь вышагивала по кромке волн, подбивая воду ногами, так что брызги разлетались во все стороны. Юбка потемнела и намочила уже до колен. Надо будет привести ее поплавать ночью. Поставить Бага караулить, а самим раздеться догола... Интересно, она вообще плавать умеет?

— Где-то на середине пути она начала кричать, биться в каюте, будто в истерике, — продолжил мальчик. — Даже ее муфля сбежала.

— Серьезно? — удивился Валд, повернувшись к нему. — Муфля? Они ведь такие преданные.

— Да, и госпожа очень расстроилась, — вздохнул мальчик. — И от горя съела все кружки.

— Она съела муфлин корм? — Валд почесал затылок. — А где это, говоришь, произошло?

— Возле старого леса, — с готовностью пояснил тот. — Муфля туда уплыла. Я хотел поймать, но священник велел не останавливаться. Он пропал куда-то.

— Да, я слышал, — ответил Валд.

— Он был плохой человек, — совсем тихо добавил мальчик. — Но он позволял мне жить в монастыре. А теперь я не знаю, куда мне идти.

— Ты сирота? — понял Валд, и мальчик кивнул.

— Сообразительные парни везде нужны, — протянул Валд, будто задумавшись. — Как тебя зовут?

— Мика! — быстро ответил мальчик, и в глазах его загорелась надежда. — Я за конями могу присматривать, и еще в поле работать, в саду, стругаю по дереву...

— А скажи-ка, Мика, если бы я тебе дал пару-тройку крепких парней, ты бы сумел показать им то самое место, где сбежала муфля? Прошел всего день, может, еще удастся ее найти.

— Да! Я хорошо его запомнил. И муфлю сумею подманить. — Он шмыгнул носом, вытерся рукавом и воодушевленно уставился на Валда.

— Отлично. — Валд хлопнул его по плечу. — Тогда иди в замок, найди на первом уровне Бозону, скажи, что я тебя к ней отправил. Пусть выделит тебе место, накормит. С утра пришлю ребят, съездите туда, вдруг повезет. А потом посмотрим, куда тебя приставить. Раз нравятся лошади, так, может, на конюшню?

— Спасибо, — просиял мальчик. Он неуклюже поклонился и припустил к замку, розовый песок брызнул из-под его пяток.

Один из бородачей занял место на корме, дернул поводья, и лошади, загребая лапами, сползли в волны, быстро набирая скорость и разворачивая лодку. Розовые жабры на белых шеях приоткрылись, впуская воду.

Эва подошла к Валду, остановилась напротив. Мокрая юбка хлопала вокруг ее ног, как парус на

ветру.

— Я немного устала, — призналась она. — И есть хочу. Пойдем домой?

Их пальцы сплелись так естественно, будто они были вместе уже много лет. Валд поднес к губам ее руку и поцеловал. У его жены были острые розовые ногти, которые слегка царапали его плечи, когда он прижимал ее к двери и Эва тихо стонала и всхлипывала от его ласк...

— Пойдем, — сказал он.

И что-то в его голосе заставило ее приоткрыть губы, а глаза затуманились, даря волнуящее обещание.

Мы шли к замку, над которым уже зажглись первые звезды. С моря тянуло прохладой, и красная луна поднялась над горизонтом, рассыпав по морю бронзовые блики. Моя рука лежала в теплой ладони, и я иногда поглядывала на мужчину, который шел рядом со мной.

Мы не должны были встретиться хотя бы потому, что родились в разное время и на разных планетах. Но вот моя рука в его руке, а на наших запястьях блестят обручальные браслеты. Я отчаянно надеялась, что исход моей миссии будет благоприятным, но сейчас меня радовало уже то, что этот мужчина, такой сильный и красивый, не погиб в свою брачную ночь.

Эврику накручивали, запугивали и, похоже, били. Она выполнила приказ священника и своего отца. Мне хотелось верить, что в том мрачном финале не было вины Валда. Будто почувствовав, что я думаю о нем, он глянул на меня и ласково улыбнулся. Мой муж на месяц. Это вроде как понарошку. Не мое тело, не моя судьба. Почему тогда все кажется таким настоящим?

К сторожевой башне шли четверо парней с синими повязками на серых рукавах. Кажется, одного из них я уже видела в храме. Все четверо почтительно склонили головы, заметив нас, и ударили кулаками себе в грудь.

Валд тоже прижал кулак к груди.

— Смена как обычно, — сказал он. — Внимание на юг.

— Валидол, — позвала его я и едва сдержала глупое хихиканье. Я к его имени и за месяц не привыкну. — Кто командует вашими воинами?

— Капитан, — ответил он. — Правда, отец уже давно болеет, так что этим занимаемся по большей части мы с Ампером.

— Правда? — Я на это и надеялась. Как бы переместить вектор их внимания с юга, где располагались земли Алистера, на север, откуда и придет настоящая угроза. — Валд, а что, если на замок нападут?

— Кто? — спросил он. — Твой отец? Он, конечно, та еще... кхм... В общем, я ему не доверяю. Но даже Алистеру нужен повод, чтобы не спровоцировать на агрессию остальные экипажи.

— А если нападет кто-нибудь другой? — настойчиво спросила я, непроизвольно сжимая его ладонь.

— С остальными у нас мир, — ответил он, погладив мои пальцы. — С Меррихольдом, правда, был конфликт когда-то.

— Что произошло?

— Я произошел, — нахмурился Валд. — Отец завел открытые отношения с моей родной матерью. Это вызвало ярость отца Инфиниты, который тогда был капитаном Меррихольда. Он даже собирался идти войной на нас, чтобы смыть позор кровью, но потом моя мать умерла, а Инфинита приняла меня как родного. Конфликт был исчерпан.

— А если нападут не люди? — спросила я напрямик.

Он решил, что я пошутила, и широко улыбнулся, но заметив мой пристальный взгляд, все же ответил:

— Во время большого прилива к крепости прибываются целые стаи диких животных. Весь первый ярус — точно зверинец. На крыше и балконах — стаи птиц. Но все уживаются мирно, и даже хищники не нападают, пережидая время трех лун.

— А шиаги? — выпалила я.

— Они не приближаются к крепости.

Я нахмурилась, закусила губу.

— Валд, далеко отсюда до того места, где ты встретил шиагов?

— Часа два ходу, — ответил он. — Если налегке. Туда мало кто ходит. Дикое место. Но после того как в овраг упала благодать богини, находятся смельчаки.

— Благодать богини? — Час от часу не легче. Это еще что?

Его взгляд сместился на мои губы, прошелся по шее, я почти ощущала его кожей, скользнул в вырез платья, где прятался кулон, и синие глаза потемнели.

— Что за благодать? — повторила я, возвращая его к теме разговора.

— В ней кроется целительная сила богини, — ответил он, все так же глядя сверху в мое декольте.

— И зачем ты туда ходил? Болел? — поинтересовалась я, прямо как заботливая жена.

— Нет. Зельда, жена Бага, моего лучшего друга, не могла забеременеть. Они вместе чуть ли не с детства. Встречались, потом поженились, а дети никак не получались. Вот она и захотела отправиться к месту силы. Баг, конечно, с ней. Ну и я пошел. Она беременна сейчас. — Валд улыбнулся так тепло, что у меня сердце защемило. — Надеюсь, у нас с тобой все быстро получится.

Он остановился посреди дороги и, не обращая внимания на людей, возвращающихся в замок на ночь, поцеловал меня. Быстро, жадно, будто не утерпел.

— Валд, — выдохнула я, отпрянув. — Ты ведь даже не хотел жениться! Мы не знаем друг друга! Какие дети?

— Кто тебе сказал, что не хотел? — цепко спросил он, слегка прищурился глазами.

— Не важно.

— Эва... — Валд снова взял меня за руку и повел к пирамиде, которая была уже совсем близко. — Да, я не был в восторге от навязанного брака. Как, верно, и ты не ждала брака по любви. Но мы можем получить больше, чем надеялись, если приложим к этому усилия. Я бы хотел, чтобы жена была мне подругой и любовницей, и матерью моих детей, конечно.

Вот только через месяц я возвращаюсь на «Арго».

Его рассуждения, такие простые и понятные, и планы, навстречу которым из моей души что-то потянулось, как росток, болезненно задела. Наверное, если бы Эврика не была такой затравленной, они действительно могли стать счастливой парой.

— Не стоит планировать так далеко, — пробурчала я.

— Почему далеко? — удивился он. — Если ты не будешь ломаться, то богиня может одарить нас первенцем уже через девять месяцев.

Я невольно закатила глаза.

— И не делай такое лицо, — потребовал он. — Как будто я говорю глупость. Это главная обязанность жены — любить и почитать мужа и рожать ему детей.

— Проехали, — пробормотала я.

— Куда проехали? — рассердился Валд.

Я вдруг остановилась посреди дороги и посмотрела на него, осененная идеей. Это же так просто! Как только я раньше не додумалась!

— Валд, — сказала я. — Ты ведь веришь в богиню?

— Конечно.

— И в то, что она может посылать знаки, благословения, предсказания...

— Да, — подтвердил Валд. — Станный вопрос. Что значит, верю — не верю, если это существует.

— Мне было предсказание от богини, — выпалила я, старательно делая честные глаза. — Через месяц на замок нападут шиаги. Все люди погибнут.

— Эврика, — вздохнул Валд, — это какой-то хитрый выверт, чтобы не спать со мной?

— Да никакой это не выверт! — возмутилась я.

— Когда и как ты получила предсказание?

— Ночью, во сне, — ответила я.

— Утром ты знать не знала о шиагах, — заметил Валд. — И о сне не сказала ни слова. Да и вообще — мало ли что тебе приснилось? Мне, может, тоже всю ночь снилось что-то интересное, да вот только реальностью это пока так и не стало! Я не понимаю, почему тебя так зацепили шиаги. Послушай, может, тебя испугал мой шрам? Или... то, что рядом?

Я нахмурилась, пытаюсь понять, о чем он, а когда до меня дошло, еле успела отвернуться, чтобы спрятать улыбку. Закусила губу, сдерживая смех. Его логику можно понять. Я ведь монашка, не видевшая раньше голых мужчин. И он решил, что его... кхм... достоинство меня напугало. Валда, конечно, природа не обделила, но все вполне гармонично и даже красиво... Я тряхнула головой. Нашла о чем думать.

— А ты можешь сводить меня к этой благодати? — попросила я. — Раз уж она исцеляет и дает женщинам детей.

— Давай сначала сами, — отрезал он. — А то как-то странно просить помощи богини, ни разу не попробовав.

ГЛАВА 9

Крепость наполнялась людскими голосами, светом огней, запахами еды. Валд отправился на кухню, чтобы отдать распоряжения насчет ужина, а я поднялась в спальню. Смыв с пяток розовый песок, я села в одно из кресел у камина, который кто-то предусмотрительно разжег. Днем солнце так и жарило, а вот вместе с ночью на землю опустилась прохлада.

Я немного волновалась из-за того, что должно было произойти, но сейчас это казалось мне разумным решением. Правда, я устала после прогулки, и живот отчего-то тянуло все сильнее. Надеюсь, Эврика не больна ничем серьезным, ведь до сих пор я чувствовала себя вполне комфортно в ее теле.

Валд распахнул дверь, пропуская вперед двух служанок с подносами. Девушки в серых платьях шустро расставили тарелки с яствами на столике между креслами и исчезли. Я не стала дожидаться мужа и взяла себе ломтик чего-то поджаристого и пахучего. Валд скрылся в своей комнате, дверь в которую теперь оставалась открытой, и вернулся через несколько минут, когда я уже сыто откинулась на спинку кресла.

Валд не спешил садиться. Вместо этого прошелся туда-сюда по комнате, поглядывая на меня со странной неуверенностью. Потом все же сел в кресло напротив, потер небритый подбородок и, наконец, решился.

— Эва, — сказал он и прокашлялся. — А тебе вообще рассказывали в монастыре о физической близости мужчины и женщины?

— Нет, — честно ответила я, подтягивая ноги к себе и поджимая колени к груди. Конечно, не говорили. Я и в монастыре-то ни разу не была.

Валд тяжело вздохнул.

— У нас с тобой все вроде хорошо идет, — сказал он. — Наметился прогресс. Ты уже не бьешь меня и даже проявляешь инициативу... Поцелуи, ласки — это, конечно, прекрасно, но между нами должно произойти нечто большее, ты понимаешь?

В армии нас учили сохранять невозмутимое выражение лица — для несения почетного караула. Сейчас этот навык очень мне пригодился.

— Вот как? — ответила я.

— Может, попросить маму тебе объяснить? — страдальчески произнес он.

И пропустить такое шоу? Нет уж!

— Расскажи сам, — попросила я, мило улыбнувшись.

Валд положил себе в тарелку нарезанные овощи, ломоть того же поджаристого нечто, вкус которого я тоже оценила, потом налил в бокалы вина. Мне — чуть ли не до краев. Я взяла бокал и пригубила, следя за варваром. Он явно страдал, и где-то в глубине души мне даже захотелось пожалеть его и отказаться от лекции.

— В общем, при сотворении людей богиня разделила их на два пола, мужской и женский.

Издали зашел. Ладно, послушаем. Я отпила вина, не сводя глаз с Валда.

— Когда первое яйцо треснуло, скорлупа разлетелась на осколки, а люди вышли наружу, богиня велела им плодиться и размножаться, — сказал он. — Физическая близость — это соединение мужчины и женщины, благословенное богиней для продолжения рода. Люди так устроены, что мужчина может проникнуть в женщину, а женщина — принять мужчину.

Он сцепил ладони, развел, снова соединил и развел, вздохнул. Будет показывать на пальцах? А яйцо — это, выходит, Ковчег? Скорлупа треснула — авария при посадке?

— Может, давай на практике? — взмолился Валд.

— Нет-нет, — возразила я. — Теория — это очень важно. Так интересно! Продолжай.

Он вздохнул, взял бокал вина, посмотрел в него отрешенным взглядом и поставил назад.

— Мужчина так устроен, что ему хочется вонзить свой меч в ножны женщины, — выпалил Валд.

— Чего? — протянула я. — Вонзить меч?

— Нет, ну, он вонзает и вынимает, вонзает и вынимает...

Я опустила лицо, завесившись волосами, и хрюкнула от сдавленного смеха.

— Нет-нет, это не больно! — всполошился он. — Вернее, в первый раз немного больно, но потом приятно. И не меч, это я образно, а... вот то, что тебя напугало.

— Метка шиага?

Валд вздохнул, встал и начал развязывать шнурок на штанах.

— Не надо, я поняла, — быстро сказала я. — Значит, меч. А ножны не страдают от вонзания?

— Нет, если мужчина будет нежен и подготовит их к проникновению, — ответил Валд, садясь снова. — У женщин есть такие особые места, прикосновение к которым делает ножны влажными.

Как бы меч не заржавел. Валд посмотрел на меня с легким прищуром, и я быстро стерла с лица дурацкую ухмылку, похлопала ресницами.

— Грудь, шея, одна очень чувствительная точка между ног... — продолжил он.

Да мой варвар технически подкован.

— На самом деле много мест, — продолжил он более вдохновенно. — Когда женщина возбуждена и хочет мужчину, то вся она раскрывается ему навстречу. Мужчина движет своим молотом, словно высекая искры...

— Подожди, был же меч! — воскликнула я.

— Не важно, — ответил Валд. — Он движется в женщине, все быстрее и быстрее, и — бах!

Я подпрыгнула в кресле от неожиданности и едва не облилась вином.

— Соитие само по себе очень приятное занятие, но ощущение, которым оно заканчивается, хочется переживать снова и снова.

Он выдохнул, провел ладонью по косе и, взяв бокал, выпил до дна.

— Впечатляет, — протянула я. — Знаешь, мне, наверное, понадобится время, чтобы все это осмыслить.

— Хорошо, — кивнул он. — И главное — именно от единения двух тел и получают дети. Мое семя упадет на твою почву и даст всходы.

Да я прямо цветочный горшок. Но с этим, кстати, надо что-то делать. Через месяц, уже даже двадцать девять дней, я вернусь в свое время, а здесь останется тело Эврики, которое без сознания не сможет существовать. С ее смертью я как-то смирилась, но мысль о том, что крохотная жизнь, которая может зародиться, тоже погибнет, показалась мне в корне неправильной.

Мы продолжили ужин в тишине, иногда поглядывая друг на друга. И если я думала о том, есть ли в этом мире противозачаточные таблетки, то мысли Валда явно текли в другом направлении.

— Я хочу добавить еще кое-что, — сказал он. — Ты должна знать, что я чту священные узы брака. Моя приемная мать Инфинита очень страдала из-за увлечения отца, хоть и не показывала этого... Она сумела найти в себе душевные силы и принять меня как родного, и я люблю ее и уважаю безмерно. Но я не стану, как отец, рисковать ни своим браком, ни возможными детьми и их будущим.

— Хорошо, — ответила я.

Весьма похвальное устремление. Положив в рот ломтик сыра, прожевала, наслаждаясь вкусом. Как только Эврике удалось остаться стройной в мире, где столько кулинарных изысков?

— Твои ножны теперь единственные для меня, — проникновенно сказал варвар, чуть склонившись над столом, и я закашлялась, поперхнувшись.

Промокнув салфеткой подступившие слезы, я посмотрела на Валда, а он, отодвинув от себя пустую тарелку, поднялся с кресла и стал раздеваться, двигаясь так непринужденно, будто в этом нет ничего особенного. Снял синюю рубашку, штаны, трусы. Я молча смотрела на него, гадая, не решил ли он все же помахать мечом, но Валд открыл кран в ванне и, забравшись туда, лег, раскинув руки на бортики.

— Жена, — позвал он, — иди сюда.

Мы же вроде договорились, что я пока буду осмысливать все это, про молоты. Своей лекцией о соитии Валд несколько выбил меня из колеи.

— Помой меня, — сказал он, прикрыв глаза. Но я видела, что он наблюдает за мной из-под темных ресниц. — Я хочу, чтобы ты перестала бояться моего тела.

Валд чувствовал себя полным идиотом. Меч. Не мог подобрать менее пугающий образ? Он должен был успокоить Эврику, убедить, что это не страшно, а сам сказал, что будет вонзать в нее меч. Как есть дурак. Но Эва, на удивление, не выглядела напуганной. Ее глаза блестели, а в уголках губ спряталась лукавая улыбка. Она встала с кресла, не спеша подошла к ванне, закатывая рукава на тонких запястьях.

Такая хрупкая и одновременно сильная, неискушенная и любопытная, живая, непосредственная, желанная... Послать бы Бага в бездну со всеми его советами и подмять ее под себя, исцеловать длинную шею, ключицы, нежную грудь, ловить губами ее стоны и сбивчивое дыхание, овладеть наконец ею и брать снова и снова. Сначала раздвинуть стройные ноги и войти в нее плавно, бережно, следя за тем, как меняется выражение ее лица, как затуманиваются глаза и щеки заливают румянцем. Потом усадить сверху, чтобы она сама задавала ритм, познавая свое тело. А потом перевернуть и взять яростно, обхватив ее бедра и насаживая на себя все быстрее, пока ее тело не содрогнется сладостными спазмами...

Эва намылила жесткую мочалку и, присев на ступеньку лесенки у ванной, провела ею по его груди.

Нет, он точно идиот. Пообещал дать ей время, а теперь сам же пожелал, чтобы она касалась его своими тонкими пальчиками, смотрела на него так изучающе и внимательно с этой странной улыбочкой на губах. Некстати вспомнилось, как она шептала ему за свадебным столом, что станет исполнять все его пожелания, что она в полном его распоряжении...

Его меч поднялся, готовый к бою.

Эва, не замечая, какой эффект на него производит, будто нарочно начала мурлыкать себе под нос какую-то мелодию. Она неспешно водила мыльной мочалкой по плечам и груди, каждый раз спускаясь все ниже, и он с замиранием сердца следил за движениями ее руки. Потом она и вовсе выпустила мочалку и провела кончиками пальцев по внутренней поверхности его предплечья.

— Напоролся на сук во время охоты, — сказал он, поясняя происхождение давнего шрама.

Эва слегка наклонилась, так что теперь ее грудь оказалась прямо перед глазами, и нежно обвела пальцем контур его губ.

— А этот шрам? — спросила она, погладив верхнюю губу еще раз.

— Ампер швырнул в меня камень, — ответил Валд. — Детьми мы часто дрались.

Между упругих смуглых холмиков сверкал красный камешек ожерелья. Без платья смотрелось еще лучше.

Эва вдруг наклонилась еще ближе, мягко поцеловала его и тут же отпрянула. Он выдохнул, обхватил бортики ванны пальцами. А ее нежная ручка снова погладила его плечо, грудь и скользнула еще ниже.

Подумав, Валд перекрыл кран, чтобы воды не было слишком много и Эва не замочила рукава. А может, надо было наоборот? И пусть бы она разделась. Включить воду снова? Глупо. На сегодня он уже исчерпал свой лимит придурочности. Осталось только станцевать по совету Бага — и все, жена окончательно уверится в его невменяемости.

— Валд, — прошептала она интимно, — ты бы мог кое-что сделать для меня?

— Да, — сразу согласился он. — Что ты хочешь?

Она вздохнула, отвела взгляд, прикусив губу.

— Эва, я твой муж, и если у тебя есть потребности...

— Прикажи выкопать ров, — сказала она быстро, точно боясь передумать.

Так. Валд нахмурился.

— Неожиданно, — сказал он.

— Понимаешь, меня терзают страхи, — пожаловалась она. — В монастыре я чувствовала себя защищенной, а здесь, в чужой крепости, я боюсь. И предсказание богини пугает меня, шиаги нападут через месяц, даже если ты мне не веришь.

Эва распалилась и, схватив мочалку, стала ожесточенно тереть его торс.

— Крепость, быть может, и защищена от людей, но шиагам все эти решетки и заслоны — тьфу. Они заберутся по белым стенам в считанные мгновения, убивая всех, кто попадет на пути.

— Эва, я мог бы, конечно...

Она отшвырнула мочалку в конец ванны, рука скользнула ниже, и он охнул от прикосновения.

— Но... — Он сглотнул.

— Ты ведь можешь приказать, правда? — Она пытливо смотрела на него, а ее нежные пальчики обхватили его меч и осторожно погладили снизу-вверх.

— Могу, — кивнул он.

— И заполнить ров смолой, — добавила Эва.

— И это можно, — согласился Валд.

Ее рука сжалась крепче.

— Такой твердый, — прошептала она. — А три рва?

— Эва... — Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. Пальцы, сжимающие бортик ванны, побелели. — Понимаешь, я могу приказать выкопать хоть десять рвов, но это будет бессмысленной работой. Потому что уже через три недели большой прилив размочит их и сровняет с землей.

— Ох. — Она вздохнула так огорченно, разжала пальцы, и Валд поспешно добавил:

— Но если тебе хочется...

— Нет, не надо, — сказала она, хмурясь. Окинув его быстрым взглядом с ног до головы, добавила: — Чистый.

— Спасибо, — сказал он, поднимаясь. Эва подала ему полотенце и отвернулась.

Валд обернул бедра, выбрался из ванны. Жена стояла у окна, повернувшись спиной. И что это было? Она ведь явно пыталась им манипулировать, причем очень успешно. Такая чувственная, пылкая, она инстинктивно нащупала рычаг. В прямом смысле. И Валд готов был дать ей все, что бы она ни попросила: наряды, украшения, подарки.

Но ров со смолой...

Валд подошел к ней сзади, осторожно приобнял за талию. Эва нервно покусывала кончик мизинца, напряженно вглядываясь в ночь. Он убрал ее растрепанную косу, перекинув через плечо, и шрамы на тонкой шее бросились ему в глаза. Они словно стали ярче — три красные полосы. Эва даже не помнит, как их получила. Ей столько довелось пережить: над ней измывались, подталкивали к самоубийству, она рыдала по пути на свадебный пир с незнакомцем, и теперь самое меньшее, что он может сделать, — дать ей почувствовать себя в безопасности.

Валд легонько прикоснулся губами к нежной шее.

— Я подумаю, что можно сделать, — тихо сказал он. — Конфликт с Алистером не изжил себя после нашей свадьбы, так что усиление воинов будет логичным и оправданным. Прикажу кузнецам изготовить дополнительную броню, обновлю каналы подачи смолы на первом уровне, у Бага еще было несколько идей вроде колючего тарана, который скатывается с третьего уровня и несет на врагов, набирая скорость...

— Правда? — Она порывисто повернулась к нему и обняла, положив голову на грудь.

— Знаешь, я сегодня лучше посплю у себя, — сказал Валд, неловко отстраняясь. — Тебе надо отдохнуть, привыкнуть... ко всему. Я оставлю дверь открытой и буду рядом.

— Ладно. — Эва улыбнулась и, привстав на цыпочки, поцеловала его. — Спасибо!

Он криво усмехнулся и побрел к себе в спальню. Сбросив полотенце, лег в кровать, закинув руки за

голову. Покосился вниз, на Валидола-младшего, который и не собирался спать.

Эврика снова тихо напевала какую-то мелодию. Зажурчала вода в ванне, послышался шорох снимаемой одежды. Валд сцепил зубы, зажмурился, изо всех сил пытаясь отогнать от себя непрошенные образы.

Через какое-то время донесся звук легких шагов, тихое дыхание — она задула свечи, и в дверном проеме стало темнее.

— Спокойной ночи, — донеслось до него.

— Спокойной, — вздохнул он.

ГЛАВА 10

Утром я обнаружила, что у Эврики началась менструация. Валд, к счастью, куда-то подевался, а служанка, которая пришла убирать в комнатах, только моргала на мои попытки добиться от нее правды — как быстро пройти очистку репродуктивных органов. В итоге она сбежала от меня, а через несколько минут в спальню вошла Энтропия.

— Менструация? — повторила она с недоумением.

Не удивлюсь, если в этом мире кого-нибудь так зовут.

— Ну, женский период, повторяющийся каждый месяц, — попыталась я объяснить.

— Ах, лунные дни, — улыбнулась Энни. Она прошла в туалетную комнату, открыла дверцу шкафа. — Вот, здесь все необходимое. Ложись, отдыхай, я распоряжусь, чтобы тебе принесли еду и чай.

Ложиться? Я что, заболела? Заглянув в шкафчик, увидела стопку чистых лоскутов. И никаких менотронов, биокапсул и эпиляторов? Кошмар!

Я выдавила из себя улыбку, но Энни не спешила уходить. Она заглянула в открытую дверь, ведущую в комнату Валда, повернулась ко мне и удивленно приподняла брови.

— Валдик спал у себя? Его постель смята.

— Да, я неважно себя чувствовала, — ответила я. Да и сейчас мне как-то нехорошо. Решение ежедневно делать зарядку разбилось о ноющий живот.

Энни повздыхала, походила по комнате. Она провела пальцами по каминной полке, заглянула в кувшин и понюхала его, перебрала баночки в корзинке на туалетном столике и, открыв один из кремов, щедро намазала себе руки.

— Жаль, что у вас с Валдом не складывается, — скорбно произнесла она. — Он все же немного грубоват, особенно для такой девушки, как ты.

Интересно, для какой — такой? Можно подумать, Энтропия успела хорошо меня узнать.

— Ты такая утонченная, воспитанница монастыря...

Год армии в космофлоте и биоколледж.

— Нежная, хрупкая девушка...

Волейбольная армейская команда, рукопашный бой. Хотя в теле Эврики мои навыки частично утеряны, что есть, то есть.

— Невинная. — Она бросила на меня цепкий взгляд.

Тоже промашка. Тело у меня, возможно, и девственное, но вот помыслы — нет. Вчера, когда Валд ушел в свою комнату, мне хотелось самой лечь в его постель. К нему было так приятно прикасаться: гладить крепкие мышцы, целовать нежные губы...

— Мне кажется, с моим Магнусом вы бы лучше поладили, — выпалила Энни и поджала губы.

Ну-ну. Вот где точно неподходящая пара для нежной невинной монашки.

— Он ведь тоже мог стать твоим мужем, — горячо прошептала она, покосившись на дверь. — Если бы Валд отказался, следующим кандидатом был бы Магнус. А он у меня замечательный! Все же есть разница, когда ребенка растит родная мать. Он получает искреннюю чистую любовь и потом сам хочет ею делиться.

О да. Щедрый великодушный человек. Готов был излить свою любовь... кхм... во все дырочки.

— Валд мне вполне подходит, — вежливо улыбнулась я. — Он отличный муж.

— Муж ли? — хитро взглянула на меня Энни. Она открыла еще одну баночку, понюхала, скривилась и бросила ее назад в корзинку. — Подумай, Эва, пока между вами с Валдом еще не все решено, брак можно признать несовершенным.

Тогда имеет смысл поскорее все решить. Валд готов помочь в выполнении миссии, пусть и не верит мне. Терять такого союзника нельзя.

— Спасибо, — ответила я. — Я, пожалуй, посплю сейчас.

— Отдыхай, — кивнула Энни, — и поразмысли над тем, что я сказала.

Она наконец ушла, а я привела себя в порядок и позавтракала — мне принесли умопомрачительные пышные булочки с маслом и ягодным джемом, а еще какой-то зеленый сок, не похожий ни на один из мне известных. Промокнув губы, я взяла столовый ножик, вытерла его и подошла к кровати. Откинув покрывало, присела и выцарапала на темном деревянном основании тридцать вертикальных линий. Первую зачеркнула. Меня забросили сюда после полудня. Выходит, в такое же время заберут назад.

Я провела по полоскам пальцем, ощущая шероховатость дерева.

Надо бы попасть к благодати богини, ведь где-то там обитают шиаги. Зайти в тыл к противнику. Я боялась пауков до дрожи и пелены перед глазами, до холодного пота и выскакивающего из груди сердца, но сейчас не могла себе позволить страх.

В дверь тихонько постучали, и в спальню вошла Лора, жена однорукого Ампера. Я быстро натянула покрывало на мой самодельный календарь, поднялась, пряча ножик в рукав и глядя на нежданную гостью.

Лора сложила руки на животе, улыбнулась.

— Я пришла познакомиться, — сказала она низким грудным голосом. — Мы теперь вроде как сестры.

В горле тут же собрался колючий комок, но я вдохнула глубже, пытаюсь унять внезапно растревоженные чувства. У меня была сестра, и Лора совсем на нее не походила. У Риты были карие глаза, темные волосы и широкая улыбка. А смеялась она громко и заразительно, запрокидывая голову. Я отчего-то не могла представить Лору смеющейся. Она вся такая плавная, спокойная, текучие движения, умиротворенная красота. Когда мы с Ритой ссорились, я обзывала ее кобылой — за громкий смех и крупноватые зубы. Она меня — жабой: за подростковые прыщи, которые норовили вылезти на лбу несмотря на все достижения косметологии, и просто от большой сестринской любви. Но мы быстро мирились даже после самых громких скандалов.

Лора опустила в кресло, не сводя с меня блестящих серебряных глаз.

— Может, тебе что-нибудь нужно? — спросила она. — Я могла бы помочь тебе обустроиться в замке: посоветовать личную служанку, портниху. Жен офицеров обычно обшивает Пенни с третьего уровня, но мне она не особенно нравится. В последнее время я шью у Валюты. Она не очень опытна, но у нее хороший вкус.

Лора сегодня была в синем платье, украшенном красными кружевами под грудью, что подчеркивало и выразительные формы, и круглый живот. Пшеничная коса, перекинута через плечо, разделялась на множество прядей.

— А кто у вас доктор? — спросила я, и Лора непонимающе на меня посмотрела. — Лекарь.

— Ты заболела? — участливо спросила Лора.

— У меня лунные дни, — пробурчала я.

— О, тогда лучше просто ложись и отдыхай.

Вот заладили. Некогда мне отдыхать! Я не могу себе позволить проваляться три дня, или сколько там у Эврики длятся критические дни, когда шиаги готовятся к нападению.

— Я скажу на кухне, чтобы тебе принесли травяной чай. — Лора мягко улыбнулась, погладила живот. — Тебе не стоит сейчас принимать лекарства. Ведь скоро ты можешь понести, а это навредит будущему ребенку.

Я задумчиво на нее посмотрела, прикидывая, как бы подобраться к интересующей меня теме.

— Мы ведь только познакомились с Валдом, — неуверенно начала я. — Я совсем не знаю его, а он — меня, разумно ли будет сразу заводить детей?

Лора смотрела на меня, но я не могла разобрать, о чем она думает. На лице ее застыла вежливая улыбка, а глаза оставались холодными, как монеты.

— Мы с Ампером знаем друг друга с детства, — сказала она. — Я так злилась, когда его обручили с тобой.

— Прости, — пробормотала я.

— В том нет твоей вины, — сказала Лора. — К тому же мы все равно поженились.

— Поздравляю.

Лора молчала, будто ожидая продолжения, и я догадалась, что у них поздравляют как-то по-другому.

— Пусть богиня даст вам много здоровых детей, — неуверенно добавила я.

Лора улыбнулась, снова погладила свой живот, обтянутый синей тканью. На изящном запястье сверкнул обручальный браслет, более яркий, чем у меня, и инкрустированный камнями.

— Я забеременела сразу после свадьбы, — сказала она. — Некоторые болтают, что даже раньше, но это неправда. Я хранила свою невинность. Мужчине важно быть первым. Единственным.

Я вздохнула. Вместо того чтобы выполнять миссию, сижу и слушаю байки про девственность.

— Но, возможно, есть способы предотвратить беременность? — спросила я прямо.

— Загляни к Карин, — сказала Лора, и я вся обратилась в слух. — Она живет на втором уровне, дверь с крестом. К ней многие бегают, особенно до свадьбы. Она варит настой, который надо пить перед близостью либо сразу после — и тогда зачатия вне брака не случится. Капитан воспитывал Валидола как законного сына, и Инфинита приняла его, но я бы так не смогла. Мой ребенок будет желанным и любимым и станет расти в заботе и ласке в настоящей семье... А если тебе дети не нужны, то лучше не заводи.

Я нахмурилась. Голос Лоры, такой чарующий вначале, зазвучал раздражающе резко. Она плавно поднялась, холодно улыбнулась и бесшумно, как кошка, вышла, прикрыв за собой дверь. Что ж, наверное, не стоило заводить разговор о предохранении с беременной женщиной, но зато у меня есть информация. Карин на втором уровне. Дверь с крестом.

Я вышла в коридор, и долговязый рыжий детина, сидящий у противоположной стенки, тут же вскочил, широко улыбаясь.

— Я Баг, — представился он.

— Эврика.

— Знаю, — ответил он, приглаживая длинные усы, жесткие, как проволока. Его голову, выбритую по бокам, разделяла рыжая коса, украшенная бусинами. — Валд попросил меня приглядеть за тобой.

— А где он?

Баг загадочно улыбнулся, подвигал бровями и прошептал:

— Это секрет, он готовит тебе сюрприз.

— Что-то связанное с обороной замка? — спросила я.

— Что? Нет, конечно нет, — удивился Баг. — Намекну — это то, что было утеряно.

Хм. Я пошла по коридору, а Баг пристроился рядом, размахивая длинными ручищами. Его желтая рубашка была яркой, как перья канарейки, и я вспомнила, что видела такую же ночью, когда Валд уносил труп Кастора из нашей спальни. Что ж, похоже, мой муж полностью доверяет Багу. А тот кашлянул и сказал:

— Я Валда с детства знаю. Отличный парень. И станет прекрасным мужем. Он внимательный, заботливый, сильный...

Я искоса на него посмотрела. Он что, рекламный менеджер моего варвара?

— ...лучший объездчик коней. Во время прошлого отлива он сумел заарканить вожака табуна — дикое злобное чудовище, чуть ногу мне не отгрыз. А Валд вскочил на него, обхватил шею бедрами, закрыв жабры, так что тот не смог уйти на глубину, вцепился в гриву...

Я состроила печальную физиономию:

— Как грубо! Бедная лошадка!

— Нет-нет, — испуганно возразил Баг. — Валд очень нежный! Кхм... Чуткий. Ласковый. Сейчас этот конь ест у него с рук и ржет, когда его видит. Валд ездит на нем почти каждый день, и конь

послушен и радостно выполняет команды.

— Каждый день? — повторила я. — Наверное, у Валда много забот.

— Конечно, — подтвердил Баг. Мы свернули на лестницу и пошли вниз. — Он отвечает за воинов, командует охотой. Рыбалкой больше Ампер занимается, но если намечается что-то важное, вроде загона карраша, то без Валда не обойтись.

— У него, похоже, совсем не останется времени на жену, — пожаловалась я и притворно вздохнула. — Вот и сейчас вместо того, чтобы самому сопровождать меня в храм, он переложил это на своего друга.

— Мы идем в храм? — удивился Баг и спохватился: — Он найдет время на тебя! Вот ночью он совершенно точно будет свободен. — Баг вдруг слегка покраснел и добавил: — А еще Валд хорошо танцует.

Я улыбнулась.

— А вышивать умеет?

Рыжий нахмурил брови.

— Это вряд ли. Но если надо — научится. Ему все удастся! А как он владеет мечом!

Я не сумела сдержаться и расхохоталась. Каменные своды пирамиды подхватили мой смех и повторили его, унося под крышу затухающие отголоски эха.

— Эврика, — недоумевающе произнес Баг. — Что я такого сказал?

Успокоившись и вытерев подступившие слезы, я глубоко вдохнула и покачала головой. Еще не хватало, чтобы из-за угла выскочила подтанцовка и стала петь: «Дай Валидолу, дай». Интересно, Валд его попросил или это личная инициатива? Почему-то я думала, что скорее второе.

Баг распахнул передо мной резные двери храма, и я поежилась, прогоняя всплывшие воспоминания. Пройдя через темный коридорчик, вошла в сам храм. Сейчас здесь было пусто и светло. Пылинки кружились в столбах света, проникающих через окна в стенах и крыше. На лавках никого не было.

— Не время для молитв, — пояснил Баг. — Все работают.

Я пошла напрямик к алтарю. Была у меня одна отчаянная надежда. Раз уж над пирамидой есть работающая батарея, так, может, медицинская капсула, которая служит алтарем, подключена и еще функционирует? Для ковчегов их делали максимально надежными, пусть даже в ущерб возможностям. Я обошла алтарь, откинула кружевную салфетку, закрывающую пульт. Что тут у нас? Рычаг включения, дисплей, несколько кнопок. Выдохнув, я подняла рычаг вверх.

— Говорят, что раньше алтарь мог исцелять, — сказал Баг, глядя на мои манипуляции. — Еще в те времена, когда богиня приходила к людям.

Я обернулась на икону с ликом Фернанды. Очень похожа. Могли ли люди принять голограмму за богиню, если их уровень развития не позволял даже представить существование таких технологий? Запросто! Но ведь они знали, что Фернанда собой представляет. Они летели с ней на Ковчеге, где суть ее работы заключалась в обеспечении жизнедеятельности и максимальном удовлетворении потребностей всех членов экипажа. Я невольно хмыкнула. Если бы я заявила Фернанде такое, она бы мигом загрузила меня работой по самое не хочу, чтобы времени на потребности не осталось.

— В нем больше нет божественной силы, — сказал Баг, когда я потыкала кнопки и снова подергала рычаг вверх-вниз.

— Ну конечно, — расстроено протянула я.

Божественная сила. Или таурилл. Вещество, которое загружается в капсулу и из которого она получает энергию для биоволн. Сдернув салфетку вовсе, нашла квадратный контур приемника. Нажала на него ладонью, и крышка приподнялась и отъехала в сторону. Пусто. Все мои надежды по-быстрому очистить организм пошли прахом. Придется перетерпеть полный срок месячных.

Расстроено цыкнув, закрыла крышку, и вдруг капсула еле слышно загудела, а на дисплее замигал красный ноль. Ага! Значит, подключена! Вот только заправить надо. Без таурилла толку от нее никакого. Я перевела рычаг в нижнее положение, и капсула перестала гудеть. Вернув салфетку на место, я повернулась к Багу и только сейчас заметила, как он смотрит на меня: зеленые глаза чуть не лезут из орбит, усы встопорчились, как у кота.

— Что? Это? Было? — отдельно произнес он.

Вот же... Соврать? Сказать правду? Желтая рубашка, значит, он, наверное, кто-то вроде ученого-изобретателя, и вчера Валд говорил о его идеях насчет колючего тарана, так, может, стоит подтолкнуть мысли Бага в нужном направлении? Тем более он лучший друг моего мужа, и тот ему доверяет.

— А что, если алтарь — это вовсе не алтарь? — произнесла я, наблюдая за реакцией Бага.

— А что? — В зеленых глазах, все так же расширенных от ужаса, промелькнул интерес.

— Нечто вроде инструмента. Такое приспособление, которое может исцелять, но не волшебной силой богини, а с помощью науки.

— Оно сияло! — воскликнул Баг. — Я видел знак огненного кольца! Это символ бездны!

— Это ноль, — вздохнула я.

— Ты нечистая, — выпалил он. — Порождение зла!

— Сам ты нечистый, — рассердилась я. — Вон передвинь рычаг и получишь тот же эффект. И вообще, разве может алтарь богини быть грязным?

Баг сопел так сильно, что кончики его рыжих усов колыхались. Закатав рукава, он подошел к алтарю, взялся за рычаг.

— Только не дергай резко, поломаешь, — пробурчала я. Мало ли, вдруг когда-нибудь найдется гений, способный синтезировать таурилл.

Баг плавно сдвинул рычаг вверх и отдернул руку, будто обжегшись.

— Опять! — воскликнул он. — Горящее кольцо!

— Ноль, — кивнула я. — Не хватает вещества для заправки.

Он снова посмотрел на меня безумными глазами.

— Ваши кони, они что едят? — спросила я.

— Рыбу, — ответил он. — Водоросли. Мясо. Но мясо лучше не давать, иначе становятся агрессивными и кусаются.

— Вот. Как вашим коням нужна рыба, так и этому инструменту нужна еда.

— Эврика, — выдохнул Баг. — Что ему нужно? Я все достану!

— Таурилл, — ответила я, опуская рычаг вниз и выключая капсулу. — У вас нет такого.

— Откуда ты все это знаешь? — с подозрением спросил он.

— В монастыре рассказали, — ответила я. Живот занял с новой силой, и я, морщась, помассировала его ладонью по часовой стрелке. — Баг, покажи мне замок. Только не залы и картины с коврами, а что-нибудь эдакое, с божественной силой, которая ушла.

— Понял, — кивнул он. — Откуда начнем, с первого уровня или с крыши?

— Давай с крыши. И знаешь, я расскажу тебе кое-что о шаре богини. Мне кажется, тебе понравится.

Поправив салфетку на капсуле, я пошла прочь, но вдруг повернулась, осознав некую неправильность. На «Арго» Фернанда «носила» серый комбинезон, как все «мышки» из обслуживающего персонала. Здесь же, на иконе, ее одежды были ослепительно-белыми.

ГЛАВА 11

Валд возвращался домой в отличном настроении. Мальчишка, который привез Эву, оказался смышленным и бойким, он был полон энтузиазма и детально запомнил место, где удрала муфля. Парни, которых Валд подобрал ему в помощь, посматривали на мальчика снисходительно, но не стали возражать, когда их оторвали от работы и отправили на поимку животного, — это обещало стать увеселительной прогулкой по сравнению с обычными обязанностями.

Возможно, вскоре он преподнесет своей жене подарок, который ее порадует. Пусть не ров со смолой, но все же... Его дыхание сбилось, когда он вспомнил, как Эва просила его... Эта скромница умеет уговаривать.

Повернув с лестницы в коридор, Валд увидел Бага, который сидел у стены, обхватив голову руками.

— Что, Эврика так и не выходила из комнаты? — спросил Валд.

Баг повернул к нему голову, посмотрел стеклянными глазами.

— Все в порядке? — нахмурился Валд.

Баг стремительно поднялся, вцепился в плечо Валда так сильно, что тот поморщился, и горячо зашептал прямо в ухо:

Валд, нам надо проникнуть в монастырь Эврики. Это очень важно, Валд!

Валд отцепил клешню Бага от своего плеча, вытер рукавом ухо, мокрое от слюны.

— Ты в себе? Это женский монастырь. Там был один мужик, и того мы утопили.

— Все равно, — прошептал Баг. — У меня есть план. Три плана! Первый, самый простой: мы нападаем на них отрядом. Там одни женщины, скорее всего, они откроют двери, даже не подумав сопротивляться, когда увидят вооруженных до зубов мужчин. Если не откроют — возьмем монастырь штурмом.

— Ты, часом, не бредишь? — Валд положил пятерню на лоб Бага. Тьфу ты, и потный весь. — Он вытер руку о штаны.

— Второй вариант: проникаем туда ночью, тайно. Узнаем у Эврики расположение комнат — и напрямик в библиотеку. Надо взять с собой вместительные и прочные мешки для книг. Или даже сундуки, чтобы не повредить страницы. А заодно что-нибудь, чтобы вскрывать замки. Наверняка они охраняют свои знания.

— Баг, я пока не могу понять, что за хныра тебя укусила, но если Алистер узнает, что мы вломились в монастырь на его землях, это станет отличным поводом для войны!

— Я тоже об это подумал, — кивнул Баг. — Третий вариант. Последний, но самый лучший: мы с тобой переодеваемся женщинами...

— Так, хватит, — перебил его Валд. — Ты себя в зеркале видел? Не получится из нас женщин, никак. И мы не будем нападать на монастырь!

— Ты не понимаешь! — воскликнул Баг. — Это сокровищница знаний! Эврика столько мне сегодня рассказала. Уфф... — Он выдохнул, обхватил голову руками. — У меня сейчас мозги вскипят!

Валд недоуменно посмотрел на закрытую дверь.

— Мы ходили с ней в храм, — сказал Баг. — Я думал, она решила помолиться, а она вскрыла алтарь. Ты вообще знал, что он открывается? А шар богини — это совсем не глаз, чтобы присматривать за смертными. Это... — Он с придыханием произнес: — Ба-га-ре-я.

— Так зовут кухарку с первого этажа, — вспомнил Валд.

— О! — Баг помахал перед его носом указательным пальцем. — Это нечто великое! Оно берет энергию солнца и дает людям. Горячая вода из кранов течет благодаря батарее. А еще Эврика включила кон-ди-ци-о-нер. Помнишь такие жабры в стенах в подвале? Она поковырялась там, соединила какие-то веревки — и у-у-у, — Баг взмахнул руками, едва не вlepив Валду по щеке, — подул воздух, и теперь там уже не так сыро! Валд! Я хочу в этот монастырь! Пожалуйста!

— Баг, давай ты пойдешь домой и успокоишься, — сказал Валд. — Твоя жена должна вот-вот родить. Ты ведь не оставишь ее в такой момент?

— Нет, — покачал головой Баг, и лицо его приобрело осмысленное выражение. — Да, точно, придется отложить на пару недель...

— Вот, иди к Зельде, отдохни, займись чем-нибудь полезным...

— Можно я приду вечером? — взмолился Баг. — Я хочу еще поговорить с Эврикой.

— Нет.

— А завтра? Пожалуйста!

— Ладно, — согласился Валд. — Завтра приходи. Не слишком рано.

— Хорошо, — кивнул Баг. — Спасибо.

Он шмыгнул носом, пригладил усы и побрел прочь, пошатываясь.

— Эврика! — донесся его сдавленный стон.

Валд толкнул дверь и вошел в спальню жены. Эва сидела в кровати и разглядывала грузнику.

— Привет, — улыбнулась она и, осторожно положив ягоду в рот, прожевала, будто прислушиваясь к своим ощущениям. — Кисленько, но очень неплохо... Я познакомилась с Багом, твоим другом. Прикольный такой, мне понравился.

Ее волосы растрепались, она заложила ногу за ногу и слегка покачивала маленькой розовой ступней. Синее платье задралось, обнажив стройные лодыжки.

Валд обошел кровать, сел рядом, бесцеремонно забрал тарелку с грузницей и поставил на тумбочку у кровати. Обняв девушку, привлек к себе. Хватит ждать и откладывать. Он полночи не спал и все утро ходил со стояком, как дурак. Это его жена. Надо просто закрыть ей рот поцелуем, зафиксировать руки, пусть потом еще докажет, что не хотела... а заодно расскажет, что значит «прикольный».

Он поцеловал ее, обхватив затылок ладонью и быстро распуская второй рукой шнурок на платье. Эва пыталась отстраниться, что-то мычала, но трудно говорить, когда у тебя во рту сразу два языка. Валд нетерпеливо дернул платье вниз, сжал грудь. Страсть кипела в крови, пульсировала в паху. Сосок под его пальцем стал твердым, как камешек, и Валд не удержался, оторвался от губ Эврики, чтобы вобрать сладкую вершинку в рот, облизать ее, легонько прикусить...

— Лунные дни! — выкрикнула Эва.

Валд обвел языком сосок, потом оторвался от груди и посмотрел на Эву.

— Лунные дни, — повторила она, переводя дух. — У меня.

Он глухо застонал, уткнувшись лбом ей в живот. Эва быстро подтянула платье вверх, завязывая шнурок дрожащими пальцами.

— Не врешь? — спросил он, подняв голову.

— Нет.

Ее волосы рассыпались по плечам, и Валд намотал прядку на палец.

— Что значит «прикольный»?

— Забавный. Веселый, — ответила она.

— Да, Баг прикольный, — согласился Валд. Он посмотрел на Эву тяжелым взглядом, вздохнул и вытянулся рядом.

— Валд, а у тебя есть что-нибудь почитать? Об истории крепости, к примеру. Об устройстве вашего мира.

— Вашего? — повторил Валд. — Эва, ты, верно, думала, что станешь монахиней и жизнь твоя будет проходить в служении богине, отделенная от реальности высокой стеной, но теперь это и твой мир тоже.

— Угу, — согласилась она, но как-то неубедительно.

— Иди сюда. — Он обнял жену и, сев к изголовью, аккуратно усадил ее перед собой, спиной к груди. Убрал волосы, поцеловал шею, потерся носом о теплую кожу. — Ты мне нравишься, Эврика. Правда,

нравишься.

— Круто, — ответила она.

— В твоём монастыре странно изъясняются, — вздохнул он. — Круто — это хорошо?

— Вроде того, — подтвердила Эва.

— Ты полюбишь свой новый мир. Он огромный, и в нём столько всего красивого, интересного... прикольного, — старательно произнес он новое слово. — И здесь есть я.

— Как самонадеянно.

Валд не видел её лица, но по голосу понял, что она улыбается.

— А я тебе нравлюсь? — прямо спросил он.

— Нравишься. — Она повернула к нему голову, посмотрела в глаза. — Вообще-то я думаю, что ты классный.

— Это лучше, чем прикольный? — ревниво спросил Валд.

Она улыбнулась, потянулась к нему и за мгновение до того, как их губы соприкоснулись, прошептала:

— Гораздо лучше.

ГЛАВА 12

Я зачеркнула еще три полоски на основании кровати и почесала столовым ножиком затылок. За эти дни я облазила с Багом почти весь замок, но никакого оружия, оставшегося с Ковчега, так и не нашла. А ведь оно должно быть! Люди летели на далекую планету, полную неизвестных опасностей! Но, как я ни искала, ни частотных распылителей, ни гипертрансформаторов, ни даже лазерных пушек не обнаружилось. Луки, стрелы, копья с наконечниками из олимпиума — такими легко можно пронзить панцирь шиагов, но хватит ли копий на всех? На третьем уровне стояли катапульты, швыряющиеся камнями и легко воспламеняемыми ядрами из какой-то вонючей массы, похожей на спрессованные и полупереваренные опилки. По словам Бага, они являлись отходами жизнедеятельности кваргов. Биолог во мне просто пищал от желания увидеть это животное, а здравый смысл надеялся, что нашей встречи никогда не случится.

Валд по утрам пропадал по своим делам, появляясь ближе к обеду. Он отправлял восвояси Бага, с которым мы отлично ладили, и потом мы проводили время вдвоем. Он отвел меня ночью на крышу, и я увидела разряды электричества, вспыхивающие в шаре богини. Показал, где гнездятся шморлики — крохотные птички, похожие на котят, и как цветут аурлусы — крупные плотоядные цветы, обхватывающие их лепестками насекомых, прилетевших на запах и увязших в липком нектаре, и переваривающие их целиком. Мы гуляли у моря, и Валд пообещал, что как-нибудь поплаваем ночью, когда на берегу никого не будет и мои лунные дни закончатся. Он смотрел на меня потемневшими от желания синими глазами, и я понимала, что думает он вовсе не о купании.

Он целовал меня до одури, до подкашивающихся коленок, до жаркого марева, в котором плавилось мое тело. И теперь я не сомневалась, что хочу именно его — варвара с далекой планеты, погибшего почти за триста лет до моего рождения. В нем было так много жизни, энергии, напора и в то же время нежности и мягкости, которую может себе позволить по-настоящему сильный мужчина. Он больше не оставался со мной на ночь, и я слышала, как он ворочается и вздыхает в своей постели.

Сексу с Валидолом быть. Я это поняла, приняла и сама хотела. Вот только меня не оставляли одну ни на минуту: или Валд, или Баг всегда присматривали за мной якобы для безопасности, и мне так и не удалось зайти к Карин. Вместе с Багом я даже проходила мимо двери с крестом, и заметила, как он ускорил шаг и нахмурился. Чего и следовало ожидать: контрацепцию варвары не одобряют.

Сегодня, в третий лунный день Эврики и, судя по всему, последний, я должна найти способ попасть к Карин.

Дверь распахнулась, и вошел Валд. Подозрительно довольный и загадочный. Он придержал дверь, и следом за ним появилась служанка. Она вкатила в спальню целую тележку еды: маленькие тарелочки с закусками и салатами, тонкие поджаристые ломтики мяса, нарезанные фрукты, лепешки, бутерброды, сладкие орешки, а посередине — блюдо с птицей, запеченной до корочки и обложенной зеленью.

Служанка переставила все это роскошество на столик у камина, разложила приборы и ушла, оставив нас с мужем наедине. Я присела в кресло, осмотрела ломящийся от еды стол и, выбрав лепешку с начинкой из мяса и овощей, откусила, стараясь не забрызгаться соком.

— Баг сказал, ты попросила его запастись дерьмом кваргов? — Валд выразился куда яснее Бага, который мычал, смущался и краснел, пытаясь объяснить, чем стреляют их катапульты.

— Ага, — подтвердила я. К счастью, я не брезглива, и разговор о какашках инопланетных зверей нисколько не испортил мой аппетит. Мне хотелось попробовать все! Вот те ломтики мяса должно быть остренькие. — Ты против?

— Нет, — ответил он, садясь в кресло. — Парни не особо любят эту работу, но лишним не будет. Я уже отправил десять человек на запад, там видели небольшое стадо. А еще сейчас удачное время, чтобы добывать сок пиастра. Он тоже хорошо горит, особенно если настоится. Бочек пять за сегодня получили. Еще дня три будет по столько же или больше, если ничего не помешает.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— Завтра будет собрание командного состава, — сказал он, и я чуть не поперхнулась, так современному это прозвучало. — Капитан и все офицеры. Я вынесу вопрос об усилении обороны замка. Возможно, кто-нибудь предложит что-то интересное.

— А можно мне тоже пойти? — спросила я. Мне надо быть в курсе, что там они предлагают.

— Ты хочешь? — слегка удивился Валд. — Лора, жена Ампера, никогда не ходит на такие собрания. Хотя вот мать их не пропускает... Да, ты можешь пойти.

— Отлично, — просияла я. — Значит, оборона замка все крепче?

— Да. — Валд кивнул, посмотрел на меня пристально и жадно, словно кот на миску сметаны, и спросил: — А твоя оборона?

— Валд, у меня лунные дни, — пробормотала я.

— Я помню, — сказал Валд, разливая вино по бокалам. — Последний заканчивается.

Выходит, на этой планете у всех женщин менструация идет три дня? Без всяких индивидуальных особенностей? Я выпила вина, наблюдая за Валдом, который явно что-то замышлял. Я научилась подмечать нюансы его мимики. Вот сейчас он делает вид, что занят едой, накальвая овощи на вилку, такой якобы спокойный и расслабленный, а сам наблюдает за мной из-под темных ресниц. Будто только и ждет момента, чтобы напасть.

— Ты больше не боишься меня, ведь так? — спросил он. Быстрый взгляд, словно синяя молния.

— Не боюсь, — ответила я.

Муж мой, конечно, мужчина крупный, грозный и, если смотреть со стороны, дикий, с этой своей косичкой на макушке и густой щетиной, отрастающей к вечеру, но за дни, проведенные вместе, я уверилась в том, что он меня не обидит.

— И я тебе нравлюсь, — напомнил он. — Я классный.

— Ага, — подтвердила я, не сдержав улыбки.

— И вот я подумал, — синие глаза напротив вспыхнули, отразив огонь в камине, — все равно в первый раз без крови не обойтись, так какая разница — ну, будет ее чуть больше...

Мои щеки жарко вспыхнули. Сегодня? Я рассчитывала еще на день отсрочки!

— Валд, это негигиенично, — возразила я.

— Я не знаю, что это значит, и мне плевать, — отрезал он. — Сегодня отличный момент, чтобы стать наконец мужем и женой. — Он поднял бокал с вином. — За нас, Эва.

Я пригубила вина, лихорадочно соображая. Может, я не забеременею, если сделать это сейчас. Куда большая вероятность в середине цикла. Но, судя по физической форме моего Валидола, его сперматозоиды могут и ядерный взрыв пережить, не то что подождать пару деньков. У нас могли бы быть красивые дети... Я мысленно одернула себя. Поставила бокал на стол. Я должна найти способ отвертеться от секса, а когда Валд уснет, удрать из спальни и найти Карин с ее чудодейственным отваром.

Задумавшись, я смотрела в центр стола, где возвышалось блюдо с птицей, и Валд принял мой пристальный взгляд за желание отведать мяса. Он вонзил в птицу нож, корочка треснула, выпуская прозрачный сок, и я вздрогнула. Вот он, мой шанс!

Так, я — почти монашка. А они, по идее, жалостливые, преисполненные любви ко всему живому. Теперь главное — хорошо сыграть.

Всхлипнув, я посмотрела на Валда.

— Что? — нахмурился он.

— Что это за птичка? — спросила я дрожащим голосом.

— Утка, — ответил он слегка недоуменным тоном.

Я кивнула, прикусила нижнюю губу, якобы сдерживая рыдания, сделала брови домиком.

— Что не так? — не понял Валд.

— А ведь еще вчера она летала, наслаждаясь свободой и небесным простором...

— Это домашняя утка, им обрезают крылья, — возразил Валд. — И ее убили сегодня. Самое свежее для тебя.

— Сегодня? — Я заломила руки. — И вот она лежит в гнезде из салата и овощей, обезглавленная, выпотрошенная, мертвая! А в ее родном гнезде маленькие утята плачут и ищут маму.

— Может, это селезень, — возразил Валд по инерции, но я уже поймала вдохновение. Он все равно считает меня слегка с прибабахом, так что ничего не потеряю.

— Селезень, гордый отец семейства, никогда больше не увидит свою жену и деточек. Как бы их

звали, как думаешь? К примеру, Валерка и Лизонька... Не научит их плавать и копать червячков, не покажет, где растет самая сочная травка. — Валд потянулся ко мне, но я вскочила с кресла. — Они были счастливы, а ты вонзил нож ему в спину!

— А его как звали? — спросил Валд, прищурившись. Ох не нравится мне этот взгляд.

— Валера, как старшего, — выпалила я. — Сына назвали в честь папы. Он наверняка похож на него. Те же перышки, тот же клюв.

— Утки все на одно лицо, — заметил Валд, поднимаясь за мной.

— Ты черствый! — выпалила я. — Бессердечный человек! Ты убил Валеру!

— Ну, он хотя бы потрахался, раз у него детки были, — ухмыльнулся Валд, приближаясь.

— Оставь меня одну! — заявила я, пятась к двери в его спальню. — Я не желаю делить с тобой ложе.

— Можем сделать это стоя, — предложил варвар, следуя за мной. Вот же непрошибаемый тип!

Я попыталась пустить слезу, наморщила нос. Но заплакать не получалось, как я ни пыталась.

— Уходи! — выпалила я, толкнув Валда к двери. Но он перехватил мои запястья и прижал к стене. Потеря о меня, как кот, и мое дыхание тут же сбилось.

— Эва, ты ешь мясо как не в себя, откуда вдруг внезапная жалость к уткам?

Его губы опалили мою шею, язык оставил горячую дорожку на коже.

— Они милые и никому не причиняют зла, — ответила я.

Варвар прикусил мочку моего уха и прошептал:

— А червячкам? Эва, скажи, ты держишь меня за идиота?

— Я переживаю! А тебе плевать на мои чувства! — воскликнула я.

— Нет, — возразил он, немного отстраняясь. — Иначе ты бы давно была в моей постели. Но все как-то слишком затянулось и становится похоже на издевательство.

Он обхватил мое лицо двумя ладонями, приник к губам. Ох, каким он может быть нежным... Никогда к этому не привыкну. Никогда? Я оттолкнула его руки, отвернувшись. Это миссия. Это все не по-настоящему! Я не Эврика, а он мне не муж. Долгожданные слезы выступили на глазах.

— Тебе от меня нужен только секс! — выпалила я, а Валд слегка запнулся, подбирая аргумент, чтобы возразить. Ага! Попался! — Я для тебя лишь тело, а моя душа тебя вовсе не интересуется!

— Это не так, — возразил Валд, но как-то неуверенно.

— Ты ничего обо мне не знаешь!

— Так расскажи, — предложил он. — Я пытался расспросить тебя о жизни в монастыре, но ты постоянно увливаешься.

— Потому что интерес твой неискренний. Ты спрашиваешь не потому, что хочешь получить ответы.

— А почему тогда?

— Из вежливости.

Он глухо застонал.

— Эва, ты уж определись, то ли я грубый и черствый человек, то ли излишне вежливый!

— Хорошо, — кивнула я. — Вот и буду над этим думать. Одна. Оставь меня.

Валд навис надо мной, шумно вздохнул, и я даже немного испугалась, таким грозным он выглядел. Но он отшатнулся и подошел к столу.

— Валеру заберу, — пояснил он, взяв блюдо с птицей.

Валд ушел в свою спальню, а я, помешкав немного, захлопнула за ним дверь. Вернувшись в кресло, отпила вина. Погрызла хрустящие мясные чипсы, съела несколько фруктов, мучаясь от иррационального чувства вины. Ничего, возьму отвар Карин и помирюсь с варваром. Приду к нему

сама, не выгонит же он меня.

Поев, я подошла к двери в спальню Валда, прижалась ухом, прислушиваясь. Муж что-то неразборчиво бубнил. Сам с собой разговаривает? Догадываюсь, о чем. Послышались шаги и скрип двери. Следом полилась вода. Пошел в ванную.

Я затаилась у двери, подождала, пока снова не послышался звук шагов, потом скрипнула постель. Варвар лег спать. Я быстренько задула все свечи, погрузив комнату в полумрак. Подошла к столу и, сев в кресло, выбрала еще один сочный ломтик неизвестного фрукта. Вкусно. Когда я вернусь на «Арго», мне будет не хватать местной еды.

И Валда.

Мысль, пришедшая в голову, была внезапной, безумной, но мне на самом деле будет не хватать моего варвара. Обо мне впервые за долгое время кто-то заботился. Оберегал. Баловал. Я потрогала ожерелье, которое теперь носила постоянно. Надо, наверное, как-то предупредить Валда, что через месяц он овдовеет. Он ведь тоже может привязаться ко мне. Хотя, с моим поведением, скорее вздохнет с облегчением... Я поморщилась. Валд этого не заслуживает.

Я выждала еще какое-то время. В спальне варвара было тихо, и весь замок тоже погрузился в сон. Поднявшись с кресла, я на цыпочках направилась к двери и повернула ключ, торчащий в замочной скважине. Выглянув в темный коридор, вернулась в комнату, взяла канделябр и подожгла фитили свечей от пламени камина.

Я кралась по спящей крепости, замирая и прижимаясь к стенкам. Быстро спустилась по лестнице, поменяла руку, уставшую от тяжести канделябра. С первого уровня кто-то поднимался, но я шмыгнула в коридор второго этажа и, подбежав к двери с крестом, толкнула ее без стука.

Зайдя внутрь, закрыла дверь за собой и прижалась к ней спиной. По коридору кто-то прошел. Раздался громкий мужской смех, которому вторил высокий женский голос.

Я подняла канделябр повыше, прогоняя тьму, и едва сумела сдержать крик, когда напротив появилось лицо женщины: большие глаза с набрякшими веками, всклокоченные седые волосы, губы такие тонкие, что рот кажется шрамом.

— К-к-карин? — спросила я.

Женщина смотрела на меня светлыми водянистыми глазами, в глубине которых отражались огоньки свечей моего канделябра.

— Мне нужен отвар, — сказала я, собравшись с духом. — Чтобы не забеременеть.

— Жена Валидола, — произнесла женщина неожиданно мелодичным голосом.

Я кивнула. Она пялилась на меня еще какое-то время, а потом исчезла в темноте. Я повела канделябром, рассматривая помещение. Шторы были наглухо задернуты, и свет трех лун не проникал в узкую как пенал комнатку. Кровать у стены, шкаф, заставленный бутылками, склянками и флаконами, возле которого копошилась женщина, — вот и вся обстановка. Я чихнула. Пахло травами и еще чем-то приторно-сладким.

— Вот. — Карин взяла с нижней полки бутылку и подала мне. — Два глотка до или сразу после.

— А что это? — спросила я, приняв бутылку. Глиняная бутылка была заткнута свернутым лоскутком, но тот пропускал запах — острый и едкий.

— То, что ты просила.

— Я имею в виду, из чего он? Какой принцип действия?

— Травы, коренья, уж прости, рецепт не скажу. Два глотка до или после, и ребенка не будет, — повторила женщина терпеливо.

Ох, как же с ними непросто...

— Мое тело будет неспособно принять семя? — спросила я.

— Ребенок не сможет удержаться, — ответила Карин. — Он выйдет вместе с кровью в лунные дни.

Я нахмурилась, попятилась к двери.

— Принесешь мне пять монет, — торопливо сообщила Карин.

Я пошарила в кармане платья и, отсчитав монеты на ощупь, вынула горстку серебра. Деньги нашлись в одном из сундуков с приданым. Не так чтобы много, но вот пригодились. Карин выхватила монеты из моей руки, и ее водянистые глаза оживились. Она быстро пересчитала деньги и сжала в кулаке.

— До свидания, — пробормотала я.

— Ступай себе, — кивнула Карин.

Она открыла дверь, и я, держа одной рукой канделябр, а другой прижимая бутылку к груди, пошла прочь.

К счастью, никто не попался мне на обратном пути, и я, толкнув попой дверь, вошла в свою спальню и поставила канделябр на стол. Повернув ключ в замочной скважине, села в кресло у камина и вытянула затычку из бутылки. Вонь ударила мне в ноздри, и я быстро закупорила горлышко.

Карин мне не понравилась, а описанный ею принцип действия лекарства тем более не внушал доверия. Выходит, это, скорее, abortивное средство, а не контрацептивное. Ребенок не сможет удержаться — отвар ему навредит и сделает нежизнеспособным? Я встала и, похаживая по комнате, поставила бутылку под кровать. Раздевшись и натянув через голову сорочку, легла. Но едкий запах раздражал ноздри, мешал уснуть, и я, поднявшись, переставила бутылку в один из сундуков. Опустив тяжелую крышку, вернулась в постель. Теперь у меня есть отвар, но легче от этого не стало. Что мне делать? Портить отношения с Валидолом дальше нельзя — это усложнит выполнение миссии. А если я не сумею ее выполнить, то погибнут все. Так, может, не стоит беспокоиться о ребенке, которого еще вовсе нет?

Промаявшись бессонницей, я уснула только к утру и проснулась совершенно разбитой. За стеной слышались бодрые шаги Валда, который что-то напевал себе под нос.

Я поднялась с кровати и, прошлепав босыми ногами по прохладному полу, открыла дверь в спальню варвара.

— Привет, — сказала я.

— Привет, — пробурчал Валд, выглянув из ванной комнаты.

— Когда будет собрание командного состава?

— Сейчас, — ответил он, скрывшись в ванной.

— Сейчас? — встрепенулась я. — Валд, подожди меня, я еще не собралась!

Он снова выглянул, посмотрел на меня слегка насмешливо.

— А ты и не идешь.

— Почему? — воскликнула я, ошарашенная его заявлением. Я должна туда попасть! Там будет обсуждаться оборона замка, и я не могу это пропустить. — Ты ведь обещал, Валд! Говорил, что жены офицеров тоже ходят...

— Ходят, — кивнул он. — Только вот ты мне пока не совсем жена.

Он снова исчез в ванной, слышалось какое-то бульканье, фырканье, как будто он там коня купал.

Я сжала кулаки. Вот как, значит? Ну хорошо!

Я метнулась к длинной вешалке с синими платьями, выбрала одно, спрятанное в самом конце. Уж не знаю, кто его мне подсунул, но Валд не устоит: тонкая прозрачная ткань, белая опушка из мягких перьев по кромке сверху и снизу. Я стащила сорочку, наскоро ополоснулась и вытерлась полотенцем, напялила пеньюар и расчесала волосы. Выдохнула, пытаясь рассмотреть себя в небольшое круглое зеркало на столике. Глубокий вырез, соски просвечивают так, что издали видно, длина до середины бедра и перья... Чересчур, конечно, но варвару понравится. Дикий мужчина, примитивные вкусы...

Я покусала губы, набираясь решимости, и вошла к нему в комнату. Валд был уже в штанах и застегивал синюю рубашку, но, увидев меня, замер и сглотнул.

— Ты прав, — смиренно сказала я, внутренне ликуя от его реакции. — Наш брак не завершен. Я хочу стать твоей женой по-настоящему.

Валд слегка прищурился, медленно подошел ко мне. Мое сердце колотилось так сильно, что, казалось, варвар, который остановился на расстоянии вытянутой руки, сейчас его услышит.

— Уверена? — немного удивленно спросил он. — При свете дня?

Я кивнула, облизнула пересохшие губы.

Он рассматривал меня несколько долгих мгновений, а потом сгрел мои волосы в кулак, намотал их себе на руку, потянул, заставляя запрокинуть голову, и накрыл мои губы своими. Его поцелуй был грубым и жестким, и язык сразу ворвался глубоко в мой рот, огладив небо. Валд не целовал меня раньше так исступленно, по-варварски... и я вспыхнула как спичка от его дикого напора.

Он быстро подтолкнул меня к стенке, смял грудь ладонью, сжимая между пальцами затвердевший сосок, вторая рука прошлась по бедру, задирая невесомую ткань, пальцы впились в ягодицу, наверняка останутся синяки. Плевать. Я с упоением целовала его в ответ, выгибалась, подставляя грудь под смелые ласки, вжималась в мужское тело, чувствуя его возбуждение. Валд сдернул бретельки с моих плеч и покрыл ключицы и грудь жадными поцелуями, царапая щетиной, прикусывая нежную кожу. Раздвинул коленом мои ноги. Его рука скользнула между бедер, задев чувствительную точку, и я невольно ахнула, вцепилась в широкие плечи, чтобы не упасть. Шквальное возбуждение закручивалось внизу живота, кровь шумела в ушах. Я стонала, вскрикивала, кусала губы и хотела большего. А пальцы Валда гладили, трогали, дразнили настойчивыми ласками самую сокровенную часть моего тела. Я подалась вперед, закрыла глаза, чувствуя приближение еще большего наслаждения, но Валд вдруг убрал руку.

— Нет, я не могу, — заявил он и шагнул назад. Я едва не сползла по стене, лишившись опоры. Схватила рукой за дверной косяк. Внизу болезненно пульсировало неудовлетворенное желание, а в голове не укладывалось — что он только что сказал?

— Не можешь? — повторила я. Невольно посмотрела ниже. Все он может! Штаны вот-вот разойдутся по швам!

Он провел кончиками пальцев по опушке из белых перьев, украшающих мой пеньюар, который сейчас болтался вокруг бедер.

— Слишком напоминает Валеру, — хмыкнул Валд и стал застегивать пуговицы на рубашке как ни в чем не бывало.

— И что... И ты... — Я запнулась, с трудом подбирая слова. В голове по-прежнему шумело, я провела языком по припухшим губам, истерзанным поцелуями. — Ты просто уйдешь и оставишь меня вот так?

Валд вздохнул, посмотрел на меня укоризненно.

— Знаешь, Эврика, мне кажется, тебе от меня нужен только секс, — сказал он. — А как же моя душа? Чувства? Я до сих пор переживаю о Валере, а ты...

Он сокрушенно покачал головой, а я наткнулась взглядом на блюдо с полуобглоданной уткой.

— Ты сожрал его! — воскликнула я, обличающе ткнув пальцем в сторону тарелки, приютившейся на полу у кровати.

— Ему все равно уже было не помочь, — печально ответил Валд, поджал губы и направился к двери.

— Ах ты, — выдохнула я и в бессильной ярости выставила средний палец.

Валд быстро обернулся.

— Что это значит? — спросил он, заметив мою руку, сложенную в неприличном жесте.

— Пожелание удачи, — рявкнула я, подтягивая пеньюар и поправляя бретельки.

— Правда? — прищурился он.

— Да. Вроде — ты выбрал свой путь, — напропалую врала я, — и решил пойти один. Вот и удачи тебе там.

— Спасибо, — кивнул Валд. Его глаза потемнели, когда он окинул меня взглядом снизу-вверх. — Я найду к тебе после собрания, жена.

Дверь за ним закрылась, ключ повернулся в замке.

— Здорово, Баг, — послышался голос Валда. — Знаешь, пусть сидит в комнате и никуда не выходит. Нет, все в порядке, просто хочу застать ее здесь, когда вернусь.

Прекрасно, теперь я еще и под арестом.

ГЛАВА 13

Валд поднялся на верхний уровень и некоторое время постоял, прижавшись лбом к холодной стенке и изо всех сил прогоняя из головы соблазнительные картины, вспыхивающие в мозгу. Эврика просто сводит его с ума. Как она таяла от его ласк, стонала и сама терлась о его пальцы. Она была такой влажной и горячей внизу, явно изнывающей от желания, готовой на все...

Он заглянул в круглый зал совещаний, с облегчением увидел, что еще никого нет, прошмыгнул на дальний стул и сел, спрятав под столом красноречивый бугор в штанах.

А как она стояла там, у стены, его жена: с припухшими губами, растрепанная, зацелованная, соски торчат, а сорочка с дурацкими перьями висит на бедрах...

Хорошо, что он нашел в себе силы уйти. Сначала она взбесила его Валерой — придумала же имечко, потом выставила за дверь, как шелудивого пса, а наутро пришла сама в этой прозрачной штучковине, которая только показывала, а не скрывала. Он был так зол на Эву, что вряд ли смог бы сдержаться и сделать все нежно. Больше всего ему хотелось развернуть ее к стенке, нагнуть и отыметь так, чтобы она собственное имя забыла.

А как она смотрела на него, когда поняла, что он не собирается продолжать. О, сладкий вкус мести... Валд расплылся в улыбке, поерзал на стуле, глянул вниз. Когда уже Валидол-младший устанет стоять?

Раньше все было куда проще. Многие женщины рады были одарить его своими ласками, и он брал, не особенно напрягаясь. С Эвой все не так. Вчера отталкивала, сегодня пришла сама. Неужели так хотела попасть на собрание? Или, может, рассчитывала сделать все по-быстрому? Ну уж нет. Он вернется в спальню, повернет ключ в замке и не выпустит свою жену оттуда как минимум несколько дней. Белые перья на ее прозрачном платье — это белый флаг, выброшенный проигравшим. Только надо успокоиться и постараться не забыть, что у нее это в первый раз. Нежно и не спеша.

— Рад видеть тебя в хорошем настроении, брат, — сказал Магнус, заходя в комнату.

— Здорово, — доброжелательно кивнул Валд, пытаясь скрыть легкую неприязнь, которую испытывал к Магнусу, — тот слишком часто хитрил и недоговаривал, а недавно еще и гулял по замку с его женой, не спросив на то дозволения. Но нет худа без добра — при виде паскудной рожи двоюродного брата Валидол-младший наконец-то улегся.

— Как поживает твоя прекрасная жена? — сев на соседний стул, Магнус гаденько ухмыльнулся. В этом он весь — вроде произносит нормальные слова, а кажется, что мыслит совсем об ином.

— Хорошо, — коротко ответил Валд.

— Служанки поговаривают, вы спите порознь, — добавил Магнус, манерно дернув головой и откинув с глаз выгоревшие до белизны волосы. Голос его прозвучал чуть громче обычного, будто нарочно, чтобы услышали остальные — мать, отец, Ампер и Энни, входящие в зал для собраний.

— Что? — переспросил отец, тяжело садясь в кресло капитана, слишком большое для его иссохшего тела. — Почему ты не спишь со своей женой, младший?

— У нее лунные дни, — процедил Валд.

— И что с того? — пожал плечами Магнус. — Есть и другие способы получить от женщины удовольствие.

Это было новое чувство для Валда: будто на загривке поднялась щетина, а из глотки того и гляди вырвется рык.

— Рот закрый! — рявкнул он. — Ты о моей жене говоришь, а не о своих девках!

— Ладно-ладно, — миролюбиво ответил Магнус. — Так она все же твоя жена? А то поговаривают...

— Магнус, — резко перебила его Инфинита. — Мы собрались здесь не для того, чтобы пересказывать сплетни служанок. У нас много вопросов. Близится большой прилив, и мы должны оценить готовность замка к периоду трех лун. Надо провести праздник богини...

— Я займусь организацией, — встряла Энтропия, садясь по левую руку от капитана. — Будут танцы, костер, угощения, всюду цветы...

— Только уж подбери цветы без дурмана, — попросила Инфинита. — А то в прошлом году вышло неловко.

— А мне понравилось, — хмыкнул Магнус, качаясь на стуле. — И Амперу, кажется, тоже. Ведь ты тогда и нашел в себе смелость подкатить к Лоре, да? Если бы не дурман-цветы, так бы и ходил без бабы.

Ампер, сидящий напротив Магнуса, набычился и посмотрел на него из-под косматых бровей.

— Давайте женим Магнуса, — изрек он вдруг. — А то достал.

Валд рассмеялся. Ампер по большей части отмалчивался на собраниях, но иногда предлагал действительно дельные вещи.

— Что смешного? — глянув на Валда, прохрипел отец.

Его борода и усы пожелтели то ли от лекарств, то ли от крови. Пробор, разделяющий косы, стал шириною в два пальца. Рукава белой рубахи капитана, тонко расшитой золотом, свисали, закрывая обручальный браслет.

— Ничего, — ответил Валд, прикрывая улыбку ладонью. Скорее бы закончилось собрание, и можно было бы вернуться к Эве... О чем там говорит отец?

— ...и я недоволен, младший, — продолжил Рутгер. — Почему твоя жена занимается всем чем угодно, только не своими прямыми обязанностями?

— О чем ты? — нахмурился Валд, пытаясь уловить мысль отца.

— Она должна ублажать мужа и рожать детей, а вместо этого лазит по крышам, подвалам и доит коз!

— Мы всего несколько дней женаты! — возмутился он. — Быстро только шморлики родятся!

Отец сверлил его взглядом, постукивая пальцами по белой столешнице. Здесь, в зале для собраний, все было белым — стены, потолок, мебель, и Валду всегда хотелось сбежать наружу — в мир, щедро расцвеченный красками.

— Ты уверен, что она не шпионит на Алистера? — спросил Рутгер прямо.

— Ты сам заставил меня жениться на ней! — ответил Валд. — А теперь обвиняешь, но я не пойму в чем. Эва, напротив, убеждала меня усилить оборону замка. Стала бы она это делать, если бы не была на нашей стороне?

— Она и меня расспрашивала об обороне замка, — лениво произнес Магнус, слегка потянувшись. — Очень любопытная девушка. И готова на многое, чтобы получить ответы.

Валд вскочил с места и сгрэб Магнуса за шкуру.

— Сели! — рявкнула Инфинита.

Валд, оттолкнув Магнуса на стул, опустился на свое место.

— Ты можешь кричать на своих сыновей, — возмутилась Энтропия, — но не на моего Магнуса. Он мужчина, и не должен слушать женские вопли.

Кулак Рутгера опустился на стол, и все замолчали.

— Я стар, — вздохнул капитан. Воздух со свистом вышел из его легких. — И болен. И есть еще один первостепенный вопрос, который надо решить: кто будет моим преемником.

Он обвел взглядом всех присутствующих. Ампер нахмурился и вжался в спинку стула, опустив голову и уткнувшись бородой в грудь. Валд посмотрел прямо, выдержав пристальный взгляд. Магнус подвинулся вперед, расправил плечи, будто желая выглядеть больше.

— Я думал, ты станешь следующим капитаном, младший, — сказал Рутгер. — Но ты не можешь управиться даже с собственной женой.

Валд стиснул зубы.

— Скажи, это правда — то, что болтают? — спросил отец. — Ты не консультировал брак?

— У нее были лунные дни, — повторил Валд. — И она не была готова. Я не хочу насиловать собственную жену.

Капитан вздохнул, положил обе иссохшие ладони, густо покрытые пигментными пятнами, на стол.

— Значит, она шастала по замку, рылась в наших тайнах, вызнавала секреты — и при этом не была твоей женой?

— Ты принял ее в экипаж, — напомнил Валд. — Теперь она одна из нас. Не говори о ней в таком тоне!

— Да, я взял дочку Алистера к нам. Потому что это был способ осадить его. Проучить. Ты должен был покорить ее, как мужчина женщину. Насильно, добровольно — какая разница? — Голос капитана стал громче.

— В этом ты не можешь мне приказывать! — рыкнул в ответ Валд. — Мне решать — как и когда спать с ней. Она — моя жена. Мать моих будущих детей.

— Валд, — тихо сказал Ампер. — Я не уверен, что должен говорить это. Но Лора сказала мне кое-что — она мне все рассказывает, ведь она хорошая жена... И ее это очень возмутило. Она даже плакала тайком, а я заметил. Когда она плачет, у нее слегка краснеет кончик носа...

— Да говори уже, — сердито перебил его отец.

Ампер набрал в грудь побольше воздуха и выпалил на одном дыхании:

— Эврика спрашивала у Лоры, где взять отвар, чтобы не понести.

В зале повисла мертвая тишина, Валд слышал лишь мерный стук, который все ускорялся и становился громче. Кровь стучит в висках, — запоздало понял он.

— Это неправда, — сказал он, чувствуя себя словно придавленным плитой под всеми этими взглядами, что устремились на него.

Ампер смотрел виновато и немного сердито, Энни — с жадным любопытством, мать прижала руку к груди, и в глазах ее были сострадание и любовь — всегда любовь, что бы ни произошло. Магнус изо всех сил пытался сдержать торжествующую улыбку, а отец медленно закипал — Валд давно не видел отца в бешенстве, но сейчас это было оно: ноздри Рутгера слегка подрагивали, глаза сузились в две синие щелки, верхняя губа приподнялась, обнажив пожелтевшие пенки зубов.

— Что? — Капитан Рутгер поднялся, оперся ладонями о стол, и Валду бросилось в глаза свежее пятно крови на белом рукаве. — Эта дрянь собирается травить в чреве моих внуков?

Дальше все было словно в тумане. Отец кричал, и вместе с брызгами слюны разлеталась кровь. Мать пыталась его успокоить и взывала к разуму. Магнус предложил отдать Эврику ему, обещая отыметь ее хоть в храме, и Валд все же влепил ему по роже. Ампер оттащил его, а Энтропия вцепилась в плечо и визжала прямо в ухо, так что Валд едва не оглох. Потом они все вместе пошли в спальню Эврики. И Валд стоял там, в дверях, глядя, как служанки рыщут по комнате, а Эва, переодевшаяся в закрытое платье, скромное, как у монашки, недоумевающе смотрит на это.

А потом одна из служанок достала из сундука бутылку донюхала и кивнула.

Отец приказал вывести Эврику из замка и отправить восвояси к Алистеру. Дурная кровь — он повторял это снова и снова. Эва пыталась что-то сказать, поворачивалась, ловила взгляд Валда. Он смотрел сквозь нее. Как странно — он знает ее всего несколько дней, а она умудрилась сделать ему так больно.

Поначалу я вообще не понимала, что происходит: толпа, ввалившаяся в мою комнату, внезапный обыск, Валд, избегающий смотреть на меня. Потом одна из служанок вынула из сундука глиняную бутылку, и в комнате вдруг стало очень тихо.

Я облажалась — вот что произошло. Я слишком увлеклась миссией и не учла местные нравы, я узнавала о защите замка, но не удосужилась изучить их обычаи.

Валд смотрел на бутылку, бледный, будто замороженный, и сердце мое сжалось, обливаясь кровью.

— Я не пила это! — воскликнула я, заглядывая ему в глаза. — Валд! Не пила!

Он отвернулся и пошел прочь.

Меня вывели под руки из замка, старый Рутгер все повторял, что во мне грязная кровь. Инфинита единственная пыталась переубедить его, и он выкрикнул ей в лицо:

— Посмотри, кого ты воспитала! Он даже не может девку завалить! Права сестра, ты слишком нянчилась с ним! Ты плохая жена и плохая мать! Поди вон с глаз моих! А ты... — Он повернулся ко

мне и брезгливо сморщился, будто от вони. — Отправляйся к своему отцу. Если он хочет войны — он ее получит.

Я недоуменно посмотрела на котомку, плюхнувшуюся в пыль к моим ногам. Высоченный стражник подошел ко мне и стал снимать обручальный браслет, но я отпрянула. Он перехватил мою руку выше локтя, и Валд вышел вперед, оттолкнул его.

— Пшел, — приказал он сквозь зубы.

— Валд, я правда не хотела так, — прошептала я. — Я не знала...

Браслет щелкнул, и я почувствовала непривычную легкость на запястье.

Валд отошел к своему отцу.

И что теперь? К Алистеру мне нельзя, он хотел смерти Эврики. Отсюда меня гонят, но на замок нападут шиаги, и люди будут не готовы. Я должна выполнить миссию. Второй попытки не будет. И я не могу оставить Валда таким потерянным — никак!

Впереди стоял командный состав. Капитан Рутгер в белых одеждах и злой как черт, только что дым из ноздрей не валит. Справа от него Инфинита — на ее лице подсыхали мелкие капли крови, будто веснушки, — мерзкий старикашка заляпал ее, когда орал, брызжа слюной. По левую руку — Энтропия, поджимает губы, будто готовясь заплакать, но ее глаза — светло-голубые, совсем не такие яркие, как у капитана, совершенно сухие. Однорукий Ампер выглядит мрачным и немного виноватым — вот кто меня сдал со слов своей жены, которой тут нет. У Магнуса на челюсти расплывается багрянцем хороший такой синяк — уверена, было за что. И Валд, с окаменевшим лицом, сжимающий мой обручальный браслет.

Может, упасть в ноги, умолять простить, заплакать? Что-то мне подсказывает, что Рутгеру мои унижения будут лишь в удовольствие.

Я обвела взглядом разношерстную толпу, собравшуюся позади офицеров: любопытство, насмешки, едкие взгляды — кто-то смотрел на меня, но большинство — на Валда. Они только что пальцами в него не тыкали!

— Вы все ошибаетесь! — заявила я громко, так что народ, столпившийся вокруг, невольно затих. — Я чту свой брак и уважаю своего супруга. Он самый прекрасный мужчина из всех, кого мне довелось встретить, и отличный муж. И чтобы доказать это, я отправлюсь к благодати богини и буду молить ее благословить наш брак.

В толпе неуверенно зашептались, люди стали переглядываться.

— Ты сдохнешь там, дочка Алистера, — прохрипел Рутгер. — Иди по дороге. Впереди развилка. На южном пути увидишь сторожевые башни твоего отца уже через полчаса. Я не стану давать тебе сопровождение, велика честь. Ты хотела убить мою кровь в своем чреве.

— Я не пойду на юг. Теперь здесь мой экипаж, — ответила я.

Старый козел. Они с Алистером стоят друг друга.

Рутгер лишь хмыкнул.

— Принеси благодать — и я подумаю, — ответил он.

Я подняла котомку, перекинула через плечо и пошла по вымощенной камнями дороге, ведущей вглубь континента. По толпе пронесся вздох, шепот. Солнце нещадно палило, но меня колотило, будто от озноба. В подошвы мягких домашних туфель, которые мне не дали переобуть, впились острые камешки.

— Эврика, — позвал меня Валд, и я быстро обернулась.

Он выпростал правую руку и показал мне средний палец.

Я сдавленно хрюкнула, отвернулась и пошла прочь, пытаюсь сдержать приступ неуместного смеха.

Я остановилась на развилке, о которой говорил старый хрыч, и села в придорожную траву, вытянув ноги. Отсюда еще виднелся верхний уровень пирамиды и сверкающий как бриллиант шар богини. Я старалась не думать о том, что произошло и как легко можно было бы этого избежать, будь я поумнее, но мысли все равно кружились в голове назойливыми птицами. Меня выгнали прочь как какую-то преступницу. Я унизила и предала Валда — так это выглядело в глазах поселенцев с

девятого Ковчега. И острая боль вины перед варваром была почти физической.

Странно, конечно. Ведь если мыслить в глобальных масштабах, ну что такого. Один мужчина, который должен был умереть еще несколько дней назад, оказался опозоренным перед своим народом. Переживет. Найдет себе правильную жену, которая родит ему с десятков валидольчиков, вернет себе авторитет. Отчего тогда я не могу забыть, как Валд смотрел сквозь меня, а в его синих глазах, обычно искрящихся от энергии, был лишь холод?

После смерти Риты и родителей я нашла способ останавливать ненужные мысли — надо заняться делом. Открыв котомку, я вынула флягу, открутила крышку и отшатнулась от шибанувшего в нос запаха. Осторожно принюхавшись, попробовала на вкус. Мне дали с собой крепкого вина? Мило. И краюху хлеба. Я надкусила свежую корочку. В котомке нашелся свернутый плащ, а на самом дне — ну надо же — книжка. Я полистала страницы. Да ладно! Похоже, это их местная библия!

— Очисти душу от зла и тело от скверны, укажи мне путь, светлая богиня, — прочитала я.

Указатели мне бы не помешали. А то иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Мощенная камнями дорога уходила на юг, на восток шла узкая тропка, а вот севернее была непролазная чаща. Я помнила карту на стене спальни Валда: лес, черные скалы, озеро, тонкая нитка речушки. И шиаги, оставившие шрам на бедре моего мужа. Поморщившись, я потеряла запястье, где совсем недавно был браслет. Похоже, теперь я в разводе.

Ладно, унывать некогда. Все, чего я добилась за пять дней, — это то, что меня выгнали из замка, показав на прощанье средний палец. Сомнительный результат. Но у меня еще двадцать пять дней впереди, и я смогу исправить свои ошибки. Добуду благодать, что бы это ни было, а заодно посмотрю, на каком уровне развития находятся шиаги.

Меня передернуло от воспоминания о пауках, и я хлебнула крепкого вина. Повертев в руках кожаную флягу, обернутую для прочности металлическими полосами, я вылила вино в траву. Подобрал с обочины камень, стукнула по месту стыка металла, поддела отошедший край и отогнула его. Теперь у меня есть нечто, похожее на лезвие. Скинув туфли, я приложила их к фляге. Должно хватить. Нажимая острой стороной самодельного ножа, я вырезала из плотной кожи стельки. Вложив их в туфли, примерила и походила по граве. Так есть надежда, что я не сотру ноги в кровь.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто не идет, я сняла штаны. После того как Валд меня отшил, я назло ему надела самое закрытое платье, какое только смогла найти, а заодно и панталоны до колен. Как знала! Теперь я укоротила их до приемлемых размеров и надела снова, а оставшуюся ткань разорвала на полосы. Одной закрепила косу, свернув ее бубликом на затылке, чтобы она не моталась мне по спине и не собирала мусор и насекомых. Проще было бы отрезать, но я теперь ученая. С этими варварами семь раз отмерь и ни одного не режь. Вдруг окажется, что у них без косы меня и на порог не пустят. Но юбку я все же разрежала спереди и сзади чуть выше колен, завязала узлами внизу вокруг щиколоток и закрепила оставшимися от панталон полосками ткани. В штанах идти по лесу куда проще.

Примерившись к крепкому деревцу, растущему у развилки, я подпрыгнула и уцепилась за ветку. Покачалась на ней, подергала, и ветка, не выдержав моего веса, треснула. Я укоротила ее, отломала все сучки, и вставила в конец лезвие. Аккуратно постучала о плоский камень на дороге, чтобы металл вошел глубже и не вывалился.

Видела бы меня наша армейская старшина! Она бы мной гордилась.

Взяв котомку, я медленно прошла по восточной тропинке метров сто, приглядываясь к чаще, и увидела на стволе деревца лоскуток синей ткани.

Богиня указала мне путь!

Ну, или тот, кто ходил к благодати до меня.

Свернув на едва намеченную тропку, я пошла через лес, раздвигая ветки деревьев самодельным копьем.

Валд сидел на кровати, уставившись в стену. Так больно, странно, пусто... Эврика ушла. Взяла котомку, развернулась и пошла по дороге, не оглядываясь. Темная коса разделяла тонкую спину пополам, походка была уверенной и слегка пружинистой. Обычно женщины ходят немного по-другому: плавно, неспешно, заманчиво покачивая бедрами. А в Эврике будто было слишком много энергии. И она не пыталась никого соблазнить. Но его тянуло к ней, как пчелу к аурлусу.

Вроде если смотреть по отдельности на ее черты, то симпатично, но ничего такого уж особенного, а все вместе собиралось в Эврику и словно подсвечивалось изнутри, и хотелось любоваться, касаться,

целовать, смеяться с ней вместе и просто разговаривать.

Валд покрутил в руках тонкий обручальный браслет. В храме он поклялся беречь ее и защищать. Эва сказала, что пойдет за благодатью. Соврала, наверное. Может, и насчет планов Алистера она врала. Тогда она отправится напрямик к папочке, а тот выдвинет свои корабли на их крепость уже завтра.

Но что, если она сказала правду и действительно пойдет за благодатью? И то, что она говорила перед этим, — что он лучший мужчина...

Валд отбросил браслет на кровать и, обхватив голову руками, устался на стену, будто та могла подсказать ему ответ. Надо было довести все до конца утром у этой самой стены. Тогда он бы не имел права ее отпустить.

Он поднялся и пошел в комнату Эврики. Кто знает, что он хотел там найти. Сундуки стояли развороченными, дрова валялись у камина неаккуратной кучей. На столике у окна сверкнуло красным камешком ожерелье, которое он подарил жене. Она всегда его надевала, а сегодня не стала. Наверное, сердилась из-за того, что произошло утром.

Валд невольно хмыкнул, вернулся в свою комнату и вынул из шкафа заплочный мешок. Проверив его содержимое, добавил одеяло, сунул туда обручальный браслет Эврики и взял с перевязи меч. Если есть хоть малейшая вероятность, что Эва отправилась к благодати, он пойдет туда с ней. Кто знает, есть ли шанс у их брака, но он точно не хочет, чтобы она досталась шиагам.

И они должны поговорить.

Валд переобулся в сапоги до колен, подтянул ремень, закрепив на нем ножны с мечом, и, закинув лямки мешка на плечи, вышел из комнаты, где нос к носу столкнулся с Багом.

— Я взял ей кольчужную рубашку Зельды, — сказал тот. — Скорее всего, будет великовата.

Валд быстро обнял Бага и хлопнул по спине.

— Как думаешь, она и вправду пошла к благодати? — спросил Баг. — Сама?

— Я не знаю, чему ее учили в том монастыре, но иногда мне кажется, что она немножко того. — Валд покрутил рукой у виска.

— Гений не может быть нормальным, — заметил Баг, идя по коридору и поправляя короткий меч так, чтобы тот не бил по ногам. — Валд, мы не должны ее упустить. Она — нечто особенное. Ты должен вернуть Эврику, консумировать брак и сделать ей ребенка, чтобы она уже никуда не удрала. Вот смотри. — Он вытащил меч из ножен, подбросил его, и тот с лязгом упал на каменный пол.

— Тише ты! — возмутился Валд. — Я и так на сегодня сыт по горло людским вниманием.

— Знаешь, что это? — спросил Баг самодовольно.

— Ты выронил меч. Я, кстати, заметил, что ты пропускаешь тренировки!

— Это гравитация, — торжественно произнес Баг. — Притяжение Колыбели. Меч не улетел вверх или в сторону, не завис в воздухе, потому что на него действует гравитация. Эврика тебе не рассказывала?

— Нет. Мы с ней все больше уток обсуждаем.

— И что она о них говорила? — с жадностью спросил Баг.

— Это личное, — ухмыльнулся Валд.

Они дошли до развилки, откуда широкая дорога уходила на юг, к землям Алистера, а узкая, практически нехоженная — в Меррихольд, сообщение с которым шло в основном по морю, и в одинаковом недоумении уставились на распотрошенную флягу. Валд поднял ее, расправил, рассматривая кривоватые овалы, вырезанные в толстой коже.

Баг, приняв хиваясь, ползал на четвереньках по траве и вскоре радостно воскликнул:

— Шейгонское вино! Точно! А вот и крошки. Наша Эва слегка подкрепилась.

«Моя», — хотел возразить Валд, но сжал губы. Больше не его, и осознание этого саднило, как свежая рана. Эврика появилась в его жизни внезапно и еще внезапно исчезла. А он понял, как сильно она его зацепила, лишь когда потерял.

Он думал, что она начнет просить прощения, плакать, но она ушла и, кажется, едва сдерживала смех. Самая странная и непонятная девушка, которую он когда-либо встречал. А еще — самая забавная, умная, очаровательная, милая, естественная и страстная, и...

Валд выдохнул. Да он, похоже, влюбился. Наверное, это произошло совсем недавно, когда Эва вместо того, чтобы падать на колени, просто ушла. А может, когда явилась к нему в прозрачном пеньюаре и сама предложила заняться сексом. Или когда плела ему про Валеру. Или когда он снимал ее с крыши. А может, еще в храме, когда она шла к нему навстречу, обнаженная, красивая, вода стекала по ее плечам, а Эва смотрела на него так, будто он был ее единственной надеждой в этом мире.

Или он влюбился с самого первого взгляда? Ему говорили, что видеть невесту до свадьбы — плохая примета, но он все же пошел на берег и спрятался в кустах, как мальчишка, чтобы увидеть ту, что станет его женой. Она смотрела на мир, переполненная каким-то детским восторгом. Ее глаза сияли, а на щеках, когда она улыбалась, появлялись ямочки. Потом она захотела покормить лошадей и случайно вмазала рыбой по морде священнику, и тогда Валд ускользнул из своего убежища и пошел готовиться к церемонии, предвкушая более близкое знакомство и улыбаясь непонятно чему. Да, похоже, он влюбился еще тогда.

И хотя он не собирался ее прощать до того, как она объяснит свой поступок, но очень надеялся, что у нее найдется веская причина. Бутылка была полной. Эва сказала, что не пила отвар. Может, ее обманули? Что она знает о жизни, если провела ее в монастыре?

— Валд! Гляди сюда! — позвал его Баг. — Я, конечно, могу ошибаться, но это вроде от нижнего белья.

Он протянул Валду кружевную оборку. Тот потер между пальцами тонкую ткань, нахмурился и подошел к деревцу, под которым белели щепки, а сверху виднелся свежий слом. Баг тем временем уверенно направился на восточную тропу.

— Здесь ее следы! — крикнул он.

Валд еще раз окинул взглядом примятую траву, изрезанную флягу, обрывки белых ниток и сломанную ветку. Чем она тут занималась — непонятно. Но его жена не пошла к Алистеру. Она направилась к благодати богини, рискуя жизнью. Раз это оказалось правдой, так, может, и в другом она не соврала? Эврика считает его отличным мужем и при этом идет одна через лес, полный опасностей?

Он быстро нагнал Бага и свернул к синей ленточке, которую сам же когда-то и повязал. Эва не могла далеко уйти.

ГЛАВА 14

Поначалу я старалась не шуметь и внимательно смотрела по сторонам, шарахаясь от всех звуков и замирая при любом движении веток, но вскоре так устала, что просто брела по лесу, ни на что особо не реагируя. Несколько раз мне приходилось возвращаться к лентам-меткам, оставленным моим предшественником, и искать путь заново. Мои глаза щипало от пота, язык прилипал к небу от жажды, а ноги дрожали от усталости.

Я остановилась, прислонившись спиной к дереву, помеченному очередной синей ленточкой, и закрыла глаза.

Валд говорил, что до благодати — два часа быстрым ходом. Наверное, у моего варвара ход куда быстрее, чем у меня, потому что, по ощущениям, я плетусь уже целый день, и конца и края моему путешествию не видно. Вверху раздался шум, я подняла голову и увидела красные крылья неведомой птицы, которая спрыгнула на ветку ниже и устала на меня внимательным черным глазом, повернув голову. Потом, потеряв ко мне интерес, клюнула овальный фрукт, выпятивший желтый бок из-под листьев. Наверное, он съедобный, раз птица его ест. Я сорвала такой же с нижней ветки, понюхала, соскребла ногтем тонкую кожицу и осторожно лизнула кончиком языка. Кислятина! Птица вспорхнула и улетела.

Я бы могла написать научную работу по флоре этой планеты. Или серию статей. Я насчитала уже больше двадцати видов деревьев, а травы и цветы и вовсе не поддавались счету. По кражистым шершавым стволам взбирались цепкие лианы с белыми звездочками цветов, над головой шумел густой шатер листвы всех оттенков зеленого и даже синего цвета, папоротники раскрывались шикарными веерами, а над ними распахивали свои зонтики огромные грибы.

Приглядевшись, я заметила, что просвет между деревьями вдали становится шире. Запомнив дерево с ленточкой — приметная развилка на четыре ствола, округлые глянцевые листья темно-бирюзового цвета, — я решила сделать крюк и завернуть на поляну. Мне дико хотелось пить, а там, где просвет, может быть река. Погладив на прощанье шершавый ствол, я пошла в сторону, опираясь на копьё, которое стало, скорее, посохом для меня.

У прогалины я остановилась, обескураженная зрелищем: большое стадо пятнистых животных, вытянув длинные шеи, пило из реки, медленно несущей свои воды. Я чуть не ринулась вперед расталкивать пятнистые попы, но все же поостереглась и перехватила крепче свое копьё. Животные выглядели травоядными: слишком длинные конечности, хрупкие шеи. Но их много. Не меньше пятидесяти. Затопчут еще. Детеныш подбежал ко мне ближе, втянул воздух ноздрями и испуганно рванул к взрослым. Учужал во мне хищника? Я ухмыльнулась, шагнула вперед и вдруг краем глаза заметила какое-то осторожное движение: глянцевая черная шкура отделилась от берега, где пряталась в зарослях травы, плавно и медленно перетекла в мою сторону и подобралась, как перед прыжком. Я развернулась и бросилась прочь.

Я слышала шум за своей спиной и треск веток и, лишь взлетев на дерево, подумала, что хищнику, гонящемуся за мной, возможно, не составит труда сдернуть меня вниз. Но зверь, похожий на выдру-переростка унылой мордой и щеткой усов, не отличался прыгучестью. Он встал на задние лапы, оперся передними на ствол, и я заметила, что лапы у него перепончатые. Наверное, ему привычнее охотиться на животных, пришедших на водопой, чем снимать жертв с деревьев.

— Пошел вон! — выкрикнула я и замахнулась на зверя копьём. Он ударил себя по бокам широким, как весло, хвостом, твякнул, неловко подпрыгнул. Нет, до моей развилки ему не добраться. — Кыш, кому говорю! — сердито приказала я. Но зверь только вытянул шею. Я попыталась ткнуть его копьём, но животное ловко перехватило его острыми треугольными зубами, дернуло на себя, и я чудом не свалилась с дерева. — Ха! — выкрикнула я довольно, когда копьё все же осталось у меня, а зверь сердито рыкнул и попятился. А потом вдруг рыжая молния метнулась под деревом, повалила выдру, раздался жалобный писк, рык, и кровь брызнула на ствол дерева.

Я вцепилась в ветку, глядя на зверя, терзающего беззащитный живот выдры. Рыжая шкура, покрытая темными полосами, будто подпалинами, лоснилась, широкая лапа, прижимающая бездыханное тело, оканчивалась длинными загнутыми когтями. С такими, наверное, очень удобно лазить по деревьям. Я слотнула, прижалась к стволу, пытаюсь с ним слиться, и животное подняло морду, измаранную кровью. Желтые глаза уставились прямо на меня. Тигр? Не может быть. Но так похож! Я видела это животное только на картинках. Тигры были на Колыбели. Но они совершенно точно не входили в ресурсный фонд Ковчegov.

Животное, будто потеряв ко мне интерес, вгрызлось в плоть бедной выдры, но круглое ухо повернулось в мою сторону. Я осторожно перенесла вес тела на другую ногу, и тигр снова поднял морду. Мое копьё — веточка с обломком железа — показалось мне жалкой зубочисткой.

— Хорошая киса, — пробормотала я.

Тигр зашипел, оскалив желтоватые клыки, окрашенные свежей кровью, но потом повернул морду в сторону, и округлые уши дернулись и прижались к голове. Через мгновение он приподнялся, перехватил выдру за разодранное горло и потащил прочь, ломая папоротники. Полосатый хвост взмахнул и исчез из виду.

Увидев мужчин, быстро идущих к моему дереву, я едва не расплакалась от облегчения. Валд резко остановился, заметив свежую кровь, будто напоролся на невидимую стену, а потом бросился в папоротники, вынимая меч.

— Валд! — выкрикнула я. Он обернулся, посмотрел на меня как на привидение и, когда я спрыгнула, сжал меня в объятиях так сильно, что я едва не задохнулась. — Прости меня, — попросила я, стараясь не расплакаться, но голос мой предательски дрожал. — Прости.

— Прощу, — пообещал он, прижимая меня к груди. И его сердце билось так же быстро, как мое.

Рассмотрев мои самодельные штаны, Валд неопределенно хмыкнул, на туфли, укрепленные кожаными стельками, одобрительно кивнул. А над моим копьём они с Багом оба ржали как кони, и это было даже обидно. Валд предложил мне выкинуть палочку, но я, насупившись, лишь сжала копьё крепче.

— Возьми вот, — он отдал мне кинжал в ножнах, — с ним ты вроде умеешь обращаться.

Я спрятала кинжал в карман. А Баг дал мне флягу с водой, и я присосалась к ней, как младенец к материнской груди.

— Идти можешь? — спросил варвар. — Сильно устала?

— Все нормально, — ответила я, вытирая губы, и он кивнул.

Валд пошел впереди, я следом, а Баг — замыкающим. Рыжий забрал мою котомку и безостановочно что-то рассказывал: про лес и его обитателей, и как они с Валдом шли здесь в прошлый раз и наткнулись на стадо турканов, и едва успели забраться на дерево. А Валд после первых порывистых объятий держался отстраненно и прикасался ко мне только при необходимости: подавал руку, помогая перебраться через поваленные деревья, тащил за собой на крутой холм, один раз перенес через овраг, заросший колючей травой. Но как только мы оказались на другой стороне, поставил меня на ноги и отвернулся.

Я успела рассмотреть спину варвара во всех деталях: между лопатками на синей рубашке темнело крохотное пятнышко пота, кончик светлой косы спрятался за шиворот, на шее справа была едва заметная царапина — моих рук дело? А когда Валд вдруг остановился, впечаталась в эту самую спину носом.

Мы оказались на небольшой вытянутой поляне. Сбоку ее окаймляли острые серые скалы, а впереди она обрывалась, и внизу медленно и неспешно текла река.

— Плавать умеешь? — спросил Валд, обернувшись.

Я неопределенно пожала плечами. В своем теле умела, а вот в способностях Эврики сильно сомневалась. Но, может, такое не забывается? Что там уметь — гребти да плыви.

— Через неделю-две тут был бы брод, — сказал Баг и плюнул в темную воду, подойдя к обрыву. — Плыдем?

Он стал расстегивать желтую рубашку, измаранную травой и потемневшую от йота, но Валд жестом остановил его.

— Подожди, — тихо сказал он. — Смотри-ка.

Я уставилась в противоположный берег, напрягая глаза, но так ничего и не увидела.

— Плохо, — кивнул Баг, помрачнев, и прикусил рыжий ус.

— Что там? — не вытерпела я.

— Паутина, — коротко ответил Валд.

Солнце, уже клонившееся к закату, плеснуло светом в заросли на другом берегу, и паутина на деревце, сбрасывающем алые цветы прямо в воду, вспыхнула золотыми нитями.

— Раньше шиаги так близко не подходили, — сказал Валд. Он глянул на небо, нахмурился. — Скоро закат. Они просыпаются вечером. Переночуем здесь, а на тот берег переправимся утром.

Баг кивнул и, вытащив из ножен меч — широкий, как мачете, — направился напрямиком в чашу. Валд скинул мешок с плеча, потянулся и, все так же избегая смотреть на меня, присел у каких-то камней, выложенных кругом. Он сковырнул наростший внутри мох, обнажив черную золу. Оглядевшись, я заметила и жерди, воткнутые под углом друг к другу, и стопку бревен, уже покрытых вездесущими вьюнками. Я воткнула свое копьё, с которым принципиально не расставалась, в мягкую траву, принесла несколько бревен к кострищу, а потом, взяв флягу, спустилась к реке, придерживаясь одной рукой за корни, торчащие из обрыва. Набрал воды, посмотрела внимательнее на берег, отделенный лишь полоской реки.

Выходит, шиаги там.

Паутина слегка покачивалась на ветру. Тонкие ниточки казались воздушным кружевом, мягко поблескивающим, когда на него попадал теплый свет, но по прочности могли сравниться со сталью. Шиаги обматывали свои жертвы плотно, паутина впивалась в кожу при малейшем движении. По крайней мере, так они делали до того, как научились строить космические корабли и использовать лазерные установки.

Нити, развевающиеся на деревце, были оборванными, будто жертве удалось удрать. Или ее сожрали до последней косточки.

Я поежилась и, обернувшись и посмотрев вверх, увидела Валда, который внимательно наблюдал за мной. Он спустился на несколько шагов по крутому берегу и протянул мне руку.

— Иди наверх, Эва, и держись на виду.

Я вскарабкалась на обрыв, проигнорировав протянутую мне руку. Я тоже имела право злиться. В конце концов, Валд выставил меня из замка, не попытавшись даже поговорить. Пусть я не была образцово-показательной женой, но все же он мог бы дать мне шанс оправдаться.

Баг уже вернулся с охапкой широких плотных листьев и теперь споро накрывал ими жерди. Шалаш выходил узким, не развернешься. Да и нужен ли он? За эти дни дождь не шел ни разу.

Валд присел у кострища, сунул пук сухой травы под лучинки и, вынув из своего мешка какое-то странное приспособление, похожее на камень с палочкой, стукнул им, высекая сноп искр. Трава задымилась, а когда Валд тихонько подул на нее — разгорелась. Пламя перекинулось на тонкие лучинки, тронуло бок бревнышка. Сев прямо под деревом, с наслаждением вытянув гудящие ноги, я смотрела на разгорающееся пламя, которое странно прыгало и мерцало, сменяясь полной темнотой. Веки стали такими тяжелыми, будто кто-то придавливал их пальцами. Я провалилась в сон, в котором меня подняло и понесло куда-то, будто теплым течением реки.

Я проснулась от собственного крика. Мои ноги онемели, стянутые паутиной шиагов, я дернулась, чтобы вырваться из плена, хотя и помнила, что так делать нельзя, и что-то рухнуло, ударив меня по лбу. Я в панике размахивала руками, освобождаясь от паутины, и лишь через мгновение поняла, что раскидываю листья шалаша. Сев и сдвув прилипшую прядь волос, я устала на Валда с Багом, которые недоуменно смотрели на меня. Светлый дым поднимался к небу, усыпанному звездами. Дрова тихо потрескивали в огне.

— Плохой сон, — пояснила я и, выбравшись из-под листьев, подползла на четвереньках к костру, села, уложила онемевшие ноги и принялась развязывать завязки из панталон, из-за которых мои конечности теперь будто кололо тысячей иголок?

Быстро поднявшись, Баг отошел к шалашу, поправил упавшую жердь, от которой у меня на лбу явно будет шишка, и накрыл шалаш широкими листьями снова.

— Я посплю, — сказал он. — Разбудишь, когда будет мое время караула.

Варвар кивнул, Баг скрылся в шатре, а я, сдернув последнюю завязку, принялась растирать ноги.

— Затекли? — понял Валд.

— Все нормально, — пробурчала я.

Покалывание усилилось, но зато чувствительность возвращалась. Изрезанная юбка разошлась в стороны, и я вытянула к костру голые ноги, на которых остались красные полосы. Подтянув к себе котомку, вытащила надкусанную краюху хлеба, протянула Валду, но тот покачал головой и дал мне в ответ палочку с нанизанными на нее поджаристыми кусочками.

Я даже не стала спрашивать, что это, а просто вгрызлась в сочное мясо, только что не урча от удовольствия.

— А ведь это могла быть утка, — усмехнулся Валд, протягивая мне флягу с водой.

Съев все до последнего кусочка, я облизала палочку и запила.

— Божественно, — сказала я. — Спасибо.

В желудке было тепло, ноги снова двигались, и даже спать мне не хотелось. Я повернулась к варвару и встретила его внимательный взгляд.

— Поговорим? — спросил Валд.

Я прикинула к фляге, чтобы потянуть время, развязала полоску ткани, которой закрепляла косу на макушке, и с наслаждением почесала затылок, но Валд все так же серьезно смотрел на меня, и становилось очевидно, что отвертеться от разговора не выйдет.

— Этот отвар убивает детей, — сказал он. — Чаще — сразу, и тогда женщина даже не успевает увериться, что беременна, но бывает позже. Тогда ребенок рождается недоношенным и мертвым. А иногда отвар не может подействовать, и дитя все равно появляется на свет, но калеккой. Глухим, слепым, с изувеченными конечностями.

— Валд, я не пила это средство, — пробормотала я, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке. — И я точно не хотела навредить твоему возможному ребенку.

— Нашему, — исправил меня варвар. — В храме ты поклялась заботиться обо мне и наших детях.

Только вот всю клятву я пропустила из-за побочного эффекта при вживлении в тело донора. А может, сказать ему правду? И будь что будет?

— Валд, я хотела найти средство, чтобы не забеременеть вовсе, — сказала я медленно, с трудом подбирая слова. — Как раз потому, что не хотела навредить возможному ребенку, который мог бы получиться, если бы мы...

— Я не понимаю, — нахмурившись, перебил меня Валд. — Но хочу, чтобы ты твердо поклялась, что не станешь пить этот отвар.

— Клянусь, — кивнула я. — С собой, богиней, всем миром. Но знай, что через двадцать четыре дня я умру.

— Эва! — Он подвинулся ко мне ближе. — Что ты такое говоришь? Это Алистер тебя запугал? Расскажи мне. Я сумею тебя защитить!

— Тебе надо подготовиться к его атаке, — сказала я, глядя в костер. — Потому что, когда я умру, у него будет повод развязать войну. Кажется, он добивается этого.

— Эва. — Валд обхватил мое лицо ладонями и повернул к себе. — Перестань повторять это, потому что ты не умрешь. Вернее, мы все умрем, но не так скоро.

Я смотрела ему в глаза, темно-синие сейчас, почти черные, как ночное небо, и видела там искреннее беспокойство. Не могу больше его обманывать!

— Ты прав, я не то чтобы умру, — быстро призналась я. — Понимаешь, я не совсем Эврика. Вернее, тело ее, но сознание — нет. Я из будущего, с другой планеты, с космического корабля. Меня направили сюда для выполнения задания. На ваш замок нападут шиаги, и люди погибнут, а потом пауки распространятся по всей планете, и человечество вымрет. Я должна предотвратить это.

Валд отпустил мое лицо, и его ладонь легла на мое голое колено.

— С другой планеты? — вкрадчиво повторил он.

— Да, — кивнула я. — Вот, посмотри на небо. Видишь звезды? Каждая из них — это огромный газовый шар, излучающий свет, вокруг них по своим орбитам движутся планеты, и некоторые из них обитаемы. Космос необъятен, и исследовать его полностью невозможно. Вашу Колыбель, как вы ее называете, откроют только через триста лет...

Валд как-то странно крикнул, фыркнул, а потом от души расхохотался.

— Газовый шар... корабль... Ох, не могу... — Он смеялся, вытирая подступившие слезы. — Эва, ты что, пока плелась позади, нанюхалась дурман-цветов? Или Баг шалаш поверх них поставил? Иди-ка сюда. — Он сгреб меня в охапку, усадил себе на колени и посмотрел мне в правый глаз, бесцеремонно оттянув веко. — В темноте и не поймешь, отчего у тебя зрачки расширены...

— Валд, это правда! Я из будущего! — возмутилась я, отталкивая его руку. — Мое сознание перебрали «Иглой». Я «мышка» с космического корабля!

— Вот тебя кроет, бедняжку, — пожалел он меня. — В первый раз всегда так. Надо будет завтра Багу рассказать, он любит всякие безумные фантазии.

Валд устроил меня поудобнее на своих коленях и обнял, прижав к груди.

— Над нами покрывало, которым богиня отделила мир живых. Со временем оно обветшало, и души, которые отправились на небо после смерти, могут подсматривать за своими родными, — тихо говорил он, поглаживая меня по спине.

Его глаза были устремлены в ночное небо, в них отражались мириады звезд, и я почему-то не могла отвести взгляд от его лица. Он был прекрасен в своем варварском невежестве, и не только в физическом смысле. Его слова тронули меня неожиданно глубоко, оказавшись созвучны с колыбельной, которую я любила в детстве: о ночном бархате, изъеденном мышами, через который на меня смотрят родные...

— Это они там сияют, — продолжил Валд, — наши предки. Однажды мы тоже будем смотреть на наших детей оттуда, и на внуков, правнуков и их детей. Но это случится еще очень-очень не скоро.

Валд посмотрел на меня, улыбнулся, и я его поцеловала. Легкое прикосновение губ, осторожное, почти невесомое — просто не смогла сдержаться. Его рука на моей спине тут же потяжелела, привлекая меня ближе, а я развернулась к нему лицом, села, раздвинув бедра, обвила шею руками и поцеловала уже по-настоящему.

Тихо перешептывались деревья, глядя на наши ласки, потрескивали дрова. Я потянула Валда за косичку, заставляя его приподнять голову, совсем как он делал не так давно, и слегка потерлась о его бедра, вызвав у моего варвара тихий вздох. Он отстранился, прервав поцелуй, осторожно расстегнул верхнюю пуговку на моем платье и посмотрел на меня вопросительно. Следующую я расстегнула сама, а потом мы вместе выбирались из одежды, путаясь в пуговицах, ткани, рукавах и шнурках, срывая лишнее, чтобы поскорее снова прильнуть друг к другу. Кожа к коже, тело к телу, одно дыхание на двоих. Плащ под моей спиной был гладким и прохладным, а Валд, накрывший меня собой, упоительно горячим. Я тихо постанывала от его поцелуев, впиваясь пальцами в твердые плечи, а варвар будто нарочно терзал меня ласками, то облизывая и прикусывая соски, твердые как камешки от его губ и прохладного воздуха, то поглаживая нежную кожу бедер, то трогая меня внизу, отчего мне становилось жарче, чем от костра.

Когда Валд раздвинул мои бедра, я сама нетерпеливо подалась вперед, желая наконец ощутить его в себе. И боль пронзила меня так резко и неожиданно, что я не сдержала вскрика и широко распахнула глаза. Это все было так по-настоящему: ночной лес, звездное небо, костер, мужчина и чувства, которые он вызывал во мне, что я попросту забыла, что нахожусь в чужом, девственном теле.

Боль быстро стихла, и я слегка улыбнулась Валду, с беспокойством вглядывающемуся в мои глаза. Обвив ногами его бедра, я обняла варвара за шею, а он, склонившись, поймал губами слезинку, стекшую по моему виску.

Он двигался медленно и осторожно, целовал меня, прикусывал кожу на шее, царапая ее отросшей за день щетиной, шептал на ухо жаркие слова, а я выгибалась ему навстречу, чтобы вобрать его полнее, и подхватывала все ускоряющийся ритм.

А потом низкая гравитация чужой планеты исчезла вовсе, и я полетела к звездам, которые закружились над моей головой, и стремительно упала вниз, чтобы захлебнуться наслаждением в объятиях моего варвара. Валд коротко застонал, по широким плечам пробежала дрожь, и он уткнулся мне в шею, часто дыша.

Сердце мое постепенно успокаивалось, я лениво перебирала косичку варвара, глядя на красную и желтую луны, повисшие в небе как два любопытных глаза, и мысли текли тягуче и медленно, как река под обрывом.

— Эва, — позвал меня Валд, приподнявшись на локтях.

— Мм? — Я повернула голову, обвела пальцем его колючий подбородок, погладила шею. Глаза слипались, и мне все тяжелее было поднимать ресницы.

— Этого стоило подождать. — Он улыбнулся и поцеловал меня еще раз.

Я смутно помнила, как Валд помог мне надеть платье, а потом разбудил Бага и отправил его караулить к костру. А я забралась в шалаш и отрубилась, успев почувствовать теплые объятия варвара.

И вот теперь, проснувшись на крепком плече, я повернула голову и рассматривала профиль мужчины, что спал рядом со мной.

Не было никакой ошибки рыжего ученого, оставшегося на «Арго». Подсадка сознания должна была произойти, но Влад Увейро оказался слабее моего варвара. Один шанс на десять тысяч — и вот он: здоровенный, небритый шанс, с которым у меня этой ночью был восхитительный секс.

Если его коэффициент бога заоблачно высок, то, значит, мой варвар умеет быстро принимать решения в критических ситуациях. А кто как не он отправился прятать труп священника через минуту после того, как обнаружил его в моей спальне? У него высокая сила воли — и он сумел достичь положения в их обществе, несмотря на незаконнорожденность. Обладает жизнелюбием и хорошим чувством юмора, и высокоадаптивным умом... Хотя последнее — под сомнением: может, по жизни он все быстро схватывает, но от моего признания отмахнулся, как от бреда. Он просто не способен это принять.

Будто почувствовав мой взгляд, Валд приоткрыл глаза и сразу повернулся, подмяв меня под себя, накрыл мои губы своими. Его руки по-хозяйски прошлись по моему телу, облапив все стратегические места, но он быстро скатился в сторону, сел и выглянул из шалаша.

— Светает, — сказал Валд. — Мне пора.

Я лениво потянулась, но потом, встрепенувшись, тоже села.

— Тебе? — переспросила я в спину варвара, который уже стоял у глеющих бревен.

Выбравшись из шалаша, я смахнула листья, застрявшие в волосах. Небо было светло-голубым, щедро заляпанным золотыми кляксами рассвета. Синяя луна, еще не спрятавшаяся за горизонт, висела над лесом, как воздушный шарик. Слышалось чистое пение птиц и дыхание реки, пахло травой и немного дымом.

— Там слишком опасно, — сказал Валд. — Я пойду один. Быстро проберусь к благодати и вернусь. А вы подождете меня здесь.

— Нет! — в один голос возмутились мы с Багом, и Валд нахмурил брови.

— Это не обсуждается, — сказал он. — Там дикое место.

А до этого не дикое было?

— Эва, ты побудешь здесь, — безапелляционно продолжил он. — Баг, ты же понимаешь, что одну ее оставлять нельзя. Она не отпугнет своей веточкой ни кваргов, ни шарха, если тому вздумается отобедать...

Баг поднялся и стоял у потухшего костра, понуро кивая. А мое мнение Валда, выходит, не интересует? Я должна попасть к благодати, чтобы понять, что это вообще такое! Если их богиня — голограмма компьютерной программы, то благодатью может быть что-то полезное. И почему шиаги именно здесь? Вдруг это как-то связано?

— Я сказала, что пойду к благодати, и сдержу слово! — упрямо возразила я, став перед варваром.

— В храме ты поклялась слушаться своего мужа, — заявил Валд, прищурился глазами.

Интересно, что там за мегаклятву я пропустила из-за временной глухоты. Надо бы текст раздобыть.

— А ты мне не муж, — напомнила я, подняв левую руку без обручального браслета. — Так что не имеешь права указывать.

Валд пробормотал себе под нос какое-то ругательство, быстро поднял свой мешок и, порывшись в нем, вынул браслет. Он подошел ко мне, схватил за плечо и, как я ни отбрыкивалась, нацепил на запястье украшение. Замочек щелкнул, и я на миг почувствовала привычную тяжесть, которая тут же исчезла.

— Ты моя жена, — раздельно повторил Валд, нависая надо мной. — Да что с тобой такое, женщина? — возмутился он. — Я овладел тобой сегодня ночью, ты отдала мне свою девственность, а теперь опять перечишь?

— Дру-у-уг, — протянул Баг, расплывшись в широкой улыбке. Он шагнул к Валду и хлопнул того по плечу. — Поздравляю! Тебе все же удалось? Валидолу-младшему перепало?

— Баг, придержи язык, — нахмурился Валд, искоса глянув на него.

— Простите. — Тот смутился, пригладил усы. — Виноват. Молчу.

— Ты будешь приглядывать за Эвой, — сказал Валд, а сам тайком завел руку за спину, и Баг дал ему пять. Вот же... — Согласись, бросать ее здесь опасно.

— Да, нельзя ее оставлять, — кивнул Баг. — Но и одному тебе не справиться. Ты помнишь, как мы шли в прошлый раз? А сейчас, похоже, шиагов стало еще больше! Слу-у-ушай, — протянул он. — А что, если нам туда вовсе не ходить? Я дам тебе ту благодать, что взял с собой в прошлый раз. Никто и не узнает.

Валд задумался, и мое сердце подпрыгнуло. Нельзя, чтобы он согласился! Но это звучит так разумно. Они стали обсуждать возвращение в замок, совсем позабыв обо мне, и я тихонько прошла за их спинами и взяла свое копье.

— Эва? — недоуменно повернулся ко мне Валд.

Я рванула к обрыву, съехала по нему, цепляясь платьем за корни, и плюхнулась в воду.

— Стой! — выкрикнул варвар, но я уже плыла по реке. Мокрая юбка облепила ноги, течение сносило меня в сторону, но оказалось, что плаваю я неплохо.

Позади раздалось ругательство, всплеск воды, но я нащупала ногами дно и выбралась на берег. Здесь он был пологим, плавно поднимающимся под тень деревьев, на которых болтались серебряные нити.

Отжимая косу, я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Пахло мерзко: тухлятиной и аммиаком. Валд выбрался на берег рядом со мной, набрал в грудь воздуха, но я, быстро повернувшись, прижала палец к его губам.

— Ты ведь не хочешь, чтобы сюда сбежались все шиаги? — прошептала я.

— Эва, ты знаешь, что мужу дозволяется наказывать жену физически? — прошептал он в ответ. — Я очень хочу воспользоваться своим правом. Ты что творишь, женщина?

— Валд, мне надо попасть к благодати, — ответила я, изучая лес.

На этом берегу он был не таким роскошным и цветущим: мелкие растения выглядели чахлыми, листья — все в дырах, скрученные и пожелтевшие. Крона дерева, стоящего в отдалении, напоминала гигантскую сладкую вату: ее окутывал плотный кокон паутины, внутри которого что-то слабо дергалось.

— Что за дрянь? — пробормотал Валд.

Баг выбрался на берег рядом с нами, отфыркиваясь и отряхиваясь, как большой пес. Стащил с головы мешок с поклажей, оделся, приладил к поясу меч и протянул Валду его ножны.

— Дерьмово воняет! — громко заявил он, и мы с Валдом синхронно запечатали ему рот ладонями.

— Ладно, — кивнул Валд, забирая свой меч у Бага и оглядываясь по сторонам. — Идем к благодати. Посмотрю, что за дичь тут творится. Я первым, Эва за мной, Баг замыкает. Не шумим, не разговариваем, след в след. Берем благодать и уходим. А с тобой я еще поговорю. — Он посмотрел на меня, сверкнув синими глазами, и я согласно кивнула. Даже если он меня отшлепает — потерплю ради спасения человечества.

— А что там за... — Баг аж покраснел, подбирая приличное слово.

— Инкубатор, — ответила я.

— Понятнее не стало, — нахмурился Валд.

— Шиаги откладывают яйца в питательную среду. Их детеныши вылупляются и какое-то время едят ее, — пояснила я. На высоком уровне развития они используют емкости со смесью витаминов и минералов с поддержанием необходимой температуры и влажности. На этой планете берут, что есть. Шиаги используют тела своих жертв. Откладывают в них яйца с паучатами. А те потом жрут их изнутри.

Баг побледнел и спросил:

— Что еще ты знаешь о шиагах?

— Они не пресмыкающиеся, не членистоногие, хотя имеют сходство и с теми, и с теми...

— Членисто... — что? — переспросил Баг, снова вспыхивая румянцем, как девушка.

— Короче. — Я оперлась на копые, вспоминая все, что знала с первого курса биофака. Мы изучали врагов, а как иначе, и я могла рассказать очень многое. — Слабые места: подчелюстная впадина, соединение брюшных пластин у второй пары ног, яйцеклад у самок и переход к задней части тела. Сужение туловища типа поясицы — там самые тонкие позвонки. У шиагов низкая температура тела, и они не любят жару, в отличие от тех же ящериц. Боятся огня. По возможности избегают контакта с водой. Глаза реагируют на движение. Не любят яркий свет. По идее, если замереть, то могут пройти и не заметить. Что еще... Задние конечности используются как речевой аппарат. В смысле они общаются друг с другом, потирая задние ноги друг о друга и издавая треск. Самцы мельче самок и практически никогда не нападают.

Мужчины молча внимали, причем Валд мрачнел, а Баг напротив — будто воодушевлялся.

— Опасаться стоит вторых пар конечностей. Они самые жесткие и используются для захвата. И жвалы, конечно. Перекусывают кость на раз. Слюна ядовитая, но сильного вреда не будет, если только ее не впрыснут внутрь — тогда инфекция гарантирована. Если вдруг попали в паутину — не дергаться, не делать резких движений. Она перережет вены и жилы, как струна. — Задумавшись, я вздохнула. — Вроде все.

— А я говорил, — свистящим шепотом произнес Баг, повернувшись к Валду. — Надо брать монастырь. Там кладезь! Средоточие знаний!

— Ладно. Пойдем, — сказал Валд. — Держитесь за мной.

ГЛАВА 15

Мужчины готовились к сражению, и их сосредоточенность передалась и мне. Они надели длинные жилеты из серо-зеленой чешуи, на меня напялили такой же. Он был чуть великоват и достигал середины бедра, но оказался легким. Я обвязала мокрое разодранное платье вокруг ног на манер штанов. Переплела косу и закрепила ее на затылке. Проверила кинжал — он оказался в кармане. Постучала острием копья по плоскому камешку, чтобы вогнать крепче. Я не участвовала в военных действиях и надеялась, что не придется. В сражениях нет ничего красивого: боль, кровь, смерть... Лучшая победа — предотвращение войны. И если людям на этой планете удастся выжить, это определит будущее всего человечества через триста лет.

— Какая боевая у меня жена, — улыбнулся Валд, глянув на меня.

Он макнул два пальца в глину у берега, провел мне по щекам, и его улыбка стала еще шире. Недолго думая, я зачерпнула горсть грязи и оттерла пятерню о его физиономию. Синие глаза только засияли ярче. Варвар тихо рассмеялся, привлек меня к себе и поцеловал, жарко и бесстыдно.

— Валд, — тихо возмутилась я, отпрянув. Облизнула губы, и на зубах заскрипел песок.

Баг посмотрел на нас, тоже размазал по лицу пригоршню речной глины, и его усы уныло обвисли, как жирные гусеницы.

Мы наскоро перекусили, доев подмокший хлеб, запили водой. Баг переложил вещи, безжалостно выбросив все лишнее: и одеяла, и плащ, и остатки снеди. Книжицу с молитвами покрутил в руках, посмотрел на меня удивленно и сунул в мешок. Валд расстегнул заклепку на ножнах и слегка вытянул меч, проверяя. Солнечные лучи отразились в блестящем лезвии так ярко, что я прищурилась. Олимпиум. Такой меч не затупится.

Указав направление рукой, Валд пошел вперед. Это был странный лес: не слышалось пения птиц, не стрекотали насекомые. На том берегу я привыкла к шуму и не замечала его, здесь же отсутствие звуков непрекращающейся жизни настораживало. Из-за паутины, натянутой на кронах деревьев, свет рассеивался, и казалось, что мы бредем в сумерках, хотя через сероватый полог я видела безоблачное небо.

Шум реки отдалился и стих, и теперь я слышала лишь наши шаги и дыхание. Валд вдруг остановился, повел плечом, опуская ладонь на рукоять меча, и мы замерли. Впереди полз шиаг. Сердце мое подскочило к горлу и забилося часто-часто, как пойманная птица.

Восьминогий паук с чешуйчатым телом был взрослой самкой. На этой планете конечности у них были немного длиннее, а еще непривычным оказалось отсутствие одежды. Этот шиаг не носил щитков, которые спрятали бы бурую чешую, прикрывающую вытянутое тело, на крупной голове не было шлема, а красные глазки, посаженные близко друг к другу, не защищали очки. Шиаг держал в передних лапах какого-то зверька, быстро обматывая его паутиной, сочащейся из желез под жвалами, и закрепляя тягучей слюной. Пустой яйцеклад болтался под брюхом уродливым сморщенным мешочком.

Шиаги не создавали семей даже на высоком уровне развития. Отсутствие материнского инстинкта сыграло им на руку: они рассылали капсулы со своими яйцами по Вселенной, не беспокоясь о том, что почти все они погибнут, и рассчитывая, что хотя бы одной из миллиона повезет попасть на планету, где возможна жизнь. Так, по-видимому, здесь и случилось.

Шиаг скрылся за деревьями, и Валд медленно двинулся вперед. С каждым шагом становилось труднее дышать от вони разлагающейся плоти, глаза заслезились. Я прикрыла нос мокрым рукавом, надеясь, что меня не вырвет.

— Пс, — позвал Баг.

Валд обернулся, а рыжий указал на дерево слева от нас. Его крона была опутана паутиной, как и у прочих, внутри бегали быстрые тени мелких шиагов, а у самого ствола угадывался человеческий силуэт с раскинутыми в стороны руками.

Верхняя губа у Валда вздернулась, как у злого пса. Он кивнул и пошел быстрее. Так мы и шли, иногда замирая и пережидая, пока очередной паук не перейдет нам путь, и с каждым шагом ужас во мне рос, грозясь вылиться в истерику.

Я не смогу выполнить миссию. Люди на этой планете обречены. Если все эти полчища пауков ринутся на замок — конец. Вся белоснежную пирамиду оплетет толстый слой паутины, а внутри нее люди будут медленно умирать, давая жизнь новым и новым шиагам.

Когда же мы наконец дошли до благодати богини, я не знала, смеяться мне или плакать. Круглое яйцо, раскрытое на две половины, действительно несло в себе благословение: вокруг него распустились огромные цветы, трава росла гуще и зеленее, и даже вонь будто отступила. А внутри яйца сверкали темно-синие кристаллы — таурилл, вещество, которое повсеместно использовалось в медицинских капсулах и которое могло обеспечить жизнеспособность паучьих яиц очень долгое время.

Благодатью богини оказалась капсула, доставившая шиагов на эту планету.

До благодати осталось несколько шагов, когда мы услышали звуки.

— Шши-аг-аг-аг.

Мелкий паук выбрался из-под тени дерева, приподнял задние конечности над спиной и водил ими друг по другу, словно смычком по скрипке. Сначала длинное ровное движение, потом короткие обрывистые назад. Ворсинки на лапах натянулись как струны, и звук шел ровный и неожиданно звонкий.

Баг стремительно метнулся к нему, взмахнул мечом, отсекая конечности, а потом опустил его на узкую часть спины. Паук развалился пополам, как конструктор.

— А нечего триндеть, — буркнул рыжий.

— Уходим, — поторопил Валд.

Я быстро загребла горсть таурилла и высыпала в карман, бросилась за Валдом, но он остановился.

— Поздно, — шмыгнув носом, Баг выставил меч перед собой.

Просветы между деревьями, откуда мы пришли, заполнялись силуэтами с искорками красных глаз. Тень скользнула над нами, я посмотрела вверх и рефлекторно вздернула копьё. Острие вонзилось точно между брюшными пластинами. Я присела, уперев копьё в землю, и паук сполз по древку, нанизавшись на него.

Валд отпихнул шиага ногой, выдернул копьё и рывком поднял меня за руку. В моих кошмарах пауки были вооружены лазерными пушками, но сейчас было даже страшнее. Шипение и рваные звуки заполнили всю поляну, распространяясь по лесу. Пауки неспешно окружали нас, потирая задними лапами, переговариваясь. Еще одна восьминогая тень метнулась сверху.

— Убьем хоть сколько-то, — сказал Валд и повернулся ко мне. — Знаешь, Эва, я недавно думал о нас с тобой, о тебе... В общем, я вроде в тебя влюбился.

— Вот как? — пробормотала я. Варвар смотрел на меня выжидающе. — Спасибо.

— Спасибо, — повторил он, закатив глаза. — И ты ничего больше не хочешь мне сказать?

Он что, ждет признания в любви? Но мне нельзя в него влюбляться. Даже если я вдруг не умру сегодня, то вскоре вернусь в свое время, а он останется здесь, вместе со своими космическими глазами, и улыбкой, и сильными руками...

— Мне хорошо с тобой, — призналась я. — А ночью было просто крышесносно.

— Ну, хоть что-то, — улыбнулся он.

— Эй, — встрял Баг. — Вы что там, прощаетесь? Зельда с меня три шкуры сдерет, если я не вернусь. Давай прорываться к реке, Валд.

— Далеко, — ответил варвар. — Не дойдем. Попробуем к озеру.

Он взмахнул мечом, показывая направление, и я заметила далекие блики на гладкой воде. Сунув руку в карман, нащупала среди кристалликов таурилла рукоять кинжала и вытащила его из ножен. Сжала копьё крепче. А потом пауки ринулись на нас.

Мое сознание управляло телом Эврики как своим: удар копьём, взмах рукой, кинжал погружается во впадину под жвалами свесившейся ко мне с неба уродливой башки. Слюна брызжет на волосы. Я падаю, откатываюсь, и паук шмякается туда, где меня уже нет. Два сияющих меча выписывают сложные фигуры по обе стороны от меня. Я бью копьём шиага, подкравшегося сзади, и древко ломается.

Треск, шипение, тяжелое дыхание двух мужчин, сражающихся в последний раз. Вокруг растёт гора

паучьих трупов, но меньше их не становится, а мы отошли от благодати всего на пару метров.

Я должна что-то придумать!

Баг стряхнул с плеча мешок, чтобы не мешался, и я бросилась к нему, присела на жухлую траву между ногами мужчин. Где-то здесь... если только Баг его не выкинул... Вот! Я вытащила то странное приспособление, которым Валд разжигал костер. Палочка и камешек. Структура твердая и мелкозернистая. Стукнув, высекла сноп искр. Отлично!

Внезапно черная лапа с четырьмя пальцами обхватила меня за щиколотку, дернула. Я взвизгнула, и сияющий меч тут же опустился, отсекая паучью конечность. Я откинула ее ногой и снова вошла в мешок. Есть! Слабый ветер пошевелил страницы книжки с молитвами богине.

— Ох, как мне нужна твоя помощь, — пробормотала я. — Фернанда, помоги, и я буду тебя слушаться и перестану дерзить...

Выдохнув, ударила камнем по палочке, сноп искр упал на книжицу, и она затлела. Огонь лизнул уголок страниц, побежал к корешку.

— Эва! — крикнул Валд. — Вставай!

Я схватила горящую книгу, обжигая пальцы, и, вскочив, что есть сил запустила ее в крону дерева, окутанного паутиной, за которым виднелась водная гладь. Книга упала на серый кокон, задымилась, а потом раздался взрыв и пламя полыхнуло гигантским факелом. Скопление метана! Все как в учебниках!

— Бежим! — Баг и Валд схватили меня за руки и потащили вперед, сбивая мечами пауков, которые и сами бросились врассыпную.

Горящее дерево чадило, огонь перекинулся на следующее. Еще один взрыв впереди. Я бежала, почти не касаясь ногами земли. Коса моя расплелась и била по спине. Мелкие паучки лопались в огне, как петарды, вонь стала невыносимой. Взрыв прогремел уже сзади, но мы не оборачивались и бежали через огонь и черный дым, от которого глаза пекло так, что, кажется, лопнут. А потом я вдруг упала в озеро с головой и от неожиданности наглоталась воды.

Валд вытащил меня за шкирку, как котенка, слегка встряхнул. Я откашлялась, отплевалась. Мы отплыли на несколько метров вглубь озера и только тогда обернулись. Шиаги бегали по берегу, шипели и трещали лапами. Над лесом росли три столба черного дыма, а солнце ясно светило с неба, не затянутого паутиной.

— Утритеесь! — выкрикнул Баг. — Ха! Спасены!

Грязь стекала по его усам, зеленые глаза горели. Серебряная нить паутины с утолщением на конце полетела в него как стрела, блеснув на солнце, и я, оттолкнувшись от плеча Валда, подпрыгнула и отбила ее кинжалом. Надо будет научить варваров играть в волейбол. Шиаг на берегу разочарованно зашипел, а я, вынырнув, показала ему средний палец.

— Вот я так и знал, — сердито сказал Валд, снова вылавливая меня из воды. — Это точно не пожелание удачного пути.

Мы добрались к замку только вечером. Без меня бы мужчины управились быстрее: они плыли легко и свободно, словно родились в воде, а вот я быстро выбилась из сил. К тому же правое плечо слегка ныло — потянула мышцу, когда швырялась горящим молитвенником. Валд притянул от берега какую-то корягу, помог мне на нее взобраться, я приладила впереди меча и плыла, сидя верхом, как на водяном коне. А мужчины, ухватившись за сучья по обе стороны коряги, тащили меня вперед.

Люди Ковчеха встретили нас недоуменными и даже испуганными взглядами, и я их хорошо понимала. Ободранные, обгоревшие, мы словно вернулись с войны — и по сути, так и было. Женщины смотрели на меня с откровенной неприязнью, но моя рука была в ладони Валда, а на запястье сиял обручальный браслет.

Я боялась, что Валд сразу поведет меня к капитану, но он поднялся лишь на четвертый этаж пирамиды и повернул к нашей спальне. Толкнув дверь в свою комнату, пропустил меня вперед.

— Надо помыться, — сказал он. — А потом обработать раны.

Моя ободранная щиколотка уже не кровоточила, но еще ныла, у Валда через прореху в рубашке виднелась длинная царапина на предплечье. Я кивнула и повернула к ванне, но Валд обнял меня за талию и направил к двери в углу своей комнаты.

— У меня будет удобнее, — сказал он.

Я не стала спорить. После эйфории от нашего спасения меня охватило какое-то безразличие. Мы сбежали, но я не представляла, что делать дальше. Валд открыл дверь своей ванной, и я на миг позабыла свои печали, потому что передо мной был самый шикарный душ, который я когда-либо видела: вымощенные белым мрамором стены, шероховатый синий пол с покрытием, похожим на резину, и круглая лейка сверху размером с велосипедное колесо.

— Ух ты! — восхитилась я, рефлекторно поднимая руки вверх, когда Валд потянул с меня платье. Сняв трусы, забралась в душ и повернула вентиль. Взвизгнув от холода и рассмеявшись, сделала потеплее.

Валд, не отрывая от меня потемневшего взгляда, бросил мое платье на пол и тоже стал раздеваться.

— Хочешь со мной? — поняла я.

— Очень хочу, — не стал отрицать он, шагнул ко мне, и в душе сразу стало тесно.

Я закрыла глаза и запрокинула голову, подставив лицо под струи теплой воды.

Валд обнял меня, поцеловал в шею. Вылив на мои волосы шампунь из бутылки, вспенил его, массируя мне голову подушечками пальцев, и я чуть не замурлыкала от удовольствия. Намылив мочалку, провел ею по моей груди. Я наслаждалась уверенными, но бережными прикосновениями, а вскоре не смогла сдержать улыбки. Судя по всему, в некоторых местах я умудрилась особенно испачкаться. Мочалка плюхнулась на пол, и по моему телу заскользили ладони Валда. Он целовал меня, проникая языком в мой рот, ласкал мою грудь и соски, а потом погладил ягодицы и слегка их сжал, обхватив обеими руками.

— Ты устала? — заметил он мою отстраненность и легонько поцеловал меня в кончик носа.

— Немного, — кивнула я. — Не столько физически, сколько... Ты ведь понимаешь, что это не было победой? Мы удрали, но шиаги никуда не делись.

Я намылила ладони и провела ими по широкой груди моего варвара. Погладила рельефные плечи, аккуратно смыла песчинки, застрявшие в царапине, и пересчитала кубики на рельефном торсе.

— Понимаю, — ответил он. Его ресницы слиплись от воды и стали темнее, а улыбка была такой нежной и беззаботной, как будто это не он сегодня чудом избежал смерти. — Тебе не надо об этом волноваться, Эва. Я услышал тебя, я увидел проблему, и я ее решу.

— Как? — воскликнула я.

— Сожгу их, — ответил Валд, пожав плечами.

— Правда?! — Я обняла его за шею, с отчаянной надеждой вглядываясь в синие глаза, а он улыбнулся, подхватил меня под бедра и, приподняв, прижал к стене.

— Эва, — сказал он, глядя на мои губы. — Тебе ведь это важно, да? Чтобы шиаги сдохли.

— Очень! — горячо подтвердила я. — Это важно для всех людей. Ты ведь сам видел...

— Да, — перебил он меня. — Но я хочу попросить об ответной услуге.

— Все что угодно, — выпалила я. — Все, что захочешь, Валд.

— Ух, как это распаляет... — Он широко улыбнулся и поцеловал меня снова. А потом тихо попросил: — Будь моей женой.

— Но я ведь и так твоя жена, — не поняла я.

— Да. Но я хочу по-настоящему, — ответил Валд, держа меня на весу так легко, будто я ничего не вешу. — Будь со мной ласкова и нежна, заботься обо мне и люби, и позволяй любить тебя... И не ври мне. Никогда. Не выдумывай небылиц, а просто говори как есть.

Я молчала, глядя ему в глаза. Конечно, он не поверил про будущее и космический корабль. Он, наверное, и половины слов не понял. Я пыталась найти противозачаточное — и меня выгнали из замка. Я не занималась со своим мужем сексом и наш брак могли расторгнуть. Если успех выполнения миссии в том, чтоб побыть хорошей женой, — я стану самой лучшей.

— Постараюсь, — прошептала я и поцеловала его так, как никого раньше.

Когда мы наконец выбрались из душа, я подошла к карте и прикусила мизинец, рассматривая ее. Озеро, нитка реки, черные скалы. На холме, где осталась капсула с тауриллом, нарисована девятка. Наверное, так они обозначают святые места.

— Видишь. — Валд подошел сзади и обвел пальцем треугольник на карте. — Мы называем это Дикое место. Оно отрезано от остальной земли. Река, озеро, а с этой стороны — черное плато и скалы. Они не слишком высокие, и перебраться через них не так уж сложно. Но за день они раскаляются так, что превращаются в настоящую сковородку. Даже ночью, когда я переходил их, подошвы моих ботинок плавилась, как от огня. Раньше в Диком месте было множество животных, и некоторых я больше нигде не видел. Два года назад туда упала благодать богини. Мы так назвали ее, потому что вокруг стали расти цветы, и эта штуковина прилетела с неба. Я хотел перетащить ее в храм, но как-то руки не дошли. А потом там появились шиаги.

— Значит, ты устроишь пожар? — спросила я.

— Лучшая защита — нападение, — ответил Валд. — Там почти не осталось зверей. Шиаги захотят пересечь реку. Через две недели она обмелеет, а потом начнется большой прилив. Вода погонит их напрямик к нам. И я не стану дожидаться этого момента.

— Ох, Валд, ты даже не представляешь, как я тебе благодарна! — воскликнула я, поворачиваясь к нему.

— Ты сражалась как воин, Эва, — задумчиво произнес он. — И я думаю, что налет на монастырь, который Баг уже наверняка планирует, может оказаться непростым делом. Ты полна сюрпризов, моя жена.

Я прикусила губу, не зная, что ответить. Он просил не врать. Но что я ему скажу? Я служила в космофлоте, милый, а монастырь не видела даже издали...

— Я хочу узнать тебя лучше, — добавил Валд. — И предвкушаю это. Но сейчас нам обоим надо отдохнуть.

Я с облегчением улыбнулась, направилась в свою комнату.

— Спи здесь, — попросил Валд. — Со мной. Я хочу видеть тебя в своей постели, когда проснусь.

ГЛАВА 16

Эва заснула, кажется, еще до того, как ее голова коснулась подушки. Такая красивая, нежная, беззащитная... Когда спит. Валд полюбовался ею какое-то время, осторожно провел кончиками пальцев по плавной линии бедра и лишь потом укрыл одеялом.

Она ни разу не пожаловалась, пока они добирались домой, хотя ее мышцы, не привыкшие к нагрузкам, наверняка ныли, а рана, оставшаяся после хватки шиага, выглядела болезненной. Она сражалась вместе с ними вместо того, чтобы плакать или дрожать от испуга. Она поступала наперекор, и это бесило, но и восхищало одновременно.

Валд нашел в шкафу банку с мазью и нанес густой слой на щиколотку Эвы. Она даже не шелохнулась. Валд осмотрел ее ступни, покрасневшие после похода, и тоже обработал их снадобьем, нанес его и на кончики ее пальцев, покрытые волдырями ожогов.

Она спасла их, догадавшись подпалить дерево. Впрочем, если бы не она, они бы там вовсе не оказались.

Но тогда бы он не увидел, во что превратилось Дикое место, и, кто знает, может, ее предсказание сбылось бы.

Он хотел расспросить Эву обо всем: откуда она столько знает, кто научил ее драться, почему вчерашняя девственница не смущается наготы и целует его так, что все остальное перестает существовать...

Валд глянул вниз и хмыкнул. Он хотел ее снова. Она пообещала быть хорошей женой, и он с нетерпением ждал — как это будет выглядеть в ее исполнении. Хотя ему было достаточно того, что она здесь, в его постели. Вчера он думал, что потерял ее навсегда. Больше он такого не допустит.

В дверь громко стукнули, и Валд, как был, без одежды, подскочил и быстро открыл.

— Тихо, — выпалил он сердито. Капитан отшатнулся от неожиданности, и Валд тоже не сдержал удивления. — Отец? Не шуми, Эва спит.

— Я выгнал ее прочь. Почему она снова здесь? — спросил капитан, все же понизив голос.

— Потому что я вернул ее, — ответил Валд. — Погоди-ка.

Он прошел вглубь комнаты, поднял платье Эвы и, пошарив в кармане, вынул несколько синих гранул.

— Вот. — Он вернулся к двери и протянул раскрытую ладонь. — Благодать богини.

Капитан отвел взгляд от силуэта Эвы, угадывающегося в постели.

— Я сказал, что подумаю, прощать ли ее, — напомнил он, прищурившись.

— Ну а я ее простил, — сказал Валд, сжав кристаллы в кулаке. — Она моя жена, и я буду решать, что с ней делать.

— Ты дерзишь мне, младший, — заметил Рутгер.

Эва вздохнула во сне, повернулась, закинув голую ногу поверх покрывала. Капитан посмотрел на нее и понятливо усмехнулся. Валд обернулся и слегка прикрыл дверь, чтобы Эву не было видно.

— Но, по крайней мере, у тебя хватает на это смелости... Ладно, — проворчал капитан. — Надеюсь, ты найдешь на нее управу.

— Я тоже надеюсь на это, — улыбнулся Валд. Рутгер развернулся, но Валд придержал его за рукав белой рубахи. — Спасибо.

— Это твое решение, — пожал плечами отец. — Я бы отправил ее восвояси, но раз ты уже ее попортил, это будет неправильно.

— Я благодарю тебя за то, что ты устроил мой брак, — пояснил Валд.

— Правда? — недоверчиво переспросил Рутгер. — Что ж, похоже, тебе повезло. А я вот жалею, что не застал времена, когда людей соединяла богиня. Тогда не было ошибок, а женщина оставалась желанной долгие годы... Как думаешь, почему богиня оставила нас? Настоящая мать не должна бросать своих детей, — добавил он сердито.

— Я не знаю, отец, — ответил Валд. — Может, она решила, что мы уже взрослые?

Рутгер смотрел на него снизу вверх, доверчиво, как ребенок, и Валд невольно вздрогнул, узнав в нем свои черты. Они были очень похожи, все так говорили. Но сейчас будто поменялись местами — и теперь отец искал в нем поддержки и просил совета.

— Неужели тебе хочется, чтобы за тебя решали? — спросил Валд.

— Молодость... — слегка насмешливо протянул отец. — Если бы богиня уберегла меня от ошибок, я бы только поблагодарил ее за это.

— И тогда, похоже, я бы не родился на свет, — хмыкнул Валд, облачаясь о дверной косяк. Отец окинул его взглядом, полным непонятных чувств: то ли зависти, то ли горечи.

— Я любил твою родную мать, — ответил Рутгер. — Так мне казалось. А теперь, представь, даже не могу вспомнить ее лица. Может, встречу ее на той стороне покрывала... Я все чаще думаю о том, что ждет меня там.

Валд нахмурился. Они никогда не говорили с отцом на такие темы, и сейчас он чувствовал себя не в своей тарелке. Может, отойти и хотя бы трусы надеть?

— Отец, я хочу провести завтра собрание, — перевел он разговор. — У меня есть важный вопрос, требующий срочного решения.

Капитан посмотрел на него испытующе, кивнул и медленно пошел прочь. А Валд закрыл дверь, вернулся к кровати и лег рядом с Эвой, рассматривая ее лицо: пухлые губки, тень от ресниц, длинные изогнутые брови, поднимающиеся к вискам. Он не выбирал жену сам и злился, что его лишили такой возможности. Но теперь, глядя на нее спящую, понимал, что будь перед ним выбор, он бы женился на ней снова.

Он хотел задать ей тысячу вопросов, но в то же время боялся услышать ответы. Страх был непривычным чувством. Обычно он оценивал опасность и в зависимости от этого принимал решение, как действовать дальше. Но с Эвой он боялся, что решений не будет. Откуда она столько знает о пауках и обо всем остальном? Баг готов молиться на нее, и это и раздражало, и забавляло. Она провела жизнь в монастыре и даже в изгнание взяла молитвенник. Похоже, его жена очень набожна. А он слышал, что у людей, проводящих жизнь в молитвах, случаются откровения. Эва говорила, что богиня пришла к ней во сне и предупредила о шиагах. Могло ли такое произойти? Невероятно, но в мире столько непознанного...

В дверь снова постучали, и Валд, тихо выругавшись, пошел открывать.

— Что еще? — пробурчал он, и служанка, испуганно ойкнув, отвела глаза, а он, опомнившись, спрятался за дверью.

— Ваша мать приказала отнести еду вам в комнату, — протараторила девушка, краснея от смущения и подталкивая к нему столик на колесиках, уставленный тарелками. — И вот еще... — Она протянула корзинку. — Новый мальчик, Мика, вернулся. Просил передать, что им едва удалось выманить муфлю. Он покормил ее и помыл, но она, похоже, слегка одичала...

Валд кивнул, взял корзинку и осторожно приоткрыл крышку. Глаза муфлы сверкнули желтым в темноте, она зашипела, и Валд быстро закрыл корзинку. Эти животные привязываются к одному человеку на всю жизнь, об их преданности слагают легенды. Эва будет просто счастлива.

— Передай, чтоб нас не тревожили до завтра, — попросил он, и служанка, бросив быстрый взгляд на Эву, спящую в его кровати, ушла, полая красными ушами.

Он закатил столик с едой в комнату и, подумав, отнес корзинку с муфлей в спальню Эвы, сдвинул крышку и плотно прикрыл за собой дверь. Пусть жена выспится сначала. А радостное воссоединение подождет.

Я проснулась, когда уже рассвело, от странных звуков: что-то среднее между мяуканьем и плачем скрипки раздавалось за стеной, в моей комнате. Осторожно сняв руку Валда со своей груди, я выскользнула из кровати и подкралась к плотно закрытой двери. По пути остановилась у столика, которого вчера тут точно не было, и, взяв отрезанный ломтик груши, сжевала.

Звуки стихли, потом послышалось шуршание. Мыши? Их не должно было быть на Ковчеге. Но я уже ничему не удивлюсь. Если поселенцы с Ковчеге номер девять додумались взять с собой тигров, то что им какая-то мышь.

— Жена, — позвал меня Валд, и я обернулась.

Он приподнялся на локтях и смотрел на меня с мягкой улыбкой. Такой растрепанный, заспанный, что я невольно улыбнулась в ответ. А заодно и поняла, что стою перед ним совсем голая, и даже длинные волосы Эврики не спасают. Его взгляд прошелся по моему телу так явно, что я ощутила его, как ласковое прикосновение.

— Чего тебе? — спросила я почти грубо, пряча непонятное смущение.

Мы были близки с ним уже дважды, и я привыкла не стесняться наготы на «Арго» и во флоте, но никто не смотрел на меня так раньше: с нежным любованием и одновременно — мужской жадной обладания...

Валд откинул одеяло и похлопал по простыне рядом с собой. Вроде как scomандовал: «место». Но я пообещала быть хорошей женой. Интересно только, что он вкладывает в это понятие.

— Помнится, ты заявляла, что не желаешь делить со мной ложе, — сказал Валд. — Это что-то принципиальное? Ты готова заниматься со мной любовью везде, кроме него?

Улыбнувшись, я вернулась к кровати и неловко легла рядом с ним, а Валд тут же обнял меня, лизнул губы.

— Сладкие...

Он был таким теплым, а в его объятиях было так уютно... Я обняла его в ответ и поцеловала в уголок губ, перечеркнутых шрамом, погладила растрепавшиеся волосы. Интересно, он ведь сам заплетает себе косичку. По их традициям, до свадьбы мужчины носят волосы распущенными. Значит, это его дань статусу мужа. А я так толком и не научилась управляться с волосами Эврики.

— Ты слышал какие-то странные звуки в моей комнате? — спросила я.

— Да, — пробормотал он, целуя меня в щеку, в шею, прикусывая мочку уха. — Там сюрприз для тебя. Все потом.

— Там кто-то то ли плакал, то ли скребся, — не сдавалась я, но он завел мне руки за голову и закрыл рот поцелуем, а отросшая щетина уколола подбородок.

Кто бы мог подумать, что моя роль в спасении мира будет состоять в том, чтобы регулярно заниматься сексом с потрясающим мужчиной? Его поцелуи спускались все ниже: он провел языком по шее, легонько прикусил кожу, поцеловал ямку над ключицей, потом его вниманием завладела грудь, сначала одна, затем вторая, и снова... Втянул сосок, облизал его по кругу, быстрые поцелуи к впадинке пупка... Он попытался развести мои бедра в стороны, но я сжала их, застеснявшись непонятно чего.

— Эва. — Он приподнялся, нежно поцеловал меня. — Наверное, это кажется тебе непристойным, но в этом нет ничего постыдного, правда. Доверься мне.

Я облизнула губы, кивнула. Дело было вовсе не в доверии. Просто все это переходило черту, которую я для себя обозначила. Внутренне я давно согласилась заняться сексом с варваром, тем более, он был дико хорош собой и в итоге оказался чутким любовником. Но его слова, нежность, взгляды делали меня беззащитной. Срывали все заслоны. Ломали стены. Это становилось не просто сексом ради миссии, а чем-то большим.

Валд проложил дорожку нежных поцелуев вниз, и вскоре я выгнулась, застонав от откровенных ласк, и запустила пальцы в его растрепавшиеся волосы.

А потом, когда мое тело еще сжималось сладкими судорогами, он вошел в меня, заполнив до отказа, и я обняла его, подхватывая ритм. Я задыхалась от ощущений, впиваясь пальцами в широкую спину Валда, целовала его, тонула в синих глазах. И новая волна подняла меня вместе с ним, чтобы вернуться назад, в смятую постель, как будто не такой, какой я была прежде...

Сплетение рук, сплетение ног, биение сердца двоится, и непонятно, где чей ритм... Валд по-прежнему был в моем теле и не спешил отстраняться, продлевая чувство полного слияния и неги.

Он отвел прядь волос мне за ухо, погладил щеку.

— Ты такая красивая сейчас, — тихо сказал он. — Твои глаза такие теплые, а губы немного припухли от моих поцелуев. Хочу, чтобы они всегда были такими. — Он поцеловал меня снова, но я отвернулась. — Что я такого сказал? — нахмурился Валд, поворачивая мое лицо к себе.

Это не мои глаза тебе нравятся. И не мои губы. Вот в чем дело. Было бы так легко забыть о том, что это лишь задание. Заниматься с Валдом любовью, радоваться каждому утру и засыпать, чувствуя его сильную руку на своем теле.

Он вдруг усмехнулся и пощекотал меня под ребрами. Я взвизгнула, попыталась скинуть его с себя.

— Отвечай сейчас же, — грозно рыкнул он, продолжая щекотать меня. — Почему ты нахмурила свои темные брови, Эврика? Что тебя расстроило? Я похвалил твои губы и глаза и забыл остальное? В этом дело? Рассказать, как мне нравятся твоя грудь и нежная шея, и такой маленький пупочек, и длинные ноги? Или давай лучше я еще раз покажу, как ты мне нравишься.

— Валд, отстань, — попросила я, смеясь и пытаюсь спихнуть его и увернуться от приставаний.

— Так-то лучше. Узнаю свою Эву, — довольно кивнул он, — смеется и просит меня отвалить.

Он встал и пошел в душ, подмигнув мне. Я прикусила губу, любясь широкой спиной и крепкими ягодицами, а потом откинулась на подушки. В душе зашумела вода, а за стенкой снова зашуршало. Да что ж там такое!

Поднявшись с кровати, я надела рубашку Валда, прикрывшую меня едва ли не до колен, и, взяв подушку, осторожно подошла к двери. Если там мышь, прижму ее подушкой и выкину в окно. Приоткрыв дверь, заглянула в щелку и не сдержала судорожного вздоха. Повсюду летали перья, пух, матрас был безжалостно выпотрошен, а на полу стояла пустая корзинка.

Сюрприз?

Я сглотнула, обернулась, раздумывая, не взять ли нож, когда из угла послышалось шипение, показавшееся мне знакомым. Мохнатый ком белой шерсти злобно сверкал круглыми желтыми глазами и медленно приближался ко мне. Муфля! Я захлопнула дверь, прижалась к ней спиной, и муфля ударила в нее так, что я едва не отлетела. Шипение сменилось тихим свистом, но я уже помнила по лодке, что в этом мало хорошего. Дверь содрогнулась от серии ударов, завибрировала.

Валд напевал что-то в душе, а я лихорадочно соображала — что делать с муфлей? Стянув с себя рубашку, я намотала ее на руку и, дождавшись, когда муфля перестанет ломиться ко мне, распахнула дверь сама.

Животное кинулось мне в лицо, щелкая клювом, и я подставила защищенную руку, а сама вцепилась в белую шерсть и, поймав муфлю за шкурку, сунула ее в корзинку. Прижала крышку и для надежности обмотала ее рубахой, завязав рукава на узел.

Корзинка тряслась как в припадке.

Надо избавиться от нее.

А может, это как раз повод сказать Валду правду? И снова услышать, что я нанюхалась их дурман-цветочков... Я должна быть хорошей женой, а не понаехавшей инопланетянкой, убившей его невесту!

Я быстро подошла к окну, прижимая взбесившуюся корзинку к груди. Выкинуть муфлю в окошко? Расшибется еще. У нее перепончатые лапки, вряд ли она хороший прыгун.

Вода в душе стихла. Я бросилась в туалет, оставила там дергающуюся корзинку и бегом вернулась в комнату Валда, не забыв закрыть дверь. Прыгнув с разбегу в кровать, натянула на себя одеяло. Увидев Валда, с полотенцем вокруг бедер и гладко выбритого, я мило улыбнулась, поднялась и, подойдя к нему, поцеловала, слегка прикусив и потянув его нижнюю губу.

— У тебя так быстро бьется сердце, жена моя, — заметил Валд, погладив мою грудь.

— Это из-за тебя, — прошептала я и пошла в душ. Врубив воду, стала под теплые струи, и Валд вошел следом за мной, снимая полотенце.

— Вообще-то я опаздываю на собрание, — без особых сожалений в голосе заявил он, обхватив мои ягодицы. — И еще хотел вручить тебе подарок.

О нет. Я его распаковывать не собираюсь.

— Этот? — спросила я, заглянув ему в глаза и замирая от собственной смелости, в то время как моя ладонь нахально погладила твердый пресс и опустилась ниже.

Валд убежал на собрание, поцеловав меня на прощанье и сказав, что сюрприз ждет меня в моей комнате, и я, собравшись с духом и одевшись, открыла дверь в туалет. Корзинка повалилась, и на боку была выгрызена дыра, откуда желтой яростью сверкнули глаза.

— Что ж с тобой делать? — пробормотала я. — Слушай, муфля, я не желаю тебе зла.

Она потянула соломинку клювом, так что дырка стала больше, и снова зашипела.

— Может, как-то подружимся? — предложила я не очень уверенно.

Муфля дернулась вперед, целясь мне в ногу, но застряла.

— Нет так нет, — вздохнула я, поднимая корзинку с торчащей из ее дырявого бока мордой. Странное создание. Словно болонке приделали утиный клюв и перепончатые лапы. И шерсть на ощупь как мягкий плотный пух.

Я хорошенько обвязала корзинку простыней, заплела волосы в косу и надела новые туфли, взяв их из сундука с приданым. Бутылка с зельем пропала, но я о нем больше и не думала. Уже напредохранялась до того, что меня выкинули из замка. Подняв корзинку и повернув ее предполагаемой дыркой от себя — чтобы муфля не щипала меня за бок, — я вышла из комнаты.

Отпущу ее на свободу. Скажу — не видела, не знаю. Удрала. Может, даже расстроюсь немного, но не слишком, чтобы Валду не пришла в голову идея снова ловить ее по всей Колыбели.

Я быстро спустилась по белым ступеням и выглянула из-за угла. Надо выпустить ее в море. Муфля водоплавающая. Найдет себе уютную заводь. Поймает червячка... Корзинка в моих руках дернулась, и я едва ее не выронила.

Вот только как бы это сделать незаметно?

— Что-то ищешь, крошка Эва? — спросили меня сзади, и я едва не подпрыгнула от неожиданности.

— Магнус, — выдохнула я, обернувшись. — Нельзя так пугать!

— Что там у тебя? — спросил он, кивнув на мой тюк.

Светлые волосы Магнуса были забраны в хвост, на подбородке пробивалась неожиданно жесткая и темная щетина, и сегодня он выглядел старше и серьезнее.

Я прикусила губу, размышляя. Доверять ему нельзя, но он вроде недолюбливает Валда, так что и доносить ему не станет. К тому же Магнус наверняка знает все ходы-выходы.

— Знаешь, как незаметно пройти к морю? — решила я.

— Конечно, — ответил он. — Рад, что ты вернулась. С тобой в замке стало веселей. Прошлом собрание было просто огонь. На такие я бы ходил хоть каждый день.

— А почему ты, кстати, не на собрании? — вспомнила я.

— А у нас сегодня собрание? — нахмурился он. — Я ночевал не здесь, так что был не в курсе... Давай проведу тебя по-быстрому.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Под его синими глазами залегли тени, и теперь этому было объяснение: бурная ночь с какой-нибудь пастушкой.

— Давай я понесу, — предложил он, но я помотала головой и прижала к себе корзинку. — Значит, капитан разрешил тебе остаться?

— Наверное, — ответила я, идя за ним следом по узкой дорожке между кустов.

— А я ведь ходил за тобой, Эврика, — признался он, и я с удивлением уставилась в спину, обтянутую такой же синей рубашкой, как у моего мужа. — Хотел нагнать тебя на дороге к Алистеру.

— Я пошла к благодати, — ответила я.

— Ты еще более сумасшедшая, чем я думал, — улыбнулся он, обернувшись. — Вот, спускайся по этой тропинке, ею пользуются только в сезон карфушоков, а сейчас их добывать нельзя, брачный сезон... Как, кстати, твои брачные успехи? Дала-таки Валду?

— Не твое дело, — огрызнулась я.

Магнус остановился, пропустил меня вперед. Здесь берег был каменистый, поросший невысокими кустиками с мелкими красными ягодками. Может, муфле придется по вкусу? Магнус схватил меня за предплечье и развернул к себе. Я зашипела, и муфля в корзинке тоже. А Магнус вдруг поцеловал меня — напористо, жадно, раздвигая языком губы, обхватив пальцами затылок — не дернешься. Я цапнула его за губу, а когда он отпрянул, вмазала кулаком по челюсти.

— Уф! — выдохнул он, тряхнул головой. — Девушки обычно дают пощечины, тебе не сказали?

— Только тронь меня еще! — выкрикнула я, подхватывая корзинку, которую едва не выронила.

— И что? — улыбнулся Магнус, облизывая кровоточащую губу. — Пожалуйся Валду? Тогда придется рассказать и то, при каких обстоятельствах случился наш первый поцелуй.

— Последний, — исправила я его.

— Это мы еще увидим, — нахально ухмыльнулся он и, повернувшись, пошел к замку. — До скорой встречи, милая Эва!

— Вот дурак, — пробормотала я, вытирая рукавом губы, и муфля твякнула, будто подтверждая мои слова.

Я спустилась к морю, осторожно ставя ноги, чтобы не скатиться вниз по каменистой насыпи, и остановилась у кромки волн. Берег был пуст, но из-за пальмовой рощи слышались голоса. На узкой полоске розового песка белели ракушки и рыбы кости.

— Тут и рыбка есть, — сказала я, распутывая простыню с корзинки. — Тебе будет хорошо.

Неподалеку в море впадал узкий мутный ручеек, и я подошла к нему ближе. Пышные кусты, зеленая трава. Кто знает, чем питаются муфли. Судя по ее агрессивности, она скорее предпочитает животную пищу. Но, может, и травкой не брезгует.

— Давай оставим друг друга в покое, — миролюбиво предложила я. Корзинка подозрительно молчала. — Как тебя зовут, интересно знать. Пушок? Снежок? Зефирка?

Муфля не отвечала и не шевелилась. Не задохнулась хоть там? Я свернула простыню и прижала под мышкой, взялась за узел на рубашке, рукавами которой обвязала крышку. В дырке на плетеном боку виднелась часто вздымающаяся белая шерсть. Затаилась...

План такой: развязываю рукава и убегаю. Дальше она выберется сама. Я взялась за узел и задумалась. А что я скажу Валду? Муфля ушла и взяла с собой корзинку? А ведь он может заметить пропажу. Нет, корзинку надо забрать. Иначе Валд может решить, что муфлю украли, а не хочется подставлять кого-то из служанок. Значит, план бэ: снимаю крышку и резко выбрасываю муфлю из корзинки в воду. А сама убегаю. Надо вернуться в комнату первой, пока собрание не закончилось.

Решительно выдохнув, я развязала рукава, придерживая крышку коленом. Муфля кинется на меня. Я чувствую. Она единственная сразу поняла, что я не та, за кого себя выдаю, и не собирается прощать мне смерть хозяйки. Но по каменистому наклонному берегу ей за мной не угнаться.

Какое-то движение привлекло мое внимание, я подняла глаза и увидела черные паруса на горизонте. словно острые плавники хищных рыб, они быстро приближались к берегу, и я рассмотрела белые девятки на флагах кораблей: один побольше и два маленьких и юрких, взрезающих волны узкими носами.

— Ладно, на счет три, — скомандовала я себе. — Раз, два, три!

Сдернув крышку, я взмахнула корзинкой, и муфля вылетела из нее, растопырив лапы, и, коротко взвизгнув, плюхнулась в воду. А я бросилась вверх по берегу, поскользываясь на камнях. Лишь на самом вершине — там, где Магнус поцеловал меня и получил по роже, я обернулась. Корабли поворачивали к гавани с розовым песком, где уже столпились люди, а муфля выбралась на берег, отряхнулась по-собачьи и, опустив клюв, принялась. А потом безошибочно побежала по моему следу.

— Да чтоб тебя, — простонала я и бросилась прочь.

ГЛАВА 17

Магнус виновато улыбнулся, открывая дверь в зал собраний. Он хорошо знал силу своего мальчишеского обаяния и пользовался им на всю катушку. Вот и сейчас хмурые лица, повернувшиеся в его сторону, разгладились: мать расплылась от счастья, Инфинита приветливо улыбнулась, капитан Рутгер кивнул, а мимику Ампера было не разобрать в зарослях бороды. Валд тоже кивнул без какой-либо враждебности, хотя Магнус знал, что братец его недолюбливает.

Это с детства пошло. Магнус родился двумя годами позже и всегда тянулся к Валду, но тот предпочитал компанию других детей, а с ним играл разве что от безысходности или когда хотел утвердить над ним свое превосходство. Выше, сильнее, на шаг впереди. И он — сын капитана, пусть и незаконный, а Магнус — лишь племянник.

Но как бы хотелось утереть ему нос, оставить в дураках, посмотреть на него сверху...

Магнус нарочно сел напротив Валда, откинулся на стуле, покачиваясь.

— Я что-то пропустил? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответила ему мать. — Капитан решил простить Эвочку, а Валдик вернул ее к нам. Своеобразная девушка, конечно... Надеюсь, тебе, сын, больше повезет с женой.

Валд лишь улыбнулся. Довольный, как сметаны налакавшись, на шее синеватое пятно — засос? Магнус почувствовал, как дернулась щека. Он так и думал. Понял, как только увидел Эву и то особенное выражение глаз, полных спокойного счастья удовлетворенной женщины.

Наставить бы Валидолу рога. Да только девочка оказалась с характером. Он криво улыбнулся, лизнул ранку на губе.

— Чему радуешься, Магнус? — спросил Рутгер. Бороденка его жалко затряслась. Хоть бы не помер раньше времени. — И где ты вечно ходишь? Почему мы должны тебя ждать?

— Простите, — покаянно ответил Магнус. — Увлёкся. Такая горячая девка попалась. И такая сладкая. До сих пор чувствую вкус ее губ. — Он посмотрел в глаза Валду и нахально улыбнулся.

— Твои похождения никому не интересны, — перебила его Инфинита.

— А я бы послушал, — внезапно признался Ампер.

— Это она тебе синяк подновила? — прозорливо спросил Валд, и Магнус рефлекторно потер челюсть, на которой еще виднелся синяк, поставленный на прошлом совете.

— Ты же знаешь этих девок, — ответил Магнус. — Сначала сопротивляются, а потом и сами рады.

— Не знаю, — ответил Валд. — Я предпочитаю по согласию.

— Потому и едва не остался без жены, — сказал капитан, неожиданно встав на сторону Магнуса. Это хорошо, это очень хорошо. Сейчас позиция Валда ослабла. Капитан недоволен младшим сыном, а на старшего никогда не возлагал особых надежд. — Чего ты хочешь, младший? Зачем собрал нас здесь?

— Я ходил к благодати богини, — ответил Валд, мгновенно став серьезным и сосредоточенным. — И увидел, что шиаги расплодилось по всему Дикому месту. Там нет ни птиц, ни зверей. Деревья обмотаны коконами, а в них бегают сотни научат. Шиаги откладывают яйца в животных, и я видел тело человека, распростертого в паутине.

Все молчали, осмысливая сто слова.

— Сейчас шиаги зажаты в Диком месте, но когда река обмелеет, а потом начнется большой прилив, они распространятся по всей Колыбели, — сказал Валд. — И вода погонит их на нас.

— Перебьем их, если сунутся ближе, — пожал плечами Магнус. — Это дикие твари. Они убили случайного путника, но что они сделают воинам?

— Мы едва сумели удрать оттуда, — сказал Валд. — Их там тысячи. Но они боятся огня, а деревья с паутиной быстро загораются. Я хочу обложить их со всех сторон и поджечь, пока эту заразу можно остановить. Но мне понадобятся воины. Скорее всего, шиаги попытаются прорваться через реку. К тому же лес там стал совсем плешивый, и после пожара придется его зачистить и уничтожить оставшихся пауков.

Капитан молчал, потирая пальцы с расслоившимися желтоватыми ногтями и уставившись в белый

стол.

— Если все так, как ты говоришь, то в этом есть разумное зерно...

Магнус нахмурился. А вот это плохо.

— Разве это разумно — отправлять воинов в лес и тратить припасы на каких-то пауков, — пожал он плечами. — На нас может напасть куда более серьезная армия.

Он снова лизнул губу, прикушенную Эвой. Мать говорила, что у Алистера еще есть незамужние дочери и можно убедить его отдать одну из них, но он хотел эту. Такую дерзкую и горячую, словно бросающую вызов каждым своим поступком. Уж он бы ее объездил, да только Валд и тут его обскакал.

В дверь постучали, служанка с милым личиком, усыпанным веснушками, виновато потупилась. Кажется, он поймел ее на прошлой неделе. Или на позапрошлой. Мягкое податливое тело, покорное выражение лица. Скукота.

— Прошу прощения, — прошептала она еле слышно. — Прибыли корабли.

— Кто? — нахмурился Рутгер.

Я взлетела по лестнице, прижимая к груди корзину и рубашку с простыней и едва не спихнув служанку через перила. У двери в спальню остановилась, перевела дыхание, вошла и выдохнула от облегчения — Валда еще не было. Поставив корзинку на пол в своей комнате, я взяла нож со стола и, подойдя к кровати, присела. Откинув покрывало, зачеркнула еще три полоски.

Дни убегают, как розовый песок сквозь пальцы, но теперь у меня есть план. Вернее, он есть у Валда. Варвар сказал, что решит проблему, и я ему как-то сразу и безоговорочно поверила. Так непривычно, когда кто-то другой берет на себя мои заботы... А еще меня, как ни странно, впечатлил его подарок. Я, Конечно, предпочла бы больше никогда не видеть этот злобный комок шерсти, но Валд-то об этом не знал. Заморочился, нашел муфлю, потерянную неделю назад...

Вероятность того, что коэффициент бога у Влада Увейро окажется ниже, чем у варвара, была настолько мизерной, что ее даже не приняли в расчет. А какова вероятность того, что в моей жизни еще хоть раз появится мужчина, который будет так ко мне относиться: защищать от опасностей, заботиться и прятать трупы?..

Помрачнев, я вернулась в спальню Валда, уселась за столик и взяла щедрый ломоть слегка подсохшего хлеба. Положив на него тонкий до прозрачности ломтик вяленого мяса, откусила.

Надеюсь, муфля меня не найдет. Я старалась перепрыгивать через ступеньки, к тому же люди толпой ломанулись в гавань, и муфля наверняка испугается такого скопления народа. Интересно, кто это прибыл. На купцов не похоже. Уж больно хищно выглядели корабли с черными парусами.

Я съела бутерброд и запила водой. Что-то Валд задерживается. Наверное, обсуждают поход на шиагов. Я тоже хотела пойти, но Валд с подкупающей откровенностью заявил, что я могу все испортить. Капитан еще злится на меня, да и у прочих членов совета я авторитетом не пользуюсь.

В дверь постучали, и я быстро открыла.

— Доброе утро, — натянуто улыбнулась служанка с россыпью веснушек на круглых щечках. — Вас просят прийти в главный зал.

— Кто просит? — нахмурилась я.

— Капитан, — ответила она.

Сердце забило чаще. Неужели я снова сделала что-то не так? Или капитан решил все же выгнать меня из замка? Может, кто-то видел, как Магнус поцеловал меня? Я прикусила губу. Если меня выгонят из-за этого засранца, я буду являться к нему, как муфля, и рычать в окно.

— А мой муж там? — спросила я.

— Да, — кивнула девушка, и мне полегчало: Валд не даст меня в обиду.

Я вышла из комнаты и последовала за девушкой, которая выглядела странно напряженной. Спина, обтянутая серым платьем, словно окаменела, пальцы сжимались и разжимались.

— Вы ведь знаете, что вам здесь не желают зла? — вдруг сказала она.

— Ну, я бы с этим поспорила, — возразила я чисто из принципа, и служанка обернулась, порывисто схватила меня за ладонь, а светлые глаза наполнились слезами.

— Пожалуйста, простите капитана, — взмолилась она. — Да, он иногда слишком резок и категоричен, но ведь это лишь его решение — выставить вас голой в храме, прогнать из замка...

— Что происходит? — насторожилась я.

— А в замке живут и другие люди, которые могут пострадать из-за него! — пылко воскликнула она. — Моему брату всего четырнадцать. Его только приняли в воины.

— Поздравляю, — пробормотала я.

— Было бы с чем, — отмахнулась девушка.

Она вытерла слезы, открыла передо мной дверь, и я шагнула в зал для приемов, где не бывала прежде: белые стены украшены сверкающими кругами из олимпиума, на окнах — синие узорчатые шторы, от которых на пол ложатся тени в форме девяток.

На белом троне сидел Рутгер, нахохлившийся, как седой облезлый петух. Чуть ниже, в синем кресле — Инфинита, с прямой, как палка, спиной, и в ее взгляде, устремившемся на меня, ясно читалась мольба.

По правую руку капитана находились трое мужчин в синем: Валд, Ампер и Магнус, а за ними и Энтропия. Валд ободряюще мне улыбнулся, но и он выглядел напряженным. А слева стояли незнакомые мне люди, одетые в черное. Особенно выделялся смуглый мужчина в рубашке, расшитой серебром. Его породистое горбоносое лицо было изрезано морщинами и шрамами, копна тонких косичек, собранных в хвост, спадала до лопаток, а на левой руке сиял браслет. Мужчина повернулся ко мне, и ноздри его хищного носа дернулись.

А меня вдруг затопил липкий ужас, и я едва не задохнулась от внезапной паники. Я видела этого мужчину впервые в жизни, и он вовсе не выглядел монстром, но безудержный страх сжал мое сердце, а недавно съеденный бутерброд попросился назад. Я едва сдержала рвотные позывы, сглотнула.

Это не мой страх, — поняла я. Это вбитые на уровне инстинктов реакции Эврики.

— Эврика... Вот и ты наконец. Не хочешь поцеловать своего отца? — спросил мужчина и шагнул ко мне.

Я смотрела на незнакомца, который медленно приближался ко мне, и пыталась взять себя в руки. Я здесь, я сейчас, я существую. Как ни странно, мантра рыжего ученого помогла мне. Я не Эврика. А ее папаша не властен надо мной. Я не так много понимала в устройстве общества поселенцев с Ковчега номер девять, но точно знала, что я теперь член экипажа капитана Рутгера. Не зря же я щеголяла голышом по храму. А на моей руке блеснул обручальный браслет, надетый Валдом.

Незаметно отерев вспотевшие ладони о платье, я шагнула к Алистеру. Он, кстати, был не так уж и стар, хоть его и называли стариком. Да, морщины избородили его лицо, но осанка была хорошей, а в косичках лишь кое-где проглядывала седина. Судя по прическе, количество его жен исчисляется десятками, а то и сотней. Не диво, что его не особо заботит судьба одной из дочерей. Хорошо хоть имя вспомнил.

Он подошел ко мне вплотную, замер, ожидая чего-то. Я не могла понять выражение его глаз цвета шоколада. Красивые глаза, чуть раскосые, с густыми ресницами, как у Эврики. Привстав на цыпочки, легонько поцеловала его в щеку.

— Здравствуй, отец, — сказала я.

У Алистера чуть глаза на лоб не полезли. Похоже я снова промахнулась. Однако всех остальных мое поведение, кажется, не смутило. Лишь люди в черном, стоящие по левую руку от трона Рутгера, нахмурились, а лысые бородачи, которых я уже знала, недоуменно переглянулись.

— Не ожидал увидеть тебя в добром здравии, — тихо произнес Алистер сквозь зубы. Он обнял меня и вдруг больно ущипнул за спину. — Ты не выполнила мой приказ, — прошипел он мне на ухо, и его губы слегка коснулись моей щеки. — До меня дошли пренеприятнейшие известия! — сказал он громко, отстраняясь от меня и обращаясь к Рутгеру. — Якобы мою любимую дочь, мою кровь и плоть, которую я подарил вам из лучших побуждений и как залог мира между экипажами, изгнали с позором из вашей обители. Это так, дочь моя?

Он повернулся ко мне, и я на всякий случай отступила на шаг. Хватит с меня родственных объятий: на спине и так синяк будет. Команда в синем вперилась в меня в ожидании ответа. Команда в

черном слегка сдвинулась вперед. Их было больше, но позади я слышала шум и перешептывание — подоспела поддержка. Вот, значит, как. Алистер хочет войны и надеется, что я дам ему повод.

— Нет, — твердо ответила я. Правый глаз Алистера слегка дернулся. — Я действительно уходила из замка. Вместе с моим возлюбленным мужем Валидолом мы отправились к благодати богини молить ее поскорее благословить наш брак здоровыми детьми.

Инфинита громко выдохнула, позади меня кто-то тихо заплакал от облегчения, а Алистер стиснул зубы и шагнул ко мне.

— Ты ведь понимаешь, дочь: я не потерплю вранья, — прошипел он. — Я точно знаю о твоём позоре. Тебя выгнали, как шавку, а твой муж даже не соизволил консумировать брак.

— Мой брак был консумирован, — возразила я. — Очень качественно и несколько раз, — добавила на всякий случай.

Сзади послышались смешки, а Алистер посмотрел на меня со злым недоумением. Интересно, кто ему донес? Я посмотрела на Магнуса, стоящего возле трона. Он говорил, что ходил за мной по дороге, ведущей к крепости Алистера. Похоже, дошел...

— Что ж, — хрипло сказал Рутгер. — Раз мы выяснили, что произошло недоразумение, то предлагаю отправиться за стол и отпраздновать союз между нашими экипажами. Жаль, что тебе не довелось присутствовать на церемонии бракосочетания наших детей. Ты многое пропустил.

— Я слышал, что ты провел церемонию по старому обряду, — сказал Алистер, повернувшись к капитану.

— Решил взять с тебя пример, — кивнул Рутгер. — Ты ведь со всеми своими женами так поступаешь. Сколько их у тебя сейчас, кстати?

— Я не считал, — сухо ответил Алистер. — Что ж, я подниму кубок за этот брак. Раз уж он был совершен по всем правилам. А где мой священник, которого я отправлял с дочерью? Он так и не вернулся в мою обитель.

— То мне неизвестно, — честно ответил Рутгер, слегка растерявшись. — Я видел его на свадебном пиру, но потом...

— Я выясню это, — то ли пообещал, то ли пригрозил Алистер. — Дочь, — повернулся он ко мне, — позволь проводить тебя.

Он предложил мне руку, и липкий ком страха снова застрял в моем горле. Да что же он делал с Эврикой, что она так его боялась?

Я положила ладонь на его локоть, затравленно обернулась и с облегчением увидела Валда, спешащего ко мне.

— Приветствую вас в нашей обители, — сказал он, становясь по другую сторону от меня. — Хочу выразить сердечную признательность. Ваша кроткая голубка стала мне истинной отрадой.

Что он несет? Какая голубка? Я непонимающе посмотрела на Валда и заметила улыбку в его глазах.

— Рад, — коротко бросил Алистер, но в его голосе не было и намека на радость.

Алистер уверенно вел меня по замку, ориентируясь в нем куда лучше, чем я, и остановился перед массивными резными дверьми, с которыми у меня были связаны не самые приятные воспоминания. Я невольно подалась к Валду, отпустив локоть моего внезапно появившегося отца, и вздохнула спокойнее, когда крепкая ладонь легла мне на талию.

— Я хочу дать дочери отцовское благословение, — заявил Алистер, сверля меня темными глазами. — Наедине.

Рутгер, следующий чуть позади и покрасневшийся от быстрого шага, открыл рот, чтобы ответить, но внезапно закашлялся. Он хрипел и сипло втягивал воздух, чтобы разразиться еще одним приступом кашля. Инфинита быстро подала ему белый платок, который тут же пропитался багровыми кляксами. Алистер сохранял невозмутимое выражение лица, но одна бровь его удивленно поползла вверх. Похоже, он не подозревал, что Рутгер настолько болен. Энтропия выступила вперед и благостно улыбнулась.

— Конечно, — сказала она. — Вы ведь не присутствовали на бракосочетании. Мы подождем вас здесь. Валдик, отпусти уже Эвочку, ее отец не сделает ей ничего дурного.

Горячая ладонь нехотя сползла с моей спины, и я, нахмутив брови, шагнула через распахнутые

передо мною двери. Алистер прошел следом, лысые бородачи с каменными лицами синхронно встали у дверей, и те с грохотом закрылись. Я стремительно прошла дорожку между рядами лавок и остановилась у алтаря, украшенного цветами, с подозрением глядя на капитана, который шел неспешно, как сытый тигр.

Вот тигр, кстати, не давал мне покоя и даже приснился сегодня ночью. Как он оказался на Ковчеге? В стандартном ресурсном фонде не было возможностей для перевоза хищников. Но Алистер быстро вернул меня в реальность, оскалившись не хуже тигра. Зубы у отца Эврики были крепкие, хоть и желтоватые. Он бросился ко мне, но я, наученная горьким опытом общения со священником, была начеку и быстро метнулась за алтарь.

Алистер усмехнулся.

— Вот теперь я узнаю свою дочь, — сказал он. — Все так же боишься меня, а?

— Опасаюсь, — сухо ответила я. — Чего вы от меня хотите?

— А то ты не знаешь, — лениво проговорил он, обходя алтарь. Но я не спускала с Алистера глаз и передвигалась так, чтобы медицинская капсула оставалась между нами. — Еще не поздно выполнить мой приказ, Эврика, — вкрадчиво сказал он. — Разве тебе нравится жить с этими дикарями, отвергшими заветы пресветлой богини? Твое тело осквернили, твою чистоту забрали. Ты теперь не целомудренная жрица, а подстилка Валидола.

Я невольно хмыкнула — как звучит!

— Я его жена, — ответила я. — И это было ваше решение — выдать меня замуж. И да, меня все устраивает. Благословите уже меня, и пойдём отсюда.

— Куда ты так спешишь? — спросил Алистер. — Или тебе невыносимо стоять перед ее очами?

Он повернулся к иконе с ликом Фернанды и вдруг опустился на колени и склонил голову. Было так неожиданно увидеть этого человека коленапреклоненным, что я даже опешила. Косички рассыпались по плечам, обнажив крепкую смуглую шею Алистера, и я увидела на ней такие же шрамы, как у меня, — три полоски, но совсем бледные и едва заметные.

— Она совершенство, а все мы — слуги ее, — сказал капитан.

Собрав в щепотку пальцы, он обвел свое лицо по часовой стрелке и потом плавно опустил руку вниз, будто нарисовав большую девятку. Это такой ритуальный жест?

— Богиня пыталась сделать нас лучше, — сказал Алистер. — Человек должен был приблизиться к божественному идеалу. Иногда меня пугает мысль о том, что после смерти я предстану перед ней и она сочтет меня негодным.

В будущем ему при желании могли бы подсчитать коэффициент бога, но так, навскидку, результат был бы неутешительным. Жестокость — плохой признак.

Он выпрямился, обернулся и внезапно бросился ко мне, едва не застав врасплох, но я перемахнула через алтарь, сбив ногами вазу с цветами. Она упала и разбилась вдребезги, вода вытекла на белый пол. Алистер широко улыбнулся, будто его забавляла эта игра.

— Жаль, что ты не была такой раньше, — сказал он, снова обходя капсулу. — С тобой всегда было скучно. Жалкая. Слабая. Если бы не метка богини на твоей шее, я бы сомневался, что ты вообще моя дочь.

Выходит, это не шрам? Этот знак с Эврикой от рождения?

Алистер поднял с пола осколок вазы, и я попятилась. Он что, собирается убить меня в храме? Как он это объяснит людям, стоящим за дверью?

— А! — крикнула я неуверенно.

За плотно закрытыми дверями храма послышался шум. Кто-то вскрикнул, двери вздрогнули, будто от удара, но не открылись.

— Да не бойся, — брезгливо поморщился Алистер. — Я не причиню тебе вреда.

Он провел острой гранью осколка по большому пальцу и посмотрел на выступившую кровь. Повернувшись к белой стене, провел пальцем круг.

— Эти дикари Рутгера забыли заветы, — бормотал он. — И даже священный знак рисуют неправильно. Вот, это человек, его это и суть. — Он указал на большой круг и нарисовал

собственной кровью еще восемь кружков поменьше, располагающихся по линии, словно хвостик девятки. — А это — восемь качеств, составляющие стержень, без которого человек так и останется ничем. Пустотой. — Алистер ткнул в маленький кружок, нарисованный ближе всех к большому. — Разум человека. Должен оставаться подвижным, как у ребенка. Эмоции. — Он ткнул пальцем во второй. — Которые должны проявляться свободно и полно. Связь с родом, — третий круг. — Умение действовать. Познание нового. Духовность. Навык быть себе господином и слугой — ставить цели и достигать их. Важен каждый круг.

Я зависла, изучая восемь кривоватых кружков, тянущихся от большого по дуге. Это ведь Солнечная система Колыбели: Солнце и восемь планет!

— Я дал тебе сильный род, — сказал Алистер, ткнув в третий круг и измарав его изнутри своей кровью. Колыбель, третья по счету планета. — Но больше в тебе нет ничего. Ты — пустая, как дыра, годная лишь на то, чтобы видеть свое отражение в носках моих сапог.

Он вдруг перемахнул через алтарь, оставив на нем кровавое пятно, я бросилась прочь, но Алистер успел вцепиться мне в косу, дернув на себя так, что я зашипела от боли.

— Встань на колени и вырази почтение своему отцу как полагается, — рявкнул он. Это что, мне ноги ему целовать? Или что там он говорил про отражение в сапогах? — Забыла, кто твой господин? Ты — размазня без божественного стержня! Единственное, что бывает в тебе твердого, — это член Валидола.

— Так он во мне частенько бывает в последнее время, — не удержалась я от хамства, и лицо Алистера вытянулось.

Дверь с грохотом распахнулась, ударив створками в стены, и в храм вошел Валд.

— Что происходит? — спросил он, и голос его прогрехотал эхом под потолком храма.

— Отцовское благословение, — прошипел сквозь зубы Алистер. — Я ведь просил оставить нас одних!

— У моей жены нет от меня секретов, — заявил Валд. — О чем вы говорили? — спросил он у меня.

— Ты не поверишь, — протянула я, отстраняясь от капитана, который нехотя разжал пальцы и выпустил мою косу.

— Мои люди сказали, это ты повинен в исчезновении священника, — выпалил Алистер. — Где мэйн Кастор?

— Был да сплыл, — пожал плечами Валд, слегка улынувшись. — Может, отправился в паломничество к благодати.

— Зачем ему это? — нахмурился Алистер. — Самое святое место — здесь.

Он обвел взглядом белый храм, погладил медицинскую капсулу и, ахнув, стер рукавом отпечаток своей крови. Ранка на его пальце уже подсохла и не кровоточила. Похоже, у Эврики отличная наследственность. Ее отец выглядит здоровым и полным сил, несмотря на годы, и зубы все на месте.

— Богиня построила эту крепость, — задумчиво произнес Алистер, — вложив в нее свое благословение. Горячая вода сама льется из кранов, а стены согревают даже в заморозки. И что видит ее глаз, заключенный в шар наверху башни? Вы возомнили себя хозяевами, вырядили умирающего старика в священные белые одежды богини и позабыли, что все мы — лишь слуги ее.

— Честно, я не силен в религиозных спорах, — покаялся Валд. — Я чту богиню и живу по совести, и обещаю, что не обижу вашу дочь. А теперь, может, пройдем за стол?

Он взмахнул рукой, указывая на выход из храма, где застыла любопытная толпа, не решаясь пройти внутрь. Лысые бородачи снова обзавелись фингалами и выглядели виноватыми. Им небось еще и от хозяина влетит.

Алистер смерил Валда взглядом, нахмурился и пошел к выходу из храма.

— Как ты? — спросил Валд у меня. — Прости, что пустил тебя одну и не пришел сразу.

Я шагнула к нему, уткнулась носом в грудь, чувствуя, что вот-вот разревусь. Мне не хватало седативных препаратов Фернанды. Хотя сейчас я была рада пережить весь спектр этих эмоций: от отголосков страха до благодарности и чувства полной защищенности и безопасности.

Валд приподнял мое лицо за подбородок и нежно поцеловал в губы, стер слезинку, скатившуюся по моей щеке.

— Сегодня я от тебя больше и на шаг не отойду, — пообещал он. Я кивнула и, обняв его за шею, поцеловала.

Обед в компании Алистера прошел напряженно: за столами то и дело повисала тягостная тишина, прерываемая лишь звоном столовых приборов. Мне доставались убийственные взгляды отца Эврики, но я пряталась за плечом Валда и больше не собиралась оставаться наедине с «любящим» папашей. Воины в черном выглядели как чужеродная опухоль в теле белоснежной пирамиды, и от них хотелось поскорее избавиться. Так что когда Алистер сказал о намерении возвратиться к себе сегодня же, все вздохнули с облегчением.

А теперь я, приоткрыв окно спальни, наблюдала, как черные хищные паруса кораблей удаляются к горизонту. Первая луна уже появилась в небе. Бледная, пока еще не красная, а оранжевая, как мандарин. И тусклая бронзовая дорожка протянулась по морю до полосы розового песка.

Я провела пальцами по отметинам на шее. Все так запуталось. Мне нет дела до местных интриг, эти люди умрут задолго до моего рождения, но тайны чужой планеты не давали покоя. Метка богини, религия, основанная на Солнечной системе, из которой Ковчег номер девять уплыл тысячи лет назад, и тигр...

Дверь позади скрипнула, и я обернулась.

Валд улыбнулся мне от порога, глянул на закрытую дверь, ведущую в мою спальню.

— Ты видела мой сюрприз? — спросил он.

— Там страшный разгром, — невинно пожалала я плечами. — И дырявая корзинка.

Он плотно закрыл за собой дверь, быстро прошел внутрь комнаты, и я последовала за ним, кусая губы.

— Эва, — Валд повернулся ко мне, на лице его была такая явная растерянность, что мне даже захотелось его утешить. — Тут была твоя муфля.

— Правда? Муфля? Ты нашел ее? — Я постаралась изобразить удивление. — Когда я вошла в комнату, все было вот так, как сейчас.

Он поднял корзинку с пола.

— Как странно, я помню, что сдвинул крышку, — нахмурился Валд. — Зачем ей было прогрызть боковину?

Я пожалала плечами, заглянула под кровать, в туалет, будто надеясь отыскать маленькое чудовище, но, к счастью, оно не нашло обратной дороги.

— Мне сказали, что она одичала, но я решил: она почует твой запах... Эва, мне так жаль, я хотел порадовать тебя. А она, похоже, снова сбежала.

— Валд, спасибо. — Я обняла его и поблагодарила вполне искренне. — Я ценю то, что ты сделал. Мне очень приятно, правда, но, может, ей лучше на воле?

Он погладил меня по щеке.

— Я найду ее, обещаю, — сказал он нежно, и я едва сдержалась, чтоб не чертыхнуться.

— Может, это была другая муфля, — сказала я, — не моя.

— Они обитают на другой половине континента, редкие животные, так что это исключено. Я пообещаю большую награду тому, кто ее найдет.

Я едва не застонала.

— А что там с Алистером? — спросила я, сменив тему.

— Твой отец уплыл и, кажется, не нашел повода для войны, — ответил Валд, обнимая меня за талию и мягко подталкивая к своей комнате.

Я невольно улыбнулась, поняв его маневр. Тут кровать была изодрана муфлей в пух и прах.

— А что говорят о его внезапном визите люди?

Валд задумался на секунду.

— Знаешь, больше обсуждают другое.

— Что же? — нахмурилась я.

— Твою фразу, оброненную в главном зале. О том, что наш брак был консумирован очень качественно и несколько раз. — Его синие глаза сверкнули смехом. — Я утомился от расспросов, как же это было, и просьба дать совет опытного консуматора.

— Прости, — смутилась я. — Я растерялась...

— Все нормально. — Валд поцеловал меня в кончик носа, все так же ненавязчиво ведя меня к кровати. — Мне это даже польстило. Ты знаешь, что мы с тобой самая обсуждаемая пара в замке? И, в общем-то, сами в этом виноваты... Но хотелось бы уже сместить внимание на кого-нибудь другого.

— Так что, заживем скучно и спокойно? — предложила я.

— Можем попытаться, — ухмыльнулся он, подтолкнув меня, и я упала на кровать.

Валд расстегивал рубашку и смотрел на меня так, что я невольно покраснела, понимая неотвратимость того, что сейчас произойдет. Снова.

— Но сначала консумируем брак еще раз, — улыбнулся он, — чтоб наверняка.

Он лег на меня сверху, прижав своим телом, поцеловал губы, шею, ключицы, его пальцы ловко распутывали шнуровку на платье, а я целовала его в ответ, забыв обо всех тайнах, что не давали мне покоя.

Магнус сидел на балконе, опоясывающем пирамиду, прислонившись спиной к белой стене. Окно над его головой было приоткрыто, и оттуда доносились недвусмысленные звуки: тихие стоны, шорох снимаемой одежды, скрип кровати.

Магнус лизнул припухшую нижнюю губу, прислушиваясь к звукам поцелуев и ласк. Раздался тихий вздох, и кровать заскрипела ритмично. Стоны, всхлипы, жаркие шлепки... Магнус прикусил губу, и по его подбородку потекла струйка крови. Он зажмурился так сильно, что заболели глаза, вжался затылком в стену. Чужая страсть свершалась за окном, и если бы он встал и повернулся, то мог бы увидеть все, что происходило. Но он и так все представлял будто в реальности: распростертая на постели Эврика, ее затуманенные глаза и приоткрытые губы, из которых вырываются сладкие стоны. Упругие грудки, подпрыгивающие при каждом его толчке, бархатистая кожа, такая теплая наощупь...

— Валд, — выкрикнула она, все испортив. — О Валд! Еще... Еще!

Магнус открыл глаза, поморгал. Вытер рукавом кровь с подбородка.

Кровать все еще скрипела, потом послышался женский стон, почти сразу — мужской, и все стихло. Звуки поцелуев, частое дыхание, шепот...

Магнус отодвинулся от окна в сторону, встал и пошел к себе. Ему срочно нужна девка. Желательно с темными волосами.

ГЛАВА 18

Совет продолжили следующим же утром, и, когда все собрались в белом зале за круглым столом, Валд снова озвучил проблему:

— Я хочу поджечь Дикое место, — сказал он. — Чтобы предотвратить распространение пауков по Колыбели.

— Я против, — ответил капитан Рутгер, и Валд нахмурился. — Это кажется мне неразумным, сын. Посуди сам, только вчера к нам заявился Алистер. Я думал, война неминуема, но, к счастью, твоя жена повела себя правильно. Однако Алистер откуда-то прознал о том, что произошло. У него есть здесь свои люди. И мы не можем тратить припасы и рисковать жизнью воинов ради каких-то насекомых.

— Согласен, — поддакнул Магнус, и Валд зло на него зыркнул.

— Тебя вообще-то не спрашивали, — сухо заметил он.

— А могли бы и спросить, — не смутился Магнус. Он не успел побриться перед советом, и темная густая щетина скрывала синяк на его подбородке. — Я офицер и состою в совете. Отчего же ты, брат, не желаешь слышать мое мнение?

— Потому что оно всегда совпадает с мнением моего отца, — ответил Валд. — Ничего нового я все равно не услышу.

— Потому что мы двое — самые разумные здесь люди, — пожал плечами Магнус, тронув языком все еще припухшую губу.

— А что, если в этом — план Алистера? — подал голос Ампер. — Это ведь его дочка заманила тебя к благодати. Что, если мы отправимся жечь пауков, а Алистер возьмет крепость, пока в ней будут лишь женщины и дети?

— Моя жена тут ни при чем, — рассердился Валд. — Я видел угрозу своими глазами. И мы можем оставить охрану...

— А человек Алистера донесет ему, что крепость осталась практически беззащитной, — сказал Магнус, покачиваясь на стуле.

— Давайте сделаем так, — предложил Рутгер. — Я против этой затеи, но, кто знает, может, я стар и чего-то не понимаю... Проголосуем. Кто за то, чтобы идти палить шиагов, поднимите руки.

Валд поднял руку, следом за ним проголосовала Инфинита. Ампер смотрел в стол, Энтропия виновато улыбалась, Магнус не скрывал торжества и раздувал ноздри, как после драки.

— Увы, младший, совет против, — сказал Рутгер. — Но ты молодец. Проявляешь инициативу. И я рад, что ты сумел поладить с дочкой Алистера и склонить ее на нашу сторону.

— Вы допускаете ошибку! — воскликнул Валд. Он резко поднялся, едва не опрокинув стул. — Вы не видели! Деревья, опутанные паутиной, мертвая тишина, шиаги — везде, сотнями...

— В прошлый раз их были тысячи, — лениво заметил Магнус, закидывая руки за голову. — Глядишь, так и сами вымрут.

— Я пойду туда все равно. Пусть и один, — выпалил Валд и вышел из белого зала.

— Не горячись, сын, — сказала Инфинита, догнав его. Она обернулась на дверь, которая закрылась за ними неплотно, и сказала, понизив голос: — Я верю тебе, и мы найдем решение. Но сегодня в низине свадьба. Мы не должны портить людям праздник. У нас ведь еще есть время?

— Не больше двух недель, — ответил он.

Я расчесывалась перед зеркалом, глядя в свое отражение. Щетка плавно скользила по темным густым волосам, ниспадающим блестящей волной до талии. У меня настоящей могли быть такие же, но я предпочитала короткие стрижки. А сейчас любовалась шикарной гривой Эврики. Женственно. Красиво. И нравится Валду.

Я склонилась ближе к мутноватому отражению. Понравилась бы я ему такой, какая осталась в будущем? У меня четче выделялись скулы, а у Эврики овал лица более мягкий. Губы похожи, пухлые, но у нее нет родинки над правым уголком. Носы у нас почти одинаковые, разве что в

профиль у Эврики он чуть длиннее. Я повернулась к зеркалу боком, скосила глаза. Мое тело мне нравилось больше. В нем я чувствовала себя сильнее и увереннее.

Но вот странно: сколько бы я ни гляделась в зеркало, не могла найти разницу между теми глазами, что видела в отражении, и своими настоящими. Я будто смотрела на себя. Но ведь это не так. Чужое тело, чужие глаза и жизнь чужая, заимствованная. Но как же не хочется ее отдавать!

Я встала с низкого пуфика, прихватив пилочку для ногтей, и уселась прямо перед кроватью. Откинула покрывало. Еще две полоски. Еще два дня. Перед моими глазами вдруг все поплыло, и я сморгнула внезапные слезы. Какая же я идиотка. Умудрилась влюбиться? Я представила, как проснусь на металлическом лепестке «Иглы», а за иллюминатором будет светиться планета с тремя лунами, но на ней больше не будет Валда...

Отшвырнув пилочку, я сцепила зубы и поднялась. Во мне бурлила иррациональная злость, и хотелось выплеснуть куда-то энергию. Я наскоро заплела косу, закрутив ее бубликом и подоткнув конец. Склонила голову к одному плечу, потом к другому, разминаясь, помахала руками. Давно обещала себе начать делать зарядку, так почему не сегодня?

Когда скрипнула дверь, я делала растяжку, вспотевшая, растрепанная и раздумывавшаяся. В теле Эврики я сумела отжаться всего десять раз, а уже на пятидесятом приседании у меня дрожали ноги. Никуда не годится! Зато гибкость была неплохой.

— Что ты делаешь? — удивился Валд.

— Растягиваю мышцы, — пропыхтела я, опуская ногу, задранную на спинку стула и выпрямляясь. — Почти закончила.

— Нег-нет, не спеши. — В его голосе послышалась улыбка. — Ты что, тренируешься? Тебя в монастыре заставляли?

— Не заставляли, — ответила я, сдувая прилипшую прядь. — Мне это и самой нравится. Ты против?

— Нет, конечно, — сказал Валд. — Просто не ожидал увидеть тебя в такой позе.

Он улыбался, медленно приближаясь ко мне, такой высокий, красивый, синие глаза яркие, как море под солнцем, и я снова почувствовала прилив злости.

— Давай подеремся, — предложила я.

— Что? — Он остановился, но я шагнула к нему сама и толкнула его в грудь.

Валд нахмурил брови, а когда я попыталась снова его стукнуть, ловко уклонился. А перед моими глазами снова все поплыло. Чертовы гормоны Эврики! Это все из-за нее! Это она оказалась такой влюбчивой!

— Эва, я чем-то обидел тебя? — спросил Валд.

Я стукнула его кулаком по торсу — Валд даже не шелохнулся. Еще раз и еще — он перехватил мою руку, быстро, но аккуратно завел ее мне за спину, так что я оказалась прижатой к его груди.

— Ты не должен был оказаться таким! — выкрикнула я.

— Каким? — спросил он, хмурясь.

— Таким милым и добрым, и умным, и красивым. — Я разревелась, уткнувшись ему в грудь носом. — Ты умеешь шутить и так целуешься, что у меня просто крышу сносит.

— Разве это плохо? — тихо спросил Валд, приподнимая мое лицо за подбородок. Синие глаза засветились нежностью и робкой радостью, как будто он не смел поверить в то, что услышал. Он отпустил мою руку, обнял меня, привлекая к себе.

Я промолчала, пытаюсь успокоиться. Докатилась — устроила истерику. А в итоге практически призналась ему, что влюбилась.

— Эврика, я тоже ждал, что ты будешь другой, — сказал Валд. — И просто счастлив от того, что ты такая, какая есть. И мне нужна твоя помощь.

— Что такое? — Я тут же собралась, посмотрела на него снизу вверх.

Валд выглядел немного мрачным и серьезным.

— Капитан запретил идти на шиагов, — сказал он.

Я ахнула. Так мне и надо! Распустила сопли из-за личного и совсем забыла о миссии!

— Я все равно пойду туда, — добавил Валд. — Но мне нужны люди. Чем больше, тем лучше.

Он быстро прошел в свою комнату и остановился возле карты.

— Вот здесь — самый сложный участок. — Он провел пальцем вдоль узкой синей ленты реки. — Они попытаются перебраться. Мне нужны воины, чтобы удерживать пауков и не дать им удрать в лес на другом берегу. Но это означает переворот.

Он испытующе посмотрел на меня, и я сжала его ладонь, встав рядом.

— Что я должна делать?

— Я собираюсь пойти против отца, — Валд проговорил это медленно, будто с трудом. — Мне нужна поддержка. Капитан должен являть собой образец для остальных людей, и на его жену смотрят в первую очередь. А у нас с тобой все... сложно. Люди не забыли, что ты хотела выпить тот отвар и что тебя выгнали из замка. К тому же ты — дочь врага. Многие относятся к тебе, скажем, настороженно. Хотя после твоего выступления перед Алистером весы качнулись в другую сторону. Нам надо закрепить результат.

— Я должна притвориться примерной женой? — поняла я.

— Ты отличная жена, — улыбнулся Валд. — Пусть и другие увидят, что у нас все хорошо. Я пойду сейчас к воинам. Есть люди, которые отправятся за мной хоть в бездну, но я хочу привлечь как можно больше сторонников.

— А я?

— А ты подбери себе наряд, сделай прическу. Вечером мы пойдем на свадьбу в низину и должны выглядеть идеальной парой.

Я вздохнула. Вот так задание.

— Не думал, что дойдет до такого, — признался Валд. — И надеюсь, что найдется другой выход. Я боюсь, что отца это может окончательно подкосить. И я не уверен, что из меня получится хороший капитан. Ампер старше. Он должен стать преемником.

— Ты будешь отличным капитаном, — горячо возразила я. — Ты даже не представляешь, насколько ты хорош! Таких, как ты, — один на десять тысяч, если не на сто!

— Эва, — он ухмыльнулся, глянув на меня, — да ты в меня влюбилась.

Моим щекам вдруг стало жарко. Я выдернула свою руку из ладони Валда, попятилась.

— Да-да, — кивнул он, шагнув ко мне. — Боишься признаться? Ты не трусила перед шиагами и не боялась пройти голой по храму, а произнести несколько слов, значит, не можешь? Я не забыл твое «спасибо» у благодати в ответ на мое признание. Но, так и быть, скажу еще раз. Я люблю тебя, Эврика.

Я кусала губу, отводя глаза. Я обещала ему не врать. И сейчас честно было бы сказать, что я никакая не Эврика.

— Что, даже «спасибо» не дождусь? — Валд потянул меня за волосы, заставляя приподнять лицо. — Молчи сколько угодно, кусай свои сладкие губки, — прошептал он, улыбаясь. — Я уже услышал, что хотел.

Он поцеловал меня уверенно, как собственник: смял губы, приласкал языком. А потом отпустил и шлепнул по попе.

— Меня не будет весь день, — сказал он, направляясь к двери. — Веди себя хорошо, жена, и будь готова к вечеру.

Посмотрев на закрывшуюся дверь, я поджала губы, с которых было готово сорваться признание. Не надо ничего усложнять. И без лишних драм есть чем заняться. Шиаги по-прежнему плодятся в лесу, а капитан Рутгер решил ставить палки в колеса. Не представляю, что бы я делала без своего так внезапно приобретенного мужа! Но раз уж Валд решил пойти наперекор отцу, то я сделаю все, чтобы помочь ему добиться успеха. Нужна примерная жена? Он ее получит.

Я вернулась в свою комнату и перебрала платья, висящие на вешалках. У крайнего было оторвано

кружево, а одно, которое я уже надевала, оказалось истрепанным до лохмотьев. Муфля. Надеюсь, она не выпрыгнет на меня из кустов в самый неподходящий момент.

Что, интересно, я должна надеть на эту свадьбу? Я была только на своей, но, боюсь, если явлюсь в том же виде, Валд не одобрит.

В мою дверь нерешительно постучали, и я, приоткрыв, выглянула. На пороге мялась служанка.

— Госпожа, я пыталась привести в порядок платье, в котором вы изволили гулять по лесу...

Она сглотнула, протянула мне глиняную кружку, и я, заглянув в нее, увидела синие гранулы.

— Я нашла благодать богини в кармане, но, боюсь, платье уже не поддавалось починке, — добавила она.

— Спасибо, — сказала я, забрав у нее кружку с тауриллом и поставив ее на каминную полку. — Иди-ка сюда.

Я подвела девушку к вешалкам.

— Как думаешь, что мне надеть вечером на свадьбу в низине?

— Я не знаю, — растерялась та, теребя кончик темной косы. На шее девушки багровели смачные засосы. Кто-то любит погорячее? — Я только убираю. Еще чиню одежду, если заштопать надо или подшить... Вот это платье вроде нарядное, и это хорошее, — неуверенно подвигав вешалки, она посмотрела по сторонам. — А что здесь произошло?

— Не важно, — ответила я и практически вытолкала ее вон.

Мне нужна была помощь. И я, кажется, знала, у кого ее попросить.

Нужная дверь была на нашем этаже, но в другом крыле пирамиды, мне указала на нее одна из служанок, прошмыгнувшая мимо, как мышка. Я постучала, подождала, пока нежный голос позволит мне войти, и толкнула дверь. Комната была светлой и какой-то воздушной. Плавно колыхались тонкие занавески, шевелился от сквозняка прозрачный полог балдахина, в углу комнаты засвистела птичка в клетке. Лора полулежала на кушетке у окна и что-то писала, но при моем появлении привстала, а на бледных щеках вспыхнул румянец.

— Привет, — сказала я. — Я решила нанести ответный визит.

Лора прижала руку к груди, вторую положила на живот, который за эти дни стал еще больше.

— Эврика, — выдавила она. — Прости меня. Я не хотела, правда...

Я подошла ближе и, не дождавшись позволения, присела на пуфик — бледно-розовый и мягкий.

— Я не собираюсь ругаться с тобой, — сказала я. — Знаю, что это из-за твоих слов меня выгнали, но я сама виновата.

— Это моя вина. — Ее серые глаза наполнились слезами и заблестели. — Я рассказала Амперу. Но я не думала, что так получится. Ты могла погибнуть в лесу, тебя могли разорвать дикие звери...

— Могли, — кивнула я, вспомнив, как сидела на развилке дерева с самодельным копьём. — Но все обошлось и сложилось как нельзя лучше. Мы с Валдом сходили к благодати, и это укрепило наш брак. Я не буду пить отвар, никогда.

— Правда? — Слезы все же стекли по щекам Лоры двумя драгоценными каплями. Как ей удастся так красиво плакать? — Вот было бы славно, чтобы ты понесла поскорее. Наши дети играли бы вместе...

— Да-да, — кивнула я. — Только сейчас мне нужно другое. Понимаешь, я провела жизнь в монастыре и совсем не умею красиво одеваться.

Лора подобралась, как кот перед прыжком. Серые глаза высохли и снова заблестели, но теперь каким-то пугающим азартом.

— А Валд хочет пойти вечером на какую-то свадьбу в низине, — продолжила я осторожно.

— Тебе нужно платье, — попытожила Лора. — И, конечно, туфли и прическа, и чтобы образ получился цельным. Ох, Эврика, ты поразишь Валда в самое сердце!

— Мне не надо его поражать, — исправила ее я. — Мне надо выглядеть примерной женой, чтобы все

люди увидели, какая мы славная пара...

Лора отмахнулась от меня, как от неразумного дитяти.

— Если ты хочешь быть хорошей женой, тебя должно волновать только одно мнение — твоего мужа.

Листок бумаги, который Лора отложила, спланировал на пол, подхваченный ветром, и я увидела, что она не писала, а рисовала: макет платья, декольте смелое даже для будущего, а из-под высокого разреза на юбках выглядывает стройная ножка.

— Что Валду больше нравится в тебе? — спросила она, пройдясь по мне внимательным взглядом.

— Глаза, — робко предположила я, чувствуя себя как заяц, нечаянно попавший в нору к лисе.

Лора лишь фыркнула.

— Грудь? Попа? Ноги?

Я затравленно обернулась на дверь.

Опершись рукой на кушетку, Лора тяжело поднялась, с очаровательной неуклюжестью подошла к шкафу и распахнула дверцы. Ворох тканей полетел на кровать.

— Это просто отвратительно, что мы должны носить только синее, как считаешь? Не то чтобы я жаловалась... Раньше вообще приходилось ходить в сером, хотя нужный оттенок выгодно подчеркивал мои глаза. Но я потихоньку вношу кое-какие новшества. То кружево добавлю другого цвета, то ленты.

Она повернулась ко мне, словно в поисках поддержки, и я кивнула.

— Но мне бы что-нибудь традиционное, — попросила я. — Вот как для примерной жены...

— Эврика. — Лора посмотрела на меня укоризненно. — Я видела, как ты шла голой по храму, и в тот момент будто поняла твою суть. Тебя не сломить, ты идешь вперед, несмотря ни на что. Тебе чужды условности. Ты смелая, красивая, чувственная женщина, уверенная в себе!

— Платье, — напомнила я. — Мне надо всего лишь платье.

— И оно будет прекрасным, — заверила меня Лора. — А ты в нем — потрясающей! Но все сразу подчеркивать — слишком пошло. Вот Амперу нравится моя грудь, и во время беременности она стала еще больше, — похвасталась она. — А с бедрами беда, не знаю, вернется ли ко мне былая стройность.

— Я могла бы показать тебе несколько упражнений, — предложила я. — Вроде тренировки. От них мышцы становятся упругими, лишний вес уходит.

— Обязательно, — кивнула Лора. — Только рожу сначала. В последнее время еле хожу. Воздуха мало. И так хочется, чтобы это поскорее закончилось. Но и страшно. Вдруг что-то пойдет не так?

— Все будет хорошо, — заверила ее я. — Это естественный процесс. Всех, кого ты знаешь, кто-то когда-то родил.

Она благодарно улыбнулась.

— У меня есть несколько платьев, которые я заказала еще до беременности и ни разу не надевала. Так что будем показывать: грудь или попу?

— Попу, — выдохнула я, вспомнив прощальный шлепок Валда и невольно заразившись азартом Лоры.

В конце концов, я действительно хочу понравиться в первую очередь ему, а не каким-то неизвестным селянам. А если он будет смотреть на меня влюбленными глазами, то и они отнесутся ко мне более благосклонно.

Лора снова нырнула в шкаф, вынула нечто темно-синее, переливающееся винными всполохами, и одобительно кивнула.

Вот так и получилось, что, когда Валд вошел в комнату вечером и увидел меня, его челюсть слегка поехала вниз, а глаза поднялись на лоб.

Платье мне и самой нравилось: насыщенно-синее, переходящее внизу в темно-бордовый — словно море на закате, оно выгодно подчеркивало смуглую кожу Эврики. А после аккуратной переделки

сидело на мне идеально, обтянув талию и бедра и расходясь книзу русалочьим хвостом. Декольте было прикрыто кружевом, такая же вставка тянулась широкой полосой под грудью. Служанка Лоры сделала мне прическу, закрепив косу в низкий узел и выпустив несколько прядок у висков. А перед этим я приняла ванну, и та же служанка, которую я захотела немедленно украть, вымыла мне волосы и тело и натерла потом какими-то кремами и маслами от головы до кончиков пальцев на ногах. На моих веках едва заметно мерцали тени, от золотистой пудры кожа казалась нежнее. И теперь, от всех этих женских ухищрений и ароматов, окутывающих меня нежным облаком, я чувствовала себя непривычно соблазнительной.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказал Валд. — Такая взрослая, будто незнакомая. Но все же моя жена.

— Мы уже опаздываем, — сказала Энтропия, выглядывая из-за его плеча.

Она сегодня была в голубом и сильно декольтированном платье. Похоже, Энни мнила себя по-прежнему молодой, но увы, даже низкая гравитация существенно повлияла на ее формы.

Валд сглотнул, обернулся на Инфиниту, которая стояла тут же, слегка утомленная, но прекрасная, в темно-синем платье, закрытом от шеи до носков туфель. Ее коса привычно закручивалась в высокую башню, но мне показалось, что за эти дни в ней добавилось седины.

— Мама, может, мы придем чуть позже? — спросил Валд.

— Некрасиво заставлять себя ждать, — возразила Энтропия, опираясь на локоть Магнуса, который молча пожирал меня глазами. — Эвочка... Немного провокационно, но ты очаровательна.

Я благодарно ей улыбнулась, но слегка напряглась. Если Энтропия посчитала провокационными кружевные вставки, то не стоит поворачиваться к ней спиной. Сделав вид, что мне нужно поправить обручальный браслет, я задержалась, пропуская всех вперед. И лишь когда Инфинита, Энтропия и Магнус отошли на достаточное расстояние, взяла Валда под руку.

Он был в обычной синей рубашке и темных брюках, легкие туфли из ткани запылились. Похоже, мужчины в этом мире не любили наряжаться, оставляя это женщинам, но я невольно им залюбовалась.

— Как твои дела? — спросила я. — Как прошел день?

— Лучше, чем я надеялся, — ответил Валд. — Однако я все еще верю, что мне удастся обойтись без переворота. Можно попытаться преподнести нападение на шиагов как охоту. Но мне понадобится много горючих смол и масел, которые мы так удачно запасли с твоей подачи.

Он посмотрел на меня внимательнее, погладил мои пальцы, лежащие на сгибе его локтя.

— Но сегодня я не хочу об этом думать, — признался он. — Да и не смогу. Ты занимаешь все мои мысли, Эва.

— И что ты думаешь обо мне? — немного смущаясь, спросила я.

— Я думаю о том, как снимается твое платье, — прошептал он, склонившись к моему уху. Теплые губы коснулись кожи и задержались на миг.

Мы вышли из пирамиды, и свежий ветер погладил мою спину от лопаток и до поясницы. Сверху у платья был воротник-стойка, и если спереди все выглядело скромно, не считая полупрозрачных кружевных вставок, то спина оставалась полностью обнаженной до самых ямочек над ягодицами, а эластичная ткань, которую варвары делали из какого-то растения, облегла бедра так плотно, что мне пришлось отказаться от нижнего белья.

Я шагала по тропинке, мысленно благодаря Лору за удобные туфли на толстой подошве и гадая, не ошиблась ли, когда обратилась к ней за помощью. Может, это очередная пакость? Но мне не хотелось так думать. Лора была искренна в своем желании подобрать мне наряд и так извинялась за то, что невольно стала причиной моего изгнания. Но она ведь вышла замуж за моего бывшего жениха, а тот подставил меня перед всем советом...

Гадая о возможных мотивах Лоры, которая заверила меня в том, что отныне мы лучшие подруги, и дала мне еще несколько платьев на всякий случай, я не заметила, как мы дошли до места церемонии. В долине мне понравилось куда больше храма: в небе уже зажигались первые звезды, шумело море вдалеке, горели факелы, освещая небольшой алтарь, украшенный девяткой из цветов и иконой с ликом Фернанды. Священник стоял рядом с молодым парнем в серых одеждах, который показался мне похожим на брата: упрямый подбородок, вихрастый темный чуб. У Кира тоже вечно волосы торчали во все стороны, пока он не обрил их в военном училище. Жениху вряд ли было больше восемнадцати, а невеста, которая появилась у другого края поляны, выглядела еще моложе.

В пышном сером платье, украшенном цветами, с ярким румянцем во всю щеку и заметным животиком, она не была красавицей, но жених не сводил с нее восторженного взгляда.

— Выходит, только мне была оказана честь пройти к алтарю голой? — спросила я у Валда.

— Прости за это, — сказал он. — Я не знал.

Он положил ладонь мне на спину, и его пальцы вздрогнули от прикосновения к обнаженной коже. Ладонь сдвинулась ниже, еще ниже, Валд резко повернулся ко мне. Его рука ползла вниз, и он облегченно выдохнул, когда его пальцы все же нашли край ткани. Валд сделал шаг назад и посмотрел на меня со спины.

— Это все Лора, — выпалила я.

Валд неопределенно хмыкнул, встал позади, загораживая меня от любопытных глаз. Его рука сместилась на мой живот, прижимая меня к твердому мужскому телу. Все более и более твердому...

На этой церемонии не было предусмотрено лавок для зрителей, все стояли полукругом по краю поляны, глаза на то, как невеста идет к жениху, дожидаящемуся ее у алтаря. Вторая рука Валда легла мне на талию, пальцы скользнули под ткань, погладив кожу.

— Валд, — прошептала я, вздрогнув от горячего прикосновения.

— Никто не смотрит, — ответил он мне на ухо и потянул немного назад, под тень деревьев.

Все и вправду смотрели на молодых, и пальцы Валда прошли вверх под кромкой ткани, переместились немного вперед и коснулись полукружия груди.

Священник начал обряд, и я попыталась прислушаться к его словам. Наконец-то узнаю, в чем там поклялась Валду, но неспешные осторожные ласки отвлекали, и я куда отчетливее слышала ускоряющийся ритм сердца, бьющегося мне сзади в лопатку, и собственное учащенное дыхание. Рука Валда опустилась вниз, забралась под кромку ткани, прикрывающей ягодицы.

— Жена, — прошептал он мне на ухо. — Хочу задать тебе важный вопрос.

— Какой? — тихо спросила я.

— Где твои тусы?

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться, и поймала внимательный взгляд Энтропии. Они все трое стояли впереди и правее. Инфинита устало оперлась на локоть Магнуса, а тот будто кол проглотил: спина окаменела, напряженные мышцы выделялись под ткань рубашки, которая взмокла и потемнела между лопаток. Может, у него свадьбофобия? Или он по другому поводу нервничает? Желваки так и ходят, пальцы сжаты в кулак — психует чего-то?

— Твоя тетя смотрит, — заметила я.

Валд вздохнул и уставился вперед, все так же прижимая меня к себе. А я изо всех сил старалась не покраснеть, чувствуя его явное возбуждение.

— Клянешься ли ты уважать свою супругу, делить с ней кров и пищу? — спросил священник жениха, который теперь цвел румянцем, как и его невеста.

— Беречь и защищать, — прошептал Валд мне на ухо, повторяя слова клятвы, — заботиться и нежить, любить наших детей, спешить в наш общий дом, делить и радости, и горе, и постель.

Я повернулась к нему. Валд выглядел спокойным и сосредоточенным, повторяя клятву. Огонь факелов отразился в синих глазах, наполняя их светом. Для него это было всерьез с самого начала...

— Да, — сказал жених. Голос его сорвался и прозвучал неожиданно пискляво.

— Радость, горе и постель? — повторила я насмешливо, пытаюсь отогнать тоску, сдавившую сердце. — Какой-то странный набор. Так все возвышенно — и вдруг постель.

— Что странного, жена? — с усмешкой спросил Валд, глянув на меня. — Обычно именно в постели свершается таинство единения тел. Хотя я уже заметил, что ты предпочитаешь более экзотические места. То в лесу, то в ванной... Думаешь, нам стоит повторить клятвы и перечислить все варианты? Сейчас я возлагаю большие надежды вон на те кусты. — Он кивнул, указав подбородком влево. — Вроде густые.

— Клянешься ли ты уважать своего супруга, — повторил священник начало клятвы, — признавать

его своим господином, вынашивать ваших детей с любовью и благодарностью, быть нежной и покорной?..

Я поклялась вот в этом всем? Энтропия отвлеклась и повернулась к алтарю, и рука Валда тотчас скользнула вниз под платье и сжала мою ягодицу.

— Ублажать его и выполнять все прихоти, — продолжал священник. Интересно, кто сочинял эту клятву? Явно ведь мужик. — Заботиться о детях и о доме. Делить с супругом радость, горе и постель. Быть верной, честной, преданной женой.

— Да, — уверенно пробасила невеста. В плечах она была пошире жениха.

Валд склонился и прикусил мою мочку уха.

— Ты была самой красивой невестой, — прошептал он.

— У меня даже платья не было, — возразила я.

— Вот именно, — в его голосе послышалась улыбка. — Не пойдем на праздник, — добавил он и потянул меня еще дальше под деревья.

ГЛАВА 19

Магнус вошел в круглый зал для собраний и выразительно скривился.

— Дорогие родственники, не поймите меня неправильно, я вас люблю и все такое, но не испытываю большой надобности видеть ваши лица каждое утро!

Сев на стул, он оперся на локти и тихо застонал, уткнув лицо в ладони.

— Особенно с похмелья, да? — уточнила Инфинита.

Энтропия пересела к Магнусу ближе и нежно погладила его по спутанным волосам.

— У меня тоже нет никакого желания видеть твою небритую рожу. — Капитан Рутгер выразился откровеннее. — Но мне поступили сразу две жалобы на членов офицерского состава экипажа. И это неприемлемо!

— Что опять? — спросил Магнус, отрывая лицо от ладоней и раздраженно сбрасывая руку Энтропии. — Какая-то девка залетела? Я ни при чем. Я успеваю достать...

— Магнус, избавь нас от подробностей, — сердито перебила его Инфинита.

— К счастью, нет, — сказал Рутгер. — Никаких залетных девок. Однако вчера ты устроил драку на свадьбе в долине. Вел себя хамски, облапил невесту, а потом разбил нос жениху. Доколе, Магнус?

— Облапил невесту? — повторил Валд. — Ту пышечку? Разве она в твоем вкусе?

— А разве у Магнуса есть вкус? — удивился Ампер. — Я думал, ему вообще без разницы, кого...

— Ой, кто бы говорил, — фыркнул Магнус. — Ты вообще женился на первой, кто тебе дал.

— Моя жена была невинна до самой брачной ночи! — вспыхнул Ампер.

— Как и ты, братишка, да? — ехидно улыбнулся Магнус, покачиваясь на стуле. — Как и ты... Ладно. Я возьму убытки.

— Возместишь. Я вычту их из твоего содержания, — кивнул капитан. — И ставлю вопрос ребром: за этот год ты должен выбрать невесту. В следующем устроим свадьбу. В Меррихольде есть две девушки подходящего возраста.

Магнус скривился.

— Я видел их. Не хочу, — прищурился, он посмотрел на Валда. — Может, у Алистера есть еще одна такая дочка?

— Какая — такая? — со зловещим спокойствием уточнил Валд, склонившись к Магнусу через стол.

— Ты знаешь...

— Скажи, что имеешь в виду, чтобы у меня появился повод снова тебе врезать, — рыкнул Валд.

— Так, успокоились. — Капитан стукнул кулаком по столу. — Вторая жалоба. На похабное поведение.

Все снова укоризненно уставились на Магнуса.

— Младший, — произнес Рутгер, и взгляды удивленно скрестились на Валде. — Наша старшая кухарка Батарейя пришла ко мне утром и заявила, что видела тебя ночью. Она собирала цветы звездоноса, которые раскрываются лишь после заката, и, дословно, застучала тебя с голым задом и с какой-то потаскухой, совершающими непотребство прямо за кустами.

— Вот ей дело, — проворчал Валд, отворачиваясь. — Только помешала...

— Младший! — Капитан источал негодование. — Ты в уме? А если дочка Алистера прознает, что ты проводишь ночи не с ней, и побежит жаловаться к папаше?

Валд зло улыбнулся.

— Ты, отец, знаешь об изменах побольше моего...

Ноздри Рутгера гневно раздулись.

— Всего-то неделя прошла после свадьбы или сколько? А ты уже трахаешь каких-то шалав за кустами? Так хоть не попадайся!

— И это — твой отеческий совет? — возмутился Валд.

— Сын, — Инфинита выглядела искренне расстроенной, — я думала, у вас все хорошо с Эврикой...

— Так и есть, — неохотно ответил Валд, успокаиваясь. — Она и была той шалавой... В смысле, с ней я был, за кустами.

В зале повисла гробовая тишина.

— А мне нравятся наши собрания, — весело сказал Ампер, прервав паузу. Он поднялся, задвинул стул. — Но, если это все, я пошел. Лора неважно себя чувствовала с утра.

Валд догнал его на лестнице, и какое-то время они шли рядом молча.

— Так, выходит, у вас с дочкой Алистера все и вправду хорошо? — спросил Ампер.

— Я люблю ее, — сказал Валд. — И она меня — тоже.

— Правда? — удивился Ампер. — Так быстро у вас...

— Мне она сразу понравилась, — признался Валд, улыбнувшись. — И потом все так закрутилось, что я и опомниться не успел.

— А она? Уверен, что чувства взаимны? — с сомнением переспросил Ампер.

— Она не говорила прямо, — пожал плечами Валд. — Но я вижу. Как она смотрит на меня, как отвечает на ласки...

— Что ж, я рад за тебя, брат.

— Да? На моей свадьбе ты единственный был мрачен, словно на похоронах. — Валд внимательно на него глянул.

— Потому-то и печалился, что знаю, как важно, чтобы рядом была любимая женщина. Я бы сам отрезал эту руку, — Ампер взмахнул култей, — только бы быть с Лорой. Она все переменяла в моей жизни!

Валд недоверчиво глянул на брата, но тот шел, улыбаясь, погруженный в свои мысли.

— Я хотел поговорить с тобой, — сказал Валд. — О шиагах. Мне нужна твоя помощь.

— И не проси, — отрезал Ампер, сразу переменявшись. — Я знаю, что ты подбиваешь воинов, и не стану доносить. Но не пойду против отца.

— Даже если он не прав? — возмутился Валд. — Мне не нужен пост капитана. Пусть отец и дальше им остается. Но посмотри на него! Он погряз в каких-то нелепых распрях с Алистером и не видит дальше своего носа. О чем мы говорим на совете? О том, как сделать жизнь людей лучше? Об исследованиях? О возможностях? Нет! О том, что Магнус снова кого-то потискал.

— Допустим, сегодня звездой собрания был ты, — ухмыльнулся Ампер. — Не ожидал... Что ж, до дома дотерпеть не сумел?

— Потерял контроль, — вздохнув, повинился Валд. — У нее было такое платье...

— Бывает... Помню, как-то раз... — Брат оборвал сам себя, тряхнул головой. — Впрочем, это личное. Нашему экипажу нужен новый капитан. — Он прижал кулак к груди. — Но я клялся отцу в верности.

— Ты клялся и Лоре, — напомнил Валд. — Беречь и защищать, ведь так? А сейчас ей нужна твоя защита как никогда. Прилив пригонит пауков к нашим стенам. И что тогда, Ампер?

Тот покачал головой, уткнулся бородой в грудь и, ссутулившись, быстро пошел по коридору прочь. Валд постоял какое-то время, глядя ему вслед и сжимая кулаки, а потом спустился на третий этаж. Издали приметив Бага, нервно ходящего от стенки к стенке, ускорил шаг.

— Что такое? — выпалил Валд и догадался сам: — Зельда?

— Рожает, — кивнул Баг и вцепился в рубашку Валда. Рыжие усы казались красными на побледневшем лице, зеленые глаза были подозрительно мокрыми.

— Все будет в порядке, — неуверенно сказал Валд, похлопав его по плечу. Из-за двери раздался стон, и Баг разрыдался, как ребенок.

— Мне страшно, друг, — всхлипывал он, стиснув Валда так, что тот поморщился от боли. — С шаагами так страшно не было, веришь?

Валд молча кивнул, глянул на дверь, и из-за нее снова раздался стон, полный страдания.

Я проснулась одна, хотя подушка рядом еще хранила тепло Валда. Смутно вспомнила, что слышала сквозь сон, как он говорил про очередной совет. Надеюсь, по итогам этого меня не выгонят из замка снова. Хотя на этот раз, наверное, есть за что. Потому что вчера я была очень плохой девочкой.

Завидев платье, висящее на спинке стула, я улыбнулась и прикусила губу. Вчера у Валда словно сорвало тормоза. До этого он, оказывается, сдерживался. Я натянула одеяло выше, накрывшись с головой, словно это могло избавить меня от запоздалого стыда. Как он ласкал меня, какие слова говорил, как брал на этой самой кровати снова и снова...

Идея с кустами оказалась провальной. Поначалу все было забавно и даже возбуждающе, но потом появилась какая-то тетка, и нам пришлось спешно ретироваться.

Я тихо рассмеялась, отбросила одеяло и пошла в душ. Смыв остатки сна, оделась и позавтракала, поглядывая в окно. Солнце висело уже высоко. Похоже, собрание затянулось.

В дверь постучали, я открыла и увидела Лору, загадочно мне улыбающуюся.

— Уже знаю, — сказала она, заходя внутрь.

— Что именно? — насторожилась я.

— Ох, Эва, какое счастье, что ты появилась в замке, — выдохнула Лора, садясь в кресло у столика и отщипывая виноградину. — Раньше служанки чесали языки о нас с Ампером — внезапная свадьба, быстрая беременность... Меня это так нервировало. А я сейчас стала очень чувствительной — сама себя не узнаю... Но вы с Валдом — просто находка для сплетен. Да каких! То все спорили, консумирован ли ваш брак, то — не выпорет ли тебя Валд за отвар, и вот теперь — отчего кусты вам приятнее супружеской постели.

— Блин, — выпалила я, покраснев. — Все знают?

— Батарей — кухарка, которая вас застучала, — решила, что Валд был с какой-то девкой, и так расстроилась, что побежала к самому капитану, — пояснила Лора. — Люди переживают за ваш брак, особенно после визита Алистера.

— Вот как, — хмыкнула я.

— И после совета, когда стало известно, что в кустах была ты, все испытали искреннее облегчение, — добавила Лора. — А я — еще и гордость. Значит, платье было что надо.

Она рассмеялась и взяла еще одну виноградину, а я нахмурилась.

— После совета?

— Да, Ампер пришел еще час назад. Рассказал мне новости. Ну ты даешь, — покачала она головой. — Я первое время боялась даже смотреть на мужа, когда он обнажен. У них все так... неприлично устроено. — Она слегка покраснела.

— А Валд не возвращался...

— Наверное, пошел сразу к воинам, — ответила Лора. — Ампер говорил, что Валд хочет сжечь Дикое место. Но это немного странно. Пауки никому не мешают.

— Это пока, — возразила я.

В дверь снова постучали, и к нам заглянула Энтропия.

— Девочки, вы обе здесь, как славно, — улыбнулась она. — Пойдемте-ка за мной.

Лора с готовностью поднялась, поправила складки на платье, собравшиеся над животом.

— Куда? — спросила я.

Энтропия вздохнула, посмотрела на меня слегка укоризненно.

— Эвочка, ты девочка молодая, несмышленная, то и дело глупости творишь... Как старшая женщина, я должна показать, в чем заключается главная роль хорошей жены. Ты собиралась выпить отвар, обрывающий беременность, и я подумала, возможно, ты просто боишься родов.

— Нет, — ответила я. — Не боюсь.

— Тем лучше для тебя, — сказала Энтропия. — Но вам обоим будет не лишним поприсутствовать на таинстве рождения. Ты, Лорочка, увидишь, что надо делать. Ведь тебе это предстоит совсем скоро. А ты, Эвочка, поймешь истинное предназначение женщины.

— Кто-то рождает? — спросила Лора, побледнев.

— Зельда, жена Бага, — ответила Энтропия и шагнула в коридор. — Пойдемте же, пока не пропустили самое интересное!

На третьем этаже я наткнулась на Валда, который слонялся за Багом, а когда из-за двери раздавался протяжный стон, обнимал его за плечи и утешающе похлопывал по спине. Рыжие усы Бага потемнели то ли от слез, то ли от соплей, и выглядел он безумно.

— А ты что тут делаешь? — нахмурился Валд. — Тебе туда не надо.

— Все в порядке, — ответила я, храбрясь.

— Передай Зельде, что я ее люблю! — выкрикнул Баг, всхлипнув.

Я кивнула и перешагнула порог следом за Лорой. Та покачнулась, и я подхватила ее под локоть.

Впечатления ударили наотмашь по всем органам чувств. Кровь, пот, резкий запах трав, вода в тазу, где полощут пеленку, становится розовой, всхлипы, стоны, крики...

— Зачем ты их привела? — сердито выпалила Инфинита, вытирающая лоб женщины, страдающей в постели. — А ну, пошли вон. Обе!

— Финечка, им это будет полезно, — возразила Энтропия и бросила на меня острый взгляд. — Пусть видят, что их ждет...

Зельда — огромный живот, тонкие ручки и ножки и кудрявая светлая голова — застонала сквозь стиснутые зубы. Карин хмуро на меня посмотрела, кивнула, узнав, и нажала внизу огромного живота женщины.

— Ребенок не ложится как надо, — пробормотала она. — И тут какой-то бугор. Крепись, Зельда, молись богине.

Лора вцепилась мне в плечо, начала сползать вниз. Я обняла ее за раздавшуюся талию и выставила за дверь.

— Валд!

Он быстро забрал Лору, открыл рот, чтобы что-то сказать, но я захлопнула дверь перед его носом.

— Эврика, выйди, — повторила Инфинита. — Это глупая затея. В родах нет ничего красивого. Это больно и страшно.

— Ничего страшного, — возразила я, подходя к изголовью роженицы и склоняясь к женщине. — Я Эврика. Баг про тебя рассказывал. Он так ждет этого ребенка. Волнуется там, за дверями. Просил передать, что любит тебя.

— Пусть катится в бездну! — яростно выпалила Зельда, цепляясь пальцами за простыню, и я вытерла капли слюны, попавшие мне на лицо. — Никогда больше не стану с ним спать! Так ему и передай. Пусть хоть танцует передо мной, хоть поет, хоть стихи читает — не дам ему больше! Никогда!

Она откинула голову назад, от напряжения на тонкой шее вздулись вены.

— Дыши ровнее, — посоветовала я, хватая ее за руку. — Постарайся расслабиться.

— В твоём монастыре помогали роженицам? — догадалась Инфинита.

— Да, — соврала я.

Третий курс биофака, практика на ферме и курсовая работа на тему «Особенности размножения

млекопитающих» — вот и весь мой багаж знаний. Я никогда раньше не видела, как рожают. Но это точно не должно быть вот так — в страхе и ужасе и с проклятьями в адрес мужа.

Инфинита хмуρο на меня посмотрела, но не стала выгонять. Энтропия, мягко улыбнувшись, попятилась к двери и скрылась, решив, по-видимому, что ей здесь больше делать нечего.

— Схватка, — простонала Зельда.

Карин снова попыталась повернуть ребенка, запустила руку между голых раскинутых ног, и Зельда заплакала, отчаянно и горько.

— Больно! Как же больно!

За дверью что-то с грохотом упало, выругался Валд.

Таурилл. У меня есть полкружки таурилла, — вспомнила я. Не факт, что этого хватит, чтобы запустить капсулу. Но может оказаться достаточным, чтобы меня снова выставили прочь или вовсе сожгли, как ведьму. Даже Баг, до чего кажется продвинутым по их меркам, и то обозвал меня порождением бездны.

Зельда стонала, я вытирала ей лоб и бормотала успокаивающие слова, солнце за окном палило нещадно и постепенно катилось вниз, красное, как раскаленная бляшка металла.

Инфинита мрачнела и все чаще поглядывала на Карин. А та то давила на живот, то пыталась перевернуть ребенка снизу, и Зельда кричала все тише. А потом вдруг хлынула кровь, и Карин убрала руки.

— Позовите ее мужа, — сказала она. — Пусть попросается.

Я вздрогнула, словно пробудившись от сна. Отпустила вялую руку Зельды и быстро вышла в коридор.

— Она умирает, — сказала я и быстро добавила: — Мы можем попытаться ее спасти. Валд, отнеси Зельду на алтарь. Баг, ты говорил, что вы тоже ходили к благодати богини. У тебя остался таурилл? Такие голубые гранулы?

Он кивнул, и зеленые глаза посмотрели на меня осмысленно.

— Эва, что ты собираешься сделать? — спросил Валд.

— Запустить алтарь богини, — ответила я.

— Что? — переспросил он.

— Если Эва говорит, что шанс есть, значит, так и есть! — сорвался Баг.

Он открыл дверь и замер на пороге.

— Таурилл! — выкрикнула я, подтолкнув его в спину. — Быстро!

Баг скрылся в смежной комнате. Он ходил со мной к шиагам. Не знаю, что им двигало — дружба, долг, стремление выведать больше про монастырь... А Зельда — его жена. Но даже если бы эта женщина, истекающая кровью на постели, была мне вовсе не знакома, я должна была попытаться.

— Неси ее на алтарь, — повторила я Валду. — Я за благодатью.

Валд смотрел на меня несколько долгих томительных мгновений, но потом кивнул и решительно подошел к кровати. Он подsunул одну руку под плечи Зельды, другую — под бедра.

— Сын! Что ты делаешь? — возмутилась Инфинита.

— Сам не знаю, — пробормотал Валд, приподнимая ослабевшее тело. Светлая кудрявая голова безвольно запрокинулась, свесившись через его руку. — Но Эва говорит, Зельду можно спасти.

Я побежала наверх. Пометалась в комнате, в панике забыв, куда подевала кружку с тауриллом, но потом схватила ее с каминной полки. Бросившись вниз, увидела кровавую дорожку, тянущуюся по белым ступеням. Я обогнала мужчин в дверях храма, высыпала таурилл в приемник, открыв его нажатием ладони. Баг добавил еще, опустошив серебряную шкатулку.

— Сними с нее обручальный браслет, — приказала я Багу. — И надень мой. Этот не подходит. Быстро! — рывкнула, когда он уставился на меня как баран.

Украшение с драгоценными камнями звякнуло, упав на пол. Мой браслет растянулся под

пальцами Валда, переключал на запястье Зельды. Я переместила ее руку в выемку на капсуле и передвинула рычаг управления. Экран ожил лишь через несколько секунд. Ноль моргнул, после него появилась запятая, еще один ноль и двадцать пять.

— Я не знаю эту модель, — пробормотала я. Кровь собиралась между бедер Зельды в лужицу, медленно стекала к коленям. — Включу экстренный режим.

Нажав на кнопку «пуск», я, прикусив губу, увидела, как зафиксировался браслет. Хоть бы сработало!

Инфинита появилась из тени в углу — я ее даже не заметила, осторожно погладила спутанные слипшиеся пряди Зельды.

— Она жива? — спросила я.

— Пока да, — ответила женщина. — Думаешь, богиня спасет ее?

— Если хватит благодати, — вздохнула я. Капсула вибрировала, по венам Зельды побежало лекарство. Ее живот вдруг напрягся и выпятился сильнее.

— Кровь остановилась, — хрипло сказал Валд. — Не течет больше.

Зельда застонала и открыла глаза.

— Милая, — выдохнул Баг, схватил ее за руку.

— Я в храме? — прошептала она и, повернув голову, посмотрела на икону на стене. — Я умерла?

В ее животе что-то словно перекатилось, и Зельда поморщилась.

— Эврика? — Она посмотрела на меня с подозрением и заявила: — Мне не нравится, что мой муж проводит с тобой так много времени, — перевела взгляд на Валда. — Хотя Валидол такой красавчик... Зря я ревную, да?

— Ты в порядке? — нахмурился Баг.

— Это действие обезболивающего, — улыбнулась я, глянув на Валда, и положила руку на тугий живот женщины. — Так, Зельда, пока не закончилась благодать, надо рожать. Когда почувствуешь схватку — тужься. Инфинита...

Женщина кивнула и подошла к алтарю с торца, помогла Зельде согнуть ноги.

— Мне не страшно, — удивленно улыбнулась Зельда, посмотрев на икону, и сказала: — Схватка.

Живот под моей рукой стал каменным, задрожал, словно ему передалась вибрация капсулы. Инфинита вскрикнула от неожиданности, а потом, через несколько мгновений, раздался еще один крик — жалобный и пронзительный.

— Девочка! — воскликнула Инфинита. — Баг, у тебя дочка! Такая малышка.

Валд подхватил Бага за шкуру и удержал от падения.

Живот под моей рукой снова напрягся.

— Ой, — сказала Инфинита, и мы все повернулись к ней. — Еще одна, — улыбнулась она как-то виновато, принимая очередное розовое тельце.

Баг все же упал, и Валд не стал его поднимать, придерживая за спинку первого ребенка на груди Зельды — тот копошился, загребая крохотными сморщенными ручонками, причмокивал ротиком, ища грудь. Зельда глубоко и спокойно дышала, а к ее щекам постепенно возвращался румянец.

Я посмотрела на цифру на экране, которая быстро уменьшалась. Одна сотая... Одна тысячная... Ноль. Капсула перестала вибрировать, фиксаторы щелкнули, освобождая браслет. Я взяла Зельду за руку, сняла с нее одолженное украшение и надела на свою руку. Подняв с пола браслет, инкрустированный камнями, вернула на ее запястье.

— Валд, позови Карин, — приказала Инфинита, укладывая и вторую девочку на грудь Зельды. Та обняла своих детей, осторожно погладила темно-рыжий слипшийся пух на затылках. — И еще кого-нибудь из женщин. Надо перерезать пуповины, вымыть алтарь, помочь...

Валд кивнул, глядя на меня так пронзительно, что мне захотелось забиться под алтарь.

— Это чудо, — неуверенно добавила Инфинита. — Богиня спасла Зельду и ее дочерей.

Она присела и потрясла за грудки Бага, похлопала его по щекам.

— Эй, папаша. — Он открыл глаза, с трудом сфокусировал взгляд на Инфините. — У тебя две чудные дочки, представляешь? Обе рыжие, как и ты.

Баг застонал и снова упал в обморок, стукнувшись затылком об пол.

Я перевела рычаг вниз, и алтарь погас. Валд придерживал малышек, чтобы не скатились с груди Зельды, и его широкие ладони закрывали розовые спинки целиком. Крохотная и хрупкая жизнь могла оборваться, не начавшись. Зельда потянула ворот платья, Валд целомудренно отвел глаза, а я помогла приложить малышек к груди. Инфинита решила оставить Бага в покое и лишь подложила ему под голову пухлый молитвенник, который взяла с ближней скамьи.

В храм стремительно вошел священник, и его вопль отразился эхом от белых стен.

— Что вы делаете? — воскликнул он. — Вы осквернили алтарь! Оporочили храм! Что это? Кровь и грязь перед чистым ликом! О богиня, прости детей твоих скудоумных...

«Вот и началось», — с тоской подумала я. Сейчас мне припомнят все: и горящую бездну, и поругание храма, и еще что-нибудь... Надеюсь, эти скудоумные дети богини меня просто выгонят, а не чего похуже. Я покосилась на цветы и молитвенники, небрежно сброшенные мною на пол, когда я загружала таурилл и готовила капсулу.

— Напротив, — возразила Инфинита, поднимаясь и поворачиваясь к нему, а я вдруг почувствовала себя спокойнее. — Разве рождение невинного младенца... двух невинных младенцев, — исправилась она, — это не самое прекрасное, что есть в жизни? О какой такой скверне вы говорите? Богиня явила чудо, — произнесла она с нажимом. — Зельда умирала, не в силах разрешиться от бремени. Ее дочери не могли выйти из чрева. И тогда богиня сказала мне, — «мне» она выделила интонацией и выразительно на меня посмотрела, — что Зельду может спасти ее благодать. Не просто так она ее прислала, но мы не могли уразуметь.

Священник, хмурясь, подошел ближе. За ним прибежали женщины и, охая и причитая, перерезали пуповины, завернули детей в полотенца. Храм наполнился двумя возмущенными детскими воплями, от которых мне почему-то хотелось и смеяться, и плакать одновременно.

Инфинита забрала одну из девочек и, сделав вид, что ей срочно понадобилось помочь женщинам, сунула ее в руки священнику. Тот, опешив, уставился на сморщенное личико, потом неуверенно улыбнулся, глядя на припухшие глазки и обиженно выпяченную губу.

— Чудо? — повторил он. — Чудо! — сказал громче. — Мы объявим великий праздник! Богиня явилась снова... А как, кстати, она явилась?

— Мысленный приказ, — сказала Инфинита почти не замешкавшись, и священник разочарованно вздохнул. Ну да, не очень эффектно.

— Эти две крошки станут ее дочерями...

— Вырастут — и сами решат, кем они станут, — пробурчала я.

— Эва, милая, — сказала Инфинита, забирая у священника ребенка, — иди к себе, отдыхай. Ты очень помогла.

Я кивнула и пошла из храма. Легенда Инфиниты была простой, хоть и не особо убедительной. Но исходила от жены капитана, которую никто не посмеет назвать порождением бездны. Вон как священник сразу сдулся. Я обернулась у выхода и встретилась взглядом с Валдом. Синие глаза смотрели на меня пронзительно, словно пробираясь под кожу. Он знал, как все было на самом деле.

Валда позвала одна из женщин, попросила помочь переложить Зельду на носилки, которые принесли и установили у алтаря, и он отвел взгляд, а я выдохнула и пошла прочь.

Добрела до комнат и свернула в свою спальню. Нашла на столике пилку для ногтей и, откинув покрывало, перечеркнула еще две полоски. Вчера мне было не до того, и сегодняшний день уже почти закончился. Опустившись на коврик, я оперлась спиной о стену, бездумно глядя на календарь и вертя в пальцах пилочку.

Мои руки были в крови, а на ребре левой ладони расплывался свежий синяк. Зельда сжимала ее во время схваток. Я вдруг осознала, что сижу на том самом месте, где лежало тело Кастора. Но сил подняться у меня не было. Я так устала. Внутри было пусто, как в кружке из-под тауриллы, которую я бросила где-то в храме.

Я меняю ход истории.

Эврика и Валд должны были умереть, Кастор — выжить, а две девочки — не появиться на свет. Если Валд сожжет шиагов, как обещал, то этот мир получит второй шанс. И, наверное, я могу подтолкнуть их развитие в нужную сторону.

Если только Алистер после неминуемой и скорой смерти Эврики не уничтожит весь экипаж белой пирамиды. Я пыталась предупредить Валда, но он и слушать не хочет. Впрочем, поверила бы я сама, если бы кто-то сказал мне, что он из будущего?..

Может, попробовать поговорить с Инфинитой? Она выгородила меня в храме, хотя я ее и не просила. А вот с Энтропией надо быть поосторожнее. Зачем она потащила меня к Зельде? Если бы я на самом деле боялась родов, то после того, как Зельда истекла бы кровью, помчалась бы к Карин за новой порцией отвара. Может, это Энтропия выкрала кинжал у Валда, которым невеста должна была его зарезать?

Капитан Рутгер выглядит смертельно больным. Его старший сын потерял руку, и Алистер отверг его как возможного жениха дочери. Я совсем не знаю Ампера. По рассказам Лоры, он любящий и заботливый муж, и она выглядит счастливой женщиной. Но считать ли его претендентом на пост капитана? Вдруг у них человек с физическими недостатками не может быть главой? И тогда, если бы Валидол погиб в свою первую брачную ночь, кто бы сменил Рутгера на посту?

Я откинулась на стенку, закрыла глаза. Сил нет совсем. Такое чувство, будто сама рожала. Кажется, я задремала, потому что, когда скрипнула дверь и я открыла глаза, уже стемнело. В комнату вошел Баг.

Я удивленно приподняла брови.

Баг подошел ко мне и сел на пол напротив, скрестив длинные ноги. Потом молча стал расстегивать рубаху, обнажая сильную жилистую грудь. Вынув из-за пояса короткий нож, быстро — так, что я и ахнуть не успела, — провел им себя по груди. С силой прижал кулак к ране.

— Я клянусь тебе в вечной верности, Эврика, — торжественно произнес он. — Моя кровь — твоя кровь.

Он взял меня за руку, раскрыл ладонь и вложил в нее свой окровавленный кулак.

Снова кровь. На том же самом месте. У этой комнаты какая-то неправильная аура.

— Зельда и девочки в порядке? — спросила я.

Баг кивнул.

— Вся обитель на ушах стоит. Сегодня будет большой праздник. Валд пошел отдавать распоряжения, скоро придет.

Баг помолчал, но его присутствие меня не тяготило. Я невольно улыбнулась, вспомнив его обмороки. Бедняга. Ему сегодня тоже пришлось нелегко.

— Мы решили назвать старшую дочь Эволюцией, — сказал Баг. — Древнее имя. Означает движение вперед, прогресс.

— Хорошее имя, — одобрила я.

— Сокращенно — Эва, в честь тебя.

— Спасибо, — улыбнулась я.

Хотелось бы верить, что после победы над пауками развитие людей и в самом деле пойдет вперед, и тогда через триста лет, после завершения моей миссии, «Арго» обнаружит процветающую планету, которой сможет дать статус Обители. Два голоса на Совете. Перевес над шиагами. Мир.

— А младшую дочь — Поллюцией, — нежно улыбаясь, произнес Баг, перебив все мои мысли.

— Как? — пискнула я.

По-видимому, я слишком вытаращила глаза, так что Баг неуверенно и слегка виновато пояснил:

— Поллюция... Нечаянная радость.

— Баг, пожалуйста, умоляю тебя! — воскликнула я. — Придумайте другое имя! К примеру, Полина. Звучит похоже.

— Но почему?..

— На древнем языке поллюция — не совсем то, что ты думаешь...

Я наклонилась к нему, Баг придвинулся ближе, и я прошептала ему на ухо истинное значение слова.

Все-таки рыжие очень эффектно краснеют.

— Мы придумаем другое имя, — просипел он.

Я посмотрела на него испытующе. Баг даже не сомневался. Просто поверил, что я говорю правду. Я покусала губу, набираясь решимости.

— Если я тебе кое-что скажу, это останется между нами? Ты никому не скажешь? Ни Зельде, ни Валду, никому?

Он тут же кивнул и снова стукнул кулаком по груди, размазав кровь по свежему порезу.

— Я не Эврика, — решительно выдохнула я.

...я говорила и говорила, а Баг молча внимал. Я запинаясь, возвращалась к началу, поясняла, добавляла и в итоге рассказала все как на духу — и про миссию, и про то, что я к ней совсем не подготовлена, и про будущую войну с шиагами, и почему так важно, чтобы люди на этой планете выжили. А еще — про Ковчег номер девять, который отправился с Колыбели тысячи лет назад, но по какой-то причине не смог связаться с другими Обителями. Про мои догадки об их великой богине в белых одеждах. Раскрыла планы Алистера, в которых Валд должен был погибнуть в брачную ночь от руки настоящей Эврики. Я рассказала даже про брата, который, балбес такой, собрался мстить за смерть родителей, и про овцу, что осталась блять в карантине космолета «Арго».

Когда я наконец замолчала, Баг закрыл глаза и слегка покачнулся.

— Только не падай в обморок! — воскликнула я, схватив его за плечо.

Баг приоткрыл один глаз, посмотрел на мою руку и сказал:

— Я в порядке.

Я отпустила его плечо, снова прислонилась к стене. Косичка Бага растрепалась, и теперь рыжие волосы торчали над его головой ирокезом. Кровь на свежем порезе загустела и перестала течь, но желтая рубашка, похоже, безнадежно испорчена.

Может, зря я ему призналась? Кто в здравом уме во все это поверит? Если он тоже, как Валд, предположит, что я нанюхалась дурман-цветов, скажу, что это была шутка. Вот такие мы, монашки, юмористки.

Баг открыл глаза и посмотрел на меня. Я молчала, ожидая его реакции, и он какое-то время тоже просто рассматривал меня в тишине. За окном вечерело, и в сумерках зеленые глаза Бага были яркими, как у кота.

— Знаешь, Эврика, это многое объясняет! — заявил он наконец.

Я выдохнула от облегчения, и слезы сами потекли по щекам. Он мне поверил! Поверил!

— Ну что ты, — растерялся Баг. Он передвинулся и сел рядом со мной, а я уткнулась ему в плечо, всхлипывая. — Выполним мы твою миссию. Валд не отступится, я его знаю. Ты говорила ему обо всем этом?

— Пыталась. — Я шмыгнула носом и вытерла слезы. — Он сказал, я нанюхалась дурман-цветов.

Баг тихо рассмеялся.

— Такой забористой истории даже под дурманом не придумаешь, — сказал он. — Значит, дело не в монастыре. — Он вздохнул с каким-то странным сожалением. — Эва... Мне называть тебя так? У тебя ведь другое имя?

— Зови Эвой, — кивнула я, — чтобы было меньше вопросов.

— Вопросов у меня как раз великое множество, — протянул Баг. — А времени мало. Расскажешь мне обо всем, что знаешь. Я буду записывать. А потом, когда срок истечет и ты вернешься в свое время, что останется здесь?

— Только тело, — ответила я. — И без сознания оно умрет.

Баг помрачнел, уставился перед собой. Заметив мой календарь с зачеркнутыми полосками, вытянул руку и провел пальцами по оставшимся.

— Это разобьет Валду сердце, — сказал он.

Дверь хлопнула, слышались шаги.

— Чего это вы тут сидите в темноте? — спросил Валд, заходя в комнату. — Эва, ты плачешь?

Он подошел ко мне, присел на корточки рядом и встревоженно взгляделся в мое лицо.

— Все в порядке, — пробормотала я. — Просто день выдался тяжелый.

— Но радостный, — добавил Валд. — Мой друг стал отцом, дважды. — Он хлопнул Бага по плечу и расплылся в улыбке. — Как тебе это удалось, а?

— Могу рассказать, — хмыкнул Баг. — Поделиться секретами мастерства.

— Так, я лучше пойду, — сказала я, поднимаясь. Ноги затекли, и я, покачнувшись, оперлась на Валда.

— Внизу праздник. Нам надо сходить, хотя бы ненадолго, — попросил он, обнимая меня.

— Конечно, — кивнула я. — Только приведу себя в порядок.

— А я — к жене и детям, — произнес Баг с такой неприкрытой гордостью, что я невольно улыбнулась. Он тоже встал и незаметно одернул покрывало, прикрыв мой календарь.

Если Валд не готов принять правду — что ж... Может, так лучше. Если он действительно полюбил меня, зачем омрачать то время, что у нас осталось, ожиданием смерти? Валд смотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но потом мягко вытер пальцем дорожку от слезы на моей щеке и поцеловал.

ГЛАВА 20

Когда я вышла из душа, обмотавшись полотенцем, Валда не было в спальне, но он предусмотрительно зажег повсюду свечи. Раз уж Баг мне поверил, надо будет рассказать ему про электричество, ток, законы физики, основы химии — все, что помню из школы и колледжа. Не так-то и много, если честно, но для них и это будет прорывом.

Выбрав платье, я наскоро оделась и заплела косу. Взяла ожерелье, подаренное Валдом в память о нашей незабываемой брачной ночи, и застегнула на шее. Красный камешек похолодил кожу, и я поднесла его к глазам, рассмотрела внимательнее. Он словно состоял из крохотных зернышек, и вблизи его структура походила на закрученную спираль. Руки дрогнули, я выпустила ожерелье, и оно упало мне на грудь. Судорожно поднеся камень к глазам снова, прищурилась, вглядываясь.

Ох уж эти варвары! Использовать кристаллический накопитель информации для украшений — как это модно-и свежо. Покачав головой, я подвинула ожерелье, так что красный камень, который правильнее было бы называть флешкой, опустился в ложбинку между грудей. Заслышав шаги Валда, встала.

— Готова? — спросил он и требовательно добавил: — Ну-ка, повернись.

Улыбнувшись, я покрутилась перед ним, демонстрируя закрытую спину и отсутствие сомнительных вырезов.

— Хорошо, — одобрил он и взял меня за руку.

Валд успел переодеться в свежую синюю рубашку с короткими рукавами, и обручальный браслет на его запястье сверкнул, отразив пламя свечей.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал он, вмиг став серьезным. — Но, наверное, лучше потом... Пойдем на праздник, жена, повеселимся. Ты умеешь танцевать?

Торжество устроили прямо под открытым небом, и это было прекрасно, потому что в такую ночь грешно сидеть под крышей. Воздух, море, огни, зажженные в чашах по периметру утоптанной площадки, на которой уже танцевали пары... Музыка была веселой и простой, но я невольно начала отбивать носком туфли ритм. Из инструментов я опознала только барабаны. По ним вдохновенно лупил ладонями тот самый мальчик, который вез Эврику на свадьбу. С удивлением присмотрелась — точно он. Мальчишка так вошел в раж, что дядька с длинной загнутой дудкой, стоящий рядом, отчаянно раздувал щеки и ведь раскраснелся, едва поспевая за заданным темпом. На струнных инструментах брэнчали еще два парня, бросающие горячие взгляды на девушек, кокетливо стреляющих глазками в ответ.

Я вдохнула глубже, запрокинула лицо. Звезды подмигивали с ночного неба, и на какое-то мгновение мне захотелось, чтобы наивная вера Валда оказалась правдой, — тогда мои родные смотрели бы на меня сейчас через прорехи на покрывале богини. Порадовались бы они за меня? Не уверена...

Мне было хорошо на этой планете, и мне было потрясающе с Валдом. Конечно, не все у нас гладко и просто, но сейчас я даже не могла представить себя с другим мужчиной. Он держал меня за руку — и я таяла от этого невинного прикосновения. Когда ловила на себе его взгляд — просто уплывала в невероятную синеву. Но мое счастье было отравленным, с горьким привкусом скорой потери.

Я не буду думать об этом. Не буду портить вечер.

У края площадки в высоком синем кресле сидела Инфинита и что-то рассказывала группке священников. Они внимали ее словам, задавали вопросы... Если бы они начали расспрашивать меня, то очень скоро бы поняли, что бывшая монашка не знает ни одной молитвы. Надо будет поблагодарить Инфиниту и осторожно разузнать, почему она решила так поступить. Будто почувствовав мой взгляд, она повернулась и кивнула мне. Рядом с ней обнаружили и Энтропия с сыночком, который вперился в меня так жадно, что я инстинктивно отступила за широкую спину Валда. А чуть поодаль — в стороне от танцующих — я увидела Лору, сидящую в низком кресле, напоминающем шезлонг, а с ней — Ампера, который отрывал виноградинки по одной и клал жене в рот, придерживая тарелку культай.

По краям площадки поставили столы с нехитрым угощением, люди наливали вино из бочек в деревянные кубки. Валд подвел меня туда, и только тогда я поняла, как голодна. Я впилась зубами в лепешку, в которой оказалась мясная начинка, запила большим глотком вина — неожиданно крепкого.

Люди подходили к Валду, чтобы сказать хоть несколько слов. И он одинаково дружелюбно общался с каждым: поговорил об урожае с плешивым смуглым мужичком, обсудил будущий загон карраша с молодым веснушчатым парнишкой, который отчего-то отчаянно покраснел, когда взглянул на меня.

Небось наслушался сплетен о наших жарких приключениях в кустах. Когда к Валду приблизился высокий широкоплечий мужчина, мускулы которого так и играли под серой рубашкой с синей повязкой воина, они перешли на шепот и отошли немного в сторону.

— Скучаешь? — спросил меня Магнус, появившись из-за моего плеча, и я едва не подавилась лепешкой.

Отрицательно покачав головой, я с аппетитом доела и взяла еще одну. Демонстративно откусив едва не половину, уставилась на Магнуса. Буду жрать как свинья — вот мой хитроумный план по отшиванию поклонника. Подумав, я чавкнула, а Магнус вдруг вытер каплю мясного сока с моей губы и облизал палец. Не сработало.

— Я не могу перестать думать о тебе, Эва, — признался он тихо. Я покосилась на Валда, но тот был увлечен разговором. Наверное, обсуждают поход на шиагов.

— Слушай, Магнус, ты говорил, что любишь новые вещи и нетронутых дев, — вспомнила я, прожевав лепешку. — Так я уже не вписываюсь в твои идеалы. Валд меня потрогал. Да еще как.

— Плевать, — заявил Магнус. — Так даже интереснее. Легко быть лучшим, если не с кем сравнивать. — Он склонился к моему уху и прошептал: — Со мной тебе бы не пришлось просить «еще». Ты умоляла бы о пощаде...

Я отстранилась и посмотрела на него с яростью.

— Ты подсматривал?!

— Нет, что ты, — искренне возмутился Магнус. — Вот мне радость — пялиться на голого Валидола... Я подслушивал.

— Ты маленький грязный извращенец, — вздохнула я, и он нахально улыбнулся и подал мне кубок с вином.

— Да, — подтвердил он. — Только совсем не маленький.

— Знаешь, если никто из твоих женщин не просил добавки, то ты совсем не так хорош, как думаешь, — сказала я, и его скабрзная улыбка слегка потускнела.

Валд обернулся, увидел Магнуса и сразу же вернулся ко мне. А я поставила кубок на стол и обняла мужа за плечи.

— Научи меня танцевать, — попросила его.

Эва танцевала так, будто родилась для этого: ее юбки взлетали вверх, щеки разругались, а глаза горели. Прядки выбились из косы, и в какой-то момент Валд дернул за ленту, провел пятерней по ее волосам, расплетая их, и Эва грянула головой, отбрасывая темную копну за спину. Она отбивала ногами ритм, кружилась в свете костров, сама как огонь — яркая, безудержная, красивая, но в ее веселье будто сквозило отчаяние. И когда музыка зазвучала спокойнее, полилась плавно, как река, и Валд притянул Эву к себе, обняв за талию, то увидел в ее глазах слезы.

Она тут же улыбнулась, отвернулась, будто заинтересовавшись чем-то возле овечьих загонов, провела рукой по щекам, и когда снова посмотрела на Валда, глаза ее были сухими.

— Эврика, — сказал он. — Что-то беспокоит тебя?

Она лишь улыбнулась и покачала головой. Валд посмотрел поверх ее макушки и заметил Магнуса, который цедил вино и не отрывал от них взгляда.

— Магнус докучает тебе? — спросил Валд.

— Нет, — ответила Эва.

— А если будет, то ты ведь мне скажешь?

Она обняла его теснее, положила голову ему на грудь. Ее пальчики перебирали его косу, гладили шею, теплое дыхание чувствовалось через ткань рубашки. Сказать ей, что это неприлично? Да он скорее откусит себе язык!

— И что бы ты сделал, если бы Магнус докучал мне? — спросила она, подняв голову.

— Надрал бы ему зад, — улыбнулся Валд.

Эва вздохнула и вдруг, привстав на цыпочки, поцеловала его. В ее дыхании слегка чувствовался терпкий запах вина, а губы были мягкими и сладкими. На какое-то мгновение все словно исчезло — и музыка, и люди, и они остались лишь вдвоем под светом звезд.

— Вернемся в спальню? — хрипло предложил Валд, сжимая ее тонкую талию.

Мелькнула шальная мысль: как бы было прекрасно, если бы жена поскорее понесла. Он бы следил, как ее талия раздается, а живот растет, ловил бы малейшие изменения в ее внешности, выполнял капризы. А потом прислушивался к шевелению их ребенка внутри ее тела...

— Разве мы пробыли на празднике достаточно? — засомневалась Эва. — Вон священники что-то затевают.

Музыка оборвалась, и люди расступились к краям площадки, освобождая место процессии. Старший священник тянул моток веревки, один конец которого устремлялся куда-то вверх и терялся из виду. Инфиниту вывели в центр, отдали ей в руки моток. Она кивнула и неожиданно громко начала молитву:

— Богиня-мать всего сущего, всезнающая, всеумеющая, пребудь с нами и днем и ночью, и в здравии, и в болезни, направь, научи, вразуми. Прости своим детям несовершенство духа и слабость плоти, укрепи и наставь. И прими в свой небесный экипаж, когда придет срок. Иницион.

— Иницион, — повторили люди хором. Руки синхронно поднялись, совершая знак девятки.

А потом сверху по веревке, которая, похоже, была протянута с капитанского яруса пирамиды, спланировала искусственная птица. Крылья ее торчали в разные стороны, клюв был раскрыт, а стеклянные глаза сверкали, отражая свет огней.

— Что это за чучело? — тихо рассмеялась Эва.

Инфинита поймала птицу, подняла ее вверх, люди захлопали, и к небу вознеслись радостные крики.

— Птица — символ вести, полученной от богини, — сказал Валд и посмотрел на жену.

Она явно веселилась, а вот ему было не смешно. Да, птица, сделанная наспех из ткани и дерева, получилась кривобокой и не особенно торжественной. Но никто не потешался над нею. Люди были преисполнены благоговения. Все уже знали, что произошло: Зельда умирала, а некоторые говорили, что и вовсе умерла, однако богиня повелела Инфините принести благодать на алтарь. И когда это было исполнено, свершилось чудо: Зельда ожила и родила двух прелестных дочек.

Но Валд видел, как это было. Да, Зельда умирала. Крови натекло столько, что понадобилось десять ведер воды, чтобы отмыть алтарь и пол в храме. Ее губы посинели, и глаза закатились. У нее не было сил даже на то, чтобы вздохнуть, не то что исторгнуть из чрева двоих детей.

А йотом Эва открыла алтарь, всыпала туда благодать, и сотворила чудо. Вот только это выглядело так, будто она совершала работу. Она не молилась и даже не обернулась на икону. Ее движения были четкими и собранными.

— Пойдем, — сказал Валд и потянул жену за руку.

Они ушли с праздника, повернули к главному входу в пирамиду и поднялись по белым лестницам на четвертый ярус. Эврика тихо напевала себе под нос мотив последней песни, а Валд, войдя в спальню, оставил жену и пошел в душ.

Стоя под струями воды, он пытался отрешиться от речи: привести хаос, что царил в его мыслях, в систему. И понимал, что простых ответов на вопросы, роящиеся в его голове, быть попросту не может.

В окошке под потолком светила красная Кари, помощница богини, покровительница влюбленных. Правее виднелся белый бок Виты, дарующей жизнь. Когда к ним присоединится синий Ортем, несущий смерть, начнется великий прилив. Аккурат через тридцать дней после их с Эврикой свадьбы.

Валд перекрыл воду, вытерся полотенцем и вышел из душа.

На столике горела одинокая свеча, а Эва, раздевшись, ждала его в кровати. Он видел плавную линию ее бедра и темный треугольник волос внизу живота. Вся заготовленная речь куда-то испарилась, и Валд отвернулся, уставился в стену с картой, пытаясь сосредоточиться.

— Я хочу поговорить с тобой, Эврика. Я не понимаю, что происходит. Но должен узнать, — глухо произнес он.

Эва вздохнула, и Валд быстро добавил:

— Только не перебивай меня, потому что я и так запутался. Пожалуйста, молчи. — Он собрался с мыслями и тихо начал: — Мать сказала всем, что богиня послала ей весть, но я видел, кто на самом деле спас жизнь Зельде. Ты, Эва. И ты точно знала, что надо делать. Надела свой обручальный браслет на ее запястье, а браслет Зельды бросила на пол. Открыла алтарь, всыпала в него благодать, передвинула выступ. Знак бездны сменился другими символами. Ты нажала круглую штуку на алтаре, и он отозвался... Он словно ожил! Вены Зельды набухли, и она тоже ожила. Ее дочери повернулись в животе как надо и вышли одна за одной легко и быстро. — Он перевел дыхание. — Мое сердце едва не выпрыгивало из груди, Баг упал в обморок, а ты смотрела на все, что происходило, и даже не удивлялась. Будто этого и ждала. Будто ты знала... Это не было чудом. Это какая-то закономерность, заранее тебе известная. Баг твердил, что надо брать штурмом монастырь, якобы там хранилище старинных книг, несущих в себе откровение. Но ведь наш алтарь — один такой. Он здесь со времен сотворения обители. В монастыре второго точно нет. А благодать упала с неба два года назад, и ты не могла знать о ней раньше, ведь люди Алистера не ходили в Дикое место.

Валд повернулся к Эве, но та молчала, как он и просил.

— И вот теперь я думаю, раз ты знала нечто, что я не могу объяснить, так, может, и твои другие слова окажутся правдой. О том, что нападут шиаги... О том, что скоро ты умрешь... — Его голос сорвался, и Валд подошел к столику, взял кувшин с водой и отпил прямо из него, сглотнув вязкую слюну. Собравшись с духом, он признался: — Мне страшно, Эврика! Но я должен знать. Расскажи мне все. Что произошло сегодня в храме? Откуда ты знала о том, что делать с благодатью? Зачем надевала на Зельду свой браслет? Ты останешься со мной навсегда? Мы будем вместе, ты родишь мне детей, и мы пойдем по жизни рука об руку?

Он смотрел на нее и ждал, но Эва не отвечала и даже не шевелилась. Валд взял свечу со стола и поднес ее к лицу жены. Та спала, слегка приоткрыв рот. Капелька слюны блестела в уголке ее губ.

— Да ты издеваешься! — выпалил Валд.

Эва тихо всхрипнула, облизнула губы. Валд вздохнул, постоял у кровати, глядя на жену. Потом задул свечу и лег рядом с ней. Она пробормотала что-то во сне, повернулась на бок, закинула на Валда голую ногу. Он подтянул одеяло, накрыв Эву до плеч, и поцеловал ее в лоб.

ГЛАВА 21

Утром я проснулась от нежных поглаживаний Валда, который скинул одеяло и теперь рассматривал меня с нескрываемым удовольствием. Да и как его скрыть, если муж мой тоже был голым.

— Эврика, — пробормотал он. — Ты храпишь.

— Грязный поклеп, — возразила я, потягиваясь.

— Я хотел поговорить с тобой вчера и даже говорил, а ты все проспала, — обвинил он, перекатываясь на меня и опираясь на локти. — Я тут распинался перед тобой, всю душу вывернул, а ты...

Я слегка царапнула его плечи, обняла за шею. Ох не нравятся мне эти разговоры... Валд далеко не дурак и так смотрел на меня вчера в храме... Но я уже пыталась признаться ему однажды. Он не стал слушать и посмеялся надо мной. И если я опять скажу ему, что Эврика, в чьем теле я нахожусь, скоро умрет, — как дальше радоваться этому утру, целоваться и наслаждаться ощущением сильного тела, накрывшего меня сверху?

И я воспользовалась уже проверенным методом.

— Я так плохо поступила, — промурлыкала я, поглаживая спину Валда и устроившись под ним поудобнее. Оплела ногами его бедра. — Накажи меня.

Он ухмыльнулся, и глаза его потемнели от желания...

А потом, когда мы лежали, переводя дыхание, на смятых простынях, к нам постучали. Валд гибко поднялся и подошел к двери.

— Кто? — спросил он, не открывая.

— Прошу прощения, — раздался высокий голос. — Капитан объявил собрание совета.

— Опять? — удивился Валд. — Хорошо, сейчас буду.

— Валд, — протянула я, сев на кровати и пытаюсь распутать пальцами всклокоченную гриву. — Можно я тоже пойду? Я ведь твоя жена, и ты говорил, имею право...

— Ты хочешь? — Он посмотрел на меня с сомнением, и я состроила самое умильное лицо, какое только могла. — Ладно. Но нам все равно придется поговорить, Эва, хоть я и высоко оценил твой отвлекающий маневр.

Когда я вошла в круглый зал совета, все собравшиеся уставились на меня с удивлением: капитан Рутгер, чей нездоровый цвет лица только подчеркивали белые одежды, Инфинита с высокой башней из косы, Энтропия, в выгоревших глазах которой будто промелькнула злость, угрюмый бородатый Ампер и Магнус, который расплылся в улыбке, но меня это почему-то не порадовало.

— Здравсте, — пробормотала я, чувствуя себя слегка неловко от такого пристального внимания.

— Попрошу, чтобы принесли еще один стул, — ровно сказала Инфинита, выходя из зала.

— Эвочка, ты хотела что-то узнать? — холодно поинтересовалась Энтропия.

— Я хочу поприсутствовать, — ответила я. — Меня приняли в экипаж по всем правилам...

Магнус хмыкнул, покачиваясь на стуле.

— И подробности этой церемонии навсегда останутся в наших сердцах и памяти. — Он постучал себя пальцем по виску.

— И я жена Валидола, — добавила я. — Так что теперь тоже имею право на голос в совете.

Служанка принесла стул, и мы с Валдом сели рядом. Он незаметно пожал мне руку под столом.

— Так для чего нас снова собрали? — спросил Магнус. — Полюбоваться Эврикой? Теперь есть надежда, что собрания станут еще интереснее! Может, мне даже понравится сюда ходить. Или будем обсуждать вчерашнее чудо?

— Не знаю, что точно вчера произошло, но благополучные роды Зельды всех нас порадовали, — ответил Рутгер. — Я высоко ценю Бага и надеюсь, что его дети унаследуют способности и ум своего отца. Жаль, что девочки, но у него еще много попыток впереди.

Я подавилась возмущением, рвущимся наружу, поджала губы. Взгляду даже не за что было зацепиться в этом круглом зале: одни белые стены. Наверное, чтобы члены совета не отвлекались. Напротив сидел Магнус. Он заплел тонкую косичку, собрав волосы сверху, снова не побрился и теперь выглядел даже старше Валда. А его глаза, синие и мерцающие, как и у моего мужа, все так же неотрывно смотрели на меня.

— А у Магнуса новая прическа, — заметила Инфинита, садясь по правую руку от капитана. — Неужели ты выбрал себе невесту?

— Не то чтобы... — ответил он. — Но я, кажется, влюбился.

— Мальчик мой! — обрадовалась Энтропия. — И кто же она?

— Она... — Он закинул руки за голову, посмотрел в потолок. — Она особенная. Такая милая, красивая, прекрасно танцует, остра на язык, горячая, смелая, забавная... В общем, раньше я такой не встречал.

— Из какой она семьи? — спросил Рутгер. — Хотя я уже на все согласен. Вот женили Ампера на простой девушке — и хорошо. Так, может, и тебе не гнаться за родовитостью?

— Ее семья бы тебе понравилась, дядя, — вздохнул Магнус. — Но есть одна проблема: она замужем.

— Тьфу, — в сердцах плюнул Рутгер.

А пальцы Валда сжали мою ладонь сильнее.

— Надеюсь, ты понимаешь, что тебе ничего не светит? — ровным тоном спросил он. — Узы брака священны.

Верхняя губа Магнуса дернулась, словно он собрался зарычать.

— Так зачем мы собрались? — спросила Энтропия, почувствовав напряжение. — Зачем ты позвал нас, брат?

— Это инициатива старшего, — ответил капитан, и все посмотрели на Ампера, который до этого сидел тихо как мышь.

Он сглотнул, и его борода дернулась. Румянец залил скулы, не поросшие черными волосами. Интересно было бы глянуть на него без бороды.

— Я хотел бы вынести на голосование вопрос, — сипло сказал он и откашлялся.

— Какой еще вопрос? — лениво уточнил Магнус.

— Вчера произошло чудо, — сказал Ампер. — Которое потрясло всех нас. Зельда умирала, но с помощью благодати богини родила детей. Я предлагаю пойти в Дикое место и принести всю благодать, что там есть, в нашу обитель. И тогда наши женщины смогут рожать без опасности для здоровья.

В зале повисла тишина.

— Да! — выпалила я. — Это прекрасное предложение!

Рутгер испепелил бы меня взглядом, если бы мог.

— Ты держишь меня за дурака? — рыкнул он на Ампера. — Это невозможно без уничтожения шиагов, о котором талдычил младший на том совете. Решили выступить против отца вдвоем?

— Женщины всегда рожали детей в муках, — возразила Энтропия. — На то воля богини. Так они больше ценят счастье материнства.

— Я принимала роды у Зельды, — нахмурилась Инфинита. — Она испытала достаточно мук. Но если бы не благодать, то Баг овдовел бы вчера и никогда не подержал бы на руках своих дочерей. Ампер волнуется о беременной жене, и это понятно.

— Лора — здоровая женщина с широкими бедрами, она выплюнет этого ребенка и не заметит, — скривился Рутгер.

— Давайте проголосуем. — Ампер был непреклонен, хотя и смотрел куда-то в стол. — Кто за то, чтобы принести благодать?

Он поднял руку, следом Валд, Инфинита...

— Трое против трех, — прорычал Рутгер. — И по праву капитана...

— Я тоже «за»!

Я так переволновалась, что вспотела, и теперь под мышкой на платье у меня наверняка темнело пятно, но я все равно держала руку высоко поднятой.

— Значит, идем за благодатью, — зло улыбнулся Валд.

— Собрание снова удалось, — довольно осклабился Магнус, оставшись в зале лишь с матерью. Та стояла и задумчиво смотрела на двери, за которыми скрылась Инфинита. — Особенно мне понравился финал, когда Рутгер пытался перелезть через стол, чтобы придушить Эву. У него не зубы, а желтые пеньки, а все рычит и скалится, будто пес. Закашлял тут все.

Он брезгливо посмотрел на капли крови на белой стене.

— Ты тоже так делаешь, — заметила Энтропия, повернувшись к нему. — Поднимаешь верхнюю губу, когда злишься. Ты похож на своего дядю куда больше, чем его сыновья.

— Опять? — устало протянул Магнус. — Мать, заканчивай уже с этим.

— Подожди, — приказала она неожиданно строгим голосом. — Надо поговорить. Здесь — подходящее место. Звук не выходит из зала собраний.

Она подошла к столу и села напротив Магнуса. Голубые глаза, наивные, как у девчонки, седина почти не видна в пушистых косах, но сейчас, при безжалостном утреннем свете, возраст матери был очевиден.

— Чего ты хочешь? — спросил он, потеряв руками лицо.

— Того же, что и всегда. Ты должен стать капитаном, сынок, — с ласковой настойчивостью произнесла она.

— А я не уверен, что хочу этого, — задумчиво ответил Магнус. — Конечно, это власть, возможности, но и ответственность, заботы... Боюсь, мне быстро надоест.

— И что, ты так и проживешь жизнь на вторых ролях? — недоуменно спросила Энтропия. — Зря, что ли, поддакивал старому дурню все это время? Зря я лебезила перед ним и только что не облизывала?

— Слушай, мать, твоя жизнь — это твоя жизнь. Твой выбор. Не надо винить меня...

— Я столько сделала для тебя, — отрывисто бросила она. — Я всю жизнь на тебя положила. Я не вышла замуж повторно после смерти твоего отца. Не хотела, чтобы тебя начал воспитывать какой-то грубый мужлан. Чтобы кто-то портил то, что и так совершенно. Магнус, ты умный, смелый, решительный, сильный, красивый... Ты идеален!

— В принципе, да, — улыбнулся он. — Я такой.

— Так начни уже действовать! — воскликнула она. — Сейчас самое подходящее время! Рутгер слаб и помрет в любой момент. Каждый приступ может стать последним. И я могу поторопить его уход.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Магнус.

— Посмотри сам, — запальчиво продолжила Энни. — Ампер практически самоустранился от права наследования. Он занят Лорой, и больше ему ничего не надо. Валидол давно ходит по краю, испытывая терпение капитана. То и дело спорит с ним, да еще и Эврика подливает масла в огонь. Как итог — Валд больше не любимчик.

— Рутгер орал, что убьет их обоих — и Ампера, и Валда, — напомнил Магнус. — А сначала — выгонит прочь мерзопакостное алистеровское отродье.

— Вот именно, — подтвердила Энтропия. — Он кричал это и на лестнице, и еще несколько дней, скорее всего, будет в ярости. Люди слышат, запоминают. И если он умрет сейчас, отказав в преемственности капитанского поста сыновьям, то кто останется?

— Я, — кивнул Магнус. — Ты что, убьешь своего брата?

— Может, он сам помрет, — фыркнула Энтропия. — Он страдает. Днем раньше, днем позже... И не смотри на меня так! Рутгер уйдет за покрывало богини, и вскоре сюда явится Алистер и заявит, что

поддерживает тебя. Что ты — достойный капитан. Он заключит с тобой союз. Люди не хотят войны, и они тоже тебя поддержат.

— Я буду куклой в его руках, — поморщился Магнус.

— Он, знаешь ли, тоже не вечен, — напомнила мать. — И мне стоило больших усилий склонить его на нашу сторону. Он не сможет управлять двумя обителями сразу, ему в любом случае нужен ставленник.

— У него сыновей штук двадцать!

— А еще есть дочери. Ты женишься на дочери Алистера, и его внуки будут наследовать обитель. Он согласился на это. У него красивые дочки. Особенно одна, да? — вкрадчиво произнесла Энтропия. — Тебе ведь нравится Эвочка?

Магнус пристально посмотрел на мать.

— Продолжай, — сказал он.

— Валд сейчас в немилости у отца, но народ его любит. Он — угроза. — Энтропия почти шептала, и Магнус склонился через стол, впитывая ее слова. — Его надо убрать.

Магнус вздрогнул, отшатнулся.

— Я не могу все делать сама! — воскликнула Энтропия. — Он должен был умереть еще в брачную ночь. Алистер обещал! Но... Магнус, сын, ты должен сделать это. Пусть Валд идет на шиагов, пусть спалит там все к бездне. Пауки наверняка попытаются выбраться. Дым, сражение, суматоха... В пылу схватки ты сможешь сделать это незаметно...

— Я не буду...

— И Эва станет вдовой, — перебила его мать, и Магнус умолк, запнувшись невысказанным возражением. — Кто утешит бедняжку, овдовевшую так рано? — печально спросила она. — Кому отдаст ее отец? Эвочка слишком молода, чтобы самой решать свою судьбу.

— Я не смогу, — ошарашенно покачал головой Магнус. — Он ведь брат мне!

— Он ненавидит тебя, презирает, — выплюнула Энтропия. — Он ублюдок, которому здесь не место, а задирает нос и смотрит на тебя свысока. На тебя! Ты лучше его во всем! Ты должен стать капитаном! И если хочешь Эврику, то получишь и ее. Подумай над этим. — Она встала, оперлась руками о стол и склонилась к Магнусу. — Ты можешь получить все.

Она вышла из зала, а Магнус невидяще уставился на брызги крови на белой стене.

ГЛАВА 22

Следующие несколько дней пролетели в подготовке к истреблению пауков. Я почти не видела Валда, но мы все же успели поругаться, когда он заявил, что я не пойду туда ни при каких обстоятельствах. И даже обычный метод не помог: Валд с радостью отозвался на мои ласки, но даже после секса ответил твердое «нет».

— Сиди дома, женщина, тебе не место в бою, — пробурчала я себе под нос, копируя его интонации.

Вместо того чтобы помогать Валду с организацией пожара, я надиктовывала Багу все, что помнила из учебной программы. Это было забавно. Иногда он бросал ручку — деревянную, заправляемую чернилами каждые пять минут, — и смотрел на меня изумленно, как ребенок. А после того как я рассказала ему основные законы физики, вообще чуть не упал в обморок и ушел пошатываясь, заявив, что ему надо время все осмыслить.

И вот теперь я стояла перед пирамидой и наблюдала, как колонна воинов тянется по дороге в лес. Водяные кони, управляемые наездниками, еще раньше сползли с песка в белую иену, потянув лодки с горючими смолами и прочими припасами вдоль берега, чтобы потом подняться по реке и прибыть к нужному месту.

Валд поцеловал меня на прощанье, и губы до сих пор горели от его поцелуя, хотя я уже не могла различить макушку варвара, разделенную светлой косичкой.

Это моя миссия! А меня на нее не пустили! От успеха зависит будущее всего человечества, а весь хитроумный план Валда заключался в словах «Спалим их к...» В общем, не войдут эти слова в историю... Я кусала губы, глядя вслед воинам. Они взяли с собой луки, копья и мечи, на широких спинах поблескивали чешуйчатые кольчуги, и все войско выглядело так по-варварски... Может, отправиться за ними тайком?

— Валд попросил меня присматривать за тобой, — раздался позади голос Инфиниты.

— Я в порядке, — ответила я, натянуто улыбнувшись и толком не зная, как мне себя вести с этой женщиной.

— Не сомневаюсь, — кивнула она. — Но Валд имел в виду другое. Он опасался, как бы ты не сбежала следом.

Надеюсь, я не слишком очевидно покраснела.

— Нам стоит познакомиться поближе, как считаешь? — произнесла она. — Мне жаль, что я не смогла уделить тебе время сразу же. Но мой муж очень болен, и заботы об обителе отнимают много времени.

— Ничего страшного, — ответила я.

— Я хочу узнать тебя лучше, — с нажимом произнесла свекровь. — У меня есть вопросы к тебе, Эва. Пойдем. — Она поманила меня за собой. — Хочу кое-что тебе показать.

Я плелась рядом с ней, слегка волнуясь и прокручивая в голове варианты ответов на возможные вопросы. Она наверняка спросит про алтарь. Может, прикинуться блаженной? Мол, озарение. Невидимая птица принесла мне весть богини. Остальные ведь в это поверили.

Мы поднимались все выше и выше по белым лестницам и дошли до верхнего уровня. Инфинита открыла одну из дверей, и я шагнула в светлую спальню: чистые голубые тона, белые занавеси, пушистый ковер под ногами. Немного сбивали с толку гобелены, развешанные по стенам: сцена боя, где у некоторых воинов были либо рыбки хвосты, либо головы, пир, на котором половина людей лежала под столом, и, судя по вытаращенным глазам и пене на губах, им было не очень хорошо. И гобелен с ликом Фернанды, перед которым я зависла на какое-то время.

Оторвав взгляд от знакомых черт, я увидела стол, на котором высилась стопка бумажных листов. Баг показал мне, как делают бумагу: вырезают сердцевину высокого растения, раскладывают ее вдоль и поперек на ровной каменной плите и второй такой же придавливают. Волокна растения сплющиваются и выделяют клейкий сок. Потом получившиеся листы сушат и нарезают.

Видела я и машины для изготовления эластичной ткани из полых стволов деревьев, и прядильные станки, варварски примитивные, но позволяющие получать крепкое полотно из овечьей шерсти. И кузнечные цеха, где было так жарко, что я стала мокрой как мышь, пробыв там не больше нескольких минут, и кожевенные мастерские, где изготавливали кольчуги из чешуйчатых шкур. Варвары оказались не совсем варварами, и можно было надеяться, что со знаниями, которые скрупулезно записывал Баг, их цивилизация начнет развиваться ускоренными темпами.

Возле стола стояли два кресла, и я повернула туда, но Инфинита отодвинула в сторону гобелен с изображением лика Фернанды, и за ним обнаружилась дверь из олимпиума.

— Капитанская сокровищница, — сказала свекровь. Она достала из-за пазухи ключ на цепочке и, склонившись, вставила его в замочную скважину, не снимая с груди.

Дверь отворилась бесшумно. Еще бы. Олимпиум не ржавеет. Инфинита вошла внутрь, и я последовала за ней. В квадратной комнате было светло, хотя я не увидела ни одного окна. Лишь через мгновение поняла, что слабое сияние исходит от стен и потолка.

— Один из даров богини, который все еще с нами, — пояснила Инфинита, когда я попробовала сколупнуть кусок краски от стены. — Эта комната использовалась как хранилище наиболее ценных предметов с момента постройки крепости. Продукты здесь не портятся, а цветы не вянут. Иногда мне хочется запереться здесь и тем самым избежать старости. — Она улыбнулась с легкой иронией.

— Вы прекрасно выглядите, — не покривила я душой.

Мне на самом деле нравилась эта женщина. Она не пыталась скрыть возраст, не цеплялась за уходящую молодость, вываливая свои прелести на всеобщее обозрение, как Энтропия. В ней чувствовались гордость и одновременно мягкая мудрость, а ее строгие платья, темная с проседью коса, закрученная на голове, и образ в целом выглядели стильно.

Я обвела взглядом помещение и на какое-то время потеряла дар речи. Здесь были сундуки с драгоценными камнями, украшения, несколько сияющих корон и вязанки бус, переливающихся в тусклом свете, — так в моем представлении и должна была выглядеть настоящая сокровищница. А еще — шлем для выхода в открытый космос. Разбитый планшет. Прибор, в котором я опознала увлажнитель воздуха. Аппарат для маникюра. Интересно, действующий ли? Я посмотрела на свои ногти, давно требующие ухода. В шкафу за стеклом я увидела оранжевый шар, перетянутый крест-накрест белыми полосами металла. Это же... Это... Я рванулась к нему и наткнулась на Инфиниту.

— Это трогать нельзя, — строго сказала она. — Капитанские регалии власти.

Я выдохнула, пытаясь унять сердцебиение. Черный ящик Ковчега номер девять — вот что это. Предмет, в котором хранятся бортовые записи вплоть до посадки — или аварии. А рядом с оранжевым шариком лежал голоплеер. По виду — без трещин и сколов. Модель древняя, конечно, но может оказаться рабочей. Я положила руку на грудь, нащупав флешку, вставленную в ожерелье.

— Вот что я хотела тебе показать, — сказала Инфинита, протягивая мне зеленоватые листы бумаги.

Я разочарованно вздохнула. Даже по виду было ясно, что эту бумагу сделали уже здесь, на планете.

— Это дневник одного из первых капитанов обители, — пояснила свекровь, с трепетом переворачивая страницы. — Вот здесь, читай.

— Богиня покинула нас, а теперь — и ее милость, — прочла я вслух. — Алтарь больше не творит чудеса и не исцеляет больных. Почему она отвернулась от нас? Почему оставила своих детей? Мы одни. Все пропало...

— Ты знала, что алтарь обладал целебной силой, — сказала Инфинита, — но откуда?

— В монастыре сказали, — ответила я.

Женщина задумчиво кивнула.

— Я так и подумала, что в святых местах должны быть сведения о богине и ее милостях. Возможно, ты знаешь что-то еще? Что-то такое, что может быть нам полезным?

— Я уже поделилась знаниями с Багом, — нехотя призналась я, немного опасаясь реакции Инфиниты, но та лишь удовлетворенно кивнула. — А почему вы сказали, что богиня явилась вам?

— Потому что мне бы поверили, — сказала Инфинита. — А тебе — кто знает... После того как богиня ушла, находились такие люди, которые врал, что до сих пор слышат ее голос. Пытались манипулировать сознанием экипажа. Некоторых уличали во лжи и казнили. Либо ограничивались поркой.

— Спасибо, — сдавленно произнесла я и сглотнула. Вот только порки мне не хватало. — А птица откуда взялась?

— Я устала оправдываться, — вздохнула свекровь и виновато отвела взгляд. — Священники насели на меня, требуя деталей. Просто мысленный приказ их не удовлетворил. В итоге я согласилась, что

была птица, принесшая весть.

— Ясно, — улыбнулась я.

Зато теперь у варваров есть эффектный праздник с планирующим чучелом гуся.

Инфинита ненавязчиво оттеснила меня к двери, и я вышла, оглядываясь на капитанские регалии власти, оставшиеся в шкафу. Ключ повернулся, закрывая дверь.

— Пойдем-ка наверх, — предложила свекровь, — оттуда лучше видно.

Она открыла еще одну дверь, поднялась по узкой лестнице, откинула люк и выбралась на крышу. Потом подала мне руку, помогая залезть. Испуганные птицы взметнулись в небо, суматошно галдя. Сделав круг, улетели к морю, которое сейчас было ярко-бирюзовым, с белым кружевным краем, отделяющим розовую полосу песка.

— Потрясающе, правда? — Инфинита зажмурилась от утреннего света, и морщинки лучиками разбежались от уголков ее глаз. — Хотя ты ведь уже была здесь?

Я кивнула, всматриваясь в зеленый ковер леса, простирающийся позади пирамиды. Колонну воинов не было видно, лишь вдалеке над дорогой клубилась пыль.

— Я волнуюсь за своих сыновей, — призналась Инфинита, — и за остальных, конечно.

— Я тоже, — ответила я, усаживаясь на плоскую крышу.

Инфинита снова спустилась в комнату и вернулась с подносом, на котором был стеклянный чайничек, две чашки и тарелка с печеньем. Спohватившись, я забрала у нее поднос, помогла выбраться на крышу.

— Иногда я прихожу сюда, — призналась Инфинита. — В основном, когда хочется побыть одной и подумать. Особенно ночью. Здесь, под самыми звездами, все заботы и неприятности кажутся такими мелкими.

Она разлила по чашкам чай, аккуратно отпила.

— Расскажите что-нибудь про Валда, — попросила я. — Каким он был в детстве?

— Очень милым, — сразу ответила она, улыбнувшись. — Ты ведь знаешь, что он не родной мне. Когда я только узнала о его рождении, то была вне себя от гнева. Но потом как-то так вышло, что то, что казалось мне бедой, стало самым большим моим счастьем.

Я отпила чай, пряча эмоции и остро чувствуя собственное несовершенство.

— Помню момент, когда я поняла, что люблю его, — вздохнула Инфинита с ностальгией. — Валд вечно куда-то лез, пытался что-то открутить. Любознательный, активный, непоседливый мальчик — сущее наказание! Я тогда еще пыталась завоевать благосклонность мужа и пользовалась женскими хитростями вроде красок для лица и губ. Валд стащил их, пока я была в ванной. И вот выхожу я — а стены все разрисованы, кровать изгваздана, а посреди этого безобразия Валд, с руками, по локоть измаранными красками. Я попыталась унести его в ванную, но он кричал, что не закончил. Устав бороться, я отпустила его. И Валд, пыхтя и стараясь, нарисовал и закрасил ладошками большое сердце на полу, а потом подошел ко мне, обнял своими пухлыми ручками и поцеловал.

— И, наверное, вымазал, — сказала я.

— Конечно, — улыбнулась Инфинита. — Я еле отмыла и его, и себя. Но тогда и поняла, что не могу не ответить на его любовь. И у тебя тоже не получилось, ведь так?

Я почувствовала, что снова краснею, но кивнула. Эта женщина словно видела меня насквозь.

Мы сидели на крыше, Инфинита рассказывала мне байки из детства Валда, и я невольно расслабилась. Чай был ароматным, неченье — вкусным и хрустящим, и мне было так уютно рядом со своей временной свекровью, что я не заметила, как пролетело время и солнце поднялось к зениту.

— Смотри! — воскликнула Инфинита, расплескав чай, который она разливала по чашкам уже в третий раз.

Я повернулась в сторону, куда она указывала, и увидела черный столб дыма, потянувшийся к небу.

— Началось, — прошептала я, сжимая кулаки.

Второй столб вырос там же, а потом дым появился и со стороны плато, и там, где едва различимо блестело озеро, которое отсюда казалось крохотным, как монетка.

— Они окружают шиагов огнем, — сказала Инфинита. — Хоть бы пауки не сумели выбраться. Ох, богиня, помоги моим сыновьям.

Пожар распространялся все дальше, черный дым поднимался стеной к самому небу, и я стиснула зубы, не зная, за что волнуюсь больше — за успех миссии или за жизнь моего мужа.

Магнус шел по лесу, держась справа от реки, которая выше по течению становилась все уже. Валд поставил его в самое безопасное место — там, где река расширялась, пополняемая притоками, и несла свои воды в море стремительно и мощно. Ампера отправил к черному плато, которое сейчас, в полдень, превратилось в настоящую жаровню. А сам, конечно, выбрал опасный участок.

Магнус в раздражении взмахнул мечом, обрубив ветку. У Валидола как-то все время получалось и восхищать его, и бесить. Вот сейчас он словно специально ищет опасности, хотя мог бы отправить к броду Магнауса. Но нет, Валд не хочет делиться славой. Все себе.

«Ты можешь получить все». — Слова матери снова и снова звучали в голове.

Если Валда не станет, то так и будет. Пост капитана, всеобщая любовь, почет, уважение и Эврика.

Магнус зашипел сквозь стиснутые зубы, срубил еще одну ни в чем не повинную ветку. Свернув к реке, посмотрел влево. Его воины методично забрасывали противоположный берег огненными стрелами, но в том уже не было нужды. Огонь занялся, и пламя горело все выше, устремляясь прочь от реки вглубь Дикого места. Деревья, обмотанные паутиной, взрывались, исторгая черные хлопья копоти и воняя, как свечи из овечьего жира.

А вот выше по течению происходило нечто интересное. Дым тоже стоял черной завесой, и огонь горел, уходя вглубь, но пауки, точно поняв, что их загоняют в ловушку, пытались прорваться через брод. Серебряные жгуты паутины перелетали реку, впилились в стволы деревьев как копыя, а по ним, провисая до воды под собственной тяжестью, ползли шиаги. Магнус поежился, увидев их. Валд не врал! Жуткие огромные твари с чешуйчатыми телами быстро перебирали восемью лапами, стремясь удрать от огня. Воины Валда рубили паутину, стрелы летели сплошным огненным дождем. Один паук плюхнулся в воду, его понесло течением вниз. Голова с уродливыми жвалами то исчезала, то появлялась на поверхности, конечности с четырьмя пальцами отчаянно загребали. Шиаг, поскользнувшись, оперся передними на влажную глину у обрыва, и Магнус, шагнув вперед, отсек ему голову мечом. Тело дернулось, его оттащило течением от берега, и вскоре черная чешуя скрылась под водой.

Магнус снова углубился в лес и быстро пошел на звук сражения. Мать была права: суматоха, бой, черный дым щиплет глаза, и толком нельзя ничего рассмотреть. Воины замотали лица мокрыми лоскутами, чтобы не задохнуться, и все походили друг на друга: покрытые сажей, потные, злые. Однако Магнус заметил брата издали — узнал по блестящему белому мечу. Валд выкрикивал команды, указывая направление атаки, и лучники макали стрелы в смолу, зажигали их от факелов и запускали снова и снова. Берег на той стороне пылал, но чахлая растительность нижнего яруса быстро выгорела, и пауки, шустро огибая деревья, объятые огнем, устремились к обмелевшей реке.

— Огонь! — выкрикнул Валд, направляя меч вперед, и стрелы полетели в просвет между деревьями.

Магнус сглотнул, шагнул ближе, не видимый никем.

— Баг, возьми пятерых, иди ниже по течению! Добивайте плавунцов! — скомандовал Валд.

А вот это хорошо. Рыжий мог бы помешать. Вечно трется возле Валда, как верная псина.

Баг исчез, прихватив с собой воинов, а Магнус сжал меч крепче. К счастью, рукоять обтянута шершавой кожей и не скользит в руке, иначе он мог бы выронить оружие — так вспотели его ладони.

Широкая спина Валда в чешуйчатом жилете была прямо перед ним, один рукав синей рубахи промок насквозь, облепив вздувшиеся мускулы, второй — оторван и повязан на лицо. Жилет может спасти Валда от удара паучьей лапы, но не от меча, особенно если направить острие прямо под левую лопатку. А еще проще нанести удар в незащищенную шею, на которой висит грязная мокрая косичка...

Валд ударил, отбивая летящий серебряный жгут, перебил паутину, вонзившуюся в дерево справа. Шиаг, который уже повис над рекой, плюхнулся в воду, раздраженно шипя, вскарабкался на чадающий берег, и Валд выставил средний палец левой руки. Станный жест, надо будет спросить,

что он значит.

Хотя как же он спросит, если Валд будет мертв?

Жарко, как в бездне! Подул ветер, принося смрад и копоть от пожара. По щекам вдруг побежали слезы. Из-за дыма, конечно. Ведь нет других причин. Перед ним — его главный соперник, чья спина постоянно заслоняет ему путь вперед. Тот, из-за кого Магнус навсегда останется вторым номером. Тот, в чьих объятиях Эврика стонет от удовольствия каждую ночь.

Магнус стиснул зубы, шагнул вперед, замахнулся... и отбил паутину, летящую в Валда чуть сбоку.

— Ты здесь? — обернулся Валд. — Какого?.. Я оставлял тебя ниже по реке!

— Там тихо, — ответил Магнус. — Здесь я нужнее.

Валд оттолкнул его в сторону свободной рукой и обрубил натянувшуюся нить, по которой шустро карабкался паук с тугим яйцекладом, похожим на набитую сумку, болтающуюся внизу брюха.

— Ладно, — сказал Валд. — Я рад тебе, брат. — Синие глаза, такие же яркие, как у него, сверкнули над повязкой. — Прикрой чем-нибудь свою смазливую рожу, не то задохнешься.

— Просто я красивее, вот ты и бесишься, — ответил Магнус, отрывая рукав и спускаясь к реке.

— Шиагам без разницы, — заметил Валд. — Но если полезешь к моей жене, я тебе врежу, так и знай.

— Поверь, она и сама это может, — пробурчал Магнус, окуная оторванный рукав в воду и повязывая его на лицо.

Шиаг выстрелил паутиной особенно далеко и стремительно заскользил по натянутому тросу прямо на Магнуса. Тот быстро выпрямился, вытаскивая меч из ножен, но Валд появился рядом и рассек шиага пополам. Магнус брезгливо оттолкнул ногой тушу подальше в реку.

Они стояли плечом к плечу, обрубая паутину, добывая шиагов, которым удавалось перебраться на берег. По взмаху руки Валда воины стреляли огнем, и ветер переменял направление и подул сильнее, гоня пламя в Дикое место, точно сама богиня решила вмешаться и помочь своим детям.

А Магнус вдруг понял, что счастлив. Он сражался рядом с Валдом, выполнял его приказы, и в том не было ничего постыдного. В конце концов, можно быть и вторым номером, если первый — тот, кого ты любишь.

Мы со свекровью провели на крыше пирамиды весь день, болтая, волнуясь и наблюдая за дымом, охватывающим все большую территорию.

Я поморщилась от запаха гари, раздражающего ноздри. Страшно представить, что творится там, у реки. Сейчас, в сумерках, зарево пожара алело под темнеющим небом и постепенно сужалось кольцом, стремясь к центру.

— Знак бездны, — прошептала Инфинита. — Спаси нас, богиня.

Вновь слышу про этот знак. Огненное кольцо. Интересно, из каких событий прошлого эта бездна появилась.

— Пойдем, — встрепенулась свекровь. — Мы ничем им не поможем. Нам остается только ждать.

Я кивнула и поднялась, взяв поднос с опустевшим чайником и тарелкой, на которой остались лишь крошки. Покосилась на глаз богини, в котором вспыхнул синеватый разряд. Спустившись по лестнице, поставила поднос на стол и повернулась к Инфините.

— А можно мне почитать те записи об алтаре? — попросила я и пообещала: — Я буду очень аккуратной.

Инфинита, помешкав мгновение, кивнула и снова направилась к гобелену с Фернандой. Однако стоило мне сунуться следом, как свекровь уже оттеснила меня наружу и протянула зеленоватую тетрадь. Оранжевый шар с Ковчега и голоплеер остались в недосягаемости.

— Вот. Это древние записи, и кое-что я вовсе не сумела понять. Все же язык с тех нор претерпел изменения, — задумчиво произнесла она. — Может, тебе удастся добыть из этих записей зерно знаний, которые мы сможем использовать. Богиня оставила нам заветы священной девятки, первый из которых гласит, что наш разум постоянно должен быть в движении. А чтение летописей — самая

что ни на есть благоприятная пища для ума. Хоть и жестковатая.

Инфинита лукаво улыбнулась.

— Спасибо, — поблагодарила я, забрав из ее рук старую тетрадь.

— Эврика, — задержала меня свекровь у дверей, — я приставлю к тебе на ночь охрану.

— Я не сбегу, — обиделась я. Мы так хорошо провели этот день и почти подружились, а оказывается, Инфинита все еще мне не доверяет!

— Верю. Это для твоей безопасности, — пояснила свекровь. — Мы все еще не знаем, кто украл тот кинжал у Валда.

— Вы знаете о том, что произошло?.. — поняла я.

— Валд рассказал мне, — кивнула Инфинита. — И я в ужасе от того, что тебе довелось пережить. Береги себя, Эврика. Я возлагаю на тебя большие надежды.

— В смысле?

— Ты проявила себя разумной и храброй девушкой, — пожала она плечами. — С твоим появлением многое переменялось. Я верю, что ты сможешь принести пользу нашему экипажу.

— Постараюсь, — кивнула я. Похоже, мою миссию можно считать выполненной. Так что я спасла их экипаж от смерти, хоть они об этом и не знают.

— А еще ты делаешь счастливым моего сына, — улыбнулась она мягко. — И я надеюсь, что скоро порадуешь нас прибавлением... Ох, у вас будут такие прекрасные дети!

Она вдруг порывисто обняла меня, но я отстранилась и поспешила уйти. От слов и объятий Инфиниты стало так горько, будто сажа с пожара осела копотью в моем горле.

У дверей в спальню я шарахнулась от какого-то мужика, но тот поклонился, посторонился и дал мне пройти. А когда я вошла в комнату, снова невозмутимо уставился в сторону лестницы. Охранник, поняла я. Вскоре ко мне постучали, и служанка, которой мужик придержал дверь, внесла ужин и зажгла свечи, разгоняя сумрак.

Без Валда было одиноко и непривычно, и, наскоро перекусив запеченными овощами, я забралась в кровать. Придвинув ближе канделябр, стоящий на прикроватном столике, обнаружила там же кинжал, оставленный Валдом, и мне вдруг сразу стало спокойнее.

Я открыла тетрадь и ахнула: записи датировались. Над первой значилось: «второй день месяца овцы сто двадцатого года со дня Выхода». Пролитав страницы, я поняла, что у меня в руках — настоящая реликвия! Капитаны Ковчеха сохранили традицию вести судовой журнал! В этой тетрадке были записи нескольких капитанов, которые сменяли друг друга на посту и вносили на зеленые листы сведения о самых важных событиях экипажа. Хотя ближе к середине мне попался рецепт мясного пирога с припиской, что от него можно проглотить язык и будто побывать в объятиях богини.

Вернувшись к началу, я углубилась в чтение, намереваясь изучить тетрадь от корки до корки.

Проводив Эврику, Инфинита подошла к небольшому зеркалу на стене, пригладила волосы и оправила платье. День получился замечательным. Разделив с Эвой волнение, Инфинита чувствовала себя легче. И хотя зарево далекого пожара заставляло сердце биться чаще, ей верилось, что все будет хорошо и сыновья возвратятся невредимыми.

Она открыла дверь в смежную комнату и сразу же поспешила к кровати.

— Что такое? — спросила она у Энтропии, сидящей в кресле рядом. — Ему стало хуже? Ты давала лекарство?

Рутгер тихо постанывал, и лицо его будто стало желтее за этот день, а губы потрескались. В уголках рта запеклась кровь.

— Я все сделала так, как ты и велела, — сухо произнесла Энтропия, обиженно поджав губы. — Но ты, по-видимому, плохо заботишься о моем брате. Твои лекарства не помогают.

— Позови Карин, — приказала Инфинита, садясь на пуфик у изголовья кровати. Взяв чистое полотенце из стопки на столе, промокнула пот, выступивший у мужа на лбу.

Энтропия ушла, излишне громко хлопнув дверью, и Рутгер открыл глаза.

— Ты... Наконец-то. Где ты была?

— С Эвой, — ответила Инфинита.

Рутгер поморщился, с трудом сглотнул. Инфинита налила в чашку воды из кувшина и помогла мужу выпить, приподняв его голову.

— Тебе хуже? Что-то болит? — спросила она. — Был приступ?

— Слабость... И во рту кисло. Новое лекарство такое гадкое, — пожаловался он.

— Новое? — нахмурилась Инфинита. — Никаких новых лекарств. Все прежние.

Она склонилась над столиком, перебрала пузырьки. Подняв один, посмотрела на свет.

— Все верно, — пробормотала она. — Стало чуть меньше. Скажи, что давала тебе Энтропия?

— Ох, оставь, — устало сказал Рутгер. — Присядь со мною рядом. Мне легче, когда ты здесь.

Она пересела на кровать. Капитан приподнял веки, посмотрел на жену, и взгляд его сделался удивленным.

— А ты красива, знаешь?

Инфинита лишь нахмурилась и снова вытерла ему вспотевший лоб.

— Помню, когда увидел тебя впервые... — Рутгер закрыл глаза, предаваясь воспоминаниям. — Испытал лишь разочарование. Худая, нескладная. Чернявая к тому же. А мне всегда больше нравились блондинки. И твой сын больше похож на тебя, чем на меня.

— Ампер твой сын, ты же знаешь.

— Конечно, знаю. — Рутгер снова открыл глаза. — Ты всегда была верной женой. Даже когда я оскорблял тебя изменами.

Инфинита отвернулась.

— К чему вспоминать былое? — ровно спросила она. — Если бы ты не был таким... у меня бы не было Валда. Возможно, тебе стоило заделать еще нескольких детей на стороне, раз у тебя это так хорошо получилось.

Рутгер хмыкнул, нашел руку Инфиниты и сжал ее пальцы.

— Он любит тебя как родную мать.

— И это каждый день радует мое сердце, — ответила она. — Рутгер, как ты себя чувствуешь? Что болит?

— Я умираю, — ответил он спокойно. — Теперь уже точно. Покрывало богини опускается надо мной. В глазах темнеет.

Инфинита взволнованно повернулась к нему.

— Ты простишь меня? — спросил он, вглядываясь в ее лицо. — Я причинил тебе столько боли.

— Я не держу на тебя зла.

В комнату, постучав, вошла Карин и следом за ней — Энтропия.

— Капитан очень плох, — быстро сказала Инфинита. — Дай ему что-нибудь укрепляющее. Может, стоит перенести его на алтарь? Зельде помогло!

— Не надо. — Рутгер снова сжал ее пальцы в ладони, липкой от пота. — Не надо меня никуда носить. Дайте мне спокойно умереть.

Он часто и хрипло задышал, стискивая ее пальцы так сильно, что Инфинита поморщилась.

— Внутри так жжет, — пожаловался он, крупные слезы сбежали из глаз по вискам, оставив влажные дорожки на морщинистой коже. — Жена моя, прикажи переплести мне волосы. Пусть сделают одну косу вместо двух.

— Две женщины подарили тебе сыновей, зачем что-то менять? — спросила она.

— Я не помню ту... — ответил он. — Ты была моей единственной женой.

Рутгер повернул голову, с трудом приподнялся, посмотрел на Инфиниту.

— Я будто вижу тебя настоящую теперь, — прошептал он. Струйка крови скатилась с уголка его губ и измарала бороду. — Прости...

— Назови преемника, Рутгер! — взволнованно воскликнула она. — Рутгер!

Карин бросилась к капитану, откупорила какую-то бутылочку, едкий запах из которой мигом пропитал всю спальню, вытеснив запахи и лекарств, и пота, и болезни. Но Рутгер откинулся назад на подушки, дернулся, замер, и его глаза будто выгорели, утратив свою яркость и став светло-голубыми, как у Энтропии.

— Брат! — громко выкрикнула та, тоже бросаясь к кровати. — Брат мой!

Инфинита встала и отступила на несколько шагов от кровати, а Энтропия бросилась на грудь Рутгеру и зарыдала.

— Капитан умер, — констатировала Карин через минуту. — Я подготовлю тело к погребению. Скажу служанкам переплести волосы в одну косу.

— Не надо, — ответила Инфинита. — Пусть останутся две.

ГЛАВА 23

Валд вернулся лишь следующим вечером с последним отрядом воинов, когда красное солнце уже зацепилось за верхушки пальм, бросающих лохматые тени на розовый песок, а я сгрызла себе все ногти в ожидании. Весь в саже, как черт, только синие глаза горят на перепачканном лице, один рукав оборван, правая ладонь обмотана каким-то лоскутом, грязный, страшный, дикий — он вдруг показался мне таким родным! Напряжение, сковывающее меня второй день, отпустило, и я расплакалась от облегчения, бросилась к Валду навстречу, и он подхватил меня в объятия.

— Все хорошо, жена, — улыбнулся он, сверкнув белыми зубами. — Не плачь.

Он попытался стереть мои слезы, виновато улыбнулся. Я вытерла щеку сама и посмотрела на ладонь, на которой осталась сажа.

— Ты цел? Ты в порядке? — спросила я, быстро и обеспокоенно разглядывая его и пытаюсь понять, есть ли раны под слоем копоти.

— Пара царапин, — пожал он плечами.

Я выдохнула и снова обняла мужа, и поцеловала со всей полнотой чувств, что испытывала к нему сейчас.

— Потихе, Эва, — пробормотал он. — Когда ты так меня целуешь, я не могу не реагировать. А тут даже кустов нет поблизости. Давай доберемся до спальни.

— Я люблю тебя, — выпалила я неожиданно для себя самой, замерла и поняла, что да — люблю. Я переживала об исходе миссии, но волнение за варвара терзало меня даже сильнее. Я пыталась думать обо всем человечестве, а в итоге представляла синие глаза мужа и его улыбку.

Валд ненадолго задержал дыхание после моего признания, а потом поцеловал меня сам — так, словно вокруг не было ни воинов, ни женщин, встречающих их, — никого.

— И я тебя люблю, жена, — сказал он, когда наши губы наконец разъединились. — Все, пойдем. Хочу смыть с себя вонь пожара и остаться с тобой наедине.

Я заметила позади Магнуса и поначалу даже не узнала его. И не потому, что он был весь в саже, а светлые волосы превратились в грязную слипшуюся паклю. В нем будто что-то переменялось. Теперь он смотрел на меня без злого азарта. Скорее — с легкой грустью.

— Привет, Эва, — сказал он. — А меня поцелуешь? Я тоже победил пауков.

— Ты хорошо сражался, — подтвердил Валд. — Но целовать тебя будет какая-нибудь другая женщина.

— И, пожалуй, не сегодня, — до странного легко согласился тот. — Устал, как карраш после загона.

Магнус подошел к ступеням в пирамиду и остановился перед Энтропией, заслонившей ему путь. Взгляд ее метнулся к Валду и вспыхнул яростью. Верхняя губа вздернулась вверх, точно у капитана Рутгера, когда тот злился. Рядом с ней появилась и Инфинита, с черной лентой, увившей ее высокую прическу, и я сжала руку Валда, желая поддержать его перед новостью, которая должна была на него сейчас обрушиться.

— Сын, — тихо произнесла Инфинита. — Я рада, что ты цел.

Валд смотрел на черную ленту в ее волосах, и пальцы его дрогнули в моей ладони.

— Твой отец умер, — сказала Инфинита. — Мне очень жаль.

Она сбегала по ступенькам, обняла Валда, не волнуясь о платье, которое после этих объятий наверняка измарается так, что не отмоешь.

Магнус застыл рядом у ступеней, как столб, и в его взгляде, устремленном на мать, читалась... ненависть? Что происходит? Энтропия часто дышала, грудь ее вздымалась в глубоком декольте, украшенном черным кружевом.

— Это ты убил его! — патетически воскликнула вдруг Энни, указав пальцем на Валда. — Ты предал своего отца! Сердце моего брата не выдержало! Он умер, проклиная твое имя!

— Это неправда! — громко возразила Инфинита, быстро повернувшись к ней. — Неправда, сын! Я была там в последние минуты!

— Ты и Ампер всадили нож ему в спину! — Энтропия будто впала в истерику: взвыла, рухнула на колени, задрала лицо к небу. Запустив пальцы в волосы, потянула — однако не так сильно, чтобы выдрать, и стала качаться туда-сюда, как припадочная.

Магнус постоял у входа, даже не пытаясь утешить мать, а потом просто поднялся по ступеням и прошел мимо.

— Мой брат! Мой бедный брат! — продолжала стенать та. — Лишь я одна была его последним утешением, да племянник, который чтит его куда больше, чем родные сыновья!

— Уведите ее, — приказала Инфинита женщинам, и те, подхватив Энтропию под руки, подняли ее с пола.

— Это ты их настроила против отца, — выплюнула Энтропия в лицо моей свекрови. — Ты ненавидела его, потому что он так и не смог тебя полюбить! Ты отомстила ему! Ты... убила его!

— Не носи вздор, тетя! — сердито приказал Валд. — Мой отец давно болел, все это знают. Пришел его час. Пусть богиня будет милостива и возьмет его в свой небесный экипаж.

Валд приобнял мать, поддерживая, а я заметила цепкий и сосредоточенный взгляд Энтропии, так не вяжущийся с показной истерикой, и поежилась от скверных предчувствий.

— Когда похороны? — спросил Валд.

— Уже сегодня, — сказала Инфинита. — Рутгер умер вчера. Надо поторопиться. Его тело в хранилище, но откладывать незачем. Все уже готово, ждали только вас. Ампер давно вернулся и остальные. Иди приведи себя в порядок, сын, отдохни немного. А когда в море появятся все три дороги, проводим твоего отца.

Валд прямиком отправился в душ, скинув лохмотья на пол. Я собрала их и, подумав, вынесла за дверь и всучила какой-то служанке, сказав выбросить. Иначе запах пожара заполнил бы всю комнату. Потом вернулась в спальню и, раздевшись, вошла в душ к Валду. Он стоял, упершись руками в стену и подставив голову под теплые струи воды.

Я намылила мочалку, провела ею по его шее, плечам. Расплела спутавшуюся косичку, погладила широкую спину, а потом просто прижалась сзади, обняв Валда обеими руками, и закрыла глаза. Не знаю, сколько мы стояли так, но потом он будто стряхнул с себя оцепенение и повернулся ко мне.

Я мыла его и оттирала от копоти, пока вода, устремляющаяся в слив, не стала совершенно прозрачной, вытирала полотенцем. Серьезных ран на самом деле не оказалось, но с левой руки была содрана кожа — отметина как цветок: три лепестка сверху и снизу один. Я на миг почувствовала головокружение, поняв, как он это получил.

— Давай пойдем к алтарю, — предложила я, не в силах отвести взгляд от отметины. — Ампер доставил благодать на лодках. Твои раны затянутся мгновенно.

— Нет, — ответил Валд, и я нахмурилась.

— Почему нет?

— Благодать только для рожениц, — ответил он. — Ее много. И потом, когда земля остынет, мы вернемся и перетрясем всю поляну, где она была, ведь наверняка в земле еще много благодати, которая рассыпалась, когда упала с неба. Но запасы ограничены. Мы не станем тратить ее на царапины.

Я закатила глаза, но Валд притянул меня к себе, так что я уткнулась носом ему в грудь, и поцеловал в макушку.

— Поспи немного, — предложила я, и он послушно отправился в кровать, но потянул меня с собой. Он уложил меня сверху, и я, поерзав немного, нашла удобное положение. — Валд, я соболезную твоей утрате...

Он вздохнул, погладил мою голую спину, ладонь остановилась на пояснице, словно в нерешительности.

— А кто теперь станет капитаном? — задала я вопрос, терзающий меня с самого утра, когда я узнала о смерти Рутгера.

— Не знаю, — ответил Валд. — Отец должен был назвать преемника, но тянул с этим.

— Зачем?

— Возможно, хотел, чтобы мы старались показать себя с лучшей стороны, подстегивал соперничество.

— Вы — это ты и Ампер?

— И Магнус, — ответил Валд.

И я сразу поняла смысл сцены, устроенной Энтропией! Вот стерва!

— Ты должен стать капитаном, — твердо сказала я.

— А у тебя есть амбиции, жена, — усмехнулся Валд. — Хочешь управлять обителью? Или в чем твой интерес?

Хотела бы я управлять обителью? Не то чтобы... Хотя я бы навела здесь порядок, только вот не успею. Но я бы точно хотела получить доступ к оранжевому шарiku, что хранится в сокровищнице.

— Тебе бы пошел белый, — ответила я и улыбнулась. Неохотно скатившись с Валда, накрыла его одеялом. — Поспи немного. Я разбужу тебя.

Валд благодарно кивнул и закрыл глаза, а я, полежав рядом с ним немного, поднялась и, надев чистое платье, прошла в другую комнату. Откинув покрывало, с замиранием сердца подсчитала оставшиеся полоски, выцарапанные на кровати. Десять. Всего десять дней!

Что я буду делать, когда вернусь на стерильные белые палубы «Арго»? Когда планета, которую варвары называют Колыбелью, останется далеким шариком за иллюминатором и Валда не будет рядом со мной?

У меня останется брат, осадила я себя. Он — моя семья. Хотя Кира я увижу в лучшем случае года через полтора, когда «Арго» вернется из экспедиции, а у брата будут каникулы. И если не начнется война. А ведь теперь, когда будущее планеты почти наверняка предопределено, войны не будет!

Солнце скатилось за горизонт, расплескав по небу кровавые кляксы. Взяв пилочку для ногтей, я зачеркнула еще одну полоску. Девять.

Вернувшись к Валду, легла рядом, рассматривая его черты: темный разлет бровей, густые ресницы, прямой нос и мягкую линию губ, и твердый подбородок, покрытый отросшей щетиной. Он выполнил мою миссию, но осталось еще кое-что. Пусть Энтропия даже думать не смеет о том, чтобы пропихнуть к власти своего сыночка. Для обители и всей планеты будет лучше, если следующим капитаном станет Валд.

Капитана Рутгера хоронили в море. Тело, облаченное в белые одежды, уложили в лодку, украшенную цветами, и спустили на воду. Черная морская гладь, усыпанная отражением звезд, светилась и тихо покачивалась, медленно унося скорбный дар под монотонные бормотания священников. Рассыпанные бликами лунные дорожки будто прочертили для капитана направление, и когда лодка удалилась от берега на достаточное расстояние, Валд шагнул вперед, натянул лук и запустил горящую стрелу. Огонек описал дугу на фоне темного неба и упал искоркой в последнюю колыбель капитана.

— Это должен был сделать Ампер, как старший сын, — тихо пояснил Валд, вернувшись ко мне.

Но он не может, с одной рукой, поняла я. Люди выстроились вдоль линии прибоя, женщины тихо плакали, мужчины скорбно молчали. И лишь Энтропия громко всхлипывала и подвывала, играя роль безутешной сестры.

— О бедный брат мой! На кого ты оставил нас? Как жестоко обошлись с тобой те, в кого вложил ты сердце и душу, — завела она свою песню, когда огонь объел лодку.

Инфинита повернула голову, и на ее щеках блеснули дорожки слез.

— Недостойные! Презренные! Предавшие своего отца! — продолжила та.

— Хватит порочить моих сыновей! — рявкнула на нее Инфинита. — Ты была с Рутгером в его последний день, и я все думаю: может, именно поэтому он стал для него последним. Что ты дала ему, Энтропия? Он жаловался на новое лекарство!

— Конечно, я была с ним в его последний день. Кто, как не сестра, утешил его и закрыл ему глаза на смертном одре? Я — его родная кровь и не оставила брата в скорбную минуту кончины.

Вот же дрянь! Я сжала кулаки, нащупав в кармане рукоять кинжала, с которым в последнее время

не расставалась. Может, она действительно ускорила отход капитана в мир иной. А то как-то больно ладно складывается: его ссора с сыновьями и тут же смерть. А Магнус, выходит, весь в белом. Только бы не в прямом смысле.

Люди шептались, и рыдания женщин стихли. Все прислушивались к ссоре.

— Ампер — ущербный! — выпалила Энтропия. — Богиня не отвела от него беду, допустив увечье. Значит, она не любит его. А нужен ли нам капитан, лишенный милости богини?

Ампер хмурился, придерживая беременную жену.

— Сама ты ущербная, — сердито сказала Лора. — Мой муж — самый прекрасный мужчина во всем экипаже!

— А Валд вызвал гнев своего отца! — продолжала Энтропия, не обратив внимания на реплику. Сейчас, с растрепанными косами, вытаращенными глазами, она выглядела безумной. — Рутгер проклинал его имя, и это из-за непочтительности Валда сердце моего бедного брата остановилось!

— Это ложь! — снова сказала Инфинита. — Скажи уже прямо, Энтропия: ты желаешь видеть на посту капитана собственного сына. Вот к чему все твои истошные вопли.

— Так и есть, — сказала Энни спокойнее. — Магнус единственный достоин высокой чести!

— Валидол должен стать капитаном! — заявила Инфинита.

— Валдик? — Энтропия презрительно рассмеялась, запрокинув лицо к звездам, утерла несуществующие слезы. — Тот самый Валдик, который не может справиться со своей женой? Валдик, который даже не мог консумировать брак? Вы все помните этот позор...

— Наш брак консумирован! — не сдержалась я.

— Теперь-то да, — фыркнула Энни, — но не сразу ведь, не в брачную ночь. Чья кровь была на той простыне, что он показал нам? Может, это ты ему что-нибудь повредила, а?

— И что с того, если консумация произошла чуть позже? — спросила я. — Да, Валд не стал меня насиловать и подождал, пока я не буду готова. Я благодарна ему за это. Разве это плохо, когда мужчина уважительно относится к желаниям женщины?

Я заметила, как люди закивали, поддерживая меня. И если некоторые мужчины пожимали плечами, то женщины явно были согласны со мной.

— Плохо, когда желания женщины управляют мужчиной, — сказала Энтропия. — Разве хорошо, если капитаном будет крутить дочка Алистера? Кто на самом деле будет управлять нашим экипажем: Валдик или твой отец?

— При чем тут мой отец? — взъерилась я. — Я — одна из вас, меня принял в экипаж капитан Рутгер!

— Да-да, мы все видели тебя голенькой, — покивала Энтропия, и растрепанные лохмы упали ей на лицо, она отвела прядь в сторону, и я заметила, что ногти на ее пальцах обгрызены до крови. — Вот только потом ты спокойно предала своего мужа. Ты выпила отвар, убивающий нерожденных детей. Рутгер изгнал тебя!

— Я не пила тот отвар! — с волнением выкрикнула я, чувствуя, что проигрываю в споре. Валд стоял рядом и безучастно смотрел вдаль — на пылающую в ночи лодку, медленно удаляющуюся вдоль красной лунной дорожки. — Рутгер принял меня обратно! И Валд простил меня.

— Слабовольный, — вздохнула Энни с жалостью. — Жена не уважает его, избегает супружеского ложа и травит детей в своем чреве. А он прощает. И даже сейчас стоит и молчит, как истукан, а говорит за него жена. Дальше тоже так будет? Нами будет править дочь Алистера? Вы этого хотите, люди?

Народ сдвинулся плотнее, зашумел, послышались возмущенные возгласы.

— Я прощаюсь со своим отцом, — ровно сказал Валд, не отрывая взгляд от лодки. — Разве споры не могут подождать, тетя?

— Это из-за Эврики наши воины ходили в Дикое место и рисковали жизнью, — не умолкала она. — Сейчас наша обитель практически беззащитна. Мы потратили все запасы горючих припасов. И ради чего? Если бы богиня хотела дать нам благодать, то сбросила бы ее куда-нибудь поближе. А теперь, когда Алистер приплывет на своих кораблях, что мы будем делать? Закидаем их синим порошком? Эва везде лезет поперек, а ведь дело женщины — молчать и повиноваться...

— То-то вас не заткнуть! — заметила я. — Мой муж будет превосходным капитаном! И я люблю его и уважаю...

— Да-да. — Энтропия презрительно скривила губы. — Мы все это видели. Ты предашь и его, и нас при первой возможности!

Люди вокруг перешептывались, переводили взгляды с Валда на Магнуса, который стоял в стороне, будто его это не касалось. Народ сомневался, я ясно это видела, и все из-за меня! Валд сейчас лишится поста капитана из-за неподходящей жены-предательницы! Знала бы, что так будет, переспала бы с ним в первую же ночь!

Я выхватила кинжал из кармана, и лезвие сверкнуло, отразив свет трех лун. Энтропия испуганно попятилась, а я быстро, пока не передумала, чиркнула острием над левой грудью и опустила на колени в розовый песок.

— Что ты делаешь, жена? — воскликнул Валд, отбирая у меня кинжал.

Я прижала кулак к порезу. Свежая ранка заныла, пальцы стали мокрыми от крови.

— Я клянусь тебе в вечной верности, — громко и отчетливо произнесла я, глядя в синие глаза своего мужа.

Я не слышала клятв, которые звучали в храме на церемонии нашей свадьбы. Я не смогу заботиться о Валде, да и слушаться и повиноваться у меня вряд ли получится, даже те девять дней, что нам остались. У нас не будет детей, которых я бы полюбила всей душой. Я не смогу быть покорной женой. Так что единственная клятва, которую я могу ему принести, — быть вечно верной ему одному. Пусть он никогда об этом и не узнает. Мой варвар, мимоходом спасший все человечество, мужчина, сильнее и лучше которого я не встречала, услада моего сердца.

— Я никогда не предаю тебя, Валд, — поклялась я. — Моя кровь — твоя кровь.

— Это мужская клятва! — выкрикнула Энтропия. — Ты все равно дочь врага...

Магнус слегка оттолкнул ее плечом и подошел к нам. Вынув из-за пояса короткий нож, опустил на колено перед Валдом, дернул ворот рубахи и провел острием по гладкой золотистой коже. Прижав кулак к ране, произнес:

— Я клянусь тебе в вечной верности, брат.

Инфинита позади облегченно заплакала, Энтропия взвыла, а к нам направился Ампер, на ходу расстегивая рубаху одной рукой, за ним я увидела долговязую фигуру Бага и сурового воина, с которым Валд переговаривался на танцах...

Валд поднял меня с колен и задвинул себе за спину. А мужчины подходили по одному, вынимали ножи и кинжалы или заимствовали у других, делали себе короткие порезы на груди и приносили клятву верности...

Лодка уплыла к самому горизонту, превратилась в крохотную искорку и смешалась со звездами, рассыпанными на ночном полотне.

Мы начали целоваться еще в коридоре. Свет трех лун не проникал через узкие оконца, выходящие во внутренний двор, и лишь короткие вспышки разрядов, прошивающих глаз богини, освещали нас по пути в спальню. Словно фотокадры. И я впитывала все детали: разлет темных бровей, короткий шрам в уголке губ, рубашка натягивается на плечах и чуть не трещит по швам, когда Валд приподнимает меня под бедра и прижимает к стене. Поцелуи жадные, торопливые, горячие. След от моих зубов розовеет на его шее.

Валд быстро расшнуровал мое платье и стянул его вниз, обнажая грудь. Я извивалась и тихо вскрикивала, а кожа горела от влажных ласк. Чьи-то шаги донеслись из темноты, и Валд просто перекинул меня через плечо и быстро понес в комнату.

Он толкнул дверь ногой, сбросил меня на кровать, задрал мои юбки и уже через мгновение был во мне. Я впивалась ногтями в его плечи, обхватывала его бедрами, подхватывая сумасшедший ритм. Это было словно исступление: два тела, слившихся в одно, два рваных дыхания, желание, как дикая жажда — если не утолишь ее, то погибнешь, иссохнешь. Мне нужен был этот мужчина, как воздух, как вода, как пища, я выгибалась ему навстречу, желая принадлежать ему полностью и отдать себя всю. И почти болезненное напряжение в теле взорвалось такой вспышкой удовольствия, что мое сознание будто оторвалось от тела и поднялось к звездам, как во время пересадки Иглой.

Я всхлипывала и часто дышала, возвращаясь в реальность. Обняла Валда, который лежал на мне. Повернув голову, поцеловала его в часто бьющуюся венку на шее. Он приподнялся на локтях, посмотрел на меня, провел пальцем по губам.

— Это было так необыкновенно...

— Я думала, что умру, — призналась я.

— Я про твою клятву, — сказал Валд. — Каждое слово будто отпечаталось в моем сердце.

Он бережно поцеловал запекшуюся полоску крови на моей груди.

— Ты не должна была...

— Теперь, выходит, ты капитан?

— Завтра будет церемония.

Меня вдруг осенило.

— Ты дашь мне посмотреть на твои капитанские регалии?

Он усмехнулся и со странной игривостью произнес:

— Ты можешь смотреть, трогать и делать с ними, что пожелаешь. Мои регалии в полном твоём распоряжении прямо сейчас...

— Где? — не поняла я.

— А, ты про те, настоящие. — Валд поскущел. — Да, конечно, если тебе интересно.

Я слегка оттолкнула его и перекатилась, усевшись сверху. Наконец избавилась от платья, стянув его через голову. Расстегнула рубашку на муже и с удовольствием погладила широкие грудные мышцы, твердый пресс, провела кончиками пальцев ниже.

— Эти регалии впечатляют куда больше, — улыбнулась я.

— А ведь поначалу ты его боялась, — сказал Валд, закидывая руки за голову и с интересом наблюдая за моими действиями. Его кожа была теплой и чуть влажной, а волосы на груди щекотали ладони. Склонившись, я лизнула его ключицу. Соленая. Легонько укусила колючий подбородок, коротко чмокнула в губы и потерлась о мужа грудью. Соски были еще твердыми и чувствительными, и я выдохнула от удовольствия.

— Кого я боялась? — промурлыкала я.

— Валидола-младшего, — пояснил мой варвар, и я, прыснув, расхохоталась.

— Ой, я сейчас точно умру, — простонала я, скатившись с Валда.

— Ты смеешься надо мной? — грозно спросил он, нависая сверху, но глаза его улыбались. — Или над моим Валидолом-младшим?

— Валд, пожалуйста, не повторяй это, — простонала я, вытирая слезы.

— Да что смешного, женщина? А, впрочем, смейся, я люблю твой смех, и ямочки на щеках, и вот эту родинку над твоими сладкими губками, и...

— Что? — спросила я, перебив его. — Родинку?

У меня была родинка над губой, маленькая точка над правым уголком. На моем настоящем лице.

— Вот эту, — кивнул он и вдруг лизнул мне краешек губ. — Раньше ее не было, и вдруг появилась.

Он снова лизнул мои губы, поцеловал, но я вывернулась, выскользнула из-под него и побежала в смежную комнату. Схватив со столика зеркало, подошла к окну, пытаюсь рассмотреть свое отражение. Синяя луна выплыла над горизонтом, и мое лицо казалось мертвенно-бледным. Я потерла подушечкой пальца точку над губой. Послунявила и попробовала еще раз.

— Жена, ты что? — Валд подошел ко мне, отобрал зеркало и поставил его на стол. — Зачем пытаешься ее стереть? Мне нравится твоя родинка. И Валидол-младший одобряет.

Я слегка улыбнулась, но теперь мне не было смешно. Странное совпадение. Как это понимать? Может, это нормально? Или это что-то значит? Мое тело осталось на «Арго», где с начала миссии

прошла всего лишь двадцать одна секунда. А здесь — целая жизнь. Наверное, когда я вернусь, мне придется обживать себя настоящую заново. Я поежилась, будто на миг почувствовав прохладный стерильный воздух космолета.

— Пойдем в кровать, — сказала я, обняв Валда за шею. — Я устала.

Он уснул практически сразу же, а я еще долго лежала в темноте, пока не провалилась в сон, в котором белые коридоры «Арго» сменялись роскошными красками побережья, а я была и Эврикой, и Евой, и нельзя было понять, где же настоящая я.

ГЛАВА 24

Утро началось со стука в дверь. Валд оторвал голову от подушки, пробормотал нечто неразборчивое, сгреб меня к себе поближе и опять уснул. Но незванный визитер не сдавался и в итоге принялся колотить чем-то твердым, так что я выбралась из-под тяжелой руки, накинула на себя синюю рубашку мужа и, подойдя к двери, спросила:

— Кто там?

— Эва, открывай скорее!

— Лора? — Я распахнула дверь. — Ты что, рожает?

— Хуже! — сурово произнесла она, держа перед собой туфлю с каблучком, подбитым металлом. Уронив ее на пол, оперлась на мое плечо и обулась. — Сегодня Валд официально станет капитаном.

— Так это вроде хорошо, — неуверенно заметила я. Ампер принес клятву сразу после Магнуса. Но, возможно, Лора хотела стать капитанской женой?

— И что ты наденешь на церемонию, скажи мне, а? — подбоченилась она.

— Э... — Я бросила взгляд в смежную комнату, где виднелась длинная вешалка с синими платьями.

Лора обхватила мой подбородок пальцами и повернула к себе.

— Это должно быть нечто особенное! — с придыханием произнесла она. — У меня есть несколько потрясающих идей. На Валда никто и не посмотрит! Все взгляды будут прикованы к тебе!

— Э-э-э... — протянула я опять, кутаясь в рубашку. — Лора, может, не надо?

— Надо, — припечатала она сурово. — Пойми, этот день определит многое: готовность идти вперед, стремление к светлому будущему, открытость к переменам...

— Никакой открытости! — подал голос Валд, приподнявшись на локте. — Эва, я серьезно. Я еще то платье не забыл...

Лора решительно вошла в комнату, оттолкнув меня тугим животом, скрестила руки под грудью и сурово посмотрела на Валда.

— Привет, — пробурчал он, подтягивая на себя одеяло. Я схватила платье и спряталась в душе, переодеваясь и прислушиваясь к их разговору.

— Здравствуй, — строго ответила Лора. — Тебе, выходит, не понравилось то платье, в котором Эва ходила на свадьбу в долину?

— Оно мне очень понравилось, — не покривил он душой. — Даже слишком. Потому сделай, пожалуйста, так, чтобы я смог пройти через церемонию без стояка. Будет неловко.

Лора фыркнула, помолчала.

— Держи себя в руках, — ответила она. — Полезное умение для капитана.

— В каком смысле — держать в руках? И какую часть себя? — В голосе Валда послышалось веселье. — На что намекаешь, Лора?

— От кого ты набрался этих пошлостей, Валд? Тебя Магнус покусал?

Я быстро умылась, почистила зубы с порошком, пахнущим мятой, и выскочила из ванной комнаты, приглаживая волосы.

— Идем, прическу тебе тоже сделаем, — потянула меня за руку Лора. — Портнихи, ткани, ленты — все уже готово...

— Эва, я надеюсь на твое благоразумие, — выкрикнул Валд нам вслед.

— Может, лучше подберешь одежду Валду? Это ведь его день, — предприняла я еще одну попытку ускользнуть, но хватка Лоры на моем запястье была железной.

— Ой, наденут на него белую рубашку, да и делов, — отмахнулась она. — Я хочу обыграть белый цвет и в твоем наряде. Возможно, сделать шлейф: синяя текучая ткань и кипенно-белая пена кружев... Или темно-синий плащ с белым подбоем...

Она тащила меня за собой, как буксир, и, толкнув дверь в свою спальню, провозгласила:

— Вот и она, начинаем!

Я провела с Лорой и ее портнихами почти весь день, выбирая, примеряя, надевая и снимая платье в разной степени его готовности, и к вечеру почти плевалась от ощущения бездарно потраченного времени, которого у меня осталось так мало.

Платье было синим, с отливом в фиолетовый, а белые кружева, подчеркивающие смуглость кожи, украшали и декольте, и расширяющиеся к запястьям рукава, и пышный подол. В кармане лежал кинжал, с которым я решила не расставаться даже в храме. Эта планета была ко мне не слишком дружелюбна, так что я решила не терять бдительности. Люди рассматривали меня уже не с подозрением, как раньше, а одобрительно, и взгляды задерживались на запекшемся порезе на груди, который Лора категорически отказалась прикрывать.

А когда мой муж появился у входа в храм, у меня случилось дежавю. Словно это уже было, только теперь мы с Валдом поменялись местами. Я стояла почти у самого алтаря, рядом с Инфинитой, Лорой и Ампером, а Валд шел по проходу между людьми, обнаженный, и смотрел только на меня.

Шикарное платье Лоры оказалось бессильно. Вопреки ее обещаниям, сейчас все взгляды устремились на Валда. По залу пронесся восхищенный женский шепот, и на смену собственнической гордости, вспыхнувшей во мне, пришла дикая ревность. Одна из них займет мое место, утешит Валда, когда я покину этот мир, и я заранее ее ненавидела.

— Почему он голый? — прошептала Лора. — Он ведь не обязан был...

— Валд решил провести церемонию по старому обряду, — пояснил Ампер. — Его достало, что люди при каждом удобном и неудобном случае припоминают свадебное шествие его жены.

Выходит, он разделся ради меня? Я не смогла сдержать улыбки. На моем варваре был лишь обручальный браслет, но, кажется, его это особо не смущало.

К алтарю вышел священник, который женил нас почти три недели назад. Люди стихли, прислушиваясь к словам, зазвучавшим в храме.

— Великая богиня, узри нового капитана Валидола, открытого перед тобою и телом, и душой. Укажи ему путь, что приведет из тьмы к свету, из холода к теплу, из небытия к смыслу. Пусть разум капитана будет ясным, душа полнится любовью к существу, а весь наш экипаж станет опорой и побуждением к прогрессу. Пусть будут в нем силы, чтобы действовать, и новое и непознанное найдет в нем отклик. Пусть остается он себе и слугой, и господином и не отринет величие незримой власти твоей, богиня. Да ороси его благодатным дождем.

На Валда полилась вода из кувшина, а мне вдруг подумалось, что для колонистов, летящих в девятом Ковчеге, вода должна была стать главной ценностью. Если даже в двухгодичной экспедиции «Арго» мы экономим воду, то как должны с ней носиться те, кто летит в космосе сотни лет...

Священник накинул на плечи Валда белый халат, тут же прилипший к влажной коже, провел к высокому белому креслу, установленному под иконой с ликом Фернанды. Валд сел на него, поправил разъезжающиеся полы халата и вдруг совершенно легкомысленно мне подмигнул, и я не смогла сдержать ответной улыбки. Инфинита поднесла оранжевый шар и голоплеер, торжественно вручила их Валду, и я разулыбалась еще шире — все же это выглядело немного нелепо.

Наверное, после высадки на планету люди понимали истинную важность этих вещей, но сейчас с тем же успехом Валд мог держать аппарат для маникюра. В зеленой тетрадке, что дала мне Инфинита, я не нашла ничего архиважного, разве что упоминание об эпидемии белой смерти, разразившейся сразу после ухода богини. Это могло стать одним из факторов, откинувших поселенцев назад в развитии. Еще меня заинтересовала запись о рождении девочки с грязной кровью. Малышку, названную Амортизацией, решено было оставить в экипаже, хотя священники хотели отправить ее в монастырь. Через десяток страниц о ней упоминалось вновь — она вышла замуж и родила сына, не унаследовавшего проклятие матери.

Покойный капитан Рутгер, изгоняя меня из замка, орал, что грязная кровь течет во мне. Может, это как-то связано с моими шрамами на шее? Недаром он смотрел на них в храме.

Помимо этого, из тетради я узнала о росте количества овец и о благоприятных сезонах для загона карраша — увидеть бы хоть, что за зверь.

— Да здравствует новый капитан! — громко произнесла Инфинита, и все захлопали и закричали, и я вместе со всеми.

Широкие кружевные рукава сползли до локтей, и мой обручальный браслет бросился в глаза. Наденет ли Валд его же новой жене или подыщет другой? Я прикусила губу и поймала недоуменный взгляд мужа. Пересилив себя, улыбнулась. А когда он подошел ко мне, обняла и поцеловала.

— Все? — спросила я. — Можно расходиться?

— Шутишь? — удивился он. — Сегодня день богини, все только начинается! Конечно, размах будет меньший, чем обычно, ведь наш экипаж в трауре, но этот праздник нельзя отменить. Бездна оттягивает воду, и лишь сегодня можно увидеть и скорлупу яйца, и лик богини.

— Что? Лик богини? — Я обернулась на икону, с которой смотрела Фернанда в белых одеждах.

— Ох, Эва, ты так много не видела в своем монастыре! — Он отдал шар и плеер матери, не таящей слез радости, и я даже не успела возразить. — Пойдем, я покажу тебе. Это просто невероятно!

— А регалии... — Я повернулась к Инфините, но Валд уверенно повел меня по проходу, приобняв за талию.

— Успеется, — ответил он, кивая людям и благодаря за поздравления.

Мужчины приветствовали его: и Ампер, и Баг, и воины, имен которых я не знала. Магнус тоже стукнул себя кулаком в Фудь, склонил голову и отошел, даже не взглянув на меня, и это отчего-то задело. А вот его матери я не увидела вовсе, как ни высматривала ее в толпе.

Валд не стал одеваться и так и шагал в развевающемся белом халате, лишь сунул ноги в легкие туфли, которые стояли у входа в храм.

— Спасибо, — сказала я, — за то, что ты сделал сегодня. Я подслушала разговор Ампера с Лорой. Он сказал, что ты не обязан был раздеваться и сделал это ради меня...

— Я не хотел, чтобы ты чувствовала себя хоть капельку опозоренной перед людьми, — сказал Валд, сплетая свои пальцы с моими. — Теперь, когда по храму голым прошелся их капитан, это будет восприниматься скорее честью, чем унижением. Не исключено, что это снова станет традицией нашего экипажа.

Мы спускались по лестнице, и я услышала отдаленные звуки музыки.

— Основное действо праздника проходит у моря — там, где показывается скорлупа, — пояснил Валд. — Мы используем ее уже который год — для оружия, украшений, инструментов, — но она все не кончается. Я не могу даже представить, каких размеров было яйцо!

— Твой меч из скорлупы? — спросила я, и Валд кивнул. А сердце мое подпрыгнуло и застучало чаще. Значит, я не ошиблась в предположениях и яйцом они называют Ковчег! Где бы еще они взяли олимпиам? — А что за лик богини?

— Увидишь, — таинственно улыбнулся Валд.

Народ, не вместившийся или не пожелавший пойти в храм, уже начал праздновать: вдоль линии прибоа расставили столы, прямо на розовый песок выкатили бочки с ягодным вином. Валд взял нам по кубку, и я пригубила терпкий напиток, растекшийся по крови жаром.

Мы прошлись вдоль столов, здороваясь с людьми. Валд несколько не смутился голых колен, а вот я в пышном платье с кружевами чувствовала себя глупо. Сейчас бы переодеться в майку и шорты, побегать босиком по песку, поиграть в пляжный волейбол...

У самых волн происходило какое-то представление: подростки с факелами в руках бегали по кругу, и издали огонь сливался в сплошную полосу, замыкаясь. В центре круга лежала какая-то черная куча, которая вдруг зашевелилась. Человек, одетый во все черное, медленно поднялся, выпрямился, раскинул руки, в которые кто-то быстро сунул по факелу.

— Бог бездны, — пояснил Валд, заметив мой интерес. — И по совместительству — кузнец. Хороший мастер, кстати.

К огненному кругу подлетели две пышные женщины — у одной были белые ленты в руках, у другой — красные. К ним присоединился мужчина с синими лентами в цвет последней луны. Втроем они замахали руками, полоски ткани стали извиваться, как живые змеи, дети завизжали, бросились врассыпную, и огненный круг распался. А мужчина в черном бросил факелы в воду, и когда те, зашипев, погасли, присел и накрыл голову руками.

— Три слуги богини прогнали бога бездны, — буднично пояснил Валд. — Постановка так себе. Погоди, съешь пока что-нибудь, мне надо узнать, как прошла зачистка леса.

Он оставил меня у столов, а сам подошел к группе мужчин, которые сразу склонили головы и умолкли. Один из них выразил сожаление, что пропустил церемонию, и Валд тут же потянул за пояс халата, будто собираясь раздеться. Раздались смешки, кто-то хлопнул Валда по плечу, атмосфера сразу разрядилась.

А я, напротив, нахмурилась, осмысливая примитивное представление, увиденное на пляже. Взяв кусочек мяса в кляре, попыталась подытожить, что же мне только что показали. Огненное кольцо, внутри злой бог. Три луны объединились и победили его. Факелы погасли в воде. Напрашивалось самое очевидное толкование: я только что видела, как проснувшийся вулкан потушило водой из-за большого прилива, вызванного тремя лунами планеты. Было только одно «но»: поселенцы с Ковчега не должны были знать о вулкане. А если даже и знали, он уснул за миллионы лет до их прибытия, оставив после себя лишь кратер и кольцо окаменевшей лавы, образующей единственный континент планеты. Как тогда вулкан проник в их верования?

— Привет.

Я повернулась, увидела Магнуса и мысленно застонала. Надеюсь, ему не удастся испортить этот вечер. Он снова распустил волосы, побрился, но все равно не выглядел молодым и беззаботным, как прежде, словно повзрослел за этот месяц на несколько лет.

— Не ожидала, что ты первым принесешь клятву верности, — вспомнила я вчерашние события.

— Вторым, — исправил меня Магнус и протянул руку, будто собираясь коснуться раны на моей груди, но передумал, отдернул пальцы. — Ты снова произвела на меня впечатление, Эва. Но, думаю, Валд заслуживает твоей любви. Он будет хорошим капитаном.

Вот уж от кого не ожидала таких слов.

— Возможно, ты тоже был бы не самым плохим вариантом, — щедро предположила я, и Магнус фыркнул.

— Я смотрел на тебя сегодня в храме, Эва. Красивое платье. И эти кружева... Ты точно невеста. Но твой свадебный наряд мне нравился больше. — Он скабречно улыбнулся, превратившись в прежнего Магнуса, и нырнул взглядом в мое декольте.

— Пошел ты...

— А я, собственно, и собираюсь пойти, — безмятежно перебил меня он. — Конечно, не туда, куда ты меня хотела бы отправить. Но далеко.

— Куда ты собрался? — любопытствовала я.

— Сам не решил, — пожал он плечами. — Хочу попутешествовать, посмотреть мир. Может, заеду в Меррихольд и посмотрю еще разок на невест, что там созрели. А может, отправлюсь в твой монастырь. — Магнус посмотрел на меня, и в его синих глазах промелькнула тоска. — У тебя там, случайно, не осталось такой же безбашенной подружки?

Я неопределенно пожала плечами.

— Когда ты собираешься уехать?

— Чем скорее, тем лучше. Надеюсь, когда я вернусь, ты будешь беременной или лучше уже родившей, — сказал он. — Знаешь, такой толстой, неповоротливой, с сонными глазами, с запахом младенческой молочной отрыжки...

— Я буду по тебе скучать, — сказала я, улыбнувшись. — Совсем капельку. Вот столечко.

Я свела указательный палец и большой, оставив между ними не больше миллиметра, а Магнус, склонившись, быстро поцеловал меня в щеку и ушел. Я прикоснулась кончиками пальцев к следу поцелуя, оставшегося на коже, посмотрела Магнусу вслед. Надеюсь, Валду можно будет носить синие рубашки, как прежде. Синий цвет так идет его глазам, таким же ярким, как у брата...

— Он к тебе приставал? — грозно спросил Валд, появившись рядом.

— Нет, — ответила я. — Он собирается уехать, ты знал?

— Ему бы пошло на пользу, — сказал Валд. — Я тоже путешествовал в его возрасте. Пойдем, покажу тебе скорлупу.

Мы пошли вдоль берега, и звуки за спиной постепенно затихали, отдаляясь. Нежный шепот моря, напротив, становился громче. Волны отступали, обнажая россыпь гальки, слегка переливающейся в свете трех лун.

— Почти все воины вернулись, но в лесу еще остался небольшой отряд, — сказал Валд. — Они будут прочесывать лес вокруг Дикого места. Если заметят следы шиагов — паутину, мертвых животных или хоть что-нибудь, — будут преследовать их, пока не убьют. Кроме того, я назначил награду за каждого паука. Шиаги будут истреблены полностью, даже если им удалось просочиться через огонь.

Я сжала его пальцы.

— Твое правление началось с мудрых и дальновидных решений.

— Мое правление началось с того, что я прошелся по храму голым, засветив перед экипажем все свои капитанские регалии. — Он рассмеялся, но потом посмотрел вдаль, и лицо его стало сосредоточенным и одухотворенным. — Мы пришли. Вот оно, Эва.

Три луны, словно разноцветные бусины ожерелья, зависли в небе совсем близко друг от друга. Волны лениво накатывались на берег, постепенно отступая все дальше. За полосой гальки обнаружился песок, но не такой зефирно-розовый, как на берегу, а темный, как сажа.

Вдали заблестело что-то белое, словно из воды вдруг вырос зуб, рядом появился еще один и еще...

— Сегодня самый мощный отлив, — прошептал Валд. Он обнял меня, встав сзади и прижав к себе. — А завтра вода начнет прибывать, пока не достигнет стен пирамиды. Придется нам провести в комнате несколько дней, — он потерся носом о мой висок, — и я уже знаю, чем мы займемся.

— Я чувствую твои регалии, — улыбнулась я и повернулась, услышав смех. Молодые девушки и парни подбежали к нам, нацепили на шею венки из цветов и помчались прочь, поднимая босыми пятками брызги песка.

— А я — кинжал, — немного удивленно произнес Валд, погладив мои бедра и сунув руку в карман. — Зачем ты носишь его с собой, жена.

— На всякий случай. Значит, это и есть яйцо?

— Великое яйцо, — торжественно произнес Валд. — Его скорлупа такая толстая, что люди не могли выбраться сами. Но однажды богиня выпустила его из рук, оно упало на Колыбель и разбилось. Я даже представить не могу, что почувствовали первые люди, когда увидели окружающий мир. Когда ощутили запахи цветов и моря, вкус плодов, увидели яркие краски заката...

— А я могу, — пробурчала я, вспомнив, как едва не ошалела от нахлынувших на меня на этой планете ощущений после стерильного «Арго». Значит, яйцо разбилось. При посадке случилась авария?

— Мы понемногу берем осколки скорлупы, переплавляем их, создаем оружие, украшения, инвентарь. Раньше можно было найти скорлупу прямо на берегу, сейчас она осталась только в воде, но ее по-прежнему много. Яйцо невероятных размеров!

Вода еще отступила, и теперь над темными волнами, точно зубчатая белая корона, торчали обломки Ковчега. Неудивительно, что варвары называют их скорлупой. На обшивке из олимпиума не найти ни стыков, ни креплений. Можно было бы сплавить туда, но какой смысл? Вся аппаратура давно испорчена водой, а полюбоваться гладкими белыми стенами я смогу уже совсем скоро, через восемь дней, когда мое сознание вернется на «Арго».

Я опустила лицо вниз и вдохнула аромат цветов.

— А лик богини? — вспомнила я.

— Он появится позже и в другой части побережья, — ответил Валд, а потом развернул меня к себе и, приподняв мое лицо за подбородок, поцеловал. — Иногда я вижу, что ты грустишь, но не понимаю причины, — прошептал он.

— Я не хочу грустить сегодня, — ответила я и, встав на цыпочки, поцеловала его в ответ. Улыбнувшись, потянула пояс халата.

Валд взял меня за руку и, осмотревшись по сторонам, утащил вглубь берега. Сняв капитанский халат, постелил его на песок, а я наконец стащила пышные юбки, оставшись лишь в лифе, цветочном венке и трусиках, укороченных по моей просьбе до вполне современной модели. Если бы я была тут подольше, то наверняка сумела бы ввести в моду женские брюки...

Валд сел на халат и потянул меня к себе, и я опустилась сверху, обняв его за шею. Вдохнула глубже цветочный аромат. Может, это дурман-цветы, о которых я столько слышала? Я будто таяла, теряя

всякий самоконтроль. Либо же это близость моего мужа сводила меня с ума...

Цветочный венок на его груди пах так сладко, а лепестки касались моей кожи так нежно...

— Нас могут увидеть, — сказал он.

— Вряд ли кто-то сильно удивится, — ответила я.

Мы целовались и ласкали друг друга, и мне хотелось, чтобы ночь эта длилась вечно: шум моря и свет трех лун, и звезды, мерцающие над нашими головами, и горячие губы Валда на моей шее. Вдоль прибоя шла какая-то парочка, парень потянул девушку в нашу сторону, но Валд громко кашлянул, и они со смехом убежали прочь, поняв, что тут уже занято.

Я улыбнулась и, потянув моего варвара за косичку, поцеловала, скользнув языком в его рот. Потом слегка толкнула, и он опрокинулся на халат, а я гладила его торс и повторяла губами ласки рук.

— Ох, Эва, — выдохнул он, когда я спустилась ниже.

— Зови меня Евой сегодня, — прошептала я, усаживаясь на него сверху.

— Ева, — повторил он.

Я прерывисто вздохнула и, слегка откинувшись назад, отдалась ритму, который рождался нашими телами.

Валд распустил мою косу, закрепленную в низкий узел на затылке, и теперь пряди волос скользили по моей спине прохладным шелком. Он пропускал мои волосы через пальцы, слегка тянул, наматывал на запястья.

— Ева. — Он снова произнес мое имя, растягивая гласные, и острое чувство наслаждения смешалось во мне с горечью.

Его руки высвободили мою грудь, и пальцы нежно поглаживали соски. Приподнявшись, он сел и, обхватив мои бедра, подтянул к себе ближе, укусил за шею и тут же лизнул место укуса.

А потом я очутилась на спине и необъятное звездное небо раскинулось надо мной, но я смотрела в синие глаза моего мужа, который заполнил мое тело, мою душу, и на его губы, которые отрывались от моих, только чтобы снова выдохнуть мое настоящее имя, и даже когда волны удовольствия схлынули и вернули меня на землю, он будто остался во мне, частью меня.

Звезды мерцали, и море все так же шептало извечные тайны, и журчала вода где-то совсем близко. А еще какой-то слабый свист раздавался на грани слуха. Или это у меня в ушах свистит?

Валд оперся на локоть и смотрел на меня так внимательно, будто хотел разгадать. Я отвела взгляд. Ева, Эва — какая разница? Скажу, так звали меня в детстве...

Я прочистила ухо пальцем, потом второе. Что-то где-то свистело.

— Ты слышишь это? — спросила я.

Приподнявшись, я огляделась, и по спине моей побежали мурашки, но далеко не от удовольствия. Я узнала это место! Позади нас возвышалась каменная насыпь, утыканная мелкими кустиками, сбоку журчал ручей. Здесь я выпустила муфлю!

Оттолкнув Валда, я вскочила на ноги, но было уже поздно — грязно-серый ком шерсти метнулся ко мне из-за куста, клекоча и трясясь от ярости. Я взвизгнула, спряталась за Валда, но вредная собакоутка, изловчившись, подпрыгнула и ощутимо ущипнула меня за задницу. Я бегала от муфли вокруг растерявшегося варвара, схватив юбку, набросила на нее, но она выскользнула и снова бросилась за мной, рыча и посвистывая. Глаза муфли горели зеленым огнем, перепончатые лапы царапали камни. Я сорвала с шеи цветочный веночек и отмахнулась им. Муфля вцепилась в веночек, тряхнула мордой, и лепестки разлетелись во все стороны. Валд схватил муфлю за шкуру и приподнял над землей.

Муфля дергала лапами, извиваясь, пытаясь освободиться, и не сводила с меня горящих ненавистью глаз. Валд тоже посмотрел на меня.

— Это она так радуется, — выпалила я, убирая волосы с лица. — Такая неожиданность! Такое... эм... внезапное счастье! Снежинка, зайка моя, — умильно пробормотала я, — ты нашлась...

Муфля зашипела, прижала уши к голове, дернулась в мою сторону, едва не вырвавшись. Валд посмотрел на животное, потом снова перевел взгляд на меня.

— Ева, — произнес он. — Кто ты такая?

ГЛАВА 25

Я попыталась изобразить удивление, улыбнулась.

— Это всего лишь вариация от Эврики, — промямлила я. — Так меня звали в детстве...

— Кто тебя звал так? Где прошло твое детство? Кто твои родители?

Валд взял муфлю на руки, и та, даже не думая его кусать, зашипела на меня.

— Ты ведь знаешь... Я жила в монастыре...

— Расскажи девять заветов богини.

— Это что, допрос? — натянуто улыбнулась я. Шагнула к Валду, чтобы прикоснуться к нему, снять напряжение, но отдернула руку, когда муфля щелкнула клювом совсем близко от моих пальцев.

— Почему муфля кидается на тебя, как на злейшего врага? Эти животные улавливают малейшие колебания настроения хозяина и готовы пожертвовать жизнью ради него. Что ты сделала с настоящей Эврикой? — Валд смотрел на меня так сурово, что я почувствовала, как слезы подступают к глазам.

— Это все дурман-цветы, — выпалила я объяснение, которое пришло на ум. Указала на лепестки, разбросанные по земле. — Она стала агрессивной от запаха. Скоро все пройдет.

— Это обычные цветы, — возразил Валд и ткнул в венчик, до сих пор висевший у него на груди. Муфля, как назло, проявляла к нему досадное равнодушие.

— Мы только что любили друг друга, — демонстративно возмутилась я, решив, что лучшая защита — нападение. — А теперь ты полагаешь, что я не твоя жена?

— Моя, — ответил Валд, почесав муфлю за ушком. — Чья ж еще. Но не Эврика. Так кто ты такая, Ева?

Подняв юбку, я натянула ее до пояса. Осмотревшись, так и не нашла трусов. Не помню даже, сама я их сняла или при помощи Валда. Отчего так получается, что в самые ответственные моменты на этой планете я вечно без исподнего?

— Я пыталась тебе рассказать, — пробурчала я. — Ты не поверил.

Хочет услышать правду — что ж, сам напросился, хотя для него было бы куда лучше провести оставшиеся дни в неведении.

— Когда? — нахмурился Валд. — В лесу? Когда ты сказала, что ты — космическая мышка?

Я глубоко вздохнула. Муфля фыркнула на меня, успокоенная поглаживаниями Валда.

— Да, — ответила я. — И я не Эврика. Я из будущего, Валд. Я отправилась на триста лет назад, чтобы изменить ход истории на вашей планете. Шиаги перебили бы всех людей и стали доминирующей расой. Они получили бы голос на Совете, от которого зависит судьба всего человечества.

Валд молчал, и глаза его казались черными.

— Ты веришь мне? — спросила я.

— Ты воин?

— Нет, — ответила я. — Вернее, я служила в армии, но сейчас не воин.

— Почему тогда отправили тебя?

— На самом деле отправили двоих — воина, очень хорошего, одного из лучших, и меня. Было два подходящих варианта для подсадки сознания — тела людей, которые должны были погибнуть насильственной смертью. Эврика убила бы тебя в брачную ночь, а потом покончила с собой. Тот воин должен был занять твоё тело, а я — тело Эврики, чтобы она не представляла для него угрозу. Я была бы кем-то вроде тыла. Миссию возложили на воина, который должен был стать тобой. Но у него не получилось.

Валд все так же смотрел на меня, и я не могла понять, о чем он думает.

— Вспомни, — сказала я, — ты жаловался на головную боль в день свадьбы. Это чужое сознание

пыталось занять твое тело. Я здесь, я сейчас, я существую. Воспоминания, которые не были твоими.

Валд медленно кивнул.

— Ты оказался сильнее его, — шмыгнула я носом. — А я осталась на вашей планете одна.

— Ты выполнила миссию.

— Это сделал ты! — горячо возразила я. — Валд, это так важно! Ты предотвратил войну!

— И что теперь? — спросил он сразу главное, и я сглотнула. — Что произойдет после выполнения задания?

— Я... Через восемь дней мое сознание покинет это тело, и я вернусь назад, в свое время.

Муфля взвизгнула, и Валд расслабил сжавшиеся пальцы.

— Ты вернешься назад? — повторил он вкрадчиво.

Я кивнула, отвернулась, прикусила губу.

— Ты принесла мне брачные клятвы, женщина! — Голос его прогрохотал над берегом. — Ты отдала мне свою девственность!

Не свою, но допустим.

— Ты говорила, что любишь меня, и вчера клялась мне в вечной верности, а теперь заявляешь, что вернешься назад?!

Я посмотрела на Валда и испуганно отступила на шаг. Муфля прижала уши к голове и зашипела на меня снова, будто почувствовав в лице Валда союзника.

— Что там такого, в твоем времени, чего нет здесь?

— Там... — Я растерялась. — Там мой брат. И я просто не могу...

— Эва! — Он будто поперхнулся моим именем и произнес другое: — Ева — твое настоящее имя, ведь так?

Я кивнула.

— Ты врала мне! Все это время врала и притворялась!

— Нет, Валд. — Я все-таки расплакалась. — Я не врала! То есть врала, конечно, но в главном — нет.

Он развернулся и пошел к пирамиде с муфлей под мышкой. Капитанский халат остался белым комком лежать на земле. Я опустила на него и зарыдала. Обнаженный силуэт Валда сначала стал светлым пятном, а потом и вовсе растаял в ночи.

Мне надо попытаться ему все объяснить. Сейчас он злится — и это нормально, но потом, когда поразмыслит, остынет. Так ведь было и с тем отваром: побесился — и успокоился. Я расскажу, что не от меня зависит мое возвращение, что я всей душой хотела бы остаться с ним. Что мой брат уже взрослый, и, боюсь, мы давно отдалились друг от друга. Я просто не могу ничего изменить.

Он поймет.

Я поправила обручальный браслет и встала. Вытерла щеки, подняла халат и встряхнула его от песка. Глянула в сторону костров — там все еще было многолюдно. А в море белел остов девятого Ковчега. Я медленно подошла к кромке волн, ступила босыми ногами в пену.

— Эвочка?

Вздвогнув от неожиданности, я повернулась к Энтропии. Та виновато улыбнулась мне, потеревшая кончик косы, заплетенной черной лентой. Сейчас Энни выглядела куда спокойнее и адекватнее, чем на похоронах.

— Здравствуйте, — сказала я неуверенно.

Кто знает, чего ожидать от этой тетки? Хотя теперь-то уж что? Магнус принес клятву верности, Валд стал капитаном. Все, планам Энтропии не суждено сбыться. В ее интересах сейчас вести себя тихо и не отсвечивать, чтобы не потерять статус вовсе. Может, ее выходку простят, спишут на горе от потери брата...

— Почему ты здесь одна? — спросила она. — Где Валдик?

— Ушел, — скупо ответила я, посмотрев в море. Лунные дорожки касались обломков Ковчега и рассыпались бликами. Величественный корабль, который пересек пол-Вселенной, теперь стал домом для рыб.

— Великое яйцо, — выдохнула Энтропия, встав рядом со мной. — Твой отец всегда почитал богиню и ее наследие куда больше, чем мой покойный брат. Алистер отдал свою дочь в монастырь и тем проявил глубину своей веры.

Мне не хотелось ее слушать и уж тем более — рассуждать о вере Алистера, который готов был убить свою дочь, лишь бы получить белую пирамиду, пусть и с глазом богини на верхушке.

— А ты видела лик богини? — спросила Энтропия, и я встрепенулась.

А ведь верно! Есть еще и лик! И сейчас мой единственный шанс увидеть, что это такое.

— Нет, — сказала я. — Покажете мне?

— Конечно, — ласково улыбнулась Энтропия. — Правда, туда надо еще дойти...

— Да, Валд говорил, что это в другой стороне...

— Поспешим же, — сказала Энни, взяв меня под руку. Ее рука была мягкой и немного влажной. — Ты будешь поражена в самое сердце!

Мы пошли вдоль кромки волн, отступающей все дальше, оголяющей россыпи ракушек и пучки водорослей. Энтропия все говорила и говорила, и из-за ее монотонного бубнежа у меня разболелась голова.

— Я ведь искала Валдика, хотела поздравить его с назначением, — щебетала она доверчиво. — Конечно, я предпочла бы видеть на посту своего сына. Магнус совершенно особенный. Он рожден, чтобы стать великим. Я увидела его милое личико и поняла это сразу же — ему предначертана особенная судьба. Согласись, редко в ком встретишь такое сочетание качеств. Он умный, смелый, великодушный... Даже в том, как он принес клятву верности своему брату, есть нечто грандиозное.

— Это было красиво, — подтвердила я, перехватывая удобнее капитанский халат, который несла, зажав под мышкой одной рукой. — Я не ожидала...

— Никто не ожидал, я так точно, — хмыкнула она. — Преклонить колени перед тем, кого мог бы победить. Уступить, проявив братскую любовь и снисхождение... Скажи, он нравится тебе, мой Магнус?

Я замаялась, не зная, как ответить на ее вопрос.

— Как брат, — сказала я. — Он нравится мне как брат.

— Конечно, — протянула она. — А ведь он к тебе питает совсем иные чувства. Ты знаешь?

Я с подозрением покосилась на Энтропию. Идем с ней в ночи непонятно зачем и неизвестно куда. Разговариваем о величии Магнуса. А Валд где-то голый, злой и с муфлей. Исчезну — будет думать, что вернулась в будущее, и станет ли меня искать?

Мы как раз проходили мимо костров, и я увидела рыжую макушку Бага, сидящего на поваленном бревне.

— Подождите минутку, — попросила я и, высвободив руку из цепкой лапки Энтропии, подбежала к нему. Разговоры у костра смолкли, любопытные лица повернулись ко мне. Ну да, платье смято, волосы всклокочены. Поздоровала мужа с назначением в капитаны, как могла.

— Баг, — позвала я, тронув плечо. — Можешь найти Валда?

— Конечно, — кивнул он, обернувшись. — Все в порядке?

— Я рассказала ему, — прошептала я. — Все. И он психует.

— Ох, — выдохнул Баг, встал, выпрямив колени, и мне сразу пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в глаза. — Куда он пошел?

— Мы расстались у обломков Ковчега... яйца. И он пошел куда-то к пирамиде, — пояснила я. — Баг,

Энтропия ведет меня к лику богини. Это там?

Баг остро глянул на тетку, которая ждала меня у моря.

— Да. Сейчас все туда пойдут. Хорошо. Я найду Валда и приведу его к тебе. Ему надо время все обдумать и остыть. Он всегда так — побудет в одиночестве, разложит все по полочкам в своей голове и потом готов принимать решение.

Я вздохнула, повертела в руках испачканный халат и протянула его Багу.

— Вот, отдай ему, — сказала я. — А то он ушел, даже не одевшись.

Баг расплылся в многозначительной улыбке, и я быстро ушла к Энтропии.

— Пойдем? — спросила она.

— Да, я попросила Бага передать халат Валду и сказать, где я, — ответила я, специально обозначив, что теперь все знают, с кем я и куда пошла. Все же не доверяла я Энтропии, хоть убей. Но не станет же она мне вредить на глазах всего экипажа?

— Хорошо, — улыбнулась она. — Лучше всего лик виден на рассвете, так что, если хочешь, можешь пойти туда позже...

Я остановилась, сделав вид, что запуталась в водорослях. Подняв ногу, почесала босую пятку, обернулась на костры. Никто еще не спешил к богине, так, может, и мне лучше дождаться Валда?

— Хотя сейчас, в ночи, тоже видно хорошо, — невинно продолжила Энни. — Кари, Вита и Ортем освещают ее прекрасный лик, и надписи легко разобрать. К сожалению, никто из ученых умов так и не понял, что там написано, — сокрушенно вздохнула она. — На рассвете, когда Эштар бросает свои лучи на лик богини, знаки расплываются. Впрочем, тебе это все равно неинтересно. Как монашка, ты наверняка больше воспринимаешь мир сердцем, чем умом. И на рассвете вместе со всеми преклонишь колени перед ликом богини и прочтешь молитву во славу ее.

Я решительно потянула Энни вперед. Неведомые надписи меня окончательно заинтриговали.

Берег постепенно поднимался выше, и я вскоре пожалела, что забыла туфли на берегу, потому что теперь море шипело где-то под обрывом, а мы взбирались по каменистому утесу. К счастью, три луны действительно светили ярко, так что я видела, куда ставить ноги.

— Почти пришли, — возвестила Энтропия, — ох, я так волнуюсь.

По ней было заметно: щеки покраснелись, грудь вздымалась. Тетушка Энни так религиозна?

— Это всегда словно в первый раз, — призналась она. — Такое острое чувство. Я ощущаю себя живой как никогда.

— Лик богини так впечатляет?

— Да, — ответила она и загадочно улыбнулась, словно говорила вовсе о другом.

Я обернулась. Костры превратились в искорки. Я попыталась разглядеть среди неясных силуэтов кого-нибудь в грязном халате, но не смогла. Надеюсь, Баг найдет моего мужа и поможет ему принять правду. Как же не вовремя появилась муфля! Просто злой гений какой-то! Я задумчиво потерла ягодицу, за которую она меня ущипнула.

— Знаешь, я ведь подумывала о том, чтобы взять Магнусу невесту из монастыря, — призналась Энни. — Чтобы жена его была скромной, покорной, услужливой. Рожала бы детей, слушалась мужа, повиновалась свекрови... Узнав тебя получше, я передумала. — Она хихикнула.

— Уверена, Магнус захочет сам выбрать себе жену, — ответила я, несколько не уязвленная ее признанием.

— Но мудрый совет любящей матери никогда не будет лишним, — возразила она. — Все же он так молод и горяч, мой мальчик. Он пока не может видеть далеко. Принимает решения с юношеским пылом. Это неплохо, — поспешила она его оправдать. — Просто он еще не повзрослел. Но иногда его нужно подтолкнуть в правильном направлении. Или сделать так, чтобы выбора не осталось вовсе.

— Это Магнуса-то подтолкнуть? — Я улыбнулась. — Боюсь, вы плохо знаете собственного сына. Он из тех, кто предпочитает набивать шишки и набираться опыта на собственных ошибках.

— Мы пришли, — оборвала меня Энтропия. — Лик богини вон там.

Мы остановились на остром утесе, вытянувшемся в море, словно длинный каменный язык. Под ним волны грохотали, сворачивались в пенные воронки, шумели и, злясь, бросались на скалы. Здесь будто встречалось два течения, и казалось, что не волны, а две армии бросаются друг на друга грудью, чтобы отступить и снова ринуться в бой.

Лик богини, проступивший над водой, был прекрасен, но мог принадлежать как Фернанде, так и любой другой женщине. Вода сгладила ее черты, оставив лишь наметки носа, глаз и линии губ, на левую мочку модной серьгой намотался пучок водорослей.

— Кто сделал ее? — спросила я. — Когда?

— Она была тут все время, — ответила Энтропия, пожав плечами. — Некоторые даже утверждают, что ее создали твари с грязной кровью, которые принесли первым людям синий мор.

Я подвисла, переваривая информацию.

— А где надписи?

Может, они хоть что-то прояснят? В тусклом свете я не могла определить, из какого материала создана статуя. Это явно был металл, но он не заржавел и не покрылся налетом, статуя матово переливалась темной бронзой под лучами трех лун, на полустертых губах играла легкая улыбка.

— Они пониже, взгляни на книгу, что держит богиня, — посоветовала Энтропия. — Хотя не знаю, зачем тебе это. Неужели ты думаешь, что с ходу поймешь то, над чем бились лучшие умы человечества? Ты слишком много мнишь о себе, Эврика. И знаешь, что я не могу понять?

— Что? — машинально переспросила я, подходя к краю обрыва. Богиня действительно держала в руках книгу из более светлого материала, на страницах которой виднелась россыпь странных знаков, похожих на формулы. Я видела такие на кинжале Валда! Сунув руку в карман, нащупала шершавую кожу рукояти.

— Ты предпочла моему сыну Валдика. — В голосе Энтропии послышалось явное недоумение. — Как можно не видеть, что Валд — лишь грубая копия настоящего шедевра?

— Может, это ваш Магнусик копия? — спросила я. Все же ей удалось вывести меня из себя.

— Он — Магнус, — отрезала Энни. — А не Магнусик.

Я пожала плечами, снова повернулась к надписям, заинтересовавшим меня. В нижнем уголке страницы книги я наконец нашла кое-что знакомое: схему Солнечной системы истинной Колыбели.

— Ты тоже слишком молода, — сказала Энтропия, которая мне уже порядком надоела. — И тебе тоже надо придать верное направление.

— Как-нибудь сама разберусь, — пробормотала я.

Как назло, одну из лун затянуло тучами. Я шагнула еще ближе к обрыву, море внизу зашумело, вспенилось, будто вскипев под моими ногами. Чуть в стороне, где волны успокаивались, я заметила на берегу лодку. А потом меня с силой ударили под зад, и я, не удержавшись, полетела с обрыва.

Я ушла под воду с головой, течение подхватило меня, закружило. Я хаотично загребала руками, пытаюсь понять, где верх, где низ, где спасительный воздух... Глаза защипало от соли, вода проникла в уши, тяжелые юбки облепили ноги. Меня на секунду вынесло на поверхность, и я жадно вдохнула, а потом волна с размаху приложила меня о книгу богини, и я погрузилась во тьму.

ГЛАВА 26

Энтропия, учащенно дыша, жадно всматривалась в волны, играющие с телом девушки, как с матерчатой куклой. Когда Эву швырнуло о статую, а потом медленно затянуло под воду, Энтропия ахнула, торжественно вскрикнула и всплеснула ладонями от восторга. Богиня проявила милосердие и приняла жертву. Значит, и дальше все будет хорошо. Энтропия спустилась по крутой тропке, цепляясь пальцами за каменные выступы и оскальзываясь. Она посматривала в море, но тела не было видно. Затянуло в водоворот, измочалило о камни... Хорошо бы Эву подольше не нашли. А, впрочем, без разницы. Ее самой тут все равно уже не будет.

Энтропия столкнула в воду легкую лодку, забравшись в нее, подняла сложенный парус — черный и островерхий. Ветер сразу наполнил его, изогнув, как плавник хищной рыбы. Энни и сама ощущала себя настоящей хищницей глубоководья. Она долго плавала кругами, подбираясь к жертве, и потом напала, сомкнув челюсти, когда никто не ждал.

Глупые. Думали, теперь она сложит руки. Как задавалась Инфинита, как бесстыдно гордилась ублюдом, которого Рутгер принес ей, словно щенка.

Уж она бы не потерпела к себе такого отношения, и приبلудный отпрыск отправился бы вслед за мамашей, даже не научившись ходить! А ведь Инфинита — ее должница, пусть и не знает об этом. Это Энтропия избавила ее от соперницы. Та имела слишком большое влияние на брата и была опасна.

Амперу повезло — он вовремя лишился руки. Рутгер и так был одной ногой в небесном экипаже. А вот подобраться к Валду оказалось непросто. Пусть Алистер сам с ним разбирается. Энтропия выполнила свою часть сделки — теперь у него есть повод напасть на обитель. Его дочурка трагически погибла прямо в день богини. Недосмотрели, не уберегли, а скорее — сами избавились от неподходящей партии, не захотели видеть рядом с капитаном дочь врага. Что ж, теперь они испытают праведный гнев Алистера, который обрушится на обитель, словно большой прилив.

А потом, когда все уляжется, Алистер поставит капитаном Магнуса — уговор есть уговор. Так люди будут меньше роптать, а у остальных капитанов не будет повода вмешиваться в дела обители — ведь на посту будет член экипажа Рутгера.

Энтропия счастливо вздохнула, представив, как хорош будет Магнус в белых одеждах. Ветер гнал легкую лодочку вдоль побережья на юг. Она видела удаляющиеся костры, стены замка, сияющие белизной даже ночью. Глаз богини вдруг вспыхнул синими молниями, и Энтропия, поежившись, достала из-под сиденья свернутый плед и закуталась, вынула бутылку с травяным чаем и отпила глоток. В горле першило от соленого морского воздуха, щеки горели от холодных брызг. Богиня не может гневаться на нее. Ведь все, что она делала, было ради сына. Богиня сама — мать всего сущего, и она должна понимать, что такое материнская любовь.

— Я смотрю, тебе понравилось ходить голым.

Баг появился из темноты и развернул перед Валдом изрядно измаранный капитанский халат. Валд вздохнул и, придерживая муфлю то одной рукой, то другой, оделся.

— Ты нашел питомца Эврики, — заметил Баг.

Валд опять вздохнул, чувствуя себя дремучим старцем. На душе было муторно и противно, и хотелось выплеснуть все, но как бы друг не решил, что он нанюхался дурман-цветов.

— Это не ее питомец, — пробурчал Валд. — Муфля готова была ее растерзать, хотя видно, что это спокойное и миролюбивое животное.

Муфля фыркнула, устраиваясь удобнее у него на руках, положила морду на сгиб локтя.

— Она думает, что Ева убила Эврику, — прозорливо догадался Баг.

— Ты знаешь! — воскликнул Валд.

— Она рассказала мне в день, когда родились мои дочери, — признался Баг. — Друг, я представляю, как тебе тяжело, но Ева — лишь орудие в руках судьбы. Она выполняла приказ...

— Вот именно! — горячо подтвердил Валд. Муфля взвизгнула, заглядывая ему в глаза, и Валд машинально ее погладил. — Теперь я не знаю — каждый раз, когда она целовала меня, обнимала, любила — была ли она честна со мной или всего лишь выполняла приказ?

— По сути, она спасла тебе жизнь, — напомнил Баг. — Настоящая Эврика прикончила бы тебя.

— Кто знает...

— Если мы верим, что Ева из будущего, то почему бы не поверить и в это.

— Я должен поговорить с ней, — сказал Валд. — Выяснить все. Узнать детали.

— Ох, ты даже не представляешь, сколько всего я от нее узнал! — простонал Баг. — У меня просто голова пухнет от идей, которые можно воплотить в обители! Это будет прорыв! Твое правление запомнят навечно!

— Где она? — спросил Валд.

— Пошла посмотреть на лик богини с Энтропией.

— С тетей? — нахмурился Валд.

Муфля почувствовала его тревогу и зашипела, высматривая источник опасности.

— Валд, будь с Эвой помягче. Ты только представь, что перенесла эта девушка!

— Не могу обещать, — пробурчал Валд, широко шагая. — Я тоже много всего перенес. — Он остановился, будто напорвшись на преграду, посмотрел на Бага, потрясенный. — Она издевалась надо мной! Она точно знала, как происходит близость между мужчиной и женщиной, но заставила меня объяснять!

— Но ты ведь объяснил, — ухмыльнулся Баг. — И рассказал, и показал...

Валд снова вздохнул и прибавил шагу.

— Поспешим, — сказал он. — Из монастыря ли Ева, или из космического корабля — ты вообще представляешь такое? — она моя жена. И мне не нравится, что она шляется в ночи с Энтропией, которой больше нет веры.

Они дошли до обрыва, под которым сердились волны, омывая вечный лик богини, преклонили колени.

— Похоже, они уже ушли, — сказал Баг, нарушив торжественное молчание.

Муфля зашипела, дергаясь и вырываясь из рук Валда, спрыгнула на землю и подбежала к самой кромке утеса. Уши ее поднялись торчком, а короткий хвостик напрягся, вытянувшись в линию. Она рыкнула, низко подпрыгнула на перепончатых лапках, мелкие камешки посыпались вниз в бурлящее море.

Валд схватил муфлю за шкурку и взял на руки. Подошел к краю обрыва, холодея от дурного предчувствия. Муфлю колотило, она повизгивала, показывая явное волнение.

Баг тоже подошел, стал рядом.

— Там ничего нет, — сказал он. — Ладно, друг, пошли домой. Твоя жена наверняка ждет тебя в кровати. Моя так точно. Зельда теперь только и делает, что спит да ест, а потом дочери едят ее молоко, и они спят все вместе. Я иногда чувствую себя лишним.

— Заделай ей еще сына, — посоветовал Валд.

— Она пока не дает мне и шанса, — грустно признался Баг, пригладил печально обвисшие усы. — Так ты идешь?

— Чуть позже, — ответил Валд.

Баг кивнул и пошел назад, к кострам и белеющей громаде замка, а Валд остался на обрыве. Ветер пробирался под полы его халата, по ногам побежали мурашки. Муфля никак не хотела успокаиваться, щелкая клювом и вырываясь из рук. Море шумело, вздыхало, закручивалось в воронки и выплескивалось пеной. Валд заметил крутой спуск и направился туда, придерживая муфлю под рукой. Оступившись и съехав по камням голым задом, шикнул от боли. Муфля вырвалась и бросилась вперед, бесстрашно кинулась в море, но ее вынесло назад первой же волной.

Валд прошелся по берегу и заметил след недавно спущенной лодки. Вернулся назад к бухте. Муфля бесновалась, бегая вдоль кромки волн, шипела и повизгивала, а хвостик ее нервно дрожал.

— Она что, там? — тихо спросил Валд.

Муфля коротко твякнула и снова бросилась в воду. На этот раз ей повезло больше, и она поплыла

вперед, разрезая волны.

— Вот бездна! — выпалил Валд и, скинув халат, разбежался и нырнул в холодную воду.

Я умерла. Утонула в море, захлебнувшись соленой водой.

Так странно. Я иначе представляла смерть. Когда мое сознание вытащило «Иглоу» и я потеряла ощущение границ собственного тела, а вокруг замерцали звезды, — было похоже. А сейчас — не особо. Хотя я ведь впервые умерла, так откуда мне знать, каково это.

Было очень темно. Иногда я замечала какие-то тени, словно мрак сгущался и рассеивался, и снова становился совершенно непроглядным. Мне было холодно: от кончика носа до пальцев на ногах. А еще — больно. Слезы наверняка текли бы по моему лицу, если бы я могла плакать после смерти. Грудь сдавило, конечности онемели, а шею жгло так, будто на нее сзади поставили раскаленное клеймо.

Я верила, что есть нечто и после смерти. А скорее, просто надеялась вновь увидеть родных. Но теперь с ужасающей отчетливостью поняла, что попала в ад. И это было логично. Я ведь убила Эврику. Забрала ее тело, лишила ее еще двенадцати часов жизни. Видит бог, или богиня, эти двенадцать часов были далеко не худшими в моей жизни. Я встретила Валда и, может, влюбилась в него еще тогда, когда он шел мне навстречу от алтаря, готовый укрыть и защитить от всего мира. А может, это случилось, когда мы впервые поцеловались и я потеряла почву под ногами.

Сейчас я тоже будто парила в невесомости: меня то уносило вперед, то оттягивало назад, и что-то склизкое обвивало мои ноги, медленно подползая к коленям, а вместе с этим ощущением двигался и ледяной холод.

Миссия выполнена — это утешало, и теперь я жалела об одном. Не о том, что доверилась Энтропии, хотя знала ведь — ей не стоит доверять. Я не привыкла плести интриги и видела врагов только в шиагах, засевших в лесу, не заметив паучиху и ее сети в самой пирамиде. Я жалела о том, что не успела помириться с Валдом. Он простил бы меня, я уверена. Потому что я была честна с ним в том, что касалось нас двоих.

Холод поднялся еще выше, а потом что-то больно дернуло меня за волосы, и я увидела во мраке белое размытое пятно и два зеленых огонька, пышущих ненавистью. Муфля. Мой персональный демон ада. Будет вечно щипать меня и выдирать волосы, и я это заслужила.

— Прости, — попыталась произнести я. Горло сдавило, в голове загудело, а шею запекло совсем нестерпимо, и все мысли и ощущения растворились, словно я стала частью холодной темноты.

Валд сидел на уголке страницы божественной книги, сжимая в руке обрывок белого кружева, и в ушах его шумело от частого пульса, а во рту стоял привкус крови. Он пытался уговорить себя, что это не обрывок платья Евы, что она наверняка ждет его в кровати. Немного виноватая, а может, сердитая, ведь он опять не захотел ее выслушать.

Море слегка утихло перед рассветом. Небо посерело, и над горизонтом протянулись темные красные полосы, словно кровавые дорожки, вытекающие из воды.

Муфля вынырнула на поверхность, тряхнула мордой, отфыркиваясь. Она мотала головой, терла ее лапой, и Валд, соскользнув в воду, подплыл ближе и схватил животное за шкуру. Муфля пискнула, а он снял длинный темный волос, обмотавшийся вокруг клюва.

Сердце застучало, словно молот по наковальне, и когда муфля снова исчезла под водой, Валд, набрав побольше воздуха, нырнул следом. Он едва различал муфлю во тьме и греб изо всех сил, чтобы не потерять ее из виду, а потом разглядел длинные белые ноги и надутые колоколом юбки, и темные волосы, колышущиеся в такт течению как водоросли, в которых уже кружилась стайка серебристых рыбок. Он рванулся к Еве, схватил за руку, потянул вверх, но что-то дернуло ее вниз, не пуская. Перед глазами плавали красные круги, в ушах гудело, но Валд опустил еще ниже, и холодное щупальце обвило его руку.

Он едва не хлебнул воды, попытался вырваться, лишь теряя драгоценный воздух от усилий, а потом рванул юбки Евы вниз, вытащил кинжал из кармана и рубанул им по щупальцам, освобождая себя, а потом и жену.

Стайка рыбок метнулась вниз, к раненому животному, а Валд, вцепившись Еве в волосы, поплыл вверх, изо всех сил работая ногами и загребая одной рукой. Хрипло втянув воздух, он разрыдался, не сумев сдержать эмоций. Голова Евы запрокинулась на его плечо, кожа была мертвенно-бледной

и холодной. Валд выплыл к берегу, подталкиваемый приливом, выбрался на сушу, неся жену на руках, отнес ее подальше от гальки и песка и бережно положил на траву.

Он клялся беречь и защищать ее, но она не прожила после свадьбы и месяца. Он должен был любить и заботиться, а вместо этого ушел, оставив ее одну.

Валд убрал волосы с ее лица, прижался с поцелуем к посиневшим губам, давась рыданиями. Погладил длинную шею, поправил изодранное платье. Поднес руку к глазам. Кровь? Она вся в ссадинах и, похоже, ребро сломано, но кровь давно должна была остановиться. На белых ногах остались пунктирные следы присосок щупальцев морской твари.

Муфля выбралась на берег, отряхнулась и, зашипев, подбежала к телу. Она вцепилась в волосы Евы раньше, чем Валд разгадал ее намерения, мотнула мордой, дернула, упираясь лапками.

— Пошла прочь! — прикрикнул на нее Валд, и тут вдруг Ева закашлялась, и вода хлынула у нее изо рта.

Вскрикнув, Валд судорожно повернул жену на бок, придержал голову. Ладонь наткнулась на что-то жесткое и ребристое, и он приподнял ее волосы вверх. Шрамы на шее заострились, встопорчились, тонкая кожа на них порвалась и висела лохмотьями, едва прикрывая красные жаберные щели.

Ева застонала, закашлялась.

— Сейчас, подожди, — пробормотал он, сгребая ее в объятия. — Я знаю, что делать. Потерпи, моя хорошая.

Ее вырвало водой, жабры под рукой Валда затрепетали и закрылись. Он поднял жену и быстро понес прочь. Муфля, разочарованно тявкнув, побежала следом, а люди, шествующие к обрыву, чтобы помолиться богине, испуганно шарахнулись в стороны, пропуская своего капитана, который в чем мать родила бежал к пирамиде, прижимая к груди жену.

ГЛАВА 27

Когда я открыла глаза, то увидела над собой прямоугольные полосы света на ровном белом потолке. Я всхлипнула, обхватила горло рукой, чувствуя, что задыхаюсь. Перед глазами все поплыло, а потом надо мной склонился Валд, и я расплакалась от облегчения. Это не лаборатория «Арго»! Я все еще здесь, на далекой планете. И я жива!

— Тебе больно? — спросил Валд. — Где? Что чувствуешь?

Я глубоко дышала, успокаиваясь. Лицо моего варвара выглядело так непривычно: те же космические синие глаза, легкая небритость, темные брови, линию которых мне так нравится повторять кончиком пальца, но черты были напряжены, а губы слегка подрагивали.

— Валд, ты что, боишься? — поняла я с изумлением.

Я попыталась сесть, но мое левое запястье было надежно зафиксировано с помощью обручального браслета. Выходит, я лежу на капсуле в храме. Надо мной не лампы, а отверстия в потолке. Повернув голову, увидела икону с ликом Фернанды.

Валд осторожно ощупал мои ребра и грудную клетку. Капсула подо мной мерно вибрировала.

— Я испугался, — глухо признал он. — Как никогда в жизни. Ты помнишь, что произошло?

— Я умерла, — вспомнила я запоздало.

Это все было на самом деле: и подлость Энтропии, и падение в море, и мрак, и боль, и холодный ужас, ползущий по моему парализованному телу. Капсула пикнула, и вибрация прекратилась. Фиксаторы браслета щелкнули, высвобождая мою руку. Я села, свесив ноги и потирая запястье, — вены слегка колото. Прикоснулась к шее, нащупав шрамы, которые будто стали еще более выпуклыми.

Что-то гневно зафырчало на полу, и я инстинктивно поджала ноги и глянула вниз. Муфля была тут как тут. Стояла на задних лапках, опершись передними о капсулу, и щелкала клювом.

— Ты никогда не оставишь меня в покое, да? — устало сказала я.

— Я прикажу отвезти ее в естественную среду обитания, — предложил Валд.

— Она домашняя, — возразила я. — И к тебе она, кажется, относится куда лучше, чем ко мне. К тому же через неделю меня здесь не будет.

Валд вздрогнул, лицо его окаменело, и я прикусила язык. Незачем было так сразу напоминать о скором расставании. Хотя лучше прояснить все сразу.

Однако Валд никак не прокомментировал мои слова.

— Тебя столкнула Энтропия? — спросил он, хмурясь.

— Да. Она по-прежнему хочет сделать капитаном Магнуса, хотя я и не представляю — как.

— Боюсь, она отправилась к твоему отцу. К Алистеру, — исправился он.

— Ох, Валд! Она скажет, что я мертва, и Алистер примчится мстить... А как так вышло, что я жива?

— У тебя жабры, — сказал он. — На шее. Поэтому Алистер и отправил Эврику в монастырь. Метка дурной крови.

Жабры? Я снова потрогала шрамы на шее. Они теперь совсем не болели. Но как?.. Я, наверное, выглядела слишком потрясенной, поэтому Валд счел нужным пояснить:

— Когда первые люди вышли из яйца, они встретили тварей, которые считали себя хозяевами Колыбели. Они были так похожи на людей, что даже богиня обманулась и благословила своих детей на союз с ними. Но совсем скоро пришел синий мор, от которого не было спасения. А твари сталидохнуть от какой-то другой болезни. Выживших мы истребили. Однако дурная кровь иногда просыпается.

— Подожди, — озадаченно, сказала я. — Здесь была гуманоидная раса типа людей с жабрами?

— Да, — кивнул Валд. — Наверное. Я не знаю, что такое гуманоидная раса.

— И поселенцы с Ковчега, в смысле с яйца, наладили с ними контакт?

— Контакт был, — подтвердил Валд. — Близкий, но недолгий.

— Потом началась эпидемия. Болезни. Они чем-то заразили поселенцев, а те — их.

— Синий мор. А твари дохли от жара бездны.

— Понятно, — кивнула я. — Высокая температура, какой-то вирус. Но выходит, что расы смешались? Было общее потомство?

— Да, — снова кивнул Валд. — Богиня не разрешила убить детей с признаками дурной крови. Однако потом она ушла.

— И детей с мутациями стали отправлять в монастыри, — поняла я. — В лучшем случае. Валд, я биолог. Не слишком хороший, если честно. Хотя в колледже училась неплохо...

— Ты ученый? — изумился он. Кажется, даже мои жабры он воспринял спокойнее.

— Типа того, — ответила я. — Так вот, даже такой плохонький ученый, как я, понимает: смешения рас из противоположных концов Вселенной не могло произойти. Это абсолютно невероятно. Невозможно! Ты покажешь мне капитанские регалии? Те, что тебе вручили на церемонии...

— Все, что захочешь, Ева, — сказал Валд.

Мое сердце подскочило и забилося чаще, когда он назвал меня настоящим именем. А Валд медленно склонился, замерев совсем близко возле моих губ. Я чувствовала тепло его кожи и дыхание. Но он не целовал меня, а будто ждал чего-то... Я подалась вперед и поцеловала его первой, прикоснувшись к теплым губам, и это словно прорвало плотину: Валд порывисто обнял меня, вжимая в свое тело, сгреб волосы, поцеловал так пылко и страстно, словно в последний раз.

Я дернулась, отшатнулась, и Валд словно окаменел, сделал шаг назад.

— Все нормально, Валд, — пояснила я сдавленно. — И целуешься ты потрясающе. Но муфля...

Он посмотрел вниз и, спохватившись, схватил за шкурку муфлю, которая вцепилась клювом мне в мизинец ноги и повисла, как клещ.

— Кажется, ноготь слезет, — пожаловалась я, поджав ногу к себе. — Плохая муфля!

Она зашипела, прижав уши к голове, и презрительно фыкнула.

— Это она спасла тебя, — примирительно сообщил Валд. — Нашла по запаху.

— Добить хотела, — пробурчала я. — Ладно. У нас не так много времени, а я хочу узнать все ответы. Почему ты голый, кстати? Это все еще дань традициям?

Он поднял с пола покрывало, усыпанное цветами и заляпанное кровью, обмотал вокруг бедер. Передвинул рычаг, выключив капсулу.

— Я видел, как ты включала алтарь, — пояснил он. — И запомнил. У тебя были сломаны ребра, Ева, и, возможно, еще внутренние повреждения...

— Я чувствую себя прекрасно, — заверила я, направляясь к выходу из храма. Остановившись, обернулась и, быстро сжав клюв муфли, которая сидела у Валда на руках, привстала на цыпочки и поцеловала его. — Спасибо, что спас мне жизнь.

— Спасибо, что заменила настоящую Эврику и не позволила ей убить меня, — сказал Валд.

Мы вернулись в спальню, и первым делом я направилась в свою комнату. Откинув покрывало, зачеркнула еще одну полоску. Валд подошел ближе, посмотрел на мой календарь, помрачнел, но ничего не сказал. Между нами повисло какое-то напряжение, и я толком не понимала, как себя вести. Может, Валд решил отстраниться от меня, чтобы потом легче перенести разлуку? Я не могла его за это винить, и, наверное, так лучше, но мне было обидно до слез.

Я пошла в душ, специально раздевшись еще в комнате, и долго стояла под теплыми струями воды, смывая кровь и запах водорослей, но Валд так и не захотел присоединиться ко мне. После душа я оделась, пожалев об очередном испорченном платье и не забыв об ожерелье, подаренном мужем, и села за столик, на котором появилась корзинка с булочками, фрукты, сыр и ломтики вяленого мяса. Валд, наскоро помывшись, оделся и сел напротив меня. Мы ели в тишине, искрящей недосказанностью, как грозовая туча — молниями. Муфля, которую Валд запер в моей комнате, единственная не стеснялась проявлять эмоции: она скреблась в дверь и шипела.

— Пойдем смотреть регалии? — спросила я, поднимаясь.

— Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь, Ева? — спросил он. — Не хочешь отдохнуть?

Я прикусила губу, отвела взгляд. Валд держался так отстраненно, что мне хотелось плакать. После того поцелуя в храме он даже не прикасался ко мне, словно я стала чужой.

— Все в порядке, — вежливо ответила я. — Спасибо, что включил капсулу и не пожалел для меня тауриллу.

Валд нахмурился.

— Спасибо, что помогла добыть его и показала, как использовать. Благодать богини — истинное сокровище.

Я кивнула. Так и будем друг друга благодарить? Захотелось встряхнуть его хорошенько, но Валд уже открыл дверь спальни, галантно пропуская меня вперед.

— Спасибо, — пробурчала я.

Валд закатил глаза, и мне немного полегчало. Выходит, его тоже гнетет это напряжение между нами?

Мы поднялись на этаж выше, Валд постучал в дверь, открыл, но Инфиниты в комнате не оказалось. Мягко колыхались белые занавеси, пушистый ковер под ногами был упругим, как густая трава. Я остановилась у гобелена, где люди сражались с воинами с рыбьими головами, и снова потрогала заострившиеся жабры на шее. Похоже, когда-то Эврике их срезали или прижгли, замаскировав под шрамы. А может, они всегда были закрыты и заработали из-за крайней необходимости. Либо же как-то повлияли три луны, которые прошлой ночью были на пике...

— Я проверю, вдруг она наверху, — сказал Валд, поднимаясь по лестнице на крышу. — Мама любит там отдыхать.

Фернанда на гобелене улыбалась и протягивала руки, словно желая обнять, и я поморщилась от внезапного раздражения. Невозможно обняться с голограммой! А аватарка компьютерной программы, пусть и самой сложной, не должна быть богиней. Фернанда на «Арго» знала обо мне все: о моей влюбленности во Влада Увейро, о беспокойстве за судьбу брата, она знала даже колыбельную, которую мне пела мать. Но ее функции были ограничены, как и допустимые вмешательства. А что, если бы по какой-то причине она получила абсолютную власть? Если бы ей дали белые одежды капитана и позволили управлять судьбой всего экипажа, определив приоритетом лишь объективную оптимальность решений?

Послышались голоса, и Валд спустился вниз вместе с матерью, которая выглядела растерянной и испуганной, но как всегда элегантной — в строгом синем платье и с башней из косы, увитой черной лентой.

— Энтропия хотела тебя убить? — Она порывисто обняла меня, делясь теплом, и телесным, и душевным, и я будто слегка оттаяла. Отстранившись, Инфинита осмотрела меня с внимательной заботой. — Она понесет наказание за это, обещаю! Довольно терпеть ее выходки!

— Я думаю, она хотела убить и Валда, — сказала я. — Так что вам действительно лучше избавиться от Энтропии. Отправить в какой-нибудь монастырь, к примеру. Иначе она не успокоится, пока не возведет в капитаны своего сына.

— Нам нужно собрать совет. — Инфинита пригладила выбившиеся из косы прядки. — Я поищу Магнуса. Надо решить, что делать с его матерью, когда она объявится, и заручиться его согласием, чтобы не было проблем. Приходите в зал собраний. Оба.

— Хорошо, мама, — кивнул Валд. — Капитанские регалии на месте?

— Да, я вернула их в сокровищницу. — Она стянула с шеи цепочку с ключом и вручила мне, вложив в ладонь и согнув мои пальцы. — Теперь ты ее хранитель, Эва. Будь благодарна.

Я отогнула край гобелена с Фернандой, и ее черты исказились. Вместо улыбки появилась гримаса то ли злости, то ли отвращения. Выдохнув, я вставила ключ в замочную скважину и повернула. Войдя внутрь, направилась к шкафу, за стеклянными дверками которого лежали оранжевый шар и голоплеер. Воздух в сокровищнице был сухим и не пах ничем, как на «Арго», стены мягко светились. Инфинита говорила, что здесь ничего не портится, комнату создавала богиня. По-видимому, есть какая-то суперзащита. Интересно, если я спрячусь в сокровищнице, то «Игла» сможет выдрать мое сознание из тела Эврики?

— Может, выберешь какое-нибудь украшение? — неуверенно предложил Валд, но я лишь покачала головой. Он тихо вздохнул. Наверное, подумал о том же, о чем и я, — украшения останутся здесь, когда мое сознание вернется в прежнее тело. У меня же будут лишь воспоминания, но хватит мне их на всю оставшуюся жизнь.

Приоткрыв дверку шкафа, я осторожно вынула оранжевый шар, перетянутый крест-накрест полосками серебристого металла.

Как же его открыть?

Я провела кончиками пальцев вдоль полос, осмелев, потрясла шар. Если он способен выдержать ядерный взрыв, то вряд ли я его поломаю. Положив его на пол, я уселась рядом, скрестив ноги, и уставилась на него.

— В чем дело? — спросил Валд, заинтересовавшись.

— Этот шар из Ковчега. Из яйца, — пояснила я. — В нем хранятся очень важные данные, которые я хочу узнать. Но я не понимаю, как он открывается.

Я повернула шар, положила ладони с обеих сторон, так, что перекрещивания металлических полос оказались под моими руками.

— Я могу тебе как-то помочь? — спросил Валд.

Он сел напротив и осторожно положил ладони поверх моих. Прикосновение вышло теплым и аккуратным, его пальцы слегка подрагивали, как и мои. Мы смотрели друг другу в глаза, и он будто чего-то ждал. Наверное, я должна хотя бы попытаться объяснить ему все, что чувствовала.

— Валд, я прибыла сюда ради миссии, — сказала я. — Но с тобой все было по-настоящему.

— И даже в храме? — недоверчиво спросил он. — Во время свадебной церемонии? Ты поклялась быть моей женой всерьез?

— Вообще-то я тогда не слышала ни слова, — призналась я. — Побочный эффект от вживления в чужое тело. И думала, что в твоём теле — офицер из будущего.

— Значит, когда ты целовала меня, то думала, что целуешь его?

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Попыталась выдернуть ладони, но Валд только прижал мои руки к шару сильнее.

И вдруг металлические полоски щелкнули, разъехались в стороны, избавляя меня от необходимости отвечать на неудобный вопрос.

— Он открывается! — воскликнула я.

Валд нехотя перевел с меня взгляд на оранжевый шар, который распался на дольки, как апельсин. Удобно: информация разделена и рассортирована. Я провела ладонью по ближнему сектору, и вверх поднялся галлоэкрэн с длинными колонками цифр. Технические данные Ковчега. Тут я ничего не пойму, даже если буду пялиться в таблички всю оставшуюся неделю.

Задвинув экран вниз движением ладони, взялась за следующую «дольку». Опять цифры: запасы Ковчега, перечень населения, данные по флоре и фауне, возобновляемые источники питания, вода. Я промотала вниз. Некоторые цифры стали желтыми, а потом и красными. Ковчег столкнулся с проблемами жизнеобеспечения. Почему тогда они не полетели на ближайшую планету, где уже были колонии?

Третий сектор дал мне ответ на этот вопрос. Среди колонок цифр я увидела видеофайл и тут же его включила. Капитан был чем-то похож на Рутгера: борода, изможденный вид, белые одежды.

— Мы совершали гиперпрыжок, когда на Солнце начались взрывы, — сказал он, глядя сквозь меня пустыми глазами. — Приборы вышли из строя. Нас забросило непонятно куда: ни одной знакомой звезды. Эта часть Вселенной неизвестна и не изучена. Посадочный модуль разбит астероидным поясом. Даже если мы сумеем добраться до планеты, пригодной для жизни, я не смогу посадить Ковчег. И я принимаю решение. — Он вздохнул, отвел глаза. — Я ухожу. Складываю с себя полномочия капитана. В нашей ситуации единственный вариант выжить — это полностью передать правление программе жизнеобеспечения корабля. У нее есть возможности для анализа всей имеющейся информации и выбора оптимального варианта.

За его плечом появилось неясное свечение голограммы.

— Она получит полный доступ, — устало продолжил капитан. — Техническая и личная информация.

Выбор маршрута. Контроль. В том числе за репродукцией. Генный материал на Ковчеге номер девять не подобран. Мы брали всех желающих. — Он говорил отрывистыми фразами, будто на долгие предложения ему не хватало сил. — Все. Я уйду.

Он начал печатать на клавиатуре, но обзор камеры не позволял увидеть что. Потом поднялся с кресла и отошел в сторону. Фернанда за его спиной улыбалась, и ее серые одежды светлели, пока не стали полностью белыми.

— Богиня, — ахнул Валд. Он протянул к ней руку, и его пальцы прошли сквозь изображение. Видео остановилось.

Выходит, Ковчег был в аварийном состоянии, и решение возложить капитанское полномочия на Фернанду было вынужденным. Я прикусила мизинец, раздумывая. Она получила полный контроль и доступ ко всей информации. Она определяла, кто будет размножаться и с кем, чтобы сохранить разнообразие генофонда и минимизировать врожденные заболевания.

Я вернулась к предыдущему сектору и перемотала таблицу с данными по запасам ниже. Красные цифры исчезли, желтых становилось все меньше. Я сжала колонку с датами, выбрав единицей измерения «год», пролистана вниз. Еще ниже. И еще... Ковчег летел больше пяти сотен лет! Сменялись поколения, рождались новые дети, не ведающие иной жизни. Они беспрекословно подчинялись Фернанде и не знали, что такое свобода воли. Она могла подавить даже зародыш сопротивления, откорректировав гормональный статус и введя дозу успокоительного.

Свернув экран, я взяла новый сектор, еще не изученный, и нашла там короткий видеофайл. Выбрала воспроизведение, и Валд снова охнул. Фернанда улыбнулась, глядя прямо мне в глаза.

— Я доставила Ковчег на оптимальную для жизни людей планету. Посадка была совершена в воду, что сработало дополнительным амортизатором. Ковчег пришел в негодность, однако жертв среди населения нет.

Я невольно придвинулась к экрану, чтобы не пропустить ни слова.

— Я не совершала ошибок, — сказала Фернанда, все так же спокойно улыбаясь. — Все мои решения были оптимальными и позволили людям выжить и основать колонию. Но само назначение меня капитаном было ошибкой. Физически экипаж Ковчег здоров. Я улучшила генофонд и сохранила необходимое разнообразие. Однако есть нечто, не заданное в параметрах, что постоянно регрессировало в течение всего полета. Люди потеряли инициативу, перестали стремиться к новому, практически исчезла тяга к творчеству. Я составила модель дальнейшего развития и нашла оптимальное решение: я должна самоудалиться.

Я ахнула, протянув руку, сжала пальцы Валда.

— В таком случае людей ждет еще больший откат в развитии, однако потом появится положительная динамика. Я дала им обитель, в которой они будут защищены, хотя глобальных угроз на планете нет. Создала религию, основанную на Солнечной системе Колыбели и подталкивающую к духовному росту. Поселенцы должны заново учиться самостоятельности. Быстрее всего это произойдет, если их мать исчезнет.

Фернанда молча улыбалась с экрана, будто выжидая.

— Запуск программы самоудаления, — сказала она. — Мир вам, дети мои.

Голограмма таяла, бегущая строка съедала богиню по пикселю, будто распуская вязание. В конце остались лишь глаза, а потом ее не стало вовсе.

— Ты объяснишь мне? — силло спросил Валд.

— Ваша богиня — это нечто, придуманное самими людьми. Вроде помощника, — сказала я. — Но в критической ситуации ей вручили абсолютную власть. Это помогло спасти экипаж.

— Но в итоге она решила уйти?

— Она просчитала варианты, — ответила я. — Шиагов тогда не было на планете, Фернанда их не учла.

— Выходит, людям лучше без богини?

Я молчала, не зная толком, как ответить.

— Она не богиня, — сказала я. — А программа. Человек должен сам решать свою судьбу, не надеясь на высшие силы, не ожидая помощи с неба.

— Наша вера ведет к совершенству, — задумчиво произнес мой варвар. — Она учит быть сильным душой и телом, стремиться к новому, ставить задачи, действовать, любить... И тогда человек сам приближается к подобию бога.

— Если бог и есть, то внутри, — вздохнула я.

В сокровищницу заглянул Ампер, окинул нас хмурым взглядом.

— Вас ждем, — сообщил он. — Или тебе, как капитану, особое приглашение надо?

— Идем, — ответил Валд, легко выпрямляя ноги.

Я сложила оранжевый шар, вернула его на полку, положив рядом с голоплеером, и пошла за мужем. Наконец стали появляться ответы, но мне предстоит выяснить еще очень многое.

ГЛАВА 28

Валд пропустил меня вперед в зал, ослепивший идеально белыми стенами, вошел следом и закрыл дверь. Здесь собралась вся семья, за исключением Энтропии. Лора выглядела слегка сонной, но как всегда прекрасной, лохматая борода Ампера уже достигала его груди. Магнус молча кивнул, он тоже был каким-то помятым и заспанным. Похоже, праздник богини удался у всех. Самой бодрой была Инфинита. Именно она одернула Валда и указала ему на стул капитана, она же усадила меня рядом с ним.

— Итак, сразу к главному вопросу, — сказала она. — Энтропия покушалась на жизнь Эвы: столкнула ее с утеса Лика, а потом исчезла в неизвестном направлении.

Всеобщую вялость как рукой сняло.

— Она отправилась к Алистеру! — выпалил Магнус. — Это все ее желание сделать меня капитаном. Скажет, что ты погибла, даст ему повод напасть на обитель... Ох, мама, что же ты наделала...

Он запустил руку в волосы тем же жестом, какой я не раз видела у Валда.

— Ты так уверен? — хмуро спросил Ампер, обняв Лору за плечи.

— Я предполагаю, — ответил Магнус. — Надеюсь, что до этого не дошло, но где она тогда? Кто видел ее в последний раз?

— Я, — подала я голос. — Как раз перед тем, как она столкнула меня в воду.

— Ты, должно быть, отлично плаваешь, — заметила Лора. — Там такие волны...

— Да, — сказал Валд, незаметно сжав мне пальцы, и я ухватилась за его ладонь. Он легонько погладил мое запястье пальцем, наткнулся на обручальный браслет и убрал руку. — Я успел вытащить Еву, но она могла погибнуть.

— Еву? — переспросил Магнус.

— Это личное обращение, — спокойно пояснил Валд. — Я видел следы лодки, спущенной на воду неподалеку от утеса.

— Энни отправилась сама? — задумалась Лора.

— Она неплохо управляет парусом, — нахмурился Магнус. — До Алистера рукой подать. Если ветер был попутным, то она уже там. Надо подготовить замок к атаке. Хотя... Мы ведь можем показать Алистеру тебя, целую и невредимую.

Идея хорошая, вот только не факт, что я буду жива к тому моменту. Вряд ли Алистер сорвется сей же час. И даже если он, увидев меня, развернется и поедет назад, то вскоре узнает о внезапной, хоть и такой долгожданной смерти Эврики.

— Если Алистер прибудет к обители, то может напасть в любом случае, — возразил Валд. — Придумает повод потом. Нам лучше подготовиться.

— Ладно, — согласился Магнус. — Скажешь, что делать.

— Значит, будем готовиться к атаке, — вздохнула Инфинита. — Запасы на время прилива собраны, люди начинают приходить из долины, вода уже тронулась.

— Осталась неделя, — кивнул Валд. — Больше вопросов или предложений нет?

— Вообще-то есть, — встряла я, немного волнуясь. Может, лучше бы мне помалкивать, но вскоре меня здесь не будет, так что надо пользоваться возможностью. — Как выбираются члены совета? Вы одна семья, и надо признать, каждый из вас может принести пользу экипажу, но, возможно, стоит пересмотреть этот подход — к наследственности власти?

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Валд.

— Я считаю, что стоит расширить совет, — сказала я. — Пригласить в него людей, которые могут увидеть проблемы с другой стороны или даже указать на них. Людей из разных слоев общества, представителей разных сословий. Допустим, Баг — он ведь изобретатель, ученый. Почему его нет в совете? Он бы мог предложить какие-нибудь нововведения, улучшающие жизнь экипажа. Или вот фермеры, или как вы их называете... овцеводы... Пусть бы прислали кого-нибудь одного, самого толкового. Он бы сообщал о посевах, планируемом урожае, держал в курсе, так сказать...

Магнус смотрел на меня насмешливо, да и Ампер отвернулся, пряча в бороде ухмылку.

— И женщины, — не сдавалась я. — Я в обители всего пару недель и увидела не все, но заметила, что женщины выполняют кучу тупой однообразной работы, которую можно было бы автоматизировать.

— Авто — что? — спросила Лора.

— Стирка, уборка, приготовление пищи, — перечислила я. — У Бага есть несколько отличных идей, как это все упростить.

Я ему сама эти идеи впихнула практически насильно. Бага слегка заносило в высокие материи, и приходилось тыкать его носом в то, что прямо перед ним.

— Надо организовать обучение детей, — продолжила я. — Это самое главное. Общие классы, начиная с шестилетнего возраста. К подбору учителей подойти со всей ответственностью. Это должны быть лучшие, умнейшие люди из всего экипажа. Медицина...

Я поймала взгляд Валда, печальный и понимающий.

— Эврика, — он назвал меня чужим именем, и я невольно вздрогнула — так холодно это прозвучало. — Я вижу, тебя здесь многое не устраивает, если не все. Я понимаю, что наша жизнь кажется тебе отсталой после... монастыря. Но то, что ты предлагаешь...

— А я бы позвал в совет Бага, — согласился Ампер.

— И Батарею, — поддакнула Лора. — Мы с ней болтали как-то: я пришла в ужас от того, сколько приходится тащить на своих плечах бедным кухаркам. И что до школы — отличная идея. Сейчас только верхние уровни занимаются образованием детей, мало кто со второго этажа обучен хотя бы грамоте.

— Надо организовать классы, — вдохновенно продолжила я, стараясь не замечать пристальный взгляд Валда. — Собрать детей одного возраста, составить расписание...

Собрание длилось так долго, что я успела проголодаться и охрипнуть. Но когда Лора взмолилась об отдыхе, Валд повел меня не в нашу спальню, а в соседние комнаты на этом же уровне.

— Теперь это наши покои, — пояснил он, когда мы вошли в спальню, где сновали служанки в серых платьях, застилая постели и расставляя вещи. Я увидела вешалки с моими платьями, и кровать, которую будто нарочно поставили так, что мой календарь бросался в глаза. Из-за закрытой двери в углу зашипела муфля.

— Может, не надо торопиться с переездом? — робко предложила я.

Служанки, поклонившись, исчезли за дверями.

Валд подошел к окну, посмотрел в голубое небо, где красное солнце зависло раскаленной монетой.

— Может, и не надо было... — ответил он. — Но не тащить же вещи назад. Я капитан теперь, мое место здесь.

Мне почудился невысказанный вопрос о том, где же мое место...

— Мне надо отдать распоряжения воинам, — сказал он, обернувшись. Синие глаза пронзили меня взглядом, и я шагнула навстречу, но Валд быстро отошел в сторону, глянул на исчерканную боковину кровати. — Когда ты зачеркиваешь день, Ева?

— После полудня, — ответила я. — Я прибыла сюда, когда солнце уже клонилось к горизонту, но еще не смеркалось.

Валд кивнул, вынул из-за пояса такой знакомый кинжал и зачеркнул еще одну полоску. А потом дверь за ним закрылась.

Мои пальцы сами сжались в кулаки. Я шагнула к кровати и с силой пнула исчерканную боковину. Охнув, запрыгала на одной ноге. На глазах выступили слезы: то ли от боли, то ли от обиды и злости. Как мне сейчас не хватает успокоительных инъекций Фернанды! Хотелось что-нибудь разбить или проораться. Почему он отталкивает меня? Разве я в чем-то виновата? Хоть муфлю выпускай из туалета, чтобы снять стресс!

Представив, как бегаю от собакоутки по капитанским покоям, я фыркнула и немного успокоилась. Мне не хотелось расставаться с Валдом на такой ноте, но повлиять на его решение я не могу. Если ему так легче — пусть. Считает меня обманщицей, предательницей, а может, и ревнует... Что-то

такое проскочило в его расспросах о том, кого же я целовала во время свадебной церемонии.

От размышлений меня отвлекла волна аппетитных ароматов, исходящих от столика в углу. Усевшись в кресло, я открыла все крышки с блюд и обстоятельно пообедала, отдав дань уважения и мясу, и запеченным овощам, и свежему салату. Запив все травяным чаем, вытерла руки салфеткой и направилась исследовать комнаты.

Смежная оказалась уже знакомой мне спальней Инфиниты, где шкафы с распахнутыми створками зияли пустотой, узкая кровать, на которой явно не спали вдвоем, лишилась постельного белья, и лишь гобелены остались на своих местах.

Я остановилась перед Фернандой. За год, проведенный на «Арго», я так привыкла к ней, к ее шуточкам, подначкам и дружеским беседам, что стала воспринимать живой личностью. На этой планете мне мерещились какие-то коварные планы искусственного интеллекта по захвату власти, но, по сути, люди сами допустили ошибку, дав ей неограниченные полномочия. Фернанда лишь выполняла свою работу. Она — программа, и функционировала в соответствии с заданными параметрами. Ей сказали найти планету, пригодную для жизни, — и вот, она нашла самую лучшую, которую только можно вообразить, практически идентичную Колыбели. Ей приказали сохранить Ковчег и поселенцев — и вы только посмотрите на моего варвара: стоит сказать Фернанде спасибо за тщательную работу над генофондом. Совсем недавно мне мерещилась злоба на ее лице, но программа не может испытывать эмоций. На «Арго» я подсознательно верила, что Фернанда симпатизирует мне, но она отправила меня в опасную миссию, спев перед этим мамину колыбельную, — и вовсе не от большой любви. Просто на кону стояло все человечество, и в своих электронных мозгах Фернанда с легкостью пожертвовала мною.

Но я не злилась на нее. Ведь однажды на этой планете, взвесив все факторы и просчитав вероятности, Фернанда пожертвовала собой. Чтобы люди, избавившись от богини, обрели самих себя. Вот только интересно, когда она обрела божественный статус? На корабле люди знали, что она программа. И даже за пятьсот лет полета не могли отупеть настолько, чтобы утратить связь с реальностью. Скорее, это произошло уже потом, когда люди остались без ее контроля и начался этап быстрой деградации, предсказанный Фернандой в ее последнем видео. Мне захотелось его пересмотреть. К тому же в сокровищнице должно найтись еще что-нибудь интересное.

Я отодвинула гобелен в сторону и открыла дверь.

Энтропия провела в море несколько часов, но совсем не чувствовала усталости. Напротив, энергия переполняла ее, заставляя сердце биться чаще. Хотелось петь и радоваться новому дню — первому в череде лучших дней ее жизни.

Она давно засунула под скамью ставший ненужным плед, а бутылку с чаем опустела. В животе слегка посасывало от голода, и Энтропия надеялась, что ее ждет теплый прием.

Лодка, совсем крохотная по сравнению с кораблями, пришвартованными у пристани, ткнулась носом в крупный черный песок, захрустевший вскоре под ногами. Энни не стала ее вытаскивать или привязывать — все равно она ей больше не понадобится.

Земли Алистера совсем не походили на гавань, благословленную богиней: серые скалы, багряно-красная листва деревьев, однообразно желтые поля, зажатые между гор. Говорят, здесь хорошая охота и рыбы водится столько, что только закидывай сети. А у изрезанного волнами побережья добывают вкусных моллюсков, употребление которых продлевает жизнь и молодость. Этим часто объясняют неувядающую силу старого Алистера и его высокую потребность в женщинах. Кто знает, сколько у него сейчас жен...

Подобрав юбки, Энтропия шагала к башенкам замка, острым, словно наконечники стрел. Люди Алистера поглядывали на нее, но не беспокоили расспросами. Лишь у входа в замок высокий стражник остановил ее и перепоручил одной из служанок — в черном платье, закрытом от шеи до самых пят.

Нет, определенно здесь ей не нравится. Но придется задержаться ненадолго. Возвращаться в обитель ей пока нельзя. Зато потом она войдет туда победительницей. Вручит регалии капитанской власти своему сыну и займет место по его правую руку. Они останутся лишь вдвоем в совете. И когда Магнус женится, Энтропия сделает все, чтобы не допустить невестку к власти. Пусть рождает детей, чем больше, тем лучше, — вот и все ее обязанности. У Магнуса будут такие прекрасные детки...

Энтропия блаженно улыбнулась, и высокий суровый воин, открывший перед ней двери, недоуменно приподнял брови. Дурак.

Энни вошла в вытянутый клином зал, в самом конце которого сидел на высоком черном кресле

Алистер. Он, как всегда, был одет во все черное, и лишь лицо его да кисти выделялись на фоне кресла. Алистер не поднялся ей навстречу, а лишь закрыл книгу, которую читал. Ждал, пока Энни не подойдет сама, и лицо его было хмурым. Каждый ее шаг отдавался эхом, низкие каблучки звонко стучали по черным глянцевым плитам пола. Все же в замке Алистера очень мрачно. Будь она тут хозяйкой, расстелила бы яркую ковровую дорожку, повесила на узкие оконца шторы веселых расцветок. Возможно, расставила вазы с цветами, повесила на голые стены гобелены. И тогда здесь не хотелось бы выть от тоски.

— Здравствуй, Алистер, — произнесла она, добавив в голос воркующих ноток.

— Энни, — сказал он, — с чем пожаловала?

— С подарком, — кокетливо улыбнулась она, стрельнув глазками.

— Я не вижу при тебе ничего, кроме тебя самой. А ты, уж прости, давно вышла из того возраста, в котором могла меня заинтересовать.

— Как грубо, Алистер, — фыркнула она. — А ведь когда-то тебя интересовали мои прелести...

— О чем и говорю — когда-то, — кивнул он. — Ты была милой, и я готов был взять тебя в жены, когда ты овдовела. Ты отказалась. Не то чтобы я сильно жалел об этом — ведь я получил от тебя, что хотел, к тому же ты не понесла... Но я не люблю, когда мне отказывают.

Энтропия ухмыльнулась. Конечно, задетое мужское самолюбие — вот откуда его нарочитая грубость.

— А я до сих пор думаю о тебе, когда заплетаю вторую косу, — томно призналась она. — Но быть одной из многих — не по мне. Своим многоженством ты нарушаешь законы богини...

— Напротив, — заявил он. — Вспомни сказание о великом Онтихае. Еще в яйце богиня даровала ему больше двадцати жен, чтобы он оставил после себя сильное потомство. Я веду свой род от него.

— Но после Выхода богиня больше не одобряла многоженство.

— Это не так, — возразил Алистер. — Был еще Утрих с пятью женами.

— Значит, после того, как люди смешались с грязной кровью, — упрямо сказала Энтропия.

— Что тебе надо? — раздраженно спросил он. — Ты ведь проделала этот путь не для того, чтобы спорить со мной?

— А разве мы спорим? — спохватилась Энтропия, мягко улыбнувшись. — Но ты нрав, я приплыла не ради дружеской беседы. Мой подарок тебе — это повод начать войну. Ты сможешь захватить обитель, как и хотел. А потом передать правление моему сыну. Он хороший мальчик и будет слушаться тебя.

Алистер подобрался, пальцы его сжали подлокотники кресла.

— Что произошло?

— Твоя дочь Эврика мертва. Погибла в день богини. Утонула в море.

Алистер молчал, сверля Энтропию взглядом. Его черные глаза были непроницаемы.

— Ты уверена, что она утонула? — с нажимом произнес он.

— Абсолютно!

— Ты видела ее бездыханное тело?

— Да, — солгала Энтропия. Пусть тела она не видела, но Эврика определенно умерла. Она погрузилась под воду и не показывалась на поверхности не меньше десяти минут.

Алистер все так же сверлил ее непроницаемыми глазами, черными, словно дыры.

— Ты убила ее?

— Подтолкнула. Но ведь ты сам так хотел, — зачистила Энни. — Сам планировал ее смерть и смерть Валдика.

— А Валидол, выходит, жив.

— Вот и убьешь его сам, — пожала она плечами. — Теперь у тебя есть повод. Он недосмотрел за

твоей дочерью, допустил ее гибель.

Алистер откинулся на спинку кресла, задумался.

Энтропия быстро окинула взглядом зал. Ни одного стула. Он мог бы и предложить ей присесть. Усталость вдруг нахлынула на нее волной. Все было как-то не так, как она себе представляла.

— Но помни, что обещал, — добавила она. — После того как ты завоеешь обитель, капитаном должен стать Магнус. Это избавит тебя от многих проблем. Остальные капитаны не пойдут войной на обитель, если на посту останется член экипажа Рутгера. Да и люди не станут роптать.

— Ты убила мою дочь, — медленно произнес Алистер. — Предала свой экипаж. А теперь хочешь, чтобы я поставил наместником твоего сына? Кровь не вода. На последней встрече моя дочь показала недюжинную силу духа. Она дала мне отпор, как не всякий сын сумеет. А Магнус может оказаться таким же предателем, как и ты.

— Но Алистер! — воскликнула она. — Мы ведь договаривались!

Он наконец поднялся с кресла, обтянутого черной лоснящейся шкурой, подошел ближе — сам темный и опасный, как хищный зверь. Его взгляд прошелся по ее лицу, опустился в щедрое декольте. Тонкие ноздри дернулись, и Алистер едва заметно поморщился. Да, она управляла лодкой несколько часов и, верно, вспотела...

— Я сделала, как ты велел, — пробормотала Энтропия, испуганно улыбувшись. — Мы договаривались. У тебя теперь есть повод...

— Да, — сказал он.

А потом ей вдруг стало так больно, что не осталось сил даже на то, чтобы вскрикнуть. Она открыла рот, наполнившийся густой слюной с привкусом металла, и почувствовала, как по подбородку течет что-то горячее. Опустив глаза, увидела кровь, капающую ей на грудь, и рукоятку кинжала, на которой смыкались смуглые пальцы Алистера.

— Хорошо, что ты не стала моей женой, — сказал он, придерживая ее за плечо и помогая удержаться на обмякших ногах. — Ты не дала бы мне сильного потомства и только разбавила бы мою кровь дерьмом.

Его пальцы разжались, и Энтропия рухнула на пол. В черных глянцевых плитках она увидела свое отражение, словно в зеркале: растрепанные неопрятные волосы, обветренная кожа, удивленно расширенные глаза. А потом на отражение натекла густая темная лужица, и в глазах Энтропии померкло. Она еще успела понять, что умирает, и понадеяться на то, что сейчас богиня взмахнет своим покрывалом, поднимая ее наверх, в свой экипаж, к звездам. Но осталась лишь тьма.

Алистер склонился над бездыханным телом. Выдернув кинжал, отрезал им одну из растрепанных кос и брезгливо бросил ее на пол. Светлые волосы тут же измарались в крови, которой натекло, как из овцы. Пройдя в конец зала, Алистер приоткрыл дверь и кивком поманил воина внутрь.

— Убери это, — сказал он. — Чтобы никаких следов.

Тот равнодушно посмотрел на тело женщины в голубом платье и кивнул.

— И скажи Карику, пусть собирает совет, — добавил Алистер. — Мы начинаем войну.

ГЛАВА 29

Я вышла из сокровищницы, чувствуя себя слегка ошалевшей от информации. Голова моя будто распухла от всего, что я узнала, и виски ломило. Валд все еще не вернулся, хотя за окном уже стемнело. Может, он решит и вовсе не приходиться на ночь.

Муфля тихо скреблась в туалете, и я, наскоро перекусив пирожком и компотом и поставив на пол блюда с салатом и мясом, подошла к двери, за которой тотчас послышалось шипение.

Выдохнув, я нажала дверную ручку и, быстро отскочив, бросилась в смежную комнату. Будто того и ожидая, муфля полетела за мной как снежный вихрь, но я запрыгнула на лестницу, ведущую на крышу, и показала животному язык.

— Иди поешь, — посоветовала я. — Целый день ведь голодная.

Муфля прижала уши и щелкнула клювом, явно давая понять, что предпочла бы отужинать моей плотью и кровью. Пожав плечами, я полезла наверх.

На крыше пирамиды было свежо, но почти безветренно. До меня доносился шум волн, изредка мелькали молнии в глазу богини, пахло морем и горячим песком. Я опустилась на нагретую за день поверхность, вытянув ноги, запрокинула голову к небу, и звезды словно обрушились на меня. Я растянулась на крыше, глядя в ночное небо.

Оранжевый шарик больше не поведал мне ничего особенного. Флешка в ожерелье оказалась пустой и поврежденной. Ее вместимость сократилась до каких-то секунд голопроекций, и я, помучив плеер, сумела записать себя, говорящую «Валд, я люблю тебя», потом стереть, и записать снова, и опять стереть.

Ни к чему это. Пусть забудет меня и начнет жизнь заново.

Потом я обнаружила стопку капитанских журналов и погрузилась в чтение. Нашла упоминание о водяных людях, которые поначалу описывались вполне дружелюбно. С ними вели торговлю, обменивались технологиями.

«Богиня одобрила наш союз перед тем, как уйти, однако меня все же тревожит их инаковость», — писал один из капитанов. И следом, буквально через несколько страниц шла запись про синий мор, унесший жизни трети экипажа. Капитан писал и о молитвах, и о бесконечных воззваниях к богине, а потом сокрушался, что она, похоже, действительно ушла.

Поверив, что богини нет с ними, люди сразу забыли ее наставления и напали на водяных людей, численность которых тоже изрядно поредела после эпидемии неизвестной болезни.

Я прикоснулась к жабрам на задней поверхности шеи. Смешение кровей оставалось последней загадкой планеты. Хорошо бы узнать на нее ответ, раз уж мое теперешнее тело может помочь мне в этом. Надо будет наведаться к лику богини, который остался последним свидетельством существования другой расы, и рассмотреть его хорошенько. А заодно и испробовать мои жабры на практике. Когда еще представится такая возможность?

Не знаю, сколько времени я провела, лежа на крыше, размышляя и считая звезды, когда послышался отдаленный скулеж муфли и затем приближающиеся шаги.

— Я знал, что найду тебя здесь, — сказал Валд, подходя ко мне.

— Конечно, — ответила я. — Муфля наверняка на своем посту. Ждет, когда я спущусь, чтобы снова ущипнуть меня за задницу.

Я старалась говорить равнодушно, но сердце мое забилося чаще.

Валд сел рядом, согнув колени.

— Я приказал воинам готовиться к возможному нападению, — сказал он. — Расставил дополнительные посты, дал задание увеличить запас снарядов для метательных машин.

— Хорошо.

— Хотя главное, чтобы на планете остались люди, а не пауки.

— Это не так, — устало произнесла я. Мерцание звезд, шум моря и вся эта ночь действовали так умиротворяюще, и мне совсем не хотелось ругаться или что-то доказывать. — Когда я только отправлялась на миссию, это действительно было моей целью — уничтожить шиагов. Но теперь все изменилось. Я хочу, чтобы ты остался жив, Валд. Чтобы жил долго и счастливо и чтобы твое

правление вошло в историю, как золотой век обители. Чтобы оставил после себя множество детей, внуков и правнуков. Возможно, я узнаю кого-нибудь из твоих потомков, когда спущусь на планету уже по трапу космолета. Было бы здорово вновь увидеть твои глаза.

Я моргнула, и по вискам стекли быстрые горячие слезы.

Валд вздохнул и помолчал немного, пристально глядя на собственные сцепленные руки. Размышлял, как скоро ему можно будет снять обручальный браслет?

— Ева... Я, верно, кажусь тебе дикарем, — с трудом произнес он, — и сейчас мне так стыдно за то, как я себя вел с тобою. Ты явилась спасать человечество, но была вынуждена делить ложе с незнакомцем.

— Это лучшее, что произошло со мной, — хмыкнула я.

— Я хочу поблагодарить тебя...

— Да хватит уже благодарностей, — рассердилась я и, приподнявшись, стукнула его в плечо. — Валд! Мы все еще муж и жена! Да, я не та, за кого себя выдавала, но все, что происходило между нами, было но-настоящему! Я не должна была в тебя влюбляться и, если честно, не хотела, чтобы это произошло. Но...

— Спасибо, что ты моя жена, — продолжил он. — Ева, поначалу, когда все открылось, я очень разозлился. Я не готов тебя отпускать, и все во мне противится этому. Но я хочу поблагодарить тебя за то, что ты была в моей жизни. И, знаешь, однажды мы встретимся снова.

Валд наконец повернулся ко мне, глядя так пристально, будто запоминая каждую черточку моего лица, осторожно коснулся родинки над моей губой.

— Возможно, я кажусь тебе отсталым дураком, — усмехнулся он. — Но я по-прежнему верю, что после смерти души отправляются за покрывало богини. И когда ты вернешься в свое время, посмотри на звезды. Я буду ждать тебя там. — Его голос звучал так умиротворенно, но в моей груди что-то словно переворачивалось с каждым его словом. — Буду смотреть на тебя, радоваться твоим успехам, переживать за неудачи... Я хочу, чтобы ты прожила длинную и интересную жизнь. А потом, однажды, мы снова встретимся. Я понимаю, ты хочешь уйти. Там, в будущем, твой дом, семья, друзья, весь твой мир, а здесь — лишь навязанный тебе варвар да обитель, которую Алистер может скоро разрушить...

— Валд, — воскликнула я, чувствуя, что мои глаза снова наполняются слезами, — я не хочу уходить! Не хочу!

Его глаза слегка расширились, а потом он порывисто обнял меня и так стиснул, прижав к себе, что мне даже стало больно, но я тоже вцепилась в его плечи, обнимая так сильно, как только могла. Мы будто пытались вжаться друг в друга теснее, стать одним неразрывным целым, неделимым.

— Ева. — Он чуть ослабил объятия, поцеловал меня быстро, жадно, его губы прошлись по моим щекам, векам, вискам. — Расскажи мне все: как тебя отправили сюда, что говорили, что ты должна делать во время возвращения?

— Я попала в эту миссию почти случайно. Инструктаж был быстрый и бестолковый, — вспоминала я. — Мне сказали, что с возвращением не бывает сбоев. Надо постараться расслабиться, не сцеплять рук...

Пальцы Валда тут же переплелись с моими.

— Я не отпущу тебя, Ева, ни за что, — сказал он перед тем, как поцеловать снова. И вскоре сплелись и наши языки, а потом и тела, и души, и я позволила себе поверить, что смогу остаться здесь, с моим мужем и прожить с ним всю жизнь, и острое счастье, затопившее мое сердце, вспыхнуло ярче всех звезд.

А на следующее утро зарядил дождь — первый за все время моего пребывания на планете. Он все шел и шел, барабанил в окна и смывая розовый песок, осевший на террасах пирамиды тонким слоем пудры. Мы с Валдом почти не покидали спальни: разговаривали, занимались любовью или просто лежали, сплетая пальцы и глядя друг другу в глаза, и отчаянная тревога то и дело пробивалась через ощущение полного счастья.

Когда Валд уходил к воинам или по другим капитанским делам, я проводила время с Багом, который снова караулил меня под дверью и своими расспросами словно пытался выжать меня досуха. Я, кажется, успела рассказать ему всю программу колледжа, а иногда его вопросы ставили

меня в тупик, и я жалела, что на моем месте не оказался кто-нибудь более подготовленный к миссии.

Хотя вру. Не жалела. Когда я вернусь на «Арго», то первым делом поблагодарю Фернанду за то, что она буквально вытолкнула меня сюда, в эту реальность, где я, пусть и на короткое время, обрела семью. Потому что кроме мужа у меня появились и другие близкие люди. Я сдружилась с Багом, с удовольствием проводила время с Лорой, открывая для себя такие грани жизни, о которых раньше и не задумывалась, а к свекрови прониклась искренним и глубоким уважением.

А Энтропия так и не появилась. Исчезла, словно канула в воду. Я испытывала по этому поводу лишь облегчение, да и остальные члены экипажа, кажется, не особо грустили. Лишь Магнус выглядел хмурым и озабоченным, и я часто замечала его на террасе вглядывающимся в даль.

Постучав в дверь спальни, которая прежде принадлежала Валду, я дождалась разрешения войти и толкнула дверь. Инфинита стояла посреди комнаты, в которой царил настоящий разгром.

— О, вы решили все тут переделать, — удивилась я.

— Здравствуй, Эва. — Инфинита широко улыбнулась мне.

Глаза ее сияли, и я испытала облегчение. Я шла сюда извиняться: получается, мы с Валдом выселили ее из собственной спальни.

— Добрый день. Я хотела сказать, что переселение на верхний уровень было для меня очень быстрым и неожиданным. И если бы кто-то спросил меня, то предпочла бы остаться в прежних комнатах, — сказала я.

— Тебе там не нравится? — обеспокоенно спросила Инфинита.

— Конечно, нравится! — сказала я. — Там удобно и уютно, но это ведь ваши комнаты. Вы привыкли к ним, и, возможно, вам не хотелось переселяться. К тому же оттуда есть выход на крышу, а вам нравится там бывать...

— Я буду к тебе приходить, — сказала Инфинита. — Попьем как-нибудь чай на крыше, когда дожди прекратятся. Во время большого прилива на закате сверху открывается особенно прекрасный вид: все словно пылает — и небо, и море, и даже обитель кажется розовой.

— Значит, вы не в обиде? — прямо спросила я.

— Что ты! — отмахнулась Инфинита. — Я только рада. По правде сказать, я не была там особенно счастлива. А теперь меня словно переполняет энергия! И я должна поблагодарить тебя за это.

— Меня? — растерялась я.

— Ты подала отличную идею, — сказала Инфинита. — И я лишь жалею, что не додумалась до нее раньше. Здесь будет учебный класс.

— О, — только и выдохнула я.

— Я расставлю столы вот здесь. — Свекровь прошла по опустевшей комнате. — Карту оставлю. Тут будет учительское место... Как думаешь, из меня выйдет учитель?

Она смотрела на меня с непривычной неуверенностью, и я улыбнулась в ответ.

— Вы будете замечательным учителем, — с твердой убежденностью произнесла я.

— Думаешь? — вздохнула свекровь.

— Вы воспитали замечательных сыновей! — выпалила я. — У вас настоящее призвание!

Инфинита довольно улыбнулась.

— Знала бы ты, как мне приятно это слышать. И не только как похвалу моим воспитательским качествам. Я рада, что ты действительно любишь моего сына. Но Ампер поначалу тебе не понравился. Ты ведь даже упала в обморок на обручении. Помнишь? В обители твоего отца.

— Я была не в себе, — вздохнула я. — Из вас правда получится прекрасный учитель. Тем более вам самой, кажется, это нравится...

— Я люблю детей, — кивнула Инфинита. — Раньше думала, что моей отрадой станут внуки, но теперь понимаю, что не обязательно дожидаться только их. Посмотри, я попыталась составить список наук, которые можно преподавать детям. Совсем маленьким — грамоту и счет, а кроме

того...

Я провела со свекровью много времени, обсуждая учебный план, и она была переполнена искренним энтузиазмом. Я же испытала глубокое чувство спокойствия за будущее обители. Если Инфинита станет учить маленьких членов экипажа, то обитель ждет настоящий золотой век!

Валд ждал меня в спальне и, когда я вернулась, крепко обнял.

— Дождь прекратился? — прислушалась я.

— Ненадолго, — ответил он. — Небо затянуто тучами. Ночью снова польет.

— Давай прогуляемся? Надо вывести муфлю.

Муфля тоже преподнесла сюрприз. Во-первых, оказалось, что это мальчик. На клички Зефирка и Снежинка он не отзывался принципиально. Валд пытался выяснить у Мики — мальчика, который вез Эврику на свадьбу, — прежнюю кличку муфли, но тот так и не вспомнил. И пока я перебирала имена, пытаясь подобрать подходящее, Валд стал называть муфлю Валерой, и той пришлось по вкусу.

А во-вторых, муфля перестала на меня кидаться. Это произошло на третий день дождя. Она выскользнула из туалета, когда Валд приоткрыл дверь, метнулась через всю комнату ко мне, запрыгнула с разбегу на кровать, а потом вдруг застыла. Я, пользуясь моментом, отфутболила ее подушкой. Но муфля, даже слетев с кровати, не бросилась на меня. Лишь повернула морду к Валду, принялась, смешно подергивая клювом, потом снова посмотрела на меня, фыркнула и пошла к миске с салатом, которую мы ей ставили в углу.

Так что теперь Валера просто меня игнорировал. Иногда выказывал неприязнь и шипел, а однажды цапнул за руку, когда я попыталась его погладить, но в целом не доставлял больших неудобств.

Валд хотел попросить Магнуса отвезти Валеру в природную среду обитания, но я его отговорила. Вдруг потом явится по мою душу с целой армией муфель, а так хоть под присмотром.

И сейчас мы с Валдом, держась за руки, шли по песку, плотному и сырому после дождя, а муфля бежала впереди, оставляя отпечатки перепончатых лапок. Я вела Валда к лику богини. Он поначалу отпирался, узнав мою затею, но потом сдался.

Людей на берегу не было: все спрятались в обители, где в последнее время было не протолкнуться, а с первого яруса вечно доносилось бляение. Небо казалось низким и серым, словно бетонная плита. Уровень воды поднялся, и я пожалела, что не пошла к лику раньше. Теперь придется опускаться на большую глубину. Зато море стало спокойнее: волны лишь медленно омывали утес и не выглядели опасными.

Я сняла платье, оставив его на утесе, и спустилась по крутой тропинке к воде. Тронула ее пальцем ноги — прохладная. Воспоминания о том, как я здесь тонула, поднялись паникой, на лбу выступил холодный пот. Но я не собралась идти у страха на поводу. Чем быстрее переступлю через него — тем лучше.

Собравшись с духом, я нырнула и, снова появившись на поверхности, взвизгнула и засмеялась от бодрящего холода. Валд спускался ко мне, но я не стала его дожидаться и поплыла к месту, где волны слегка закручивались, словно разбиваясь о что-то в глубине.

Муфля догнала меня первой. Проплыла мимо, демонстративно отвернув морду, а потом еще и будто случайно дернула лапкой, обрызгав мое лицо.

Я усмехнулась и, набрав побольше воздуха, нырнула. Шею тут же защипало от соленой воды, а потом я почувствовала, что дышу. Странное ощущение, ведь воздух не попадал ни через нос, ни через рот, однако моя грудная клетка поднималась и опускалась. Я открыла глаза, которые немилосердно запекло от соленой воды, поморгала, пытаясь притерпеться, и вскоре передо мной появился лик богини.

Это было словно волшебство: тусклый свет, проникающий сквозь воду, выделял черты древнего лица, тени скапливались в ямке под нижней губой, обрисовывали скулы, а гуще всего клубились в глазницах, отчего богиня казалась зрячей. Я подплыла к ней ближе, вспугнув стайку серебристых рыбок, рассыпавшихся во все стороны фейерверком. Вблизи богиня уже не была такой живой: колыхались водоросли, обмотавшие ее уши, в правой ноздре застыла сонная рыбина, изредка обмахивающаяся красными плавниками, а по нижней губе неспешно полз краб.

Густая тень легла на лик богини, я посмотрела вверх и увидела Валда, проплывающего надо мной, и мохнатую тушку Валеры, нарезающего круги. Глянула вниз, и уже знакомая паника сжала сердце. Глубина подо мной была темной и непроглядной, но она двигалась и словно дышала. Воображение

услужливо подкинуло несколько вариантов монстров, которые могли таиться на дне морском, и я быстро поспешила на воздух.

Вынырнув позади Валда, я закашлялась. По-видимому, мои жабры не слишком хорошо функционируют, и надолго погружаться не стоит. Голова слегка кружилась, перед глазами плавали круги.

— Ева, — сердито выпалил Валд, в несколько гребков оказавшись рядом со мной. — Это плохая затея!

Валера твякнул, будто подтверждая его слова.

— Я только взгляну еще разочек, — сказала я.

Стоило ему начать меня отговаривать, как я тут же наполнилась решимостью повторить попытку. Отдышавшись, я вновь нырнула. Валд и муфля последовали за мной, но, поплавав немного у лика, вернулись на поверхность, а я спустилась глубже — к книге, которую богиня держала в руках.

Язык, которым были исписаны страницы, казался неизвестным, но некоторые символы я знала еще со школы. В основном это были буквы, используемые для обозначения переменных в математических уравнениях, встречались и астрологические знаки. Мои глаза адаптировались к пребыванию под водой, и теперь я видела четче. В нижнем углу нашла уже замеченную мной ранее схему Солнечной системы. Колыбель была прорисована лучше, чем остальные планеты.

Валд появился рядом, настойчиво потянул меня наверх, и я послушно поплыла за ним.

— Что ты хочешь там найти, Ева? — кажется, он не на шутку сердился. — В прошлый раз ты тут едва не погибла!

— Понимаешь, все это очень странно, — сказала я, обнимая его за широкие плечи. — Начиная с материала, из которого создана статуя. Похоже на металл, но я не могу его определить. А такие тонкие символы можно было бы нанести только лазером. Или еще более продвинутой технологией. Там есть изображение планеты, на которой зародилось человечество. Но откуда они могли о ней знать?

— От первых людей из яйца. Или от самой богини, — предположил Валд. — Первые годы после Выхода расы активно общались.

— Жаль, что в те годы капитаном была богиня, а она не утруждала себя ведением журналов, — нахмурилась я.

— Все, поплыли отсюда, — сказал Валд.

— Последний разочек! — не дождавшись его позволения, я вновь нырнула.

Солнце пробилось из-за туч, пронзило толщу воды лучами, освещая древний лик. Мелкие рыбешки вновь сыпанули в стороны, сверкая чешуей, как пайетки на платье, которое показывала мне Лора на днях...

Я обогнула статую и зависла возле ее шеи. У богини были жабры — три полосы, идущие параллельно друг другу. Однако в свете солнца, проникающем под воду, они казались прерывистыми. Приблизившись, я обнаружила, что линии были образованы рисунками — простыми и даже примитивными по сравнению с записями в книге. Будто здесь скульптор решил отобразить версию для тупых. Или для тех, кто не знает языка.

Первая линия изображала надвигающуюся катастрофу. Я увидела набухший под водой вулкан, который рос и рос, становясь все больше на схеме, стенающих людей, воздевающих руки к небу, огонь, вырывающийся вверх столбом, тучу, пепел, мертвых птиц и рыб, плывущих кверху животами.

Во второй линии люди вереницей тянулись в пирамиду. Вздвогнув, я быстро посчитала ярусы. Сбилась, попыталась снова, но под водой было не разобрать мелкие черточки, разделяющие пирамиду и делающие ее похожей на слоеный торт. Одно точно — их было куда больше пяти! За людьми в пирамиду следовали животные, птицы, насекомые и даже стайка рыб. А рядом с пирамидой была изображена женщина. Ее лицо — спокойное, умиротворенное и доброжелательное — повторялось и позже, в самой пирамиде, на верхнем ярусе. Солнечная система Колыбели дублировалась и тут. Пирамида целилась в нее верхушкой, как острием стрелы.

К третьей линии я едва не прижалась носом, чтобы ничего не упустить. Пирамида отрывалась от земли и улетала. А несколько человек стояли и смотрели ей вслед в звездное небо. Потом рисунки стали совсем странными. Человек обнимал рыбу, а она облепила его плавниками и обвила хвостом. Затем они же в пузыре, к которому тянулись то ли лучи, то ли провода. Несколько маленьких

человечков с рыбьими хвостами или головами. Извержение вулкана. Конец.

Я чувствовала, что задыхаюсь, воздуха опять не хватало. Глянув вверх, увидела Валда, плывущего ко мне. Набравшись решимости, нырнула еще глубже, загребая руками изо всех сил. Я плыла и плыла, пока едва могла различить линии статуи, и наконец увидела то, чего и ждала. А потом рванула вверх, едва не теряя сознание.

Валд поймал меня за руку, вытянул на поверхность, встряхнул за плечи, и я закашлялась, выплевывая воду. Он потащил меня за собой, бледный от ярости, но лишь на берегу дал выход эмоциям.

— Что ты творишь, Ева! Решила не дожидаться окончания миссии? Хочешь сделать меня вдовцом еще раньше?

— Не хочу, — покачала я головой.

Потрогала шею — жабры встrepенулись и закрылись, выбросив струйки воды. Дыхание постепенно пришло в норму. Муфля тоже выбралась на сушу и отряхнулась, будто нарочно подойдя поближе ко мне.

Стерев брызги с лица, я поднялась и побрела по крутой тропинке на верх утеса. Там взяла одно из полотенец, что мы принесли с собой, и закуталась в него, стараясь не слишком сильно стучать зубами. Валд подошел и растер мне плечи, хотя у самого кожа покрылась мурашками.

Лик богини открыл свои тайны, — я так думала. Но мне надо было время, чтобы принять то, что я обнаружила.

— Зачем ты ныряла так глубоко? — пробурчал Валд. — Там же все равно ничего не рассмотреть.

— Статуя наполовину погружена в окаменевшую лаву, — сказала я. — На ней водоросли, колонии кораллов...

— Ты что, хотела попытаться поднять ее на поверхность? — удивился Валд. — Это невозможно, Ева! Когда-нибудь потом, с технологиями будущего...

— Я хотела понять, сколько ей может быть лет.

— И сколько? — нахмурился он, накидывая на свои плечи второе полотенце.

— Миллионы, — ответила я.

Это казалось невероятным, но тем не менее объясняло все: и то, что люди и аборигены планеты могли иметь общих детей, и тигра, и даже древние пирамиды, разбросанные по той, известной мне Колыбели и теперь навеки погребенные во льдах.

Когда-то люди, жившие на этой планете, столкнулись с угрозой глобальной катастрофы. Их переезд был куда более основательным, судя по ярусам Ковчега, нарисованного на статуе, а планета, избранная для переселения, совпадала с родной по всем характеристикам, разве что гравитация была чуть выше. Их технологии, возможно, опережали даже мое время. Взять хотя бы металл, из которого изготовлена статуя, или генетические эксперименты, благодаря которым удалось получить жабры у людей и даже сделать этот признак наследуемым. Как и на той Колыбели, которую я до сих пор считала родиной человечества, здесь нашлись люди, не желающие покидать планету, и мутации показали им выходом...

Я прикоснулась к выпуклым полоскам на шее.

На том Ковчеге была своя Фернанда. Я могу лишь предполагать, как вышло, что те, первые люди опустились до варварского уровня. Что было виной? Авария, эпидемии, какие-то неизвестные факторы... Либо они тоже переложили ответственность на плечи созданной ими богини и разучились принимать решения сами, и это привело к вырождению... Ее лицо было нарисовано на самом верхнем ярусе Ковчега. Значит, они тоже назначили ее капитаном.

— О чем ты думаешь? — спросил Валд, вытирая пальцы о салфетку.

Он еще ужинал, а я уже лежала в постели, закутавшись в одеяло. Меня слегка знобило после ныряния, и аппетит совсем пропал. Муфля мирно дремала на подстилке, которую я соорудила ей в углу. В окна заглядывала белая луна, будто подсматривая за нами. А на боковине кровати остались всего две незачеркнутые полоски. Два дня. А потом моя судьба решится. Лучше уж я буду думать о ковчехах и колыбелях, чем о том, что разбивает мне сердце.

— Обо всем и ни о чем, — вздохнула я. — Эта планета — истинная колыбель человечества. Оно гораздо древнее, чем я думала. Но выходит, люди раз за разом совершают одну и ту же ошибку.

Может, богиня на самом деле существует и на определенном этапе вмешивается в развитие человечества, не позволяя ему подняться выше?

— Тогда выходит, что она злая, — сказал Валд, поднимаясь из-за стола и пересаживаясь ко мне на кровать. — А это не так.

— Разве?

— Нас разделяло триста лет, мы из разных миров и с разных планет, но все же встретились. И я каждый день благодарю богиню за эту милость. — Валд снял рубашку, и я мысленно тоже поблагодарила богиню. Ее щедрость не знает границ.

— Уверена, у Валеры другое мнение на этот счет, — хмыкнула я.

Муфля подняла голову и посмотрела в нашу сторону. А рука Валда, откинув одеяло и скользнув по моему телу, задержалась внизу живота. Его пальцы вздрогнули и погладили мою кожу. Валд посмотрел на меня, и я поняла, о чем он думает. Эта мысль и мне не давала покоя.

— Сколько длится цикл у женщин на вашей планете? — спросила я.

— Двадцать восемь дней, — ответил Валд и погладил мой живот снова. — Мы скоро узнаем...

Если я еще буду здесь. Я не произнесла это вслух, но Валд нахмурился.

— Валера уже ночуял это, — заявил он.

— Думаешь, он перестал на меня кидаться, потому что унюхал, что я беременна? — фыркнула я. — Ты посмотри на него — голова размером с кулачок. А ты считаешь, у него есть какой-то кодекс муфли?

Валера зашипел на меня, а потом и вовсе повернулся попой.

— Он просто выбрал тебя своим новым хозяином, — продолжила я. — А я — вроде твоей самочки. Поэтому Валера вынужден меня терпеть.

— Надо вам как-то наладить отношения, — вздохнул Валд. — Раз уж ты отказываешься его отсылать. Либо же есть другой вариант.

— Какой?

— Будешь все время ходить беременная, — улыбнулся он и поцеловал меня. — Кодекс муфли того требует.

Мы занимались любовью той ночью так жадно, словно пытаюсь урвать у судьбы все, что она собиралась отнять. А потом я засыпала, чувствуя спиной биение сердца моего мужа и ровное дыхание на своей шее. Дождь шумел за окном, убаюкивая, с первых ярусов донеслось блеяние овцы. Ее далекий потомок сейчас так же блеял в карантине «Арго», став путеводной ниточкой, приведшей меня сюда.

Крепкая рука Валда лежала на моем животе, словно оберегая то, о чем я даже боялась думать. Рыжий сказал — сбоев при возвращении не бывает. Но я сделаю все, чтобы остаться.

Дождь лил как из ведра, и люди скользили по палубам, переругивались. Серые волны кусали причал, бросались волками на скалы. Высокий воин подошел к Алистеру, наблюдающему за кораблями с утеса.

— Почти все готово, отец, — доложил он, сверкая черными глазами. — Но хорошо бы еще день.

— Сегодня плохой ветер, — кивнул Алистер. Будто в подтверждение его слов порыв ветра рванул его косички и хлестнул ими по лицу. — Меняет направление, точно баба, которая сама не знает, чего хочет.

— В обители Рутгера много красивых женщин. — Сын хищно улыбнулся, показав белые зубы. — Надеюсь, ты не приберешь их всех себе.

— Теперь это обитель Валидола, — исправил его Алистер. — Не переживай, тебе хватит. Всем хватит. Каждому воину, который проявит себя в бою и не уйдет в небесный экипаж.

— Я бы взял жену однорукого Ампера. Еще в тот визит ее приметил. Такая сочная...

— Она же вроде на сносях.

— Так и что, — пожал плечами сын и сплюнул на серые камни. — Значит, не пустоцвет.

— Ты не видишь главного, сын, — терпеливо сказал Алистер. — Взяв обитель, мы закрепимся, как главный род Колыбели. Сможем влиять на умы. Никто больше не посмеет шептать о дурной крови. Ведь если бы богиня считала кровь водных людей грязной, то не позволила бы капитану с такой меткой править под присмотром ее ока. Мы докажем всем!

Сын равнодушно кивнул и пошел прочь, оставив отца на берегу. Ловко взбежав по трапу на корабль, он громко выкрикнул:

— Алистер сказал, каждый воин сможет взять себе столько женщин, сколько захочет!

Дружный одобрителный рев пронесся над палубой, омываемой дождем.

— Отправляемся завтра, — добавил он.

ГЛАВА 30

Следующий день прошел как-то рвано. Я то целовала Валда, то плакала, то терзалась сомнениями. Там, в будущем, у меня остался брат. Пусть мы виделись от силы несколько раз в году, а последний и вовсе провели на разных концах Вселенной, но он — моя семья, а я — его. Да, я оплатила его обучение, ему достанется квартира, и, судя по коротеньким видеописьмам, что я получала, Кир вовсе не скучал по мне. Но я несу за него ответственность. Но ведь и Валд тоже теперь моя семья. И ему я, кажется, нужна куда больше.

Он не отходил от меня ни на минуту, и даже на проверку военных постов мы отправились вместе. Увиденное меня только еще больше расстроило: припасов катастрофически не хватало, почти все заготовленные горючие какашки кваргов ушли на поджог Дикого места. Если в обитель явится Алистер, Валду придется несладко — еще один повод для того, чтобы остаться.

Вода подступила к белым стенам обители, которая сейчас напоминала общежитие моего брата: тесно, шумно, но весело. Весь первый ярус — самый большой и просторный — оккупировали животные. На террасе, повернутой к лесу, я заметила даже диких зверей: волосатых свиней с загнутыми клыками, какую-то рогатую собаку и нечто совсем непонятное — с длинной мордой и толстым чешуйчатым хвостом.

Будет очень плохо, если Алистер все же приплывет. К счастью, Валд сможет предъявить ему здоровую и веселую Эврику — а уж я буду изо всех сил улыбаться и рассказывать, как мне здесь хорошо. Но если Алистер решит напасть — сейчас, когда в обители не развернуться, — мы проиграем.

Дождь прекратился, но небо все еще хмурилось — мрачное, тяжелое и готовое вот-вот пролиться слезами — прямо иллюстрация моего настроения. Ветер завывал во внутреннем дворике обители, словно пойманный в клетку зверь.

Вечером я зачеркнула еще одну полоску на боковине кровати и с тоской посмотрела на единственную оставшуюся черточку. Завтра — последний день. Может, мне удастся уговорить рыжего ученого отослать меня назад? Но на подготовку «Иглы» понадобится время, и останется ли тело Эврики живым... К тому же в нашем времени к планете движется корабль шиагов, и рыжий может не успеть осуществить повторный запуск. Да и станет ли кто-нибудь меня слушать?

К ночи я совсем измаялась всеми этими мыслями и выбралась на крышу пирамиды, чтобы хоть как-то успокоиться. Тучи рассеялись, и три луны висели совсем близко друг к другу, словно ягоды на ветке. Дорожки света тянулись до самой обители, и молодежь веселилась, ныряя прямо с террасы. Я заметила среди них Магнуса: он сделал двойное сальто и ушел под воду без всплеска, и какие-то девушки с энтузиазмом заплодировали ему.

— Хочешь к ним? — спросил Валд, садясь рядом со мной.

— Нет, — покачала я головой. — Хочу побыть только с тобой.

Но я понимала, что мне все равно будет мало: как бы он ни целовал меня сегодня, как бы ни любил, этого не хватит. Я хочу прожить с ним всю жизнь и родить маленьких синеглазых варваров, и пусть мне придется весь остаток дней обходиться без электричества и прочих благ цивилизации — плевать.

Глаз богини потрескивал разрядами, и я поняла, что молюсь. Непонятно кому, ведь Фернанда точно не могла меня услышать, да и не была она всемогущей, сколько бы серверов и мощностей ей не выделили. Но вдруг есть на свете какая-то сила, которая сможет оставить меня здесь?

— Завтра все будет зависеть от тебя, — сказал вдруг Валд, будто подслушав мои мысли. — Я буду рядом, буду держать тебя и молиться, но ты должна очень постараться, Ева.

Я вздохнула и уткнулась в его плечо. Слезы стекли по щекам и намочили синюю ткань. Валд отчего-то не ходил в белом, ограничиваясь белыми нашивками на рукавах. Может, решил, что так практичнее.

— Не плачь, — сказал он. — Пойдем-ка, я знаю, что тебя развеселит.

Он подал мне руку и помог встать, мы спустились по лестнице в комнату и пошли прочь, все ниже и ниже, пока не оказались на первом ярусе пирамиды. Мы повернули в коридор, и я зажала нос от волны животных запахов.

— Тебя тошнит? — прозорливо спросил Валд, прищурившись.

— Все нормально, — ответила я, убирая руку от лица и стараясь дышать не слишком глубоко.

Валд провел меня сквозь стадо спящих овец, и я увидела водяных коней, которые спали на краю террасы, свесив розовые хвосты в воду. Один поднял белую лобастую голову, тихо заржал, увидев Валда, и тот погладил длинную шею.

— Самый резвый конь во всей Колыбели, — с любовью произнес Валд. — Я зову его Вихрь.

— Хорошо, что не Диарея, — пробурчала я.

— Хочешь прокатиться?

И все мои печали вскоре исчезли.

Мы мчались вперед по лунной дорожке, рассекая волны. Валд сидел позади меня, обнимая и прижимая к себе, а конь так послушно выполнял его команды, точно они были одним целым. Я визжала и смеялась, когда Валд закладывал особенно крутой поворот, и послушно закрывала глаза, когда он предупреждал, что конь сейчас уйдет под воду. А потом мы выныривали, вылетая к звездному небу и поднимая фонтаны брызг, и это был сплошной восторг...

А утром я проснулась с гудящими мышцами и с ужасом поняла, что проспала едва не до обеда. Валд был рядом со мной, и его пальцы переплетались с моими.

— Я хочу себе коня, — сказала я.

— Хорошо, — кивнул Валд. — Завтра вода начнет отступать, и мы будем загонять карраша. После отлива он остается за рифами, словно в ловушке. Ты сможешь посмотреть на коней в деле и выбрать, какой больше понравится. Лучше кобылу. Они мельче, зато спокойнее.

Валд поцеловал меня, погладил шею, сжал грудь и нетерпеливо прижал своим телом к постели... А потом тишину разорвал резкий зычный гул трубы, и Валд вскочил и подбежал к окну.

— Алистер, — с ненавистью выпалил он.

Я поспешила к нему и увидела черные паруса кораблей, плывущих к обители, словно стая акул. Три, пять, десять... Это точно не мирный визит!

Обернувшись, я увидела Валда уже полностью одетым.

— Поспеши, Ева, — сказал он. — Нам нужно, чтобы Алистер увидел, что его дочь жива. И да поможет нам богиня!

Мы спустились на второй уровень пирамиды и вышли на террасу, обращенную к морю. Валд отдавал короткие распоряжения, но его, кажется, понимали с полуслова. Разворачивались военные машины, воины натягивали плотные чешуйчатые жилеты, проверяли оружие. На переднюю линию вышли лучники, и, обернувшись и посмотрев вверх, я увидела, что и третий уровень ощерился стрелами. Позади выстраивались воины с мечами. Мужчины хмурились, женщины тихо плакали, и вся обитель словно вибрировала от напряжения.

Растолкав лучников, я вышла вперед и, опершись на плечо какого-то воина, взобралась на край перил, чтобы меня было лучше видно. Валд тут же оказался позади и обхватил мои колени.

— Что ты творишь, женщина? — возмутился он. — Хочешь навернуться вниз и сломать себе шею?

— Хочу, чтобы меня было лучше видно, — сказала я. — Дай мне какой-нибудь флаг, я ему помашу.

В моих руках через мгновение оказался синий флаг с белой девяткой и, крепко обхватив древко обеими руками, я принялась им размахивать. Ветер трепал полотнище, руки Валда обнимали мои ноги, солнце светило так ярко, что от бликов на воде слепило глаза.

— Ну, что там? — спросила я, щурясь и приглядываясь.

Корабли скользили к обители, не сбавляя хода, и я уже могла различить лица людей, собравшихся на палубах. На корме первого корабля стоял Алистер. Взяв древко флага в одну руку, я помахала второй. Отец Эврики тоже взмахнул, и я выдохнула.

А потом воздух перед кораблями замерцал, словно сгустившись, и воины возле меня выругались и натянули луки, а Валд стащил меня со стены и задвинул за спину.

— Что это? Что? — не поняла я, вставая на цыпочки и выглядывая из-за его плеча.

— Алистер развернул щиты богини. Он будет нападать, — хмуро пояснил Валд.

Щиты богини? Похоже на силовое поле. Но если это оно и есть, то что против него смогут сделать машины, метающие дерьмо, пусть и горячее?

— Магнус — левый фланг, Ампер — правый, — отрывисто отдавал приказы Валд. — Баг, бери на себя третий уровень.

— Там почти не осталось припасов, Валд! — Баг выглядел растерянным, а на его плече, обтянутом желтой рубашкой, я заметила густое белое пятно от срыгнутого молока.

— Делай, что можешь, — сказал Валд. — Ева...

Он с сомнением посмотрел на меня, и я торопливо сказала:

— Я должна быть с тобой Валд, не прогоняй меня.

Быстро осмотревшись, он поднял тяжелый щит с девяткой и с силой опустил его, так что нижний край воткнулся в мягкий белый камень террасы. Потом прислонил щит верхним краем к стене пирамиды и, затолкав меня под него, приказал:

— Чтобы даже носа не высывала!

Я вцепилась в рукоятку щита с внутренней стороны, а потом он вдруг вздрогнул и задрожал, и я увидела кончик стрелы, пробивший щит насквозь. Вокруг поднялись крики, запахло дымом.

— Цельтесь ниже! Под край! — кричал Валд.

— Алистер, сволочь, где моя мать? — а это, кажется, Магнус.

— Огонь! Правый фланг! — снова голос Валда. — Тот корабль за пределом щита, все на него!

Свистели стрелы, падали камни, рядом со мной кто-то упал, и я с ужасом узнала того самого мальчика, который вез Эврику на свадьбу. Подхватив его под мышки, я затащила худенькое тельце под щит. Вихрастый чуб, такой же, как был у моего брата в детстве, сейчас взмок от пота и прилип ко лбу, лицо было бледным и испуганным, а из бедра торчала стрела.

— Все хорошо, — прошептал мальчик, его побледневшие губы разъехались в вымученной улыбке, а потом он потерял сознание.

Я оторвала длинную полосу ткани от юбки и обмотала ему бедро повыше раны. Руки мои дрожали. Еще одна стрела впиалась в щит, и я схватилась за ручку, чтобы удержать его и не придавить мальчика.

Осторожно выглянув, осмотрелась.

Раненых воинов уносили в обитель. Лучников у края террасы стало куда меньше. Валд выпускал одну стрелу за другой, целясь куда-то вправо, и левое плечо его было в крови, пропитавшей белую нашивку так, что она полностью стала красной. Я должна что-то придумать! Люди не должны умирать за клочок земли или за солнечную батарею! Я прижала руку к груди и не нашла ожерелья, подаренного Валдом. Забыла впопыхах.

У Алистера нет повода нападать на обитель. Его дочь жива. Как он собирается оправдать свои деяния перед людьми, перед богиней?

Выскользнув из-за щита, я подбежала к краю террасы. Корабль на правом фланге пылал, слева одно судно наполовину погрузилось в воду, и люди переплывали с него на соседнее. Но центральные корабли, развернувшиеся к обители боком, были невредимы. Воины в черном спокойно целились из луков, переговариваясь и посмеиваясь, как на увеселительной прогулке, а наши стрелы отскакивали от силового поля и скатывались вниз, словно капли дождя по зонту. Они просто расстреляют нас, убьют, как овец в загоне!

— Я жива! — выкрикнула я, найдя взглядом Алистера. — Отец! Ты не должен! Богиня не желает войны!

Стрела просвистела прямо возле моего уха, и Валд повалил меня на землю.

— Я что сказал? — выкрикнул он. Капля пота сорвалась с его лба и упала мне на щеку. — Иди прячься, Ева! Нет богини, никого нет. Есть только мы. Если бы она существовала, то не допустила бы такого!

— Валд, — прошептала я, осененная идеей. — Кажется, я знаю...

А потом вдруг почувствовала уже знакомую легкость, словно тело, привязывающее меня к земле,

стало таять. Я вцепилась в руки Валда и воскликнула:

— Я здесь!..

И не успела даже договорить... Меня окутала тьма, и я заскользила в ней, увлекаемая непреодолимой силой.

Меня кружило в темноте, которая вспыхнула мириадами звезд, точно как тогда, при посадке в тело Эврики. Я и сама была звездой, крохотной вспышкой в темноте, летящей в заданном направлении.

Но я должна была вернуться! Должна! Позади меня гибли люди, свистели стрелы и пылали огни, и я знала, как это остановить. И там был мой муж! Я не хочу жить в мире, пусть и куда более развитом и продвинутом, в котором нет его глаз!

Но меня тянуло словно нитку иголкой, и, как я ни рвалась назад, у меня ничего не получалось. Послышались знакомые голоса: капитана, рыжего ученого, они ругались и кричали.

— Девочку... Возвращай девочку... Влад погиб... Вернись...

Кажется, на какой-то короткий момент я даже ощутила прикосновение холодного лепестка установки и увидела, куда уходит нить, приведшая меня назад: на другом ее конце горела звезда, чуть более яркая, чем остальные. Словно маяк, зовущий меня во тьме.

При моем подселении в Эврику рыжий советовал вызвать воспоминание: что-нибудь плохое, потому что негативные эмоции, как правило, сильнее. Тогда я вспоминала, как погибли мои родные. Но сейчас мне нужны были воспоминания, связанные с телом Эврики.

И во всех них был Валд.

Наша свадьба, он идет через храм мне навстречу и укрывает церемониальным халатом, пряча от любопытных глаз. Наш первый поцелуй, когда земля будто уплыла из-под моих ног. Наша драка во время брачной ночи. Я разбила ему нос, а он спрятал труп священника и измазал меня водорослями, похожими на зеленые сопли, чтобы залечить синяки. Его эпичная лекция про секс. Моя неудавшаяся попытка соблазнения, когда он оставил меня, изнывающую от желания, и наша первая ночь в лесу — мы были словно одни во Вселенной, и тогда я тоже будто улетела к звездам.

Мое движение сквозь пространство и время словно замедлилось. Я зависла в необъятном космосе, как сгусток света в темноте... Звезда вдали пылала, звала, мигала, и я устремилась к ней всей душой. Воспоминания вспыхивали так ярко, что я будто проживала их заново...

Сражение с шиагами, и признание Валда в любви, и утренний секс, такой упоительно нежный, и его поцелуи, руки, глаза... Сытая усталость, когда я лежала в его объятиях, изнеможенная и наполненная любовью... И как мы, смеясь, удирали через кусты, застигнутые врасплох какой-то строгой женщиной. Наша ссора, и примирение, и муфля... И последняя ночь, когда он катал меня на водяном коне, и мы то погружались в воду, то взмывали вверх, и я, в объятиях Валда, не боялась ничего.

Поменяв направление, я летела к звездочке, отчаянно мигающей во мраке.

Я вспоминала Валда, еще и еще, и все образы, сменяющие друг друга, как в калейдоскопе, были наполнены теплом и любовью. Его улыбка, и шрам в уголке губ, и вечно отрастающая щетина. И дурацкая косичка на макушке — символ того, что я теперь единственные ножны для его меча. И такие сильные руки, и нежные губы, и весь он такой мой, любимый, желанный. Мой муж, мой варвар, услада моего сердца...

А потом звезда, зовущая меня, вспыхнула, и свет растянулся в узкую линию, и я поняла, что смотрю сквозь неплотно сомкнутые ресницы.

Я открыла глаза и увидела Валда, склонившегося надо мной. Он держал мои руки, сплетя свои пальцы с моими и сжимая их до боли.

— Я здесь, — прошептала я, глядя в невыносимо синие глаза и понимая, что люблю этого мужчину так сильно, как это только возможно. — Я сейчас...

Валд сгрел меня в объятия, прижал к себе, и я поняла, что он плачет.

— Ева, любимая моя... — Он покрыл мое лицо поцелуями, я обвила его шею руками, обнимая так крепко, насколько хватало сил, и тонкое натяжение, все еще связывающее меня с прежним миром, лопнуло. Ужас, что я никогда не увижу своего мужа, исчез, и я разрыдалась от облегчения.

Валд вытирал мои слезы, ловил их губами, смеялся и плакал со мной вместе.

Я вернулась. У нас получилось!

Звуки обрушились на меня лавиной, невыносимо громкие, раздражающие: плач, крики, лязг металла и грохот орудий. Надо мной пролетел пылающий шар — дерьмо кварга. Красное солнце резануло по глазам.

— Валд. — Я откашлялась. Мой голос был немного сиплым, ноги затекли. Неужели мне придется заново осваивать это тело? — Валд, я знаю, как остановить войну.

Над нами просвистела стрела, отскочила от белой стены, оставив в ней выщерблину, как в больном зубе.

— Иди внутрь, прячься, — сказал Валд. — У меня тоже есть идея. Я не позволю тебе погибнуть.

Он прикрыл меня щитом, и я совсем не по-геройски уползла в обитель. Звуки вдруг исчезли, и воцарилась абсолютная тишина. Прекрасно. Я снова оглохла.

Обернувшись, я увидела, как Валд что-то кричит воинам, а потом они все побежали куда-то в сторону, перемахнули ограждение террасы...

Поднявшись на ноги, я помчалась вверх по белой лестнице, не слыша ни собственных шагов, ни дыхания. Я отталкивала женщин, толпившихся на лестницах, огибала детей, перебралась через стадо овец, закупоривших коридор обители шерстяной пробкой. Ноги внезапно отказали, и я, охнув, рухнула на каменный пол. Поползла дальше, цепляясь пальцами за гладкие плиты. У дверей смогла подняться, цепляясь за ручку. Пошатываясь, вошла в нашу с Валдом спальню.

Муфля засвистела на меня со своей подстилки, и я осознала, что снова слышу. Крики и вопли донеслись снаружи. Что-то с силой ударило в стену обители, так что я почувствовала вибрацию пола.

— Валера, не до тебя сейчас, — сказала я муфле, с трудом переставляя ноги. Онемение постепенно проходило, но тело все еще ощущалось чужим.

На столике у кровати нашлось мое ожерелье с красным камешком-флешкой, которую я уже испробовала в деле, когда хотела записать Валду признание в любви. Емкости всего несколько секунд, но должно хватить.

К ногам вернулась прежняя чувствительность, пальцы колело, как будто они затекли. В этот раз подселение прошло куда быстрее. Теперь я навсегда Эврика. Мне надо будет подумать об этом. Я не вернусь в свое время, не увижу брата, друзей.

— Тебе придется со мной смириться, Валера, — сказала я муфле. — Я осталась!

Валера фыркнул, а я поспешила в сокровищницу.

Открыв дверь, быстро вставила флешку в голоплеер, потом взяла оранжевый шар и поставила его на пол. Нажав на металлические ободки, нашла сектор и видео и, перемотав на нужный момент, включила плеер в режим записи.

Должно получиться!

Потом, схватив плеер, я мчалась назад, перепрыгивая овец, отталкивая женщин, столпившихся на лестнице, бормоча извинения. Чем ближе, тем лучше — я спустилась до первого уровня и выбежала на террасу. Увиденное заставило меня на миг забыть обо всем.

Мужчины на водяных конях обходили корабли Алистера сзади. Всадники ныряли и появлялись вновь уже в других местах — быстрые, стремительные, непредсказуемые. Воины в черном стреляли из луков, кричали. Прямо передо мной вынырнул Валд, мокрый, полуголый и красивый, словно морское божество. Синие глаза его пылали яростью.

— Огня! — выкрикнул он, поймал брошенный ему факел и помчался к кораблю, сжимая бедрами белого коня с розовыми жабрами на шее — самого быстрого во всей Колыбели.

Несколько лучников повернулись к нему, но он швырнул факел в сторону и ушел под воду еще до того, как ее изрешетили стрелы. Факел поймал другой воин, перебросил его дальше, а потом Валд вынырнул у палубы крайнего правого корабля, поймал факел снова и зашвырнул его в маленькое оконце, из которого тут же повалил густой черный дым. Вскоре запылала палуба и на одном из центральных кораблей, огонь пополз по черному парусу. А я увидела Магнуса, взмывающего на коне из-под волны и натягивающего лук. Он выпустил стрелу, и воин в черном, пронзенный в грудь, безмолвно рухнул с палубы в море. Магнус, как какой-то ихтиандр, вновь ушел под воду, а вслед ему

полетел с пяток стрел.

Опомнившись, я включила голоплеер, крутанув на максимум и изображение, и громкость.

Я делала запись напротив светящейся стены сокровищницы, и теперь Фернанду будто окружало сияние. Она выросла до третьего этажа пирамиды, развела руки в стороны и сказала:

— Мир вам, дети мои.

Последние ее слова перед тем, как уничтожить саму себя. Я записала короткий эпизод из ее обращения к людям, и теперь богиня вновь появилась перед своим экипажем, через сотни лет.

Звуки стали тише, но сражение не прекратилось. Через призрачную фигуру Фернанды пролетел пылающий шар дерьма, рассыпался искрами о невидимые щиты, закрывающие корабль Алистера. Некоторые воины в пылу борьбы даже не заметили появления богини!

Я нажала на воспроизведение снова.

— Мир вам, дети мои.

Все тот же жест и улыбка. Ну, должно же пронять вас, варвары! Воины Алистера падали на колени прямо на палубы кораблей, на мачтах которых развевались черные флаги с белыми девятками. Кто-то плакал, кто-то молился вслух... Дрожащими пальцами я нажала на кнопку снова.

— Мир вам, дети мои.

Я заметила Алистера на корабле с горящим парусом. Отец Эврики стоял на коленях и осенял себя знаком девятки. Рука его тряслась, рот был приоткрыт, глаза расширены. То-то же! Еще разок, контрольный.

— Ми-ми-ми...

Запись заело, и Фернанда, зависнув на несколько секунд, погасла. Прикусив губу, я обвела взглядом поле, вернее, море битвы. Больше никто не сражался. Валд взмахнул рукой, и его воины подплыли к нему, выстроившись позади клином.

Воины в черном молчали, поглядывая на Алистера, все так же пялящегося туда, где только что была голопроекция Фернанды. Его колотило, как от холода, а лицо все так же выражало полное потрясение.

— Богиня не хочет, чтобы я занял ее обитель, — сказал он, и голос его прозвучал неожиданно жалобно. — Я не достоин...

Алистер вдруг взвыл, опустил голову, закрыв лицо руками. Он что, плачет?! Два воина в черном подбежали к нему и хотели поднять своего капитана, но он с силой оттолкнул обоих, встал сам, тряхнул головой, отбрасывая косички.

— Мне сказали, что мою дочь убили, — зычно произнес он. Голос его разнесся далеко над волнами. — Я приплыл отомстить. Но теперь вижу, что она жива.

Можно подумать, когда я скакала по перилам, размахивая флагом, он меня не видел!

— Это была ошибка, — продолжил Алистер. — Богиня хочет мира, а мы — лишь слуги ее. Мы уходим.

Я стояла, прижимая к себе плеер, пока воины в черном перебирались на уцелевшие корабли, тушили огонь, разворачивались. Валд и его воины не спешили возвращаться в обитель, следя за врагами и покачиваясь на волнах. Кони фыркали, ржали, настороженные и готовые сорваться в бой по велению всадников. И лишь когда корабли с черными парусами, набрав скорость, устремились к горизонту, Валд подтянулся на руках, залезая на террасу, и подошел ко мне. Белый конь неуклюже выбрался следом. Жабры раздувались, а розовый хвост, свешивающийся в воду, нервно подергивался, взбивая пену.

Валд обнял меня, и я с облегчением выдохнула, закрыла глаза, положив голову на твердую грудь. Он был мокрый, и мое платье теперь тоже. Ойкнув, я отстранилась — не хватало плеер замочить. Он нам может еще понадобиться.

— Это ведь твоих рук дело? — спросил Валд. — Что за «ми-ми-ми» было в конце?

— Технические неполадки, — ответила я, подняв голову и посмотрев ему в глаза. Я улыбалась и в то же время чувствовала, что по моим щекам текут слезы. — Валд, ты удержал меня!

Он склонился ко мне и поцеловал, и вкус его губ, соленых от морской воды, был таким правильным... Но меня терзала странная неуверенность. Все же это не мой мир, найдется ли здесь для меня место? Я ахнула, заметив кровь, стекающую из свежего пореза на плече Валда.

— Ты ранен! Тебе надо к алтарю!

— Ерунда, — улыбнулся он. — Но ты права, я хочу потом сходить в храм. Вдвоем с тобой. — Он погладил меня по спине, улыбаясь, но глаза его сделались серьезными. — Давай поженимся снова, Ева. Маленькая церемония. Только ты и я. Хочу, чтобы в храме прозвучало твое настоящее имя.

Я только кивнула и поцеловала его снова. Я любила его и однажды уже поклялась ему в вечной верности. Но если для моего варвара это важно — сделаю это еще раз.

Люди вокруг нас ликовали и праздновали победу. Но слышались и стоны раненых, и плач...

— Так, — опомнилась я. Заметив Инфиниту в дверном проеме, поспешила к ней. — Помогите доставить раненых к алтарю богини. На втором уровне за большим щитом мальчик лет тринадцати. Он без сознания, у него стрела в бедре.

Этот мир не чужой мне больше. И я не чужая ему. Я смогу сделать его лучше, привнести что-то свое.

Обернувшись, я поймала одобрителный взгляд мужа, улыбнулась и пошла в обитель. Когда-то шиаги разрушили мой дом, но теперь я обрела новый. Пусть он совсем не похож на тот, что был у меня прежде, но главное, что в нем живут люди, которых я люблю.

ЭПИЛОГ

— Она умерла? — Капитан яростно тряхнул рыжего ученого за плечи. — Ты говорил, что обратный процесс не дает сбоев! Девочка должна была вернуться!

— Внешний вызов, — сообщила Фернанда, мерцающая у иллюминатора.

— А Влад Увейро со своим заоблачным коэффициентом бога даже не смог подселиться в какого-то варвара? — Капитан кричал и сам понимал, что почти впадает в истерику, но ему хотелось выплеснуть на кого-то свой гнев. Мало того, что планета достанется шиагам, как и дополнительные голоса в Совете, так еще и ни в чем не повинная «мышка» погибла ни за что. — Ты допустил ошибку! Ты убил их обоих!

— Она не умерла! — выкрикнул рыжий. — Она осталась там! Я не знаю, как это произошло, это впервые...

— Вас вызывают, — повторила Фернанда громче.

Он выпустил рыжего, который безвольно болтался в его ручищах, и тот упал на колени около бездыханного тела Влада Увейро. Установка больше не гудела, а над лепестками, на которых лежали оболочки людей, еще тридцать секунд назад чувствовавших, мечтающих, живых, горели красные индикаторы.

— Я добьюсь того, что тебя уволят, — пригрозил капитан. — Будешь мензурки в лабораториях мыть, в лучшем случае.

— Капитан, вас вызывают с Колыбели! — Голос Фернанды ударил по барабанным перепонкам.

— Что? — переспросил он. — Как такое возможно?

— Не с той, — Фернанда улыбнулась, — а с этой. Включаю прямую связь.

Голос, зазвеневший в лаборатории, оказался женским, он звучал взволнованно и срывался на высокие ноты.

— Вы вошли в космическое пространство Колыбели. Представьте и объявите намерения. Прием. Прием. Вы вошли в космическое пространство Колыбели...

— Ничего не понимаю, — пробормотал капитан.

— Ой! — взвизгнула девушка на обратной связи. — Мне ответили! Вы слышали?! Там кто-то живой! То есть... — Она откашлялась и произнесла: — Это Колыбель. Приветствуем вас. Кто вы и зачем прибыли?

Капитан ошарашенно пялился на Фернанду, а та поманила его рукой. На деревянных ногах он подошел ближе и посмотрел в иллюминатор. Там все так же висела найденная планета, но теперь бублик ее континента светился густыми огнями городов.

— Я капитан звездолета «Арго», — ровно сказал капитан. — Мы прибыли с миром. Просим разрешения на посадку.

Белая пятиярусная пирамида на берегу внутреннего моря издали казалась новостроем, но вблизи стало ясно, что здание очень старое: потрескавшиеся стены, следы реставрации. Выбитую на его боку девятку капитан сам бы и не заметил.

— Музей является одним из древнейших памятников архитектуры, — обернувшись с водительского сиденья, заявил синеглазый экскурсовод, на бейдже которого значилось «Аргус». — Построен по образцу Ковчега номер девять. Сам Ковчег, к сожалению, практически не сохранился, хотя в музее и есть некоторые экспонаты...

Капитан вежливо улыбнулся. За эту неделю, заполненную встречами, визитами, совещаниями и подписаниями важнейших бумаг, он похудел на пять килограммов, и его поездка в музей — замок, куда триста лет назад отправили попаданцев, — выглядела попыткой бегства.

Планета, обнаруженная «Арго», оказалась истинной Колыбелью человечества, чей возраст сразу увеличился на несколько миллионов лет. Если это подтвердится, то можно будет претендовать на признание людей первородной расой, что даст статус неприкосновенности. Новости уже распространились по Космосоюзу, и теперь сюда летели корабли со всех концов Вселенной.

Корабль шиагов достиг орбиты Колыбели через день после «Арго», однако, по совету капитана, им не дали разрешения на посадку.

А ведь еще несколько дней назад континент этой планеты кишел пауками! Сейчас экипаж «Арго» якобы на карантине, надо будет от моделировать воспоминания участников экспедиции, чтобы эта информация не просочилась никуда и никогда.

Капитан вышел из машины, припаркованной Аргусом на стоянке у пирамиды. Цивилизация Колыбели оказалась вполне развитой: электричество, машины, связь. Хорошо хоть в космос люди не успели выйти, иначе мог произойти временной коллапс. Капитан посмотрел в сторону моря. Там розовела полоска пляжа и дети играли в волейбол. Стащить бы белую форму, скинуть блестящие ботинки, пробежаться по песку босиком и нырнуть в прохладную воду, смыв пот с взопревшей лысины...

Но у него была своя миссия. Капитан снял фуражку и вытер пот платком.

— Здесь скоро будут археологи, историки и другие специалисты, — сказал он, — я же хочу обычную экскурсию. Прошу вас не слишком углубляться. Меня интересует отрезок истории этих земель, скажем, лет триста назад.

Аргус посмотрел на него с любопытством, шагая по белым ступеням лестницы.

— Вам уже успели рассказать, что именно этот период стал переломным для цивилизации, — понятно кивнул экскурсовод.

Его светлые волосы упали на лицо, и он тряхнул головой, отбрасывая мешающие пряди. Красивый. Да и в целом люди на Колыбели выделялись приятной внешностью и разнообразием фенотипов, отличаясь слегка удлинёнными конечностями из-за низкой гравитации. А у процентов пяти были жабры. Практичная мутация — подарок далеких предков, не пожелавших покидать Колыбель даже перед катастрофой.

— Представьте, что я не знаю ничего, — сказал капитан. — Но хочу знать все.

— Тогда наша экскурсия затянется, — белозубо улыбнулся мужчина, открывая перед капитаном широкие резные двери. — Триста лет назад в этом самом храме началось правление Валидола Голого. Традиционно периоды расцвета называют золотыми веками, но этот правильнее было бы назвать веком олимпиума, потому что такого взлета больше не было и, боюсь, не будет.

— Голый Валидол? — недоуменно переспросил капитан, и брови его поползли вверх.

— Историки полагают, что он получил это прозвище за равнодушие к роскоши, — продолжил Аргус, неспешно ведя капитана по залу, стены которого были увешаны картинами, а под стеклом стендов лежали предметы обихода того времени. — Он не отделял себя от простого народа и вел скромный образ жизни. Однако отличался острым умом, силой воли, твердостью характера...

— Высоким коэффициентом бога, — пробормотал капитан.

— Что? — переспросил экскурсовод.

— Прошу прощения, продолжайте.

— Так вот. Прорыв в науке в то время был колоссальным. В правящий совет впервые были введены люди не из высшего сословия. Посмотрите. — Аргус указал на картину, где был изображен высокий рыжий мужчина с непропорционально длинными руками и усами, вытягивающимися вниз до линии подбородка. — Вот один из членов совета, великий ученый, чей ум по яркости сравнивают с солнцем. Баг Солнцеподобный. Возможно, впрочем, что так его называли из-за яркого цвета волос или желтых рубашек...

— Ученый? Похож на баскетболиста.

— Он сделал множество открытий и, что особенно важно, находил, как применить их на практике. Это необычно, но целый ряд его исследований был направлен на упрощение работ, которые в то время считались традиционно женскими: стирка, уборка, приготовление пищи, уход за детьми... Возможно, он делал это ради жены, которую очень любил.

На следующей картине Баг сидел на софе рядом с кудрявой блондинкой, на руках которой важно хмурился толстый рыжий бутуз, а вокруг них капитан насчитал восемь рыжих девочек.

— А этот, девятый, пацан? — спросил капитан, ткнув в младенца.

— Верно. Единственный сын Бага Солнцеподобного, Баг-младший, — кивнул экскурсовод, и капитан весело хмыкнул. — За время правления Валидола Голого общество полностью перестроилось,

отойдя от жесткого патриархата к равенству полов. Были созданы школы, где обучались мальчики и девочки. Разработаны своды законов, где в том числе закреплена моногамия и равные права. Создан единый торговый союз. Получило поддержку искусство. Организованы спортивные соревнования между обитателями...

— Похоже, этот Валидол был удивительным человеком.

— Так и есть, — согласился Аргус. — Но куда большей загадкой является личность его жены Эврики. Некоторые историки полагают, что большинство нововведений было совершено благодаря ей. Эта женщина будто пришла из будущего.

Капитан вздрогнул и посмотрел внимательнее на стройную брюнетку в синем платье, глядящую на него с другой картины. Коса была перекинута через ее плечо, но несколько прядок выбилось над ушами, и выглядела женщина так, словно куда-то спешила и вовсе не хотела позировать художнику. Глаза ее улыбались, хоть она и пыталась выглядеть серьезной. Над правым уголком губ темнела родинка. Или это дефект картины?

— Она родила четверых детей, старший сын стал капитаном после отца. Причем власть Валидол Голый передал задолго до своей кончины, что тоже несвойственно тому времени.

Капитан не мог оторвать взгляд от женщины на картине.

— Она была счастлива, как считаете? — спросил он вдруг.

— Полагаю, что так, — ответил экскурсовод. — Муж любил ее и прислушивался к ее мнению. У нее были здоровые красивые дети. Она жила полной жизнью, принимая самое активное участие в развитии обители. Ее называли Эврика Единственная. Возможно, потому, что она была единственной для своего мужа. А может, потому, что она была одна в своем роде. Представляете, она ввела моду на штаны! Проводила соревнования по пляжному волейболу для женщин! Она бегала по утрам! И с Багом Солнцеподобным ее связывала очень тесная дружба. Некоторые даже полагают, что своими открытиями Баг был обязан Эврике.

Капитан улыбнулся.

— Значит, Эврика... Расскажите мне о ней.

Экскурсия затянулась на несколько часов: они обошли всю пирамиду и даже выбрались на крышу, где сияла действующая солнечная батарея, но в итоге Аргус взмолился о пощаде и привел капитана в тенистый внутренний дворик, куда им принесли холодный чай и легкие закуски. Девушка, расставляющая угощения на низком столике, кокетливо улыбнулась капитану, и он невольно проводил ее взглядом. Темные волосы официантки были закручены в высокую башню на голове, открывая длинную белую шею с тремя полосками жабр.

— Есть кое-что еще, — сказал Аргус, и капитан повернулся к нему. — Это, скорее, забавно, чем познавательно, но я вам все же расскажу. Я взял это из архивов, когда узнал, для какого гостя буду проводить экскурсию.

Капитан сделал глоток из стакана, покатав жидкость во рту. Истинная Колыбель была изумительной. Здесь пахло морем и цветами, люди были здоровыми и красивыми, а еда — вкусной. Он вдруг понял, что думает о возвращении на «Арго» с долей сожаления.

— Письмо Эврики, — продолжил мужчина и вынул из внутреннего кармана пиджака плотный конверт.

— Капитану звездного корабля, — прочел капитан и выпил стакан до дна залпом.

— В те времена люди считали, что после смерти души отправляются в небо — в экипаж богини, — пояснил Аргус.

— Значит, это письмо богине? — уточнил капитан.

— Вроде как, — пожал плечами экскурсовод. — Но зачем письма той, кому можно помолиться?

— И что там, внутри? — нетерпеливо спросил капитан.

Аргус, будто специально, чтобы подразнить его, взял со столика шпажку с нанизанными на нее виноградинами и кусочками сыра, полюбовался ею, прищурив синие глаза.

— Всего несколько строк, — ответил он. — Согласитесь, это забавно: ведь это письмо может предназначаться вам.

Он улыбнулся, и капитана охватило раздражение. До чего противный малый! На рожу смазливый,

конечно, но характер скверный.

— Так, может, отдадите его мне? — поинтересовался он, пытаясь говорить спокойнее.

— Я, конечно, прочел его, — сказал Аргус, смакуя виноградину. — В завещании, составленном перед смертью, Эврика просила не вскрывать письмо двести тридцать лет, они как раз прошли, а тут и вы подросли... Вот скажите, откуда такая точность?

— Она прожила лет девяносто, — подсчитал капитан.

— Верно. На неделю пережила своего мужа. Будто не захотела оставаться здесь без него. Удивительная любовь. Хотя их брак был заключен по договоренности. Она была дочерью капитана Алистера, который отличался враждебностью и имел захватнические планы, впрочем, им не суждено было сбыться. Он был многоженцем и наплодил целую свору детей, которые раздробили его земли после того, как их отец ушел в монастырь. После земли были вновь объединены под началом Магнуса Хитрого, который, как полагают, приложил руку к падению Алистера. Еще одна выдающаяся личность того времени. Путешественник, великий воин и брат Валидола Голого. Они были союзниками, и Магнус Хитрый, однажды принеся ему клятву верности, никогда ее не нарушал, хоть и отличался изворотливостью ума и не самыми высокими моральными качествами. Он мой дальний предок, — произнес Аргус слегка хвастливо. — Если захотите, я могу организовать экскурсию по его замку, отобранному у Алистера. Предположительно Магнус Хитрый мстил Алистеру за смерть своей матери, хотя так и не было доказано, отчего и когда та умерла, — просто однажды исчезла.

— Вы отдадите мне письмо Эврики? — угрюмо напомнил капитан.

— А вы полагаете, что оно адресовано вам? — лучезарно улыбнулся Аргус, обмахиваясь конвертом, но все же протянул его капитану.

Тот аккуратно вынул лист бумаги, покрытый защитным раствором, развернул.

— Всего несколько слов, а мурашки по коже, да? — прошептал Аргус, склонившись к нему, и капитан досадливо дернул плечом.

«Я выполнила миссию. Позаботьтесь о моем брате. Ева»

Руки капитана задрожали. Он смотрел на ровный почерк — без каких-либо завитушек и украшательств, на простые слова, подпись...

— Ева, — произнес Аргус. — Так называл ее муж. «Я выполнила миссию», — возможно, она имела в виду, что сделала все, что должна была, в этой жизни. «Позаботьтесь о моем брате», — у Эврики их было несколько десятков. Похоже, один из них был ей особенно дорог, хотя история этого не сохранила. Если это письмо богине, то в целом все понятно. Но если это письмо другому капитану...

Капитан аккуратно положил лист назад в конверт и вернул письмо экскурсоводу. Аргус смотрел на него с жадным любопытством, но капитан молчал, поджав губы.

— Есть еще картины с Эврикой? — спросил он через минуту.

— Да, семейный портрет, — ответил экскурсовод. — Пойдемте.

На этой картине Эврика сидела на коротком диване вместе с мужем. Все еще красивая, стройная, с прямой спиной, словно готовая вскочить и побежать по делам. Они держались за руки — Эврика и Валидол, — их пальцы были тесно сплетены, на щеках женщины играл румянец, а глаза светились радостью.

Капитан невольно сглотнул, чувствуя, что вот-вот начнет шмыгать носом, как какая-то романтическая барышня. Возможно, не было никакой ошибки рыжего ученого и не стоит отправлять того под трибунал безвинно? Женщина выглядела счастливой, любимой и любящей, словно именно там, рядом с сильным широкоплечим мужчиной, и было ее настоящее место. Что, если Ева сама захотела остаться здесь, на истинной Колыбели, вместе с тем, кого полюбила, и даже «Игла» не смогла ей в этом помешать?

Два высоких синеглазых сына стояли по обе стороны от родителей, две маленькие дочки-погодки сидели у ног, играя со странным животным, похожим на болонку, которой приделали утиный клюв.

Ева изменила будущее целой планеты и всего человечества. И, конечно, он позаботится о ее брате. Фернанда уже предоставила полное его досье. Капитан прижал к груди кулак, глядя в карие глаза женщины и мысленно клянясь.

Аргус демонстративно вздыхал, поглядывая на часы, пытаясь намекнуть, что они слишком

задержались у этой картины, и в итоге сказал:

— Давайте вернемся сюда позже, если хотите. Начинается праздник Белого гуся. Триста лет назад богиня прислала птицу, которая помогла жене Бага Солнцеподобного разрешиться от бремени и родить старших двойняшек.

— Это как? — удивился капитан, оторвавшись наконец от портрета и повернувшись к Аргусу.

— А кто его знает, — ответил экскурсовод, увлекая его за собой на улицу, откуда доносились шум, музыка и детский смех. — Некоторым загадкам истории суждено остаться неразгаданными.